

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез.
Книга первая. Озарение Нострадамуса.
Вразброд с безумной головой,
Забитой ложью всяких "измов"
Ведомый только эгоизмом,
Шагает в пропасть род людской.
Нострадамус.
Центурии, XII, 21
Пролог

Как всегда, мы сели с моим старинным другом и собратом по перу за шахматную доску, вот уже полвека продолжая нескончаемый матч.

Партии наши были поводом для жарких бесед. Мы расходились во мнениях более чем часто. Он написал прекрасные книги о корифеях науки, но разочаровался во многом и ныне долгом православного человека считал ниспровержение материализма. Меня, с моей научной скрупулезностью в фантастике, он попросту считал еще незрячим котенком.

– Не понимаю вас, – начал он с упрека. – Как можно возвращаться к уже написанному и изданному? Вы уже толковали о параллельных мирах. И хватит этого абсурда.

– На этот раз я получил заветный ключ.

– От сейфа? Хотите под маской в банк наведаться?

– Ключ к разгадке прорицаний Нострадамуса, без чего я не мог писать повесть о нем.

– А зачем?

Мой друг обладал редким даром любопытства, присущего разве что детям. Оно служило ему эликсиром молодости.

– Ключ я получил от девушки, когда она явилась ко мне.

– Дева явилась? С небес?

– Нет, из сопредельного мира, не осязаемого нами, но существующего рядом в ином измерении, где она побывала.

– И сразу к вам? При вашей с ней разности в годах вы вызываете мое восхищение и возвышаетесь в моих глазах, – подшучивал он, разыгрывая дебют партии. – И вы наивно поверили в ее путешествие, увидев камешки с берегов четвертого измерения?

– Не камешки, а глыбы нашей истории, события которой высвечены информационными лучами, проникающими через слои Времени в будущее и в прошлое.

– Это из какого же будущего можно заглянуть к нам, как в окошко?

– Из сопредельного мира, который переживает сейчас наши грядущие дни.

– Ну, знаете ли!.. Вам мало информационных лучей, вы еще и какими-то слоями Времени голову морочите!

– Это и есть ключ к пониманию пророчеств, без привлечения сверхъестественного.

– Да понимаете ли вы, что ваши сумасбродные допущения – лучшее доказательство того, что никаких параллельных-сопредельных миров нет и быть не может никогда. Это по Чехову. На этот раз – в самый раз.

– Вы стали человеком православным?

– Всегда был!

- Следовательно, в ад и рай верите?
- Бесспорно.
- Так разве это не параллельные миры, куда мы с вами отправимся в конце концов, перейдя в их измерения?
- Вы меня еще и спиритизмом чего доброго огорошите?
- Телепатией, которой вы пользуетесь.
- Я? Да вы с ума сошли!
- Нисколько. Молясь в храме или перед иконой дома, вы обращаетесь без всяких средств связи к Всевышнему, который на неведомом расстоянии услышит вас.
- Лучше делайте ход на шахматной доске, чем богохульствовать со своими информационными лучами. Что же это за лучи такие?
- Обращенные в прошлое – мы считаем ПАМЯТЬЮ. Лучом же, направленным в будущее, обладал Нострадамус, помня, что ПРОИЗОЙДЕТ через сотни лет.
- Ах, снова модный Нострадамус! Потомок изгнанников из Земли Обетованной, но ревностный католик в третьем поколении выкрестов. К сожалению, не наш с вами современник. Мы дали бы ему рекомендации в Союз писателей, как фантасту Богородицкому (так звучало бы его имя по-нашему!).
- Считайте, что мы опоздали почти на пятьсот лет. Да и Союз наш распался не на глыбы, а на камешки.
- А что это за глыбы, принести которые из невидимого далека оказалось под силу хрупкой девушке?
- Видение нашей истории из этого далека, представленное попавшими ко мне новеллами историка неомира Наза Веца, о событиях, предсказанных у нас Нострадамусом.
- В былое время вас вместе с «далеким историком» возвели бы на костер. И поделом!..
- Трогательная солидарность с инквизицией. Вам шах.
- Вам ничего не остается, как отыгрываться на шахматной доске, не имея других аргументов.
- Ну, конечно! Потому Декарт и был гоним всеми церквями, что осмелился добывать аргументы в пользу существования Бога алгебраически!
- Библию математикой не заменить!
- А в ней как раз и есть один из нужных аргументов. В Ветхом Завете говорится, что «Сыны Неба сходили на Землю (очевидно, из иного мира!). Увидели, что земные женщины красивы, и брали их себе в жены, а те рожали им детей. С того и пошло племя гигантов».
- Гигантов духа, имеется в виду.
- Но происходили-то они от пришельцев из параллельного мира, от «Сынов Неба», во всем нам подобных, оставивших даже свое потомство.
- Если вспоминать Библию, то прежде всего ее Апокалипсис, его ужасы повторяются в катренах Нострадамуса, смотревшего не только в будущее, но и в древность, когда создавалась КНИГА КНИГ, – напомнил мой друг.
- Апокалипсис часто истолковывается людьми применительно к своему времени. Так, имя Наполеона Бонапарта или количество дней псевдодружеского пакта Гитлера со Сталиным дают все то же дьявольское число 666!

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org заставив меня сложить оружие. Но фигуры были расставлены вновь.

– Ваш ход, – объявил мой партнер. – И выкладывайте все, что можете сказать в защиту такого абсурда, как существование нашего будущего рядом с нами. Что-то вроде маразма, извините меня.

– Это очень просто понять. Представьте себе, для наглядности, три стеклянных шахматных доски на трех уровнях друг над другом. Наша – посередине, а под нами и над нами такие же доски. Горизонтальные ряды внизу идут с первого до восьмого. У нас с вами с девятого до шестнадцатого...

– А вверху, на третьем этаже, с семнадцатого до двадцать четвертого! – перебил в обычной своей манере мой нетерпеливый друг.

И каждый такой ряд подобен слою Времени в надпространственном измерении. И как в годичном слое растущего дерева отражаются радиоактивность, химический состав и другие особенности почвы в каждом году, так и в слое Времени запечатлеваются, фиксируются действия первопроходчиков из неомира, идущего хронологически впереди нас. И события эти еще раз непременно произойдут, когда другой мир (наш с вами!) будет проходить через эти слои Времени, повторяя историю неомира, а спустя длительное время снова произойдет то же самое, но уже с теми гомо сапиенс, которые появятся в результате эволюции теперешних пращуров в прамире.

– Чего доброго, вспомните о Пифагоре, который считал, что все в жизни повторяется, а потом расскажете про снежных людей, бигфутов и йети, заглядывающих к нам из вашего прамира?

– Ваше умение излагать мысли оппонента восхищает!

– Ладно, ладно! По-вашему, мы с вами уже играли эту партию. Жаль, позабыл, как вы ответили мне вот на такой ход! Согласитесь, что переигрывать одно и то же в третий раз даже через сотню тысяч лет все-таки скучно! Вы облегчили мне спор и, кажется, сдаетесь, что придется повторить и на шахматной доске.

– Ну, это мы еще посмотрим, – как говорил Алехин совсем по другому поводу.

– К сказанному вами можно добавить еще исследовательские зонды более развитой, чем наша, цивилизации, как бесспорных свидетелей существования сопредельного неомира.

– «Летающие тарелки»?

– Вот именно. И пришельцев оттуда, пытающихся вразумить нас.

– Избавь меня от друзей, а от врагов я сам избавлюсь!

– Они действительно дружелюбны.

– И помогли вашей девушке нанести вам визит?

– Который позволил мне решиться на повесть о прорицателе, поняв, как он видел будущее.

– И как же это ему удавалось?

– Мы с вами пешки, которые назад не ходят и переползают с одной клетки на другую. А фигуры, кстати вас атакующие, в состоянии и двигаться, и «смотреть» на большее число клеток и в горизонтальном, и в вертикальном ряду или по диагонали.

– При чем тут ферзи, ладьи, слоны?

– Стоя на нижней доске в крайнем ряду, они способны заглядывать через наши пешечьи головы на доски, расположенные над нами, в другой, сопредельный мир или в будущее, которое для вас выглядит печально. Не так ли? Вам мат в два хода.

– Ну, это вы просто заморочили мне голову своей чепухой.

– Не знаю, как вас, а меня заинтересовал сам образ человека, способного

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org видеть будущее, пусть и считающего, что это даровано ему свыше. Он интересен сам по себе.

- И вы решили познакомить меня с ним?
- Да, через повесть.
- Ну, ну!.. Посмотрим, как говорил...
- Алехин по другому поводу! – закончил я за него.
- Вот уж он таких просчетов не допустил бы...
- Каких просчетов?
- Как у вашего Нострадамуса, знакомого с математикой и чуть ли не с теорией вероятностей. А кое-что у него не сходится.
- Что вы имеете в виду?
- Хотя бы конец света, который он в послании к своему сыну Цезарю называет в 3797 году. Не так ли?
- Да, насколько я помню. Но вы-то откуда помните?
- Я многое помню. Например, скрупулезные вычисления вашего мудрого Нострадамуса библейских событий, начиная с сотворения мира в строгом соответствии с библейским сказанием – 4173 год, включая сюда такие события, как всемирный потоп, построение Ноем на 600-м году его жизни ковчега (почтенный был строитель!), вычислена даже дата сооружения храма царя Соломона. А вот 70 миллионов лет после гибели ящеров, живших и до этого немало миллионов лет, не учтены вашим Нострадамусом.
- Он не мог высказывать чего-либо, противоречащего Библии. Инквизиция и так с подозрением относилась к нему.
- Допустим. Вернемся к концу света в 3797 году. А где же ваш параллельный мир, который, несмотря на конец света, благополучно процветает вопреки и Нострадамусу, и предку его Иоанну Богослову с их пророчествами об Апокалипсисе?
- Что вы хотите этим сказать?
- То, что все персонажи катренов Нострадамуса с их ужасами – всего лишь персонажи былых, возродившихся ныне сказок.
- Сказок, говорите? А помните картину о сказочном богатыре, который стоял на распутье трех дорог? «Направо пойдешь – погибель найдешь. Налево пойдешь – коня потеряешь. Прямо пойдешь – сам пропадешь». Вот человечество, по Нострадамусу, и уподобится этому богатырю. И надписи на этих камнях для людей тем же Иоанном Богословом или Нострадамусом выбиты.
- Так куда же пойти вашему богатырю, если все дороги ведут к беде. Как попасть в неомир?
- Богатырь, то бишь человечество, выберет не одну из трех гибельных дорог, а пойдет на своем могучем коне цивилизации по целине.
- И придет в цветущий рай неомира?
- Преодолев на грозном распутье, угаданном Нострадамусом, кризис своего развития, человечество найдет нехоженный путь, куда уже не проникали информационные лучи древних пророков, ни Иоанна Богослова, ни Нострадамуса. И Нострадамус писал, что конец света в указанный им срок вовсе не означает конца мира. Просто мир станет иным. Может быть, без тех пороков, безнравственности и агрессивности, которые так ярко разоблачены в его катренах. Вот вам и путь по целине, который изберет наш богатырь, минуя дороги бед на грозном распутье.
- Ваша апостольская вера в Нострадамуса ставит вас рядом с разоблачителями материализма. Вас можно посвящать в архиепископы... или в ересиархи, –

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
саркастически добавил он.

Я пошел проводить своего друга до метро «Университет». Он бурчал, что счет у нас обычный – «один на один», и внезапно сказал:

– Экземпляр первого 1555 года издания катренов Нострадамуса хранится в Российской Государственной библиотеке (бывшей Ленинке). Значит, был такой автор...

Мы шли по людной улице вдоль выстроившихся по-солдатски, уныло однообразных киосков, одетых заботой мэрии в униформу.

За прилавками, спиной к батарее бутылок с яркими наклейками, стояли, как в цехе за станками, бравые молодцы. Вечерами они заполняли рестораны и ночные улицы, а днем скучающе «производили» продукцию, именуемую «рыночной экономикой». Товары, как и киоски, были одинаковые, а цены малодоступные для ежащихся от наступающего на них капитализма покупателей. Мы шли молча.

Уже стоя в дверях вестибюля станции метро, он обернулся и крикнул:

– Вы пишите! Почитаю непременно!

Мне хотелось бы, чтобы мой друг прочитал не только об эпохе французских королей, Великой французской революции, Наполеоне, мировых войнах, Гитлере, Сталине – обо всем, что открывалось Нострадамусу и подтверждалось в неомире. А чтоб прочитал он и о нашем времени. Ведь о нем написал Нострадамус свое пророческое четверостишие:

Утопия эта написана Мором.
Столетья спустя принята за Днепром.
Но тяготы жизни проявятся скоро.
За молнии блеском прокатится гром.
Нострадамус. Центурии, III, 95, 1555 г.
Перевод Наза Веца

Но пока он прочтет повесть о Нострадамусе, предпосланную мной тому, что расскажет проницательный историк неомира.

Повесть о Нострадамусе

Он, Вещий, стоит за моею спиною.
Ни пифий треножник, ни ноги в воде,
Бог водит моею дрожащей рукою,
Поведать чтоб людям о ждущей беде.
Нострадамус. Центурии, I, 2
Перевод Наза Веца
Новелла первая. Пир во время чумы

Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие чумы!
А. С. Пушкин

В мире кровопролитных войн и самовластных королей, надменной владетельной знати и бесправных крестьян, обрабатывающих чужие поля; в мире благородных, вежливых и беспощадных рыцарей в тяжелых доспехах и прекрасных дам, слепящих своей красотой, дивными нарядами и блеском драгоценностей, с нежной улыбкой бросающих победителю турнира свой тонкий, как паутина, привораживающий и берущий в плен шарф; в мире горьких тружеников, поднимающих тяжелые слои земли, чтобы снабдить изысканными яствами веселые пиры в роскошных дворцах, сами живя в жалких лачугах, перебиваясь с хлеба на воду; в мире сытых духовных пастырей, пестующих покорную паству благостными проповедями и неустанными молениями, держа ее в страхе перед гневом Господним, а то и очищением душ огнем костров во искупление грехов, которые за изрядную мзду можно и отпустить от имени самого Бога, – в этом мире всеобщего неравенства внезапно все стали равны друг другу. Равны перед черной Смертью.

Она врывалась, одинаково непрощеная, и в хоромы богачей, и в замки феодалов, и в хижину бедняков, в стан безбожных разбойников или палатку прославленного полководца, не делая никакой разницы между высокородным старцем или сиротой-подкидышем, прелестной маркизой или портовой

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org потаскухой. Всех их в просмоленных гробах свезут на скрипучей телеге люди в пропитанных дегтем балахонах с закрывающим лицо, как у палачей, капюшоном с прорезями для глаз, чтобы сжечь за городской окраиной свою горькую поклажу, спасая от чумы еще оставшихся в живых.

Молодой статный красавец Габриэль де Лондж граф Монтгомери, капитан шотландских стрелков, охранявших, по примеру других европейских дворцов, загородный королевский замок в предместье Парижа Сен-Жермен-ан-Ле, куда, спасаясь от охватившей страну эпидемии, уединилась королевская семья со своими придворными, вышел из многоголосого шумного зала пиршеств в глухую, казалось, тишину каменной лестницы, спускаясь во двор, чтобы проверить часовых.

Ни одно живое существо, будь то человек, борзая или даже мышь, не должно было проникнуть сюда через накрепко запертые ворота и высокие стены, на которых расхаживали шотландские стрелки с огромными луками за плечами, все в кольчугах, шапочках с пером и одинаковых, как и у капитана, кожаных жестких юбочках, едва достающих колена, отличавших их от любых наемников или солдат королевской, герцогской или любой другой армии, вызывая у простаков насмешки, а у сведущих – уважение.

Капитан Монтгомери заметил возбуждение часовых в одной из башен на стене. Стрелки снимали из-за спины свои луки и даже посылали куда-то стрелы.

Монтгомери стремительно взбежал по каменной лестнице со двора на стену и увидел, что его лучники обстреливают слишком приблизившуюся к стенам замка мрачную похоронную процессию, где за телегой с наваленными на нее просмоленными гробами брели люди в темных, ниспадающих до земли одеждах, накрытые с головой капюшонами, а впереди шествовали факельщики, разгоняя всех встречных прохожих горящими среди белого дня факелами и угрожающе крича:

– Дорогу! Идет чума, сама чума!

Несколько пущенных со стен замка стрел отогнали жуткую процессию, как сама она отгоняла от себя прохожих. Телега со скрипом отъехала подальше от взаимно опасного соседства с не менее мрачным, чем сама она, замком.

Но от группы позади идущих отделилась фигура в черном и, не обращая внимание на предупредительные стрелы, направилась прямо к воротам замка.

Капитан Монтгомери мог поклясться, что видел, как несколько стрел настигли наглеца и должны были бы поразить его, но отскочили от его заколдованной одежды, как от стены.

Наглец или храбрец махал рукой и громко требовал именем королевы Екатерины, чтобы ему открыли ворота.

Несколько смущенный Габриэль решил спуститься со стены к воротам, чтобы самому переговорить со странным незнакомцем, или безумцем, или очень важной персоной.

Разговор состоялся через круглое смотровое окошечко в неприступных воротах.

– Именем королевы откройте! – повторял незнакомец и показывал удивленному капитану перстень, тотчас признанный им, как принадлежавший самой королеве Екатерине Медичи, коварно и ловко правившей Францией через своего доброго, бравого, но покорного ей короля Генриха II, отличавшегося высоким ростом (выше всех на голову), но отнюдь не высоким умом, но зато беспримерным рыцарством, отвагой и изумительным владением копьем и мечом в несметных турнирах, где он выступал непременно участником и становился победителем.

Перстень королевы значил не меньше приказа самого короля. Капитан шотландских стрелков обязан был повиноваться.

Ворота открылись, и человек с перстнем, накрытый черным, пропитанным дегтем балахоном, из прорезей капюшона которого смотрели его властные глаза, вошел в запретный двор охраняемого от всех замка.

Капитан Монтгомери был не менее храбр, чем сам Генрих II, но при виде вошедшего, которого осмелился впустить в нарушение королевского запрета,

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
почувствовал незнакомую ему дрожь в коленях.

– Важные известия для ее величества, – коротко сказал пришелец, потом приказал: – Делайте свое дело, капитан. – И направился к лестнице, ведущей к центральному залу, где шло пиршество.

Высокий сводчатый потолок огромного зала с узкими стрельчатыми окнами, казалось, готов был рухнуть от взрывов хохота и криков пирующих, заглушающих старания музыкантов на хорах.

Внезапно шум затих.

Король дал знак рукой, чтобы сидевший напротив него придворный поэт произнес застольные стихи.

Это был немолодой человек с плешивой уже головой (парики были введены лишь в следующем столетии, когда начал лысеть король Людовик XVI), искусный царедворец, ловко вплетавший в рифмованные строчки равно угодные и его и ее величествам слова. Сейчас задача поэта упросталась, ибо всем требовалось забыться, спрятаться в скорлупу опьянения, беспутства и наслаждения, лишь бы уйти от страха смерти, вырывающей свои жертвы отовсюду.

Поэт поднялся. Он был ниже среднего роста, по плечо королю, но разодет как юный щеголь – с пышным красным бантом на груди позолоченного камзола, в башмаках на высоких, по его заказу сделанных каблуках. Он читал свой экспромт напыщенно и вызывающе, что должно было понравиться пирующим. Его слушали.

я не боюсь тебя, чума!
Приди, явись сюда сама!
Ты не почувешь смрада черни.
Ты в лучшем замке, не в таверне.
Мы встретим здесь тебя учтиво.
Король собрал людей на диво!
Услышишь шутки, смех и радость.
Отведай яств, мы будем рады.
Искрится в кубках чудо-зелье –
Чуме – конец! А нам – веселье!
Войди, иди же к нам, чума,
И вместе с нами пей до дна!
Поэт смолк, ожидая шумного одобрения, и удивился наступившей тишине, полуобернувшись к входной двери и похолодел. На его зов пришла чума!

В дверях стояла вся в черном зловещая фигура с горящими в прорезях капюшона глазами.

Ужас объял бедного поэта, и он с перепугу нырнул под стол, ища там спасения.

Всего миг пробыл поэт под столом, но глазом опытного царедворца увидел «подстольный мир королевского двора». Это был примечательный мир. В другое время поэт сумел бы использовать увиденное, но, конечно, не теперь... И все же он запечатлел не только башмаки вельмож и ботфорты воинов, пожимавших туфельки прелестных дам, восседавших за столом, но, самое главное, он увидел руку короля на голом колене его соседки, которую подсадила к нему сама королева, обворожительной графини Дианы, предусмотрительно приподнявшей с полу подол своего платья, чтобы его величеству было удобнее. В этом, несомненно, надо было видеть восхождение новой звезды двора, фаворитки, сменяющей прежних метресс, которая будет теперь оказывать влияние на благодушного властителя.

Всего миг понадобился поэту, чтобы сделать это заключение. Затем раздался оглушительный дамский визг. Дамы, да и не только они, повскакали со своих мест. Должно быть, чума придвинулась к столу и – чего доброго – потянулась за кубком. Диана первая бросилась вон из зала, а за нею последовали и другие прелестницы.

Король тоже встал. Он был доблестным воином, не знал чувства страха и не боялся смерти. И егохватило, чтобы, стоя с глазу на глаз перед фигурой в черном, заглянуть под стол и насмешливо спросить поэта:

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Что вы там делаете, дружок? Приглашенная вами гостья ждет вас.

Побледневший поэт высунул из-под стола свою плешистую голову и пролепетал:

– Я ищу свой перстень, ваше величество. Закатился куда-то.

– Зато я вижу свой перстень на руке графа Спада, переданный ему на время выполнения моего поручения, – слышался голос королевы Екатерины Медичи.

Высокая, сухопарая, с некрасивым и властным лицом, она жестом подозвала к себе зловещий черный призрак. Тот склонился в почтительном поклоне:

– Ваш перстень, о моя королева, послужил мне пропуском сюда, чтобы предстать перед вами.

– Не могу сказать, что ваш внешний вид приятен, – поморщилась королева.

– Прошу извинить, ваше величество, и за это нелепое одеяние, и за дурной запах дегтя, исходящий от него. Я не мог подвергнуть опасности кого-либо в этом величественном замке, позволившем королевскому двору отодвинуть от себя опасность заражения. Но причина моего появления достаточно важна, как последует из моего доклада вам о вещах, весьма заслуживающих высочайшего внимания.

– Я для того и дала вам перстень, чтобы вы в любую минуту могли явиться ко мне, – сказала Екатерина Медичи и обратилась к королю: – Ваше величество, надеюсь, вы, оставшись здесь для продолжения прерванного пира, позвольте нам с графом Спада удалиться, я полагаю, для важных дел. Он всегда верно служил мне со времени нашего приезда из Флоренции.

– О, конечно, моя дорогая! – весело отозвался Генрих II. – Получилось даже забавно с этим маскарадом, так напугавшим дам и мужчин с дамскими сердцами.

Вылезший из-под стола поэт первым подхватил остроту короля и поднял тост:

– За здоровье короля-рыцаря и всех мужчин, у которых в груди, как у короля, бьются сердца львов, а не дамские сердечки!

Король усмехнулся и сел на свое место, покинутый и справа и слева сидевшими подле него дамами. Диана не вернулась, а Екатерина Медичи вышла с графом Спада.

Придворные смущенно возвращались в зал и усаживались за стол, сразу протягивая руки за вином, которое поможет обрести спокойствие и отвлечь гнев короля.

Дамы тоже начали возвращаться, отмахиваясь веерами от противного запаха дегтя, повисшего над пиршественным столом.

Выпили за дамские сердца и за их отсутствие в мужской груди, где должны биться комки железа, становившиеся у рыцарей сердцами только ради улыбок прекрасных дам.

Граф Джордже Спада покорно шел следом за горделивой королевой.

Он в нерешительности остановился на пороге ее покоев.

– Закройте за собой дверь и говорите, – приказала Екатерина.

– Выполняя ваше приказание, о моя королева, я побывал во многих местах вашего государства и часто, слишком часто встречался с мрачной госпожой, за которую меня приняли в пиршеском зале. Сколько горя и несчастий, страданий и смертей несет с собой эта, увы, неизлечимая болезнь, от которой не знали средств.

– Не знали?

– Я слишком поздно узнал, что некий доктор Мишель де Нострадамус, пребывав в самой гуще несчастных больных, не страшась за себя, неведомой силой ставил их на ноги, о чем прежде никто не слыхивал.

- Что значит слишком поздно?
- Я не успел привезти его к своей матери, чтобы спасти ее от смерти.
- Сожалею. Кто такой этот чудо-лекарь?
- Дело в том, ваше величество, – понизил голос граф Спада, – что он не только лекарь, но и прорицатель. И кто знает, с кем он общается.
- Колдун, что ли?
- Этот вопрос, боюсь, задают и в священных кругах. Во всяком случае, о нем идет слава благодетеля, спасающего от чумы.
- И как об оракуле?
- Его предсказания всегда сбываются. Люди убеждались в этом. И укрепившаяся за ним слава вещуна превосходит даже его собственную, как врачевателя.
- Любопытно. Такой человек может нам понадобиться, граф.
- Я тоже подумал об этом, моя госпожа, спеша к вам с этими вестями.
- И хорошо сделали. Готовьтесь к выполнению моих новых поручений. Их будет два.
- Готов жизнь отдать для выполнения ваших желаний.
- Не желаний, граф, а повелений.
- Если бы вы отправили меня в ад, я привел бы к вам за рога хоть самого Сатану.
- Надеюсь, ваш лекарь, или пророк, не хвостат и не из его слуг?
- Он истый католик, мадам! Я убежден в этом и готов разыскать и привезти его к вам.
- Непременно и незамедлительно. Но горе вам, если вы окажетесь в руках шарлатана, которого осмелились представить нам. У нас храбрые стражи под командой бравого капитана шотландских стрелков графа Монтгомери. Они не пропустят сюда хвостатых, разве что они прилетят, как птицы, по воздуху или вы приведете кого-либо из них за руку.
- Будьте покойны, ваше величество. Лекарь-католик и благословенный Богом прорицатель будет у вас.
- Надеюсь, ему не понадобится спасать от чумы ни ныне царствующих во Франции, ни будущих королей.
- Он принесет не только здоровье, но и предскажет славное царствование всему вашему дому, мадам!
- Я тоже надеюсь на это, граф. Мне важно знать будущее своих детей.
- Венценосные судьбы будут предсказаны всем им.
- Мы с королем позаботимся, чтобы сыновья наши еще при жизни Генриха II примерили себе кое-какие европейские короны, и в выборе подходящих стран подсказка вашего оракула была бы полезной.
- Зная вашу образованность и мудрость, ваше величество, я не сомневаюсь, что ваши беседы с доктором Мишелем де Нострадамом, тоже человеком весьма образованным, будут иметь важнейшие политические последствия.
- Вы, граф, несмотря на свое мерзкое одеяние, остались прежним льстивым царедворцем, какого я помню еще во Флоренции при дворе моего отца.
- Но с тех пор я служу только вашему величеству.
- Я ценю это, как и вашу сыновью преданность находиться, не страшась чумы,

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
у постели умирающей матери, пропитавшись губительным миазмами.

– Мой костюм с мерзким запахом дегтя надежно ограждает вас от заражения, – поклонился граф. Но его грациозный поклон отнюдь не выглядел так в его топорщившемся балахоне.

– Вот и прекрасно, – закончила аудиенцию Екатерина Медичи. – Разыщите врачующего пророка немедленно, но... – она задержалась на мгновение, потом четко приказала: – А сейчас снимите с себя эту свою гадко пахнущую хламиду и отправляйтесь в покои к графине Диане и принесите ей извинения за свое появление, так испугавшее ее.

Граф Спада пристально посмотрел на королеву, но встретил непроницаемый взгляд ее агатовых, навывкате глаз.

– Но зараза... – начал он и не осмелился продолжать, понимая всю невозможность слушания.

– Вас что-то смущает? – с напускной заботливостью осведомилась королева.

– Нет, то есть да... Видите ли, предвидя возможную неласковую встречу со стороны шотландских стрелков, я надел под балахон рыцарский панцирь.

– Так снимите его, вы же идете к даме! Надеюсь, ваш камзол достаточно наряден для королевского дворца?

– Он, уверяю вас, был бы достоин вашего взгляда. Мадам, но... он пропитан ядовитыми миазмами.

Екатерина поморщилась и властно сказала:

– Этикет, знайте, выше всего! Покажите себя рыцарем и принесите извинения графине Диане немедленно.

– Слушаюсь, – попятился граф Спада.

За себя, поскольку Мишель де Нострадамус сделал ему кровопускание и ввел какую-то сыворотку, граф не боялся, но Диана!..

Он начал понимать, что графиня слишком прекрасна, чтобы быть рядом с Екатериной Медичи по другую руку короля Генриха II, известного своим вниманием к дамам.

Граф Спада направился вслед за лакеем в отведенные ему покои, чтобы разоблачиться.

Невольню в его памяти встал элегантный напыщенный старик, который вечерами надевал былую парадную форму первого вельможи флорентийского двора при отце Екатерины Медичи, фамилии, прославленной ее дедом Лоренцо Великолепным. Его внучку старик знал еще девочкой. Уже отстраненный от дел, что не помещало ему заняться наставлением для владык, мечтая воссоединить всю Италию в одно могучее государство, он читал по вечерам желаящим отрывки из сочиняемой им книги «Государь». Джордже запомнил основную мысль этого поучения, как сосредоточить и держать в своих руках власть – «беспринципную принципиальность», когда цель оправдывает средства и все средства хороши и выше запретов морали. Эту политику и рекомендовал своим венценосным читателям старичок Макиавелли как способ стать государем сильной руки.

Уже приехав со свитой Екатерины во Францию, где она стала королевой, выйдя замуж за Генриха II, граф Спада видел на ее столике книжку «Государь» Макиавелли.

Екатерина Медичи полагала важными для воспитания венценосных детей советы автора этой книги, каковую надлежало усвоить будущим королям. Недаром один из них, став Карлом IX, не только допустил по совету матери ужасную Варфоломеевскую ночь, когда истреблены были двадцать тысяч гугенотов, в том числе в одном Париже две тысячи, в частности, тех, кто только что вернулся после ужина с королем. А король, пристроившись с длинноствольным мушкетом у окна дворца, самолично стрелял в спасавшихся, прыгавших из окон гугенотов, своих недавних гостей. А потом, рыдая, жаловался невозмутимой матери, что его преступно подбили на это злое дело.

Всего этого не мог знать граф Спада, как и того, что это кровавое преступление потускнеет в будущие века по сравнению с истреблениями людей, неизмеримо большими...

Но то, что он по приказу королевы должен идти и заразить чумой прекрасную графиню Диану, итальянец знал и уклониться от этого не мог.

Сбросив свое вонючее одеяние и панцирь, оправляя перед зеркалом свой костюм, он по приказу той же Екатерины надушился переданными ему духами, которые якобы любит графиня Диана, заглушая, по словам королевы, их ароматом скверный запах своего всегда потного тела. Да, Екатерина Медичи была страшнее чумы!..

К счастью для отважного графа, прошедшего каменным коридором до покоев графини, Диана не приняла его.

Новелла вторая. Разбойники

Одни в роскошных мантиях жрецов
людские души грабят,
другие же в лесах в отрепьях рваных
отнимут только кошельки.

Теофрит

Живописны дороги прекрасной Франции. Запряженная четверкой коней цугом золоченая карета графа Спада, вздымая за собой облако пыли, катилась по дороге, то бегущей вдоль извилистой речки, пересекая ее по мосту на арочных опорах, то ныряющей в густой лес, пользующийся дурной славой из-за промышленящих там разбойников, то тянущейся мимо возделанных крестьянами полей, фруктовых садов и виноградников.

Лет двадцать пять назад было особенно опасно углубляться в тот лес, который спокойно миновал граф Спада, даже не обнажив свою заменившую добрый старый меч модную шпагу.

А тогда еще молодой врач Мишель де Нострадамус (за которым теперь, как за почетным мэтром, по поручению самой королевы Екатерины Медичи и ехал в королевской карете граф Спада), возвращаясь из Тулузы по дороге, куда более опасной, чем эти места, дремал, сидя в дешевой карете, запряженной всего лишь одной лошадкой, старательно подгоняемой возницей со встрепанными, давно не чесанными волосами.

Мишель вспоминал час за часом тревожные дни пребывания в Тулузе, куда он был вызван, чтобы предстать перед трибуналом Святой Инквизиции. Но предварительно его счел нужным допросить сам Великий Инквизитор.

Ничего доброго не предвещало Нострадамусу, так звучало латинизированное имя молодого врача, желтоватое аскетическое лицо высокого монаха, с проваленными щеками, вошедшего в сводчатую комнату. Нострадамус по привычке поставил для себя диагноз заболевания у святого отца печени и, возможно, язвы желудка. Тот сразу приступил к дознанию.

– Итак, Мишель де Нострадамус, именующий себя доктором и не имеющий ни докторской шапочки, ни положенного ему золотого кольца, что ты можешь рассказать Святой Инквизиции о себе?

– Лишь то, святой отец, что я закончил медицинский факультет, получив звание бакалавра и лицензию на врачевание от знаменитого университета в Монпелье, сочтя долгом своим перед Господом по окончании учения не задерживаться для получения еще и докторского диплома, а сразу идти на помощь страждущим, как завещал нам наш Спаситель сын Божий Иисус Христос.

– Похвальное упоминание о заветах Христа нашего из уст потомка тех, кто предал его распятию.

– Я не их потомок, святой отец. Мой род, по-видимому, ведется от самого Иоанна Богослова, пророчества которого, включенные в Библию, вызывают ужас людей, узнающих о содеянном в Иерусалиме при попустительстве Рима в лице умывшего руки Понтия Пилата. А я ревностный католик, как и отец мой, и дед, принявшие истинную веру Святой Католической Церкви.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Выходит, передо мной ревностный католик, исправно посещающий мессы и другие богослужения?

– Всегда, когда не ухаживаю за тяжелобольными, страдающими от страшной эпидемии чумы.

– Значит, уход за какими-то больными, которых сам Господь наш призывает к себе, для тебя важнее посещения храма Божьего?

– У постели больного я посылаю свои молитвы Всевышнему, святой отец.

– Может быть, ты, Мишель Нострадамус, решишься утверждать, что именно благодаря твоим молитвам некоторые призываемые к себе Богом возвращаются к своим грешным делам?

– Кроме молитв, святой отец, я пользуюсь ароматными пилюлями, изготовленными из собранных до рассвета лепестков роз, гвоздики и иных важных компонентов, которые создают вокруг человека, держащего их во рту, аромат, очищающий воздух от тлетворной заразы.

– А не общаешься ли ты, греховный врач, с нечистой силой, приготавливая свое колдовское зелье? Какие заклинанья ты произносишь?

– Только молитвы, святой; отец. И нечистая сила не может приблизиться к больным, кои лечатся с помощью освящаемых в церкви пилюль.

– Мы посмотрим, с какими священниками ты связан в лечении, столь непохожем на обычное, применяемое сведущими докторами.

– Если вы, святой отец, имеете в виду неизменные кровопускания и клистирные трубки, то они, к сожалению, еще ни разу не помогли при заболевании чумой.

– Чур меня, чур! При одном лишь упоминании об этой болезни чувствую дыхание ада, которое по неведомой причине не задевает начинающего врача, которому едва исполнилось двадцать пять лет. Не так ли, сын мой?

– Совершенно так, святой отец. Но прожитых мной двадцати пяти лет вполне достаточно, чтобы применять на деле советы великого Гиппократы.

– Не забудь, что он был язычником.

– Но Аристотель, учение которого так рьяно защищается святыми отцами Католической Церкви, тоже был язычником, однако верные его мысли, освященные святой религией, помогают людям жить по христианским заветам.

– Однако ты, сын мой, приучен даже к теологическим спорам! Не изучал ли ты риторику?

– Я обучен латыни и риторике в первые же годы своего обучения в школе, куда мои родители направили меня.

– Надеюсь, школа была христианской?

– Только в такую мог направить меня такой добрый христианин, как мой отец, оптовый торговец зерном, а впоследствии нотариус.

– Почтенные занятия, – заметил Великий Инквизитор. – Ты, я вижу, неплохо усвоил риторику, но от напряжения в споре, затеянном со Слугой Господним, несомненно, устал. Думаю, что тебе нет смысла идти в такую темень отдыхать на постоялый двор, я охотно предоставляю тебе убежище у нас, а завтра продолжим нашу беседу.

Нострадамус поклонился, а обернувшись, увидел двух дюжих монахов в топорщащихся от надетых панцирей рясах. Они повели Нострадамуса в уготовленную ему келью, бывшую не чем иным, как одиночной камерой узника даже без клочка соломы на полу.

Заметив удивление Нострадамуса, один из монахов сурово сказал:

– Ничего. Тебе более подобает провести ночь на коленях, вознося молитвы Господу. – И он ухмыльнулся. – А завтра, быть может, отлежишься в другой

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
келье с лежанкой... и всякими другими инструментами.

Второй монах хихикнул, и оба скрылись, заперев за собой дверь. Снаружи звякнул железный запор.

Нострадамус понял их намеки, которые можно было почувствовать и в вежливом с виду обращении Великого Инквизитора.

Он не знал, что его ждет завтра, но был готов ко всему.

Утром те же монахи привели Нострадамуса в другую каменную клетку, где, кроме стола с креслом для Инквизитора, были и обещанная лежанка, и инструменты, о которых ему говорил монах: клещи, колодки, цепи и горн с кузнечными мехами для разжигания углей.

Нострадамуса передернуло, но он встретил вошедшего Великого Инквизитора стоя, без дрожи в ногах, и почтительно поклонился ему.

– Я пришел спасти твою душу, сын мой, – начал Инквизитор, – помочь тебе открыть свое сердце Господу Богу.

Вошел еще один низенький монах с лисьим лицом и устроился на лежанке с пером и чернилами, очевидно готовый вести запись допроса.

– Итак, – начал Инквизитор, усаживаясь в кресле перед стоящим Нострадамусом, – вчера мы выяснили неординарность применяемых тобой способов лечения смертельно больных. Но нам хотелось бы еще узнать твои взгляды не только на философию язычников, но и на посвященное Богу искусство.

Нострадамус недоуменно взглянул на Великого Инквизитора, а тот проницательно смотрел ему в глаза:

– Можно ли сравнивать божественный лик Пресвятой Девы Марии с личиной дьявола?

– Это было бы святотатством, святой отец! И я содрогаюсь от одной только возможности такого сравнения.

– Пиши, писец, что допрашиваемый сознается в святотатстве.

– Но, святой отец, я не могу относить это к себе!

– Неужели? – притворно удивился тот. – А не припомнишь ли ты свое посещение мастерской почтенного художника, работающего над украшением одного из храмов?

– Если вы имеете в виду мою оценку того, что я увидел в этой мастерской, то мое сравнение было не с лицом Богоматери, а с кошунственным его изображением, которое я с возмущением там увидел. Инквизитор вздохнул.

– Жаль, что ты посвящаешь себя сомнительному врачеванию, а не служишь в трибунале Святой Инквизиции. Очень уж ты ловко оперируешь фактами, поворачивая их в выгодную сторону.

– Я думаю, святой отец, что вы оговорились... Инквизиция, как я понимаю, служит Истине, и только ей.

– Выйди! – яростно закричал Инквизитор маленькому писцу. Тот исчез, словно его и не было, а Нострадамус сказал:

– Я приношу свои извинения, святой отец, неверно истолковав вас...

– Довольно, – оборвал Инквизитор. – Я вовсе не собираюсь учиться у тебя софизмам. Монахи проводят, а вернее – выводят тебя отсюда, но помни, что мы будем пристально следить за твоим искусством, граничащим с колдовством.

Нострадамус покинул Тулузу с полной уверенностью, что отнюдь не убедил Великого Инквизитора в своей невинности, а, напротив, вдохновил его на преследование. «Теперь он будет контролировать каждый мой шаг, а смерть больных чумой или их выздоровление – все равно будет толковаться

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org применением «колдовских чар», – слушая шум колес своей неказистой кареты, думал он.

Тем временем они въехали в тот самый, пользующийся дурной славой лес. И эта слава не замедлила сказаться.

Карету окружила ватага бородачей, которые стащили возницу с козел и, открыв дверцу, потребовали, чтобы господин граф облегчил свой кошелек и добром отдал все свои ценности.

– Я вовсе не граф, а всего лишь врач, пытающийся облегчить участь больных чумой.

– Чем же ваша милость может облегчить их участь, если чума, как известно, безжалостна... в отличие от нас, лесных волков, которые, получив от проезжающих дань, отпускают их с миром, разумеется, если те не лезут в драку.

– К сожалению, у меня нет никаких ценностей. Я не беру денег с заболевших чумой, хотя пытаюсь помочь им содержимым этой шкатулки.

– Шкатулка! – взревел один из бородачей. – Это как раз то, что нам и нужно. Вылезайте, ваша милость, отдайте нам шкатулку, а сами идите в лес.

– В шкатулке только ароматные пилюли для больных чумой. И зачем мне идти в лес?

– Докажите, что вы врач. Не сможете – пеняйте на себя.

Доказывать свое врачебное искусство Нострадамусу пришлось, оказывая помощь раненому. После того как ему стало лучше, разбойники, верные своему слову, позволили доктору ехать дальше, дав в провозатые одного из своих молодцов.

Он сидел вместе с Нострадамусом в карете и высовывался в окошко всякий раз, как на дороге показывалась очередная группа разбойников. Увидев своего, они пропускали карету дальше.

Пока так пробирались через лес, провозатый рассказывал доктору, как он попал к «лесным волкам». Это случилось после того, как землевладелец господин Флоренвилль непомерной арендной платой разорил его крестьянское хозяйство. Стало нечем кормить семерых детей, тогда он и пошел на «заработки» в лес.

– Сила, ваша милость, – закончил он, – и хребет, и палец ломит.

– Я сочувствую тебе, – вздохнул Нострадамус. – А вот у вас сострадания не оказалось, когда вы отняли у меня шкатулку с лекарством для опасно больных.

– Что делать? Так заведено. Каждый проезжающий через лес должен что-то отдать. Вот и взяли шкатулку, благо она приятно пахла. Верно, вожак припас ее для своей подружки. Она из деревни часто прибегает в лес. Любовь у них! – закончил разбойник, проводив карету до конца леса, вылезая из нее и захлопывая за собой дверцу.

Мишель прибыл в Ажен к вечеру и, выйдя из кареты, взбежал на крыльцо своего дома. Навстречу ему уже спешила его жена, Женевьева. Слезы радости текли по ее прекрасному лицу. Обнявшись, они вошли в дом, спеша посмотреть на своих малюток, которые еще не заснули.

Нострадамус был счастлив. Прижимая к себе сынишку Жана, нагнулся к постельке прелестной крошки Жанны, которая протягивала к нему свои теплые маленькие ладошки.

Дети так названы были в честь дяди отца по материнской линии, Жана де Сен-Реми, заботы которого Нострадамус помнил с детства и был ему обязан своими начальными знаниями латыни и математики.

Готовясь к отдыху после долгой утомительной дороги, Нострадамус вспомнил о своей шкатулке, оставленной в лесу для укрепления «разбойничьей любви»...

Ранним утром он был поднят с постели сильным стуком в дверь.

Прибежал соседский мальчик позвать доктора скорее прийти в их дом. Отец и мать его умирают, завернулись в белые простыни, как в саваны. Их сильно лихорадит, бьет от дрожи.

Нострадамус торопливо оделся и направился к больным. По дороге он спохватился, что не взял с собой пилюль, и опять с горечью вспомнил об отнятой шкатулке.

Одного взгляда на больных ему, много времени проведенному в очагах, где вспыхивала чума, было достаточно, чтобы определить, что она пожаловала теперь и в их городок Ажен.

Тяжело было сидеть около завернувшихся в белые простыни умирающих людей, оставляющих четверых беспомощных детей, старший из которых прибегал за врачом. Но и пришедший Нострадамус был также сейчас беспомощен для задыхающихся в агонии жертв чумы.

Как он и предполагал, четверо осиротевших детей тоже слегли. И им тоже ничем не удалось помочь, хоть он проводил все свое время у постелей больных детей. Как ни пытался он обезопасить и свою семью, но через пару дней жена уложила в постель зябнувших, а потом запыхавших огнем чумы детей.

С горечью он вспомнил Инквизитора, который теперь может торжествовать, ибо подозреваемый в колдовстве врач бессилен даже для своих горячо любимых малышей! Дети умерли один за другим, а вслед за ними слегла и Женевьева. Нострадамус с ужасом видел, как обострились черты ее красивого лица, из молодой женщины она словно бы превращалась в старушку.

Хоронил Мишель Нострадамус всю семью свою разом, идя за телегой, на которой стоял просмоленный гроб и два вымазанных дегтем гробика.

Он шел, не видя ничего вокруг, а горожане смотрели на него и перешептывались:

– Какой же он врач, если не уберег даже своей семьи? Как же теперь ему можно доверять?

И не слышно стало больше стука в дверь несчастного доктора.

А он ночами сидел около опустевших кроватей и недвижно смотрел на колеблющееся пламя свечи. Нестерпимая боль утраты и сознание своей никчемности охватили его. Чума оказалась сильнее. Все мысли свои он сосредоточил на этом всеобщем несчастье.

Он почувствовал головокружение, потом озноб и подумал, что вот, кажется, очередь дошла и до него самого.

Пламя свечи мерцало перед ним. И ему показалось, что видит он в нем белые простыни, в которые, как в саваны, завернуты были все его недавние пациенты. Он помотал головой, силясь отогнать видения, думая, что начинаются характерные для чумы бред и галлюцинации. Однако видение не только не исчезало, но становилось все явственнее. Вот он уже различает чистое и просторное помещение с непонятными колбами, горелками и незнакомыми приборами. А саваны оказались просто белыми халатами, надетыми на почтенных с виду мужчин с аккуратными бородками. Они о чем-то разговаривали друг с другом, и Нострадамус странным образом понимал их искаженный французский язык.

Один из привидевшихся ему людей назвал другого мэтром и сказал:

– 1894 год войдет в историю медицины, как и ваше имя, доктор Иерсен. Как имя человека – победителя Чумы!

– Дело еще не закончено, – ответил доктор Иерсен. – Мы только нашли возбудитель, но предстоит еще создать средство против него. Мы знаем, что возбудитель чумы передается такими насекомыми, как блохи, которые, укусив больного, переносят зараженную кровь здоровому. Мы должны создать сыворотку, и, как я уже говорил раньше, приготовить ее надо из крови больных.

– Но как мы убедимся в ее действенности?

– На себе, – невозмутимо ответил доктор Иерсен, – я сначала привью себе чуму, а потом введу в свою кровь эту сыворотку, которая должна уничтожить заразу...

Слушая этот разговор, который произойдет через триста пятьдесят лет, все еще ощущая себя в бреду, Нострадамус запомнил подробную инструкцию, которую давал, или, вернее сказать, будет давать в далеком будущем своему помощнику победитель Чумы.

Придя в себя, он увидел, что свеча оплыла и погасла, а сам он все так же сидит за столом. Значит, это в своем вещем сне он побывал в том будущем, которое теперь больше всего нужно ему. И тут он вспомнил, что он потомок самого Иоанна Богослова, великого библейского пророка, и что в числе его предков были уже известные пророки, обладавшие даром Божьим видеть будущее, подобно дельфийским пифиям Древней Греции.

Но главное – он узнал, как бороться с чумой.

Новелла третья. Скитания волшебника

Таинственные вещи еще нельзя называть чудесами.

Гёте

Притих в страхе и горе городок Ажен. Ни цветущие сады у каменных уютных домиков, ни ясное синее небо над ними, ни бодрящий теплый ветерок с моря не могли вернуть былое оживление и суету на опустевшие зеленые улицы, по булыжной мостовой которых то и дело громыхали колеса телег с просмоленными гробами на них. Повисшую над городом гнетущую тишину нарушали лишь рыдания вдов да стук молотков и визг пил богатеевских гробовщиков.

Изготовленных для наиболее состоятельных горожан гробов все равно не хватало, хоть и поднимались они в цене. Более скромным жителям города приходилось довольствоваться вымазанными дегтем грубыми тканями, в которые с плачем завертывали усопших, чтобы свезти скорбный груз за окраину, где возле кладбища горели неугасающие костры.

Местные кюре отказывались читать отходные у гробов и служили общие мессы разом для многих покойников, перечисляя их имена по переданным спискам.

Но особенно пустой казалась та улица, где стоял дом Мишеля де Нострадама. Даже похоронные процессии обходили его стороной. Никто не знал, жив ли неумелый доктор, потерявший свою семью. Никто не стучался теперь в наглухо запертую дверь, не зная и боясь узнать, какую тайну она скрывает за собой.

Но Нострадамус был жив, и однажды люди увидели, как он вышел на улицу, направился к кладбищу и, потеряв рассудок (поистине, кого решил Бог покарать, того Он лишает разума!), приподнимал там просмоленные покрывала умерших, которых готовили положить в костер, и припадал губами к отравленным чумой устам. И так повторял он несколько раз, внушая окружающим ужас, ибо всегда страшен покойник, но еще страшнее потерявший рассудок доктор, ищущий своей смерти. Видно, хотел он сам покарать себя за то, что не уберег близких. Греховно, против воли Господней лишать себя жизни – одно это может отвратить любого пациента. Так сограждане Мишеля Нострадамуса, оставшегося один на один со своим горем, еще недавно боготворя его, теперь отвернулись от неудачника.

А он не отступил, а действовал, правда, непонятно для любого, кто увидел бы его. Почувствовав первые признаки лихорадки, озноб и головную боль, он сразу поставил себе диагноз заражения чумой и, невозможная самого себя, отворил себе кровь, добывая основу для сыворотки, способ получения которой узнал от врачей, которые будут жить лишь через 368 лет! Никто не поверил бы этому, никто, кроме Нострадамуса, который понял, что горе пробудило в нем наследственный дар провидца, во имя блага людей переданный ему от самого Иоанна Богослова через несчетные поколения, в которых не раз встречались пророки, и передано это ему, Нострадамусу, дабы открывал он людям грядущую правду и удерживал их от греха.

Нострадамус хорошо «запомнил будущее» и знал, что надо делать с зараженной чумой кровью, чтобы получить из нее спасительную сыворотку. И уже ощущая в себе разгорающийся жар, спешил закончить все работы по заветам будущего

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
доктора Иерсена, который победит чуму в неимоверно далеком грядущем, в 1894 году...

Уже вынужденный слечь в постель, Нострадамус ввел себе сыворотку.

Теперь, если вещей сон был лишь бредовым видением, он умрет, как и множество его пациентов, если же он действительно видел в пламени свечи будущих победителей чумы, то он встанет, встанет со смертного одра, чтобы лечить людей!

И доктор Мишель де Нострадам выздоровел, к неопишуемой своей радости, выздоровел, отныне посвящая себя борьбе с ненавистной эпидемией, отнявшей у него самое ему дорогое.

Пусть не вызывали «безумного доктора» к больным, не только не веря ему, но и страшась заразы, которую он мог передать от предназначенных к сжиганию чумных трупов, но, вооруженный не ведомым никому способом врач теперь сам шел к больным, около которых не оказывалось близких, чтобы прогнать его. И эти больные, к всеобщему удивлению и даже страху, возвращались к жизни, исполненные благодарности своему спасителю.

Теперь его уже звали к умирающим все чаще и чаще, колдун он или не колдун, но он спасал людей от чумы и стал желанным всюду.

Наиболее зажиточные его пациенты одаривали его ценными подарками, но он все их отдавал вдовам и сиротам, у которых не смог спасти кормильцев. Слава чудесного лекаря распространялась по всему югу Франции. Вера в доктора, способного предотвратить смертельный удар молнии, когда грозовая туча чумы нависала над домом, становилась фанатичной. Его звали не только к горожанам Ажена, но и в ближний Марсель, в Тулон и другие объятые эпидемиями центры. Нострадамус старался поспеть везде, но возможности человеческие ограничены. Обессиленный, едва держащийся на ногах, возвращался он домой, готовый снова бежать по первому же стуку в дверь.

Но громкий стук на этот раз оказался особым. На пороге стоял знакомый Нострадамусу бородач, недавний его провожатый, бывший крестьянин, который пошел к лесным волкам, чтобы прокормить своих семерых детей.

Он протянул доктору его заветную шкатулку с ароматными пилюлями, в которой, кроме них, оказалось письмо, отобранное разбойниками у гонца, ехавшего в карете самого Великого Сенешаля Прованса, адресованное Великому Инквизитору Священного трибунала в Тулузе.

В письме сообщалось, что «в городе Ажене появился негодяй, который, выдавая себя за врача, но, не сумев спасти от болезни даже собственную семью, теперь вдруг стал поднимать со смертного одра заболевших чумой людей, призванных к себе Господом Богом, кощунственно применяя при этом колдовские чары, данные ему нечистой силой, когда, обуреваемый заслуженным горем, означенный Мишель де Нострадам продал свою душу дьяволу. Жители Прованса и его Великий Сенешаль обеспокоены деяниями этого нехристя, уповая на Святую Инквизицию, способную именем Бога избавить их от колдуна».

Сам Великий Сенешаль и губернатор Прованса подписал этот донос.

Нострадамус обнял гонца лесных волков, вручив ему обратно свою заветную шкатулку в благодарность их вожаку, пославшему ему ее с перехваченным письмом.

А сам он понял, что ждать милости от Святой Инквизиции ему не придется, и, едва наступило утро, наняв у знакомого владельца карет одну из них, он тотчас выехал из Ажена.

Возница по его просьбе доставил его сразу на набережную порта Тулон, где ему показалось, что он попал в самый центр разыгравшейся эпидемии, где всех бьет лихорадка.

В шумной пестрой толпе людей в самой разнообразной одежде мелькали белые одеяния мавров, их тюрбаны или покрывала с охватывающими голову обручами, цветные платки на головах бывалых моряков, шляпы всех родов или просто нечесанные головы с торчащими во все стороны волосами, расшитые кафтаны, камзолы и грубые куртки, длинные женские юбки и простенькие кофты. Все это

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org людское месиво двигалось, толкалось, говорило разом на разных языках. А тут еще торговцы рыбой с ее едким запахом, расположившиеся по обе стороны людского потока вдоль набережной, зазывали к себе Мишеля, обещая небывалое наслаждение от вкушения купленного у них остро пахнущего товара, наваленного на их лотках. Какие-то подозрительные личности с бегающими глазами тихо предлагали за «небольшую плату» устроить его в выгодный рейс хоть матросом, хоть коком.

Но настоящие моряки, готовые отправиться в очередной рейс, сидели на набережной, глядя на флотилию парусников, стоящих у причалов или на рейде, и перекидывались между собой крепкими словечками.

Шкиперы нанимали их или прямо здесь, или в трактире «Дырявое ведро», куда посоветовал Нострадамусу пройти один из загорелых малых, уныло смотревший на загрязненную всякими отбросами воду у набережной, когда Нострадамус спросил его, какой из кораблей отправляется в ближайшее время в Италию.

В кабаке «Дырявое ведро», где пахло перегаром и дым висел над столами, как поднимающийся с болота туман, он нашел шкипера, на которого указал ему получивший за это кое-какую плату моряк с набережной.

Шкипер окинул Нострадамуса оценивающим взглядом и грубо спросил:

– Что? Наниматься? Где плавал? Сколько отсидел? За что берешься? Кто за тобой гонится?

– Я еще ни разу не выходил в море, не приходилось, – откровенно признался Нострадамус.

Шкипер откинулся на спинку стула и хрипло расхохотался, не вынимая трубки изо рта. Лицо у него было кирпичного цвета и казалось продубленным всеми ветрами.

– Так ты ж все море испоганишь, через борт перегибаясь. Так и будешь висеть на нем, вместо того чтобы лазить по реям.

– Я хотел бы попасть с вами в Италию как пассажир, а морской болезни или высоты я не боюсь. Могу даже другим, страдающим таким недугом, помочь, как врач.

– Что? Пассажир? Пассажиров не берем. Такой уж у нас закрытый рейс. Притом только до Сицилии. Дрянной остров, скажу тебе, там все друг друга норовят резать из родовой мести. А за тысячу последних лет все роды там между собой перессорились, – и, вынув изо рта трубку, моряк смачно сплюнул на пол.

Мишель мигнул толстому трактирщику в кожаном переднике, и тот поставил перед шкипером и новым гостем кувшин вина.

– Вот это другой румб, – сказал шкипер. – Так выкладывай, почтенный доктор, с чего это тебе понадобилось удирать с материка. Или залечил кого до смерти, или чумы боишься?

– Есть, почтенный мой шкипер, вещи пострашнее чумы.

– Э-э! – протянул тот. – Ты не из гугенотов ли? Тогда не обессудь, даже вино не поможет.

– Помогут деньги, – решительно заявил Нострадамус и назвал сумму, которая заставила моряка почесать затылок под своей выдавшей виды шапкой.

– Идет, доктор. Черт с тобой! Но деньги вперед, а то удерешь в горы Сицилии, а нам, морякам, по скалам лазить неспособно.

– Я заплачу вам половину здесь, а другую – на палубе вашей шхуны.

– Здесь? Шутить изволишь, сударь. Хочешь, чтобы нас обоих сразу пришили? Знаешь, сколько жадных и бесстыжих глаз на нас пялятся?

– Я не из трусливых.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Вон за тем столом собрались негодяи, которых я уже нанял, к ним и присоединяйся от моего имени, ну, как кок, что ли. Сварить похлебку сумеешь? Или это не докторское дело?

– Нам не только похлебку варить приходится.

– Я вижу, ты настоящий парень. А от кого удираешь, больше не спрашиваю. Самим бы ноги унести. Все деньги отдашь мне на палубе перед поднятием якоря. Понял? Или кулаком в башку втолковать?

– Вас понял, господин шкипер. Вижу, что с настоящим моряком имею дело.

– Вот то-то. Тогда давай допьем эту посудину, и расплачивайся с трактирщиком. Он настоящее дырявое ведро. Сколько в него ни влей, все равно пустой. Со всеми тут пьет и никогда не напивается. Я бы его коком к себе взял, так ведь не пойдет.

Нострадамус присоединился к нанятым «негодьям», подозрительно оглядевшим его городской камзол.

Я нанялся к вам коком, – сказал Нострадамус. – Буду в море кормить вас на славу, а здесь пока угощу вином.

– Он дело говорит, – сказал чернявый моряк с не менее кирпичной физиономией, чем у шкипера. – Наш шкипер знает, кого нанимать.

Нострадамус пробыл в кабаке, пока заказанное им вино не было выпито.

Затем вся набранная команда шхуны вышла из кабака вслед за шкипером, проталкиваясь через толпу, где их звонко упрашивали вкусить или райское наслаждение от купленной рыбы, или женщины хриплыми голосами обещали морскую качку и адское блаженство в ближайшей портовой лачуге.

Один из сопровождавших Нострадамуса моряков поймал за руку воришку, пытавшегося забраться в карман к заезжему богатею, за которого он принял Нострадамуса. Несколько тумачков «просветили» незадачливого парня в донельзя рваной одежде.

В море Нострадамус почувствовал себя в безопасности. Он ждал появления суши, как Колумб берегов Индии, не подозревавший, что достиг Америки.

Гористый остров поднимался на горизонте как грозная туча. Шкипер вовсе не собирался выгружаться в порту, очевидно имея для этого веские основания, избегая всяких таможенников и других представителей власти, с которыми, очевидно, не слишком ладила и вся его «команда негодяев», как он продолжал называть ее.

Моряки отвезли Нострадамуса в шлюпке вместе с его вещами и высадили в безлюдном месте, где груз со шхуны ожидали повозки и какие-то люди в надвинутых на глаза шляпах.

Мишелю удалось договориться с одним из контрабандистов взять его с багажом в свою повозку.

Так он попал в ближний рыбацкий поселок и снял себе каморку в одной из хижин, которую едва не заливала волна прибоя.

Наутро после прибытия он стал расспрашивать, плохо зная итальянский язык и перемешивая его с латинскими словами, нет ли кого больных.

Взятые с собой деньги растаяли в дороге, и ему надо было заботиться о заработке.

Его отвели в богатую, по здешним представлениям, усадьбу, где старый хозяин все время хворал.

Хмурая итальянка с глазами-углями, от которых тянулись морщины по всему лицу, встретила предложение его услуг врача недоверчиво.

Нострадамус показал ей диплом университета Монлелье и лицензию на право врачевания. Но та по-французски читать не умела и кое-как объяснила

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org иностранцу с помощью принятой здесь жестикуляции, что допустить его к синьору не может, потому что у пришедшего нет на голове «докторской шапочки», а без нее лечить людей не положено.

Эта первая неудача поначалу казалась Нострадамусу случайной, и относил он это скорее к невежеству старухи.

Однако вскоре он убедился, что ее простодушие имеет, по крайней мере в этой стране, глубокие корни.

В роскошной вилле на берегу моря, как он узнал, пожилая хозяйка была больна; его встретил напыщенный дворецкий, осмотрев с ног до головы.

– Я французский врач, – сказал Нострадамус, – и хотел бы облегчить состояние вашей хозяйки.

– Прошу простить, синьор, – ответил дворецкий, к счастью зная французский язык, – но у нас не принято предлагать врачебные услуги, не обладая атрибутами докторского ремесла. – И он выразительно посмотрел на шляпу пришедшего.

– Тогда попросите кого-либо из родственников хозяйки, – настаивал Нострадамус.

– Сожалею, синьор, но единственная племянница хозяйки изволит почивать, и будить ее по поводу посещения никому не известного француза я не решусь из боязни потерять место, а найти другую работу здесь, поверьте, ни мне, ни, боюсь, вам не удастся.

Подобные же попытки Нострадамуса посетить еще несколько городских домов оканчивались такой же неудачей.

Здесь, в Сицилии, не слишком уважали иностранцев, здесь были крепко укоренившиеся нравы и привычки. Лучше умереть от недуга, чем довериться неизвестно кому, быть может, подосланному теми, кто не забыл вендетту, ставшую в Сицилии национальным злом.

Перебравшись в еще один городок, он вскоре убедился, что без докторской шапочки рассчитывать на врачебную практику не сможет.

Пришлось искать случайного заработка, который позволил бы ему попасть на материк. Но и в Неаполе врачебные дела его пошли несколько не лучше.

До богатых домов его просто не допускали, а люди среднего достатка твердили все о той же докторской шапочке. Впору было Нострадамусу поступать в местный университет и сдавать на доктора медицины, но для этого требовались такие деньги, о которых он и говорить не мог.

И тогда он обратился к совершенно неожиданной области. Тщетно пробиваясь к некоему больному вельможе, он убеждал знавшую французский язык его дочь, весьма красивую женщину, очень дорожившую своей уходящей красотой. Он сказал, что может помочь ей избавиться от прорезающихся морщин и сделать кожу нежной, как в ее юности.

Синьорита насторожилась. Для ухода за кожей лица, по ее представлению, докторской шапочки не требовалось. И она заказала Нострадамусу целительной мази, спасающей кожу и цвет лица.

А у Нострадамуса было кое-что в запасе. Он знал такие рецепты, которые впоследствии усовершенствовал и издал в ставшей знаменитой, хотя и неожиданной для ее автора книге «Истинное и безупречное украшательство лица» (1552 г.).

И постепенно он стал приобретать в зажиточных кругах Италии известность, как знаток средств возвращения молодости, что позволило ему появляться и в Венеции, и в Риме, и в других городах. Но деятельность эта не могла удовлетворить его.

Имея больше свободного времени, чем на родине, он попытался развить проявившийся в миг его великого горя дар. Проверая себя, он обнаружил, что сравнительно легко входит в состояние медитации, когда способен увидеть в

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org разоженным пламени на бронзовом треножнике, каким в древности пользовались, пророчествуя, дельфийские пифии, картины близкого и далекого будущего. Он понял, что должен использовать этот свой дар для предостережений роду человеческому. Однако люди не должны знать своего будущего, иначе утратят смысл жизни. Поэтому Нострадамус решил зашифровать время и место действия, а также имена увиденных им в будущем лиц, посвящая каждому такому эпизоду четверостишие, катрен. Он не был силен в поэзии, но не в литературной форме видел смысл своих прорицаний. Следуя выбранному принципу, намеренно перемешивал катрены, чтобы они шли не в хронологическом порядке, стремясь, чтобы предсказанное стало узнаваемым, лишь произойдя.

Тем временем чума, свирепствуя в Европе, унесла почти треть ее населения, до двадцати миллионов человек, а во Франции жертвами ее стали и Великий Сенешаль Прованса, и Великий Инквизитор в Тулузе.

Нострадамус, не боясь преследований, мог возвращаться на родину.

Но вместе с тем он заглядывал и в близкие, как он представлял себе, слои Времени и мог предсказывать своим современникам, что их ждет в начатых делах или намерениях.

Эти предсказания были настолько удачны и верны, что заезжий врач скоро стал более известен как прорицатель, к которому люди обращались даже с большей охотой, чем за косметической помощью.

Однажды он встретился со скромным монахом Перетти.

Неожиданно для окружающих Нострадамус встал перед ним на колени. На вопрос монаха, чем тот мог заслужить такую почтительность, Нострадамус ответил:

– Преклоняю колена перед будущим его святейством папой римским.

Не передать удивления, недоверия и смущения скромного монаха и всех, кто при этой сцене присутствовал.

Но слова предсказателя коренным образом изменили представления монаха о своем предназначении. И еще при жизни Нострадамуса он узнал о добром и заботливом кардинале Перетти, а спустя 17 лет после кончины пророка кардинал Перетти взшел на святой престол в Ватикане под именем Сикста V.

Это вознесло посмертную славу прорицателя на небывалую высоту по всей Европе.

Он возвратился во Францию в 1529 году и направился прямо в родной университет Монпелье, где в свое время закончил медицинский факультет, чтобы поступить теперь туда для совершенствования и получения докторской степени, памятуя, как она оказалась необходимой при его скитаниях в чужих странах.

Несмотря на его «несносный характер» и высмеивание им традиционных методов лечения, применяемых коллегами, через четыре года ему все-таки были вручены положенные доктору медицины докторская шапочка, золотое кольцо и том Гиппократа.

И новый доктор медицины с увлечением занялся врачебной практикой, направляясь сразу в самые опасные зоны не покидающей прекрасную Францию чумы.

С почетом был принят он в приглянувшемся ему городке Салон с прекрасным климатом.

Там встретилась ему и богатая вдова Анна Понс Женевелль. Увлеченная знаменитым уже доктором, она вышла за него замуж и подарила ему четырех детей. Старшему своему сыну Цезарю он написал свое знаменитое послание, где раскрывал свою пророческую деятельность.

Но деятельность эта все больше привлекала внимание недоброжелателей. Его катрены подвергались критике и поэтов, и философов, и – что было особенно опасно – отцов Церкви.

И Нострадамусу, отвлекаясь от каждодневной борьбы в очагах эпидемии,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
пришлось задуматься над другим посланием к самому королю.

Эту мысль подсказал ему случайно повстречавшийся в одном из очагов эпидемии флорентийский граф Спада, которому он в предотвращение возможного заражения чумой ввел свою сыворотку в кровь.

Граф Спада заинтересовался только что изданными катренами Нострадамуса (1555 г.) и посоветовал ему поднести их королевской чете.

Новелла четвертая. Испытания

Великие люди бывают великими иной раз даже в мелочах.

Л.Вовенарг

Притих в страхе и горе городок Ажен. Ни цветущие сады у каменных уютных домиков, ни ясное синее небо над ними, ни бодрящий теплый ветерок с моря не могли вернуть былое оживление и суету на опустевшие зеленые улицы, по булыжной мостовой которых то и дело громыхали колеса телег с просмоленными гробами на них. Повисшую над городом гнетущую тишину нарушали лишь рыдания вдов да стук молотков и визг пил богатеевских гробовщиков.

– Надеюсь, мэтр, вы не откажетесь заглянуть по дороге, сделав лишь небольшой крюк, в пожалованный мне замок, прежде принадлежавший господину флоренвиллю, неудачно прогневавшему нашу несравненную и мудрейшую повелительницу. Мы отобедаем там с вами, отдохнем и отправимся в дальнейший, столь приятный в вашем обществе путь.

Нострадамус понимал, что отказ его равносильно послушанию королеве. На покровительство ее супруга, Генриха II, он рассчитывал.

Замок графа Спада вовсе не походил на средневековую крепость, а был просто обширным загородным домом. Может быть, с того времени и стали во Франции аристократы называть свои загородные дома или виллы замками.

Величественная карета въехала во двор, а из-под ее колес с гоготом и кудахтаньем разбежалась домашняя птица – гуси, утки, куры, совсем как возле дома зажиточного крестьянина.

Да и зажиточность флорентийского графа зависела от крестьян – арендаторов его земель, немалая часть их доходов доставалась владельческому графу.

– Вот и хорошо, – сказал граф, учтиво помогая гостю, страдающему подагрой, выйти из кареты, – мы обойдем этот двор, посмотрим на живность и выберем себе обед по вашему вкусу, мэтр.

– К вашим услугам, граф, – отозвался Нострадамус, разминая затекшие от долгого сидения в карете ноги.

– Какая прелесть эти птицы, не правда ли, мэтр? Но мы подойдем к крольчатнику. У меня замечательные кролики, рагу из них мой повар приготавливает лучше любых королевских яств.

– Я не такой уж гурман, граф, и полагаюсь на ваш вкус.

– Нет, нет, мэтр! Вам предоставляется право самому выбрать кролика для рагу. Вот белый, а вот черный. Ваше слово прорицателя – и вы угадаете, кого мы будем завтра есть.

– Право, граф, мне все равно. Но если вы уж так хотите, то прикажите сделать рагу из черного кролика, у него красные злые глаза, а белый выглядит таким мирным.

– Прекрасно, мэтр! Ваш выбор равносильно предсказанию, теперь мы знаем, кого мы будем смаковать за обедом!

Нострадамус внимательно посмотрел на лукавого царедворца и понял, чей замысел он в меру своей фантазии выполняет, для чего ему потребуются свидетели.

Граф проводил знаменитого гостя в отведенные ему покои, оказавшиеся похожей на каземат комнатой с грубой дубовой кроватью и тяжелым стулом. Видимо, тяжкий крестьянский труд не обесценивал графу особой роскоши в его замке.

Граф же Спада направился на кухню и приказал повару сделать к завтрашнему обеду рагу из белого кролика.

– Непременно из белого! – закончил он. – Будет исполнено, ваше сиятельство, – низко кланялся повар.

– И чтобы мясо было свежим, до утра не трогай избранника нашего великого гостя.

Повар кланялся графу, удостоившему своим посещением кухню.

Гость уже спал после утомительного пути. Граф не стал его беспокоить учтивой беседой и сам отправился отдыхать в графские покои, приказав слуге пригласить завтра к обеду соседа, барона де Жельвиля, и, что особенно важно, его преосвященство епископа Оранжевого, пребывающего, как он узнал, в этом округе.

Утро было прекрасное, как обычно в этих благословенных краях. Нострадамус даже не ощущал своей несносной подагры и не противился, когда граф предложил ему пройтись в поле, взглянуть на ближний, принадлежащий ему лес, где, по преданию, водились феи. И он подмигнул гостю.

Во дворе переминались с ноги на ногу лошади конного отряда сопровождения, заставив Нострадамуса вспомнить о разбойниках, которых, видимо, так опасался граф Спада и которые когда-то оказали ему неоценимую услугу.

Вскоре приехал верхом барон де Жельвиль и въехала во двор громоздкая карета его преосвященства епископа Оранжевого.

Оба они с любопытством рассматривали скромно одетого знаменитого прорицателя в докторской шапочке, почтительно встретившего прибывших рядом с ослепительным столичным графом.

Настал час обеда, и хозяин пригласил гостей к столу, лукаво взглянув на Нострадамуса, что не ускользнуло от него.

Когда подали рагу из кролика, граф встал и провозгласил тост, держа бокал вина в руке:

– Прошу осушить кубки в ознаменование великой ошибки великого предсказателя, мэтра Нострадамуса, который полагает согласно своему выбору и предвидению, что кушает мясо черного кролика с красными глазами, а рагу сделано, увы, господин пророк, из белого кролика.

Нострадамус отрицательно качнул головой:

– Ошибка только в том, уважаемый граф, что вы черное назвали белым. Утверждаю, что вы пробуете рагу, сделанное из черного кролика.

Произнеся это, Нострадамус опустил на одно колено, протягивая королю свое послание.

Король принял сверток бумаги и дал знать, чтобы мэтру помогли подняться.

Это действительно было необходимо, так как подагра сказывалась, и Нострадамус тщетно силился, опираясь рукой о колено, приподняться. Придворные, взирая на это, переглядывались и ухмылялись.

На помощь подоспел граф Спада, подхватив Нострадамуса под руку.

Екатерина Медичи улыбкой показала графу, что одобряет его.

Нострадамус стоял перед венценосной четой.

– Мы слышали о вашем искусстве врача и предсказателя, мэтр, – сказал король. – И нам интересно было бы воспользоваться и тем, и другим вашим искусством, чтобы не бояться чумы, и, как подсказывает мне моя супруга, королева Екатерина, нам хотелось бы знать судьбы наших семерых детей.

– Что касается чумы, ваше величество, то я охотно предотвращу заболевание

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org ею, имея при себе сыворотку, каковую надлежит ввести с вашего высочайшего позволения в кровь, текущую в жилах венценосного семейства. Что же касается других опасностей, всегда подкарауливающих любого смертного, даже восседающего на троне, то я рискнул бы умолять ваше величество не только о том, чтобы защитить меня от злобных нападков людей невежественных в недоступных им науках, но и вам, самому непобедимому королю Генриху Второму, которому нет равных среди европейских владык, остеречься от участия в рыцарских поединках, так любимых сердцу отважнейшего из отважных.

Король поморщился.

– Не хотите ли вы, почтенный лекарь, излечить меня от рыцарской чести?

– Что вы, ваше величество! – воскликнул Нострадамус. – Я лишь обеспокоен возможными неожиданностями, рождающимися в адских чертогах врага человеческого, и готов сберечь вас, обожаемого народом короля, для процветания прекрасной Франции.

– Мне не по нутру ваши советы, прорицатель из Прованса. Может быть, в своих родных местах вы найдете менее преданных традициям чести рыцарей, чем на этом троне.

Генрих II поднялся и вышел из зала. Нострадамус похолодел от ужаса, он боялся поверить в непреложность своих предсказаний о судьбе короля-рыцаря. Екатерина Медичи осталась в зале, и аудиенция продолжалась.

Королева показала себя умнейшей и начитанной собеседницей, интересуясь самыми разнообразными вещами, начиная с астрологии и кончая способами гадания и оккультными науками, напомнив доктору, что король высказал желание узнать будущее своих детей.

Нострадамус не знал их трагических судеб, хотя о женитьбе в пятнадцать лет старшего, пока тринадцатилетнего сына, ставшего королем Франциском II, на будущей королеве Шотландии Марии Стюарт и о внезапной его смерти в семнадцать лет Нострадамус осторожно сообщал в одном из своих прежних зашифрованных катренах. Горькая судьба ждала одиннадцатилетнюю Елизавету, выданную из политических соображений замуж за жестокого и мрачного короля Испании Филиппа II, который, чтобы избавиться от нее, подарил к ее двадцатитрехлетию отравленные перчатки. Девятилетнюю Клавдию, будущую герцогиню де Лерен, ждала кончина в двадцать лет. Печальная судьба Франции будет связана с царствованием Карла IX, которому пока только шесть лет, и он считался милым Шарлем, но в бытность королем запятнал себя как вдохновитель (по совету матери) кровавой Варфоломеевской ночи, вскоре, сломленный, умер, уступив место на троне младшему брату, Генриху, провозглашенному уже королем Польши и примчавшемуся в Париж с вереницей юных красавчиков: «милашек», обезьян и попугаев, правя потом неумело и коварно, убитый за свои злодеяния самоотверженным монахом Клеменом, признанным за это чуть ли не святым. Двухлетнему Франциску придется снискать прозвище неудачника и за тщетные попытки добиться руки английской королевы Елизаветы I, и за неумелое правление Нидерландами, прожив лишь до тридцати лет. Нострадамус не предполагал, что столь крепкое с виду дерево Валуа прогнило и осуждено на вырождение. И лишь бойкая четырехлетняя Маргарита проявит себя незаурядным умом, жесткостью и распутством, как королева, жена Генриха IV, отказавшегося от нее с благословения папы Сикста V, которому предрек священный престол Нострадамус во время своих скитаний в Италии. Бессмертное перо Александра Дюма запечатлело ее как «Королеву Марго».

Не знал тогда этих подробностей Нострадамус, но дар прорицателя подсказал ему общую горькую участь всего королевского семейства. Сказать так Екатерине Медичи – это проложить себе дорогу на эшафот.

Но то, что Нострадамус угадывал чутьем прорицателя, он, не кривя душой, сказал королеве:

– Число семь, ваше величество, – это кабалистическое число. Оно как бы отражает судьбу вашего августейшего семейства. И я, до того, как сделаю гороскопы на каждого из королевских детей, сразу могу заверить вас, что всех их ждет поистине королевская судьба, каждый будет королем или королевой по меньшей мере один раз.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Что значит «по меньшей мере один раз»? – перебила Екатерина.

– В Европе есть страны, народы которых рады будут провозгласить своим правителем одного из членов высочайшего семейства Валуа, – поклонился Нострадамус, отгадав тайную мысль Екатерины Медичи, приглядывающейся к каким-нибудь из европейских корон для своих сыновей.

Екатерина отпустила прорицателя, улыбнувшись ему на прощание.

Не всегда улыбка ее зеленоватого лица предвещала хорошее. Это прекрасно знал Нострадамус, но, выполняя пожелание королевы, отправился во дворец кардинала Бурбон-Вандейского, где до глубокой ночи предавался видениям, стараясь предугадать судьбы пока еще малолетних королевичей и королевы. Ничего хорошего будущее им не сулило, кроме того, что малолетний Генрих будет королем дважды.

Нострадамус пришел в мрачное состояние, не зная, открывать ли то, что стало ему известно, пусть не во всех подробностях. Любые гороскопы отличаются расплывчатостью и многозначностью предсказаний. Написание их не представляло для Нострадамуса особого труда.

Его работа была прервана громким стуком в наружную дверь.

Возмущенный непрошеным ночным гостем, Нострадамус сам открыл дверь и увидел на пороге перепуганного королевского пажа.

Нострадамус раньше, чем юноша, успел вымолвить слово, воскликнул:

– Сколько шума из-за пропавшей собачки!

– Да, но она принадлежит прекрасной графине Диане, и она пригрозила, что король никогда не произведет меня в рыцари, если я не отыщу собачку. Она очень ценной породы.

– Ступай по дороге, ведущей в Орлеан, и повстречаешь там человека, несущего эту собачку.

Юноша стремглав бросился к коню и помчался к дороге на Орлеан.

Он так верил словам Нострадамуса, что даже не удивился, когда увидел слугу, несущего пропавшую собачку своенравной графини Дианы.

Радости пажа не было границ, ему уже казалось, что он совершил рыцарский подвиг, и теперь король непременно посвятит его в рыцари, положив ему, отважному из отважных, на плечо меч.

Но юноша был не столько отважен, сколько болтлив. И уже рано утром весь королевский двор, а затем и Париж знали о его необыкновенном подвиге, а также о помощи, оказанной ему мэтром Нострадамусом. Сама графиня Диана послала Нострадамусу с тем же пажом букет цветов в благодарность за услугу.

Но посланному было уже трудно пробиться к мэтру. Его двери осаждали парижане, желавшие тоже воспользоваться ясновидением.

Необычайный успех предсказателя, дающего советы всем желающим, внушил некоторое беспокойство королевской чете, особенно после того, как духовник Екатерины, влиятельный иезуит, шепотом предупредил королеву, что она общается со слугой дьявола, которому тот помогает заглядывать в человеческие мысли и судьбы, а это противно воле Господней.

Екатерина Медичи вызвала к себе графа Спада и передала ему мешочек с сотней экю от короля и еще пятьюдесятью от себя, поведав ему о разговоре со своим духовником.

Растолкав толпу посетителей, граф Спада явился к Нострадамусу с вестью об угрожающей ему опасности.

Граф передал также мэтру королевское вознаграждение.

Переданной суммы едва хватало ему на обратный путь в город Салон, где жила его семья и где каждый входивший в дверь провидца предлагал большие деньги

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
за его услуги, что привело Нострадамуса при его вспыльчивости в ярость.

Но граф Спада предупредил Нострадамуса, что орден иезуитов начал действовать против него, а влияние патеров на Священный трибунал инквизиции известно.

Нострадамусу были хорошо известны нравы Священного трибунала, и он прекрасно понял, что «совет», переданный приближенным Екатерины Медичи, много дороже подаренного кошелька с нищенским гонораром.

В тот же день он покинул дворец кардинала, вызвав этим вздох облегчения у хозяина, ибо тому уже стали известны настроения в кругу братьев-иезуитов.

И снова не в золоченой карете, а в простой наемной трясся больной доктор и прорицатель по знакомым дорогам Франции, проезжая леса, где никто из промышлявших там разбойников не позарился на столь невзрачную добычу.

В городке Салоне его встретила жена и четверо детей, которых ждала более благополучная судьба, чем наследников короля Генриха II и его властной супруги.

Новелла пятая. Рыцарские нравы

Наденет шлем, как клетку золотую.
Сойдутся львы в турнире боевом.
Сражен лев старший болью в щель глазную.
Упала ветвь на дереве густом.
Нострадамус. Центурии, III, 30, 1553 г.
Перевод Наза Веца

Случилось так, что через три года, в 1559 году, Нострадамус снова оказался в Париже и по приглашению того же кардинала Бурбон-Вандейского поселился в его дворце.

И 1 июля вместе с ним отправился к Бастилии, где по приказу короля было создано ристалище по случаю двойного праздника: свадьбы дочери Генриха II Елизаветы, выдаваемой замуж за мрачного короля Испании Филиппа II, который недавно взшел на престол и не приехал в Париж за своей невестой из-за поездки в беспокойную Бельгию, а прислал вместо себя для участия в церемонии венчания герцога Альбу, вошедшего в историю под именем Кровавый. Помимо того, объявлялось о помолвке сестры короля Маргариты и герцога Савойского, с которым Нострадамус встречался в Тулоне по поводу подлинности принадлежащей Савойским знаменитой тулонской плащаницы, что Нострадамус не взялся установить.

Пригород Парижа преобразился. Перед ристалищем, в которое превращены были вчерашние крестьянские поля, поднялись спешно построенные трибуны для знатной публики, приглашенной на празднество.

Король отверг предложение о надоевшем всем балете или театральных представлениях, он хотел продемонстрировать на празднестве рыцарскую честь, отвагу и мужество.

Поэтому, кроме фейерверочных огней, заимствованных из далекого Китая, предполагались давно не виданные вельможами зрелища.

Нострадамус вместе с кардиналом Бурбон-Вандейским оказался вдали от королевской ложи, но и в ложе кардинала находились весьма знатные люди, с интересом рассматривающие раскинувшееся перед ними ристалище.

Вместе с тем Нострадамус ощущал на себе любопытные взгляды знати, достаточно наслышанной о чудесном предсказателе, наделавшем шуму в Париже еще три года назад.

Позади трибун возвышались мрачные стены Бастилии, с них расставленные там воины тоже взирали на место предстоящего зрелища.

И оно началось с парада конных рыцарей, закованных в доспехи, в шлемах с плюмажами, с направленными в небо остриями копий, со щитами, украшенными родовыми гербами.

Впереди вереницы тоже закованных в железо коней шел красавец конь со

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
всадником в золотом шлеме. То был сам король Генрих II, возглавлявший задуманное им шествие.

Гром аплодисментов вызвал этот парад мощи и силы у заполнивших трибуны зрителей. Уже давно никто не видел ничего подобного. Перед ними возродилась, вставала во всей своей былой славе старина.

Так уходили крестоносцы в свои походы, так дефилировали непобедимые рыцари перед решающими сражениями.

Но у Генриха II был обширный план торжеств, ему мало было проезда закованных в латы рыцарей перед трибунами.

Следом за красочным отрядом шагала пехота в панцирях, вооруженная мечами и длинными острыми пиками.

По неслышной команде пеший отряд выстроился своеобразным строем, который в будущих столетиях будет именоваться «каре». Воины образовали треугольник, направив и острие построения, и острие своих пик против сгруппировавшихся всадников в латах с копьями.

Замысел Генриха был таков, что мчащиеся лошади при виде направленных на них пик сами, не подчиняясь воле всадников, не станут напарываться на пики каре и, свернув чуть в сторону, промчатся, как бы скользя по стороне выстроенного треугольника.

И этот новый маневр был продемонстрирован как на первоклассных учениях.

Зрители видели, как на выстроившуюся такой геометрической фигурой, ощерившись пиками, пехоту помчались могучие всадники и как острый угол живого треугольника словно врезался в скачущую на него лавину, разрезая ее пополам и заставляя всадников проскакать мимо цели.

Но замысел короля был бы неполным, если бы он не продемонстрировал личным примером мощь конных рыцарей, сокрушающую пехотные ежи.

Все видели, что в очередной конной атаке принял участие рыцарь в золотом шлеме. Его конь, повинувшись неслышимой воле всадника, ринулся на пики и, несмотря на свою защитную броню, пронзенный пикой, пал, а золотоголовый всадник, вскочив на ноги с мечом и щитом, бросился на направленные на него пики, рубя их или отводя в сторону ударами меча.

Другие рыцари, даже не доезжая до острия каре, спешивались и, следуя за золотоголовым вождем, устремлялись на пехотинцев, которые не выдержали, отступили и нарушили построение.

И тут новая конная атака уже не встретила ощеренных пик и погнала, обратила в бегство пехотинцев.

Золотоголовый вождь был награжден восторженными криками зрителей, видевших прообраз подлинной битвы.

Королю подали другого коня, и он продефилировал перед неистовствующими зрителями, спешил и поднялся в королевскую ложу.

Отовсюду он слышал крики, прославляющие его доблесть и военную выдумку.

Все это вскружило возвышавшуюся над всеми королевскую голову.

– Рыцарский турнир не прославится, – сказал он, – если не завершится схваткой подлинных рыцарей.

И, обернувшись к стоящему рядом с ним Великому Коннетаблю Франции герцогу Анн де Монморанси, добавил:

– Прикажете глашатаям объявить, что зрители станут сейчас свидетелями схватки двух львов.

Никто не понял, что имел в виду король, но слова его были тотчас переданы по трибунам.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
И вызвали там некоторое смущение и перемещения. Все, кто находился в первых рядах, не видя перед собой защиты в виде непреодолимой для диких зверей изгороди, покидали свои места, чтобы перейти на более безопасные скамьи в верхних рядах.

Конечно, первыми так поступили дамы, кавалеры же лишь последовали за ними, чтобы не оставить их без защиты.

Нострадамус не присутствовал при том, что произошло в королевской ложе, но ему впоследствии во всех подробностях передал это вездесущий граф Спада.

– Лев – царь зверей, – произнес Генрих II, – среди людей же царствует король. Противником ему должен стать тот, у кого на щите изображен родовой герб со львом. Не так ли? – обратился он к молодому капитану шотландских стрелков графу Монтгомери.

– Если ваше величество имело в виду меня, то я не могу быть противником того, кому служу, – с поклоном ответил Монтгомери.

– Ваш отказ не украсит славы вашего древнего шотландского рода, господин капитан шотландских стрелков Габриель де Лондж граф Монтгомери, он заставит содрогнуться в фамильных склепах ваших достойных предков.

– Ваше величество, вы принуждаете меня поднять на вас руку.

– В честном бою! В славном рыцарском поединке, где каждый из нас равен другому.

– Ваше величество, – вступил Великий Коннетабль Франции, свидетель вызова короля капитану шотландских стрелков, – вы поступаете против воли обожающего вас народа Франции, подвергая себя опасности в бою, в котором могут быть всякие трагические случайности.

– Из всех смертей я предпочитаю почетную смерть в честном рыцарском бою с достойным противником, дорогой герцог.

– Я преклоняюсь перед вами, ваше величество, но не могу скрыть своего беспокойства.

Последние слова услышала подошедшая Екатерина Медичи.

– О каком беспокойстве говорит Великий Коннетабль Франции?

– Об исходе поединка, в который желает вступить его величество король с молодым соперником, графом Монтгомери.

– Ваше величество! – обратилась королева к супругу. – Я протестую против такого неравного во всех отношениях поединка. Ваш противник недостоин даже одного удара королевского меча, находясь у вас в услужении.

– Я умоляю его величество избавить меня от такой участи, – вставил молодой граф.

– Я не могу отменить объявленного сражения двух львов. Будучи одним из них, я не знаю другого рыцаря, на гербе которого изображен был бы лев. И я уверен, что шотландский герб не будет опозорен тем, кто носит его на своем щите.

У графа Монтгомери кровь прилила к лицу:

– Я выполняю вашу волю, ваше величество, ибо обязан ее выполнять, но пусть вас не разочарует, как рыцаря, то, что я буду лишь защищаться.

– Мы будем равны. Во всем равны в бою! – воскликнул король-рыцарь. – Идем же и облачимся в тяжелые доспехи, ибо предупреждаю, я беру меч для двух рук. Но вы моложе меня на двенадцать лет и можете противопоставить силе моего удара присущую молодости ловкость.

– Мне остается надеяться, ваше величество, что ваш противник не выдержит и первого из них, – сказала Екатерина Медичи и, опираясь на руку подоспевшего графа Спада, отошла от возбужденного предстоящей схваткой короля.

Известие о предстоящем бое короля с молодым шотландцем прокатилось по трибунам и достигло ушей Нострадамуса, заставив того содрогнуться. Он слишком хорошо помнил и свой катрен, и сделанное королю предупреждение при их первой встрече, вызвавшее его недовольство.

Затаив дыхание, зрители смотрели на вышедшего на ристалище, закованного в тяжелую броню короля в золотом шлеме, забрало которого со щелями для глаз напоминало клетку.

Вздых удивления прокатился по трибунам, когда к огромному рыцарю в латах с тяжелым мечом для двух рук приблизился едва достающий ему до плеча противник, который не облачился в тяжелые доспехи, а ограничился своим обычным панцирем и легким шлемом с красочным плюмажем. По шотландскому обычаю от панциря до колен спускалась юбка, вызвавшая двусмысленные замечания у знатных господ, заполнявших трибуны.

Единственным усилением панциря были наплечники, могущие выдержать удары тяжелого двуручного меча.

Вид противника возмутил короля. Это уже дерзость со стороны мальчишки, которого следует хорошенько проучить королевской рукой.

И король бросился на своего маленького противника, занеся над ним поднятый двумя руками меч, подобный кувалде, грозящей опуститься на наковальню. Но кувалда не достигла цели, отведенная щитом, который с необычайной ловкостью отклонил удар меча.

Кроме щита, в руках граф держал нововведенную шпагу, заменяющую добрый старый меч.

Первая неудача разъярила Генриха II, и он стал обрушивать на Монтгомери удар за ударом. Но ни разу ему не удалось попасть хотя бы по плечу противника. Одним из могучих ударов король начисто срезал со щита Монтгомери изображение его герба со львом.

Увидев валяющийся у него под ногами остаток разрезанного льва, король расхохотался и с новой силой стал наносить удары, которые встречались все тем же щитом. Для справедливости надо сказать, что срезать герб со щита можно было, лишь ударяя мечом плашмя.

Молодой шотландец, увертываясь и отводя сыпавшиеся на него удары, бессмысленно размахивал бесполезной против стальных лат тоненькой шпагой.

Король был искусным бойцом, он изловчился и так ударил по щиту, что выбил его из рук молодого графа.

Тот остался с одной лишь бесполезной шпагой.

Пора было сдаться, но, видимо, понятие о чести своего рода было в молодом человеке так велико, что он не опустил на колено в знак признания поражения, а стал отводить удары меча уже не щитом, а шпагой.

Тогда-то и случилось то, что должно было случиться. Удар меча был так тяжел, а шпага так хрупка, что, подставленная под меч, переломилась и остаток клинка отлетел и впился в глазную щель золотой клетки шлема короля.

Генрих на мгновение замер и, простонав от боли, рухнул на землю.

Монтгомери подбежал к нему и попытался поднять короля. От трибун по ристалищу бежал герцог Анн де Монморанси, Великий Коннетабль Франции. Он подхватил короля под другую руку, и тот поднялся на ноги.

У этого могучего человека хватило выдержки и сил, чтобы вырвать из глазной щели обломок клинка, впившегося в его мозг, и бросить его на землю со словами:

– Это был честный бой. Я ни в чем не виню своего доблестного противника. – И король бессильно опустил на землю.

Монтгомери и Монморанси вдвоем уже не могли поднять его тяжелое, закованное

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
в сталь тело.

К лежащему королю подбежала королева Екатерина Медичи. Она метнула яростный взгляд своих выпученных глаз на Монтгомери, прошептав:

– Убийца! Горе тебе!

На трибунах дамы рыдали. Кавалеры переговаривались между собой, оценивая эпизоды боя.

В их числе оказался и граф Спада, пробиравшийся к Нострадамусу.

– Не могу не прочесть для всех, кто меня слышит, ваш катрен, опубликованный вами, мэтр Нострадамус, четыре года назад, – сказал он и прочитал:

Наденет шлем, как клетку золотую.
Сойдутся львы в турнире боевом.
Сражен лев старший болью в щель глазную.
Упала ветвь на дереве густом.
Все вокруг заговорили разом о несчастье, о пророчестве, даже о колдовстве.

Кардинал Бурбон-Вандейский встал, как бы защищая собою мэтра Нострадамуса.

Но не месть знати грозила ему, а непомерно вспыхнувшая его слава прорицателя, предвидевшего исход неравного боя, притом за четыре года!

Суровый король Испании Филипп II не сидел в королевской ложе, а находился в Бельгии, прислав кровавого герцога Альбу, подведшего вместо него невесту к алтарю. Узнав от Альбы о случившемся, он сказал:

– Жаль, что у него так много наследников, одним из которых, как муж его дочери, становлюсь и я. Так были бы решены все извечные споры между нашими странами.

Его четырнадцатилетняя невеста Елизавета рыдала не у него на плече, сыновья короля сочли нужным выйти на ристалище, где уже находилась их мать.

Они трое вместе с подоспевшими пехотинцами понесли неимоверно тяжелое тело умирающего короля к подъехавшей золоченой карете. Запряженные цугом лошади, словно чуя что-то недоброе, нервничали, били копытами, и подбежавшие пехотинцы в панцирях держали их под уздцы.

Королева Екатерина Медичи села вместе с королем. Карета тронулась.

Граф Монтгомери, сняв свой шлем с плюмажем, горестно смотрел ей вслед, вложив оставшийся от шпаги клинок в ножны.

Великий Коннетабль Франции сказал ему:

– Сам король отдал вам должное. У меня нет оснований преследовать вас. Это роковая случайность.

– Он не хотел убивать меня, он великодушно бил мечом плашмя, – отозвался граф Монтгомери, понутив голову.

– Это был благородный рыцарь! – воскликнул герцог де Монморанси и вынул шелковый платок из камзола, приложив его к глазам.

Нострадамус, опечаленный всем случившимся, пренебрегая своей возросшей славой, ехал в карете кардинала, размышляя о всех тех несчастьях, которые, как он знает, грозили и будут грозить людям.

Новелла шестая. Золотая клетка

В постели сбиты одеяла.
У шестерых – месть, горе, гнев.
Судьба коварно отыскала:
Взят голым безоружный лев.
Нострадамус. Центурии, III, 30.
Перевод Наза Веца

На улицах Парижа разжигали костры, и дым валил от них, когда в огонь

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
бросали книги и портреты человека в докторской шапочке.

Нострадамус видел это из окна кареты, покидая Париж, и понял, что сжигают его изображения и пророчества катрены.

Вот она, обратная сторона его возросшей славы прорицателя!

Он предсказал за четыре года гибель короля в турнирной схватке, и тот умер в жесточайших мучениях. Врачи, даже присланный Филиппом II из Бельгии его придворный лекарь, были бессильны против начавшегося воспаления мозга, поврежденного обломком клинка.

Народ негодовал, теряя обожаемого короля и в невежестве своем вымещая чувства на книгах и портретах «колдуна», предсказавшего смерть короля, а значит, и причастного к ней.

Нострадамус горько вздохнул. Не этих ли простых людей спасал он от безжалостной чумы? Не он ли предупреждал короля об опасности, вызвав его неудовольствие?

На перекрестке карета задержалась из-за сцепившихся колесами возов с сеном, преградивших ей путь.

Поравнявшийся с каретой всадник при виде Нострадамуса в неизменной докторской шапочке спешил и, сняв боевой шлем, с вежливым поклоном подошел к карете:

– Почтенный мэтр, прошу простить за дерзость обращения к вам. Я – Габриэль де Лондж граф Монтгомери, капитан шотландских стрелков, имевший несчастье против своей воли стать противником отважнейшего из рыцарей, короля Генриха II. Сейчас на трон восходит пятнадцатилетний Франциск II, и его семнадцатилетняя супруга Мария Стюарт, имеющая права на шотландский престол, тщетно пыталась защитить шотландского графа от гнева вдовствующей королевы Екатерины Медичи, по требованию которой я вынужден теперь оставить охранявшийся мною королевский двор. Счастливая встреча здесь, мэтр, позволяет мне осмелиться и спросить вас, что угрожает мне, не знающему, куда направить свой путь.

Нострадамус с состраданием посмотрел на удрученного смельчака:

– Ищите защиту у того, кто противостоит враждебным вам силам. Человек не должен знать своей судьбы, пусть даже известной мне. Единственное, что я вправе сказать вам как жертве непредвиденной случайности: никогда не оставайтесь голым и безоружным.

Карета тронулась, вплотную проехав мимо возов, обдав их запахом свежескошенного сена, напомнившего Нострадамусу пышные луга близ уютного городка Салона, где ждали его любящая жена и шестеро детей.

Капитан шотландских стрелков, раздумывая над словами прорицателя, воспринял их (как впоследствии и многие толкователи), что ему следует опасаться мстителей, стремящихся застать его голым в постели.

Он сразу понял, к кому ему следует обратиться, кто противостоит католической знати королевского двора. И направился разыскивать признанного вождя гугенотов адмирала Колиньи.

Адмирал радушно принял шотландца у себя дома. Узнав, что тот готов предложить гугенотам свои услуги, он, суровый с виду, носящий коротко постриженную бороду и шапочку, похожую на докторскую, с лицом красивым и строгим, пронизательно посмотрел на него:

– Но Великий Коннетабль не собирается преследовать вас, граф.

– Герцог Анн де Монморанси был всемогущ, но лишь при жизни короля Генриха II. Теперь во дворце другие ветры, которые и надули паруса моей неуправляемой ладьи.

– Но Здравый Смысл привел вас к нам. Не так ли? Знаете ли вы, за какое дело мы боремся, не щадя жизни? Кому вы предлагаете свои услуги? Ведь такому рыцарю, как вы, небезразлично, что отстаивать мечом или, как я вижу у вас,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
своей шпагой.

– Я готов встать во главе отряда, подобного моему, шотландских стрелков.

– Это немаловажно, храбрый граф. Но вам надлежит знать, кто такие мы, гугеноты, что означает искаженное во Франции швейцарское слово немецкого языка «EIDGENOSSEN», в прямом переводе – «клятвотоварищи» и какая клятва нас связала.

– Я буду рад услышать это от вас, адмирал.

– Клятва в том, чтобы отстаивать право верить в Господа Бога без помощи расписанных идолов и разодетых в дорогие одежды жрецов, разыгрывающих обрядовые спектакли в подавляющих души людей своим великолепием храмах. Мы стремимся к непосредственному общению со Всевышним, стараясь быть достойными Его. Мы объединяемся лишь в общем пении псалмов, обращенных к Богу, ибо ничто так не сплачивает людей, как совместное пение без оглушающего грохота органов или песнопений отборных, а порой и кастрированных для «красоты звучания» певцов. Чтобы быть достойными общения со Всевышним, мы держим себя в строгости, ограничиваясь простотой в жизни, презирая роскошь, отрицая все излишества вроде пиров и развлечений с театрами и балетами бесстыдно обнаженных танцовщиц. Мы отвергаем разврат и отступления от безупречного поведения. И мы отказываемся от подчинения деспотизму высшей церковной власти Рима, где стремятся повелевать всеми коронами Европы и, утопая в роскоши, торгуют от имени Господа отпущением за мзду любых грехов, поощряя этим повторение злодеяний. По всей Европе наиболее образованные и честные люди примыкают к нововерию, отворачиваясь от якобы святой Церкви с ее антихристианскими преследованиями иноверцев, с пытками и сжиганием людей на кострах.

– Мне хочется во всей глубине понять вас, адмирал. Я преисполнен к вам глубочайшего уважения, но разве в Женеве, откуда распространяется новое религиозное учение, его вождь Кальвин не пользуется в своей строгости теми же кострами?

– Мы здесь, во Франции, вовсе не намерены идти по пути швейцарской религиозной тирании и не грозим кострами, как там, ни девушке, распустившей косы, ни толстяку, съевшему слишком много пирожков за завтраком. Мы берем из этого учения лишь твердость веры в простоте и чистоте своих сердец. Вот почему недостойны верующих азартные игры, карты, кости или подобные им развлечения, которые в таком ходу в военных лагерях католиков в промежутках между сражениями.

– Мне нравится строгость и ясность ваших стремлений, господин адмирал. Я – католик и не скрываю этого, но ведь и многие из ваших гугенотов тоже были католиками.

– Что ж, это слова солдата, который предпочитает подумать, прежде чем ринуться в опасный бой, а у нас, молодой человек, бой опасный.

– Опасностей я не боюсь и буду рад служить вашему делу.

К тому времени, когда Нострадамус въехал в Салон и заключил в объятия любимую жену и радующихся его возвращению детей, капитан Габриэль де Лондж граф Монтгомери уже стоял во главе отряда гугенотов (или клятвотоварищей), готовых защищать право на новое вероучение, разрешенное многими пактами, заключенными между католическим большинством и протестантами, но грубо нарушаемого католической стороной, отрицающей свободу духа.

Адмирал не раз встречался с шотландцем. Узнав, что он решил перейти в протестантскую веру, он сказал ему:

– Я уважаю ваше решение, граф. В этой связи хочу вернуться к затронутой вами теме произвола сурового вождя кальвинистов в Швейцарии. Всякая власть, молодой человек, опасна тем, что уничтожает в человеке лучшие его качества. И держится она на выбранном мировоззрении, именуемом у нас религией. Но всякое превышение власти во имя этого мировоззрения приводит к его ниспровержению. Так, испанская инквизиция безбожно попирает самые светлые догмы христианства, бесстыдно прикрываясь ими, творя зло и произвол. И я прошу вас, новообращенного, первым заколоть меня своей шпагой, если я не оправдаю доверия, оказанного мне сотоварищами по клятве служения Господу в

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Добре. Монтгомери поклонился адмиралу:

– Вы подтвердили, господин Колиньи, правильность принятого мной решения. Знайте, я буду честно с оружием в руках защищать права людей на свободу выбора религии, чем я только что воспользовался.

– Мир с тобой, мой мальчик! – сказал Колиньи, обнял и расцеловал Монтгомери.

«Какой светлый ум и какая простота и ясность суждений у этого старого, как он сам говорил, солдата!» – подумал шотландец.

Так граф Монтгомери стал служить гугенотам в смутное время религиозной войны во Франции.

Отличаясь редкой отвагой и высоко ставя свою честь, он претерпел множество приключений, впоследствии использованных популярными романистами, разумеется приписавшими их своим литературным героям с иными именами.

Покровитель шотландца, адмирал Колиньи не упускал его из виду и в начале 1572 года направил в Нормандию, где борьба шла с переменным успехом. Гугеноты потеряли в бою своего вождя Людовика Кондэ, а католики – главнокомандующего их армией Великого Коннетабля Франции герцога Анн де Монморанси.

Екатерина Медичи вела двойную игру, поддерживая то гугенотов, то католиков-гизов, одинаково ненавидя обе партии, стараясь столкнуть их между собой, чтобы они перебили друг друга.

Король Карл IX, человек болезненный и слабохарактерный, подчинявшийся матери, был труслив и, когда понял, что Гизы покушаются на его трон, предпочел взять себе в советники старого адмирала Колиньи, полагаясь на его мудрость, твердость и честность.

Колиньи видел опасность для Франции со стороны Испании Филиппа II, который сам претендовал на французскую корону как муж Елизаветы. Екатерина Медичи вместе с сестрой самонадеянного Генриха Гиза герцогиней Монпасье плела заговор против гугенотов. Колиньи раскрыл его и решил арестовать ретивую герцогиню.

Тогда Екатерина Медичи наняла профессионального убийцу Морреля, и тот, вооруженный мушкетом, выстрелил из окна дома Гизов в проезжавшего мимо адмирала Колиньи.

Бесчувственного адмирала доставили домой, а герцогиня Монпасье носилась по улицам Парижа, крича в окно кареты: «Радость! Враг мертв! Колиньи убит!»

Но адмирал был лишь тяжело ранен, и у его постели стоял король Карл IX, сокрушаясь по поводу произошедшего и называя Колиньи «батюшкой».

Живой Колиньи не устраивал Екатерину Медичи, и она послала Генриха Гиза с его приближенными к адмиралу.

Они ворвались в его спальню и закололи престарелого солдата. Свалили умирающего на пол, и Генрих Гиз, этот придворный красавец в щегольской одежде, пнул его ногой. После чего Колиньи выбросили в окно на растерзание озверевшей при виде крови толпы фанатиков глумиться над подлинным патриотом Франции.

Габриэль Монтгомери не видел этого и тем, быть может, спас себя для дальнейших боев, которые не прекращались и вдали от Парижа. А в столице герцоги Гизы во главе с Генрихом, поддерживаемые королевой-матерью, убеждали Карла IX, что для спасения королевского трона надо разом покончить с проклятыми гугенотами.

Карл IX несколько дней назад выдал свою беспутную сестру Маргариту (запечатленную великим Александром Дюма в романе «Королева Марго») за короля Наваррского Генриха, и многие знатные гугеноты еще оставались после празднеств в Париже.

Тогда и состоялось потрясшее всю Европу злодеяние Варфоломеевской ночи.

Эхо ее отдалось и в Нормандии, где спустя два года под напором десяти тысячной армии небольшой отряд графа Монтгомери вынужден был укрыться в маленькой крепости Дорфон.

Шестнадцать дней сто пятьдесят смельчаков Монтгомери выдерживали штурмы десяти тысячной армии осаждающих.

С горечью он видел раненых бойцов своего малочисленного отряда, за которыми ухаживали сердобольные горожанки. Они рады были бы накормить и напоить защитников крепости, но, как и все, сами уже два дня ничего не ели, однако атаки отбивались одна за другой. И отброшенные от стен крепости католики кричали, что еретиками командует колдун, продавший душу дьяволу.

Утром ясного майского дня только что взошедшее солнце осветило крепость. Граф Монтгомери стоял на стене рядом со своими соратниками, заметив оживление в неприятельском лагере. Но лестницы, по которым осаждающие должны взбираться на стены крепости, не появлялись. От лагеря отделилась небольшая группа воинов, неся белый флаг.

Монтгомери был готов к очередному оскорбительному, как все предыдущие, предложению безоговорочно сдаться, но, подчиняясь правилам чести, приказал подпустить парламентаров к воротам крепости и сам вышел к ним.

Он был в своем обычном панцире, в шлеме с красочным, игравшим на солнце плюмажем, со шпагой на поясе.

Навстречу ему выступил молодой красавец в щегольской одежде, больше подходившей для дворцовых развлечений, чем для армии.

Монтгомери сразу узнал в нем тщетно добивавшегося руки английской королевы Елизаветы I герцога Аласонского и Анжуйского, брата короля Генриха III, сменившего на троне Карла IX после его кончины в муках раскаяния за злодеяния Варфоломеевской ночи.

Принц снял шляпу с перьями в подражание испанским грандам, помахал ею над землей в знак почтения и высокопарно произнес:

– Я не могу не выразить своего восхищения мужеством и доблестью защитников крепости. Отдаю должное прежде всего вам, граф Монтгомери, ибо не знаю никого, кто мог бы сравниться с вами в отваге и военном мастерстве.

– Чем обязан? – сухо спросил Монтгомери, сдержанно ответив на поклон.

– Чувством милосердия, граф. Желанием прекратить бесполезное сопротивление и голод, который не нуждается в лестницах для штурма. Не лучше ли разделить с нами веселый пир, который будет устроен в вашу честь вчерашними противниками. У нас превосходные вина и уйма продовольствия, так недостающего вашему отрядику.

– Мне не хотелось бы сравнивать свой отряд с вашей армией, ваша светлость. Результаты шестнадцатидневной осады говорят сами за себя.

– Вот именно, граф! Потому я и предлагаю почетное окончание бесполезной обороны, которая завтра превратится в похоронное шествие для всех, кто пока заслонен от нас этими стенами.

Монтгомери почувствовал, что принц прав, ибо еще несколько дней, и крепость будет уже некому защищать.

– Какие условия? – с прежней сухостью спросил он.

– О, самые мягкие, дорогой граф! Только разоружение и открытие ворот крепости взамен клятвенного обязательства с нашей стороны сохранить всем доблестным защитникам, и вам в первую очередь, жизнь и почет.

На одно только мгновение пронеслась в памяти Монтгомери сцена, увиденная им во время очередного обхода королевского дворца. Королева Екатерина Медичи читала вслух своим трем сыновьям и двум дочерям книгу Маккиавелли «Государь». Но Монтгомери отогнал это воспоминание. Ему важнее было сохранить живыми своих храбрых соратников.

– Ваша клятва, ваша светлость, – мрачно сказал он.

Генрих Анжуйский дал знак рукой, и от группы сопровождающих отделился капеллан с распятием в руке.

Священник подошел, и Генрих Алонский и Анжуйский, положив руку на распятие, произнес клятву сохранить жизнь всем защитникам крепости и Габриэлю де Лондж графу Монтгомери прежде всего.

Тогда Монтгомери снял с себя панцирь, шлем с плюмажем и положил на землю перед собой. Обнажил шпагу и воткнул ее рядом в землю, одновременно дав знак защитникам крепости выходить через ворота и проделать то же самое.

Гугеноты один за другим появлялись, некоторые, опираясь на плечи товарищей и преодолевая боль от ран, снимали свои панцири, клали на снятое командиром снаряжение мечи, шпаги, мушкеты, которыми пользовались при отражении штурмов. Постепенно там образовалась груда оружия, напоминая ощеренный остриями холм.

Когда последний солдат вышел из крепости, Генрих Аласонский и Анжуйский дал знак четверем сопровождавшим его воинам подойти к нему.

Воины тотчас выполнили указание, но не остановились около принца и капеллана с распятием в руке, а окружили Габриэля Монтгомери.

Граф возмущенно оттолкнул прикоснувшегося к нему солдата и крикнул принцу:

– Ваша клятва на распятые, ваша светлость! Принц усмехнулся в коротенькую свою бородку:

– Клятва, презренный граф, дана была пятнадцать лет назад у постели убитого вами короля, и она выше всех других клятв. Новый король Генрих III приказал доставить вас в Париж. Он тоже дал клятву в числе нас шестерых.

Монтгомери все понял. Арестовавших его воинов вместе с принцем и священником тоже было шестеро, а он был гол (без панциря) и безоружен. Опять сбывается предсказание великого провидца Нострадамуса. Так вот как увидел он взятого шестерыми льва!

– Клятвопреступники, ваша светлость, к сожалению, противостоят клятвотоварищам. Греховна пропасть клятвопреступления, но еще бездоннее позор бесчестья.

Генрих Анжуйский не понял Монтгомери или сделал вид, что не понял, хотя был человеком образованным и начитанным. Принц разрешил солдатам грабить крепость.

Монтгомери был схвачен 5 мая 1574 года, а 27 июня его вели на эшафот, сооруженный близ Бастилии, где было когда-то ристалище...

Он шел прямой, не согнувшийся и после пыток, с высоко поднятой головой, даже радуясь, что испытаниям его наступил конец.

Но он ошибся.

Новая унижительная пытка ждала его уже на эшафоте, призванная окончательно сломить его.

Он увидел на возвышении... золотую клетку.

Граф Монтгомери должен был не просто стать на колени, подставив шею под секиру палача, а залезть в эту клетку, высунув оттуда обреченную голову, что должно было знаменовать золотой шлем с клетчатый забралом убитого им на турнире короля Генриха II.

Члены королевской семьи во главе с королевой-матерью Екатериной Медичи наслаждались кровавым зрелищем.

Гугеноты негодовали.

Проклятье тем, кто клятву преступил в безумстве,
Пророка погребенного тревожа прах.

Я называю точно год, день, час кощунства.

Виновных в том преследует пусть лютый страх.

Надпись на пластинке, найденной при вскрытии гроба Нострадамуса в 1607 г.
Перевод Наза Веца

Все в том же мире кровопролитных религиозных войн, самовластных королей и непримиримых во вражде духовных пастырей, льстивых вельмож-царедворцев, ожидающих очередных подачек и овладения имуществом, отстраненных или даже казненных еретиков многострадальная прекрасная Франция переносила очередную напасть. Тучей саранчи, время от времени оседающей на земле, чтобы истребить все дарованное землей и трудом, двигался по Франции, растянувшись на несколько лье, необычный поток экипажей, напоминая предания о переселении народов.

Сотни карет, сопровождаемых вооруженными всадниками, вздымали пыль на французских дорогах, въезжали в города, вызывая там вынужденное ликование и ужас от необходимости содержать всю эту знатную саранчу.

Произошло это в самом начале царствования виновника будущих злодеяний, малолетнего пока Карла IX, руководимого регентшей, его матерью Екатериной Медичи. Под видом знакомства со всей страной и «ее нуждами», а на самом деле желая поправить свои расстроенные финансы и пожить за чужой счет, предпринято было невиданное до толе кочевье всего королевского двора в составе свыше восьмисот человек, которые перемещались по Франции, переезжали из города в город, требуя торжеств и празднеств, обходившихся горожанам в копейчку.

И эта разорительная «туча саранчи» перелетала с места на место, отметив своим разорительным посещением Лион и Тулузу, Реймс и Экс, Марсель и Тулон.

Но совершенно неожиданно блистательная туча эта решила осесть в ничем не примечательном маленьком и уютном городке Салоне, где доживал свой век великий провидец Нострадамус.

Обеспокоенные отцы города, узнав о выпавшей на их долю тяжелой чести, сбивались с ног в приготовлениях к предстоящему визиту вельможных полчищ во главе с венценосной парой, не жалея на это средств, добываемых дополнительными податями со всех жителей города, на деле познающих королевское величие и свою верноподданность.

Когда в мэрии перед заседавшим там советом именитых граждан встал вопрос, кому выступить с приветственной речью перед королем и регентшей Екатериной Медичи, возник спор. На это претендовал тучный и надменный богач, почтенный Пьер Бенуа, разбогатевший на оптовой торговле зерном, доставлявшимся в разоренные гражданской войной местности. Но тут вспомнили о прославленном докторе Нострадамусе, которого лично знали король и его мать-королева.

Пьер Бенуа вынужден был уступить, и отцам города было поручено посетить доктора Нострадамуса, чтобы сообщить ему о его почетной обязанности.

Делегация в составе первого консула господина Мишеля Рено, нотариуса Жозефа Роша, кстати сказать, недавно бывшего у Нострадамуса, чтобы заверить его завещание, сборщика податей, всеми не любимого господина Филиппа Гранде и прибывшего из столицы провинции Прованс второго консула города Экса, изнемогавшего сейчас от пребывания там королевского двора, отправилась к почтенному мэтру.

Их встретила озабоченная супруга мэтра Анна Понс Жене-велль, встревоженная прибытием делегации, потому что ей в отличие от неожиданных гостей был известен считавшийся многими «несносным» характер мужа, отличавшийся не только добротой и заботой о больных и неимущих, но и «неоправданной» заносчивостью, к тому же еще и вспыльчивостью. Недаром его коллеги по врачеванию не могли ему простить его высмеивание их неизменных методов лечения с кровопусканием и клистирными трубками.

Нострадамус принял гостей, полулежа в мягком кресле и страдая от очередного приступа подагры, которая так мучила его в последние годы жизни.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Первый консул господин Мишель Рено сообщил полубольному мэтру, что он удостоен чести встречать ожидаемую в городе со дня на день венценосную пару с торжественной приветственной речью, текст которой совет именитых горожан доверил составить самому Нострадамусу. Почтенный мэтр восторженно выпрямившись в кресле, и, покрывшись красными пятнами на лице, гневно произнес:

– Вы пришли сообщить мне, что наш город почтен высочайшим вниманием короля и королевы-матери? А знаете ли вы, что вызванный в 1556 году «означенный Нострадамус» получил из щедрой королевской руки гонорар, которого не хватило на обратный путь из Парижа до Салона?

– Нет, мы этого не знали, – смущенно произнес первый консул, – но, как нам кажется, при королевском дворе вы пользовались неизменным авторитетом, и мы нижайше просим вас не отказываться от предложенной чести.

– Предложите эту честь кому угодно, хоть любому бездомному, что побирается на кладбище, но избавьте меня от таких забот, памятуя о моем пошатнувшемся здоровье.

Тогда в разговор вступил еще один гость, второй консул города Экса:

– Ваш город почтен высочайшим вниманием, несомненно, благодаря его благодатному климату, тишине и уюту, ему характерному, что не может не вызвать у вас чувства гордости. – И он вежливо раскланялся, как заправский царедворец.

– Чувство гордости, о котором вы упомянули, почтенный консул Экса, и не позволяет мне принять предложение и выступить с торжественной и, конечно, по традиции, бессодержательной речью перед королевскими особами, тем более что мне известны некоторые события, в которых примут участие августейшие наши гости.

Озадаченные посланники переглянулись. Слава Нострадамуса как предсказателя была известна, но что он имеет сейчас в виду?

Все дальнейшие попытки склонить мэтра к изменению своего отношения к предстоящей встрече королевского двора остались безрезультатными. Поистине правы те, кто называл характер мэтра «несносным».

Разочарованные посланцы удалились.

Еще на пути к мэрии отцами города было принято решение поручить выступление с торжественным приветствием нотариусу Жозефу Роша, который единственный из посетивших Нострадамуса не уговаривал его, зная непреклонность мэтра, которую иные готовы были счесть за заносчивость.

Ему, нотариусу Роша, и привелось произносить верноподданническое приветствие в здании мэрии.

Но перед этим весь город высыпал на улицу, по которой с шумом катились одна за другой сотни карет, не уместившиеся потом даже на площади перед мэрией, захватив на соседние улицы.

Всадники привязывали за отсутствием коновязей своих лошадей к каретам, которые сопровождали.

Король Карл IX, высокий, бледный, болезненный юноша, не стесняясь, оперлся на руку властной матери, которая при въезде в город высовывалась из окна золоченой кареты, возглавлявшей шествие, и удовлетворенно сверкала черными, навыкате, глазами, слыша положенные крики «Виват!», гремевшие на зеленых улицах городка.

В зале мэрии, выслушав раболепное приветствие нотариуса, король раздраженно спросил, оглядывая всех, кто его окружал:

– А где же мэтр Нострадамус?

Отцы города развели руками и оправдывались недопомоганием почтенного доктора.

Король капризно заявил, что недопомогание не может служить оправданием

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
отсутствия мэтра при приезде короля.

Екатерина Медичи гневно заметила отцам города, что им следовало бы сделать то, что сейчас сделает она, приказав всегда сопровождающему ее графу Спада немедленно поехать в королевской карете и привезти сюда недомогающего доктора Нострадамуса.

Граф Спада раскланялся пред Екатериной Медичи, перечить которой было по меньшей мере опасно, а он дорожил дарованным ему замком, где он принимал когда-то Нострадамуса, испытывая правильность его предсказаний.

И сейчас же золотая карета помчалась по зеленым улочкам, остановившись перед домом Нострадамуса, в дверь которого привыкли стучать пациенты и все те, кто хотел получить одобрение начатым делам.

Нострадамус узнал постаревшего, но по-прежнему блистательного графа и спросил:

– Как поживает ваш повар, граф, который не угодил вам когда-то своим рагу из кролика?

Граф Спада рассмеялся:

– О что вы, мэтр! Мой повар мог бы служить и при королевском дворе. Я дорожу им, как и тем случаем, когда был посрамлен вами в своей попытке уличить вас в ошибке предсказания. Но сейчас я к вам приехал в посланной за вами карете ради свидания вашего с королем и его регентшей, всесильной и премудрой королевой Екатериной Медичи, в памяти которой запечатлелась беседа с вами об оккультных науках, астрологии и медицине. От продолжения такой беседы вы, несомненно, не откажетесь, ибо отказ подобен был бы чуме, от которой вы предохранили меня, а мне хочется уберечь вас.

– Ну что ж! Если против чумы действовала моя сыворотка, то против той чумы, которую вы подразумеваете, подействует моя готовность побеседовать со столь высокими собеседниками, тем более что я не забыл переданного мне предупреждения.

Граф Спада был обрадован не меньше, чем при удачной проверке способностей прорицателя на примере рагу из кролика.

Через некоторое время золотая карета остановилась вновь у мэрии, граф Спада помог выбраться из нее хромящему Нострадамусу и, взяв его под руку, повел в зал, где мэтра приняла король и королева-мать.

– Как я рад увидеть вас! – воскликнул Карл IX. – Столько слышал о ваших необыкновенных способностях. Думаю, вам будет что рассказать мне. Я ужасно люблю необыкновенное.

– А со мной продолжите беседу об оккультных науках, – добавила Екатерина Медичи. – Возможно, их значение возрастет сейчас для королевской семьи. Мы все помним печальное событие, которое вы предсказали за четыре года! Ах, почему Генрих не прислушался к вашим словам!

Король Генрих II был прежде всего бесстрашным рыцарем и не мог в ущерб своей чести поступиться чем-либо из-за моего предупреждения, – с поклоном ответил Нострадамус.

– Вот потому-то мне, заботящейся о своих детях, которым вы предсказали королевские короны, очень важно у вас узнать некоторые тайны белой и черной магии, несомненно вам известные.

– Ваше величество, – отвечал королеве провидец. – Если я лечил людей от чумы, то это благодаря знанию искусства будущих лекарей, если верно предсказывал некоторые события самого будущего, то это благодаря воле Господа, одарившего меня особым зрением, проникающим в другие Слои Времени дальше, чем доступно другим людям, предчувствующим или угадывающим предстоящее, не говоря уж о Божьей волей пророках или дельфийских пифиях, пользовавшихся магическими приемами, хорошо мне известными, но излишними для меня, поднесшему вам книжку своих катренов и передавшему вашему покойному супругу-королю послание о том, что ждет человечество в весьма отдаленном грядущем, грозном, но неотвратимом.

– Нам памятли некоторые ваши катрены, – сказала Екатерина Медичи, – и те, что трагически исполнились, и те, которым предстоит исполниться...

– Скажите, доктор, как вылечиться от кашля, который так мучает меня? – вмешался Карл IX.

– Я должен прежде осмотреть ваше величество, чтобы дать вам совет врача.

– Мне все время говорят о чахотке, но разве она так уж неизбежна?

– Праведный образ жизни, спокойствие, свежий воздух – лучшие помощники здоровья вашего величества в преодолении этого недуга, который не угрожает вам в ближайшие годы обострением, если вам удастся избежать нервных потрясений.

Екатерина Медичи на некоторое время оставила короля-юношу продолжать беседу с врачом-прорицателем, а сама удалилась в соседний зал, где ожидали приема городские дамы.

Карл IX долго беседовал с Нострадамусом, пока мать, вернувшись к ним снова, не прервала эту беседу своими вопросами о тайнах колдовства, от которых провидец решительно отказался.

Золотая карета еще не раз приезжала за Нострадамусом, привозя его на новые свидания с Карлом IX и Екатериной Медичи, пока туча знатной саранчи не поднялась с места, куда прибыла вовсе не из-за благодатного здешнего климата и тишины провинциального городка, а лишь ради его почтенного жителя и великого прорицателя Нострадамуса.

Надо думать, что беседы Нострадамуса с юным королем были тщетными попытками излечить его от чахотки и воспитать в этом безвольном, мятущемся человеке чувство справедливости и сострадания, которые были так свойственны Нострадамусу.

Перед отъездом король торжественно назначил Нострадамусу значительную пожизненную пенсию, а Екатерина Медичи подарила ему драгоценный перстень, который служил пропуском в королевский дворец, но Нострадамусу не привелось воспользоваться такой привилегией.

В дни тяжелой болезни он не переставал писать свои пророческие четверостишья, переносясь во времена, в которых будут жить далекие потомки его современников.

Бушевавшая во Франции религиозная война с ее жестокостью и нетерпимостью не могла не сказаться на мрачных тонах его катренов, в которых он вырывал из будущей истории кровавые события, подобно тому, как это делал его далекий предок Иоанн Богослов в своем откровении, именуемом Апокалипсисом. Потому и творения Нострадамуса впоследствии стали называть Апокалипсисом Нострадамуса.

Он писал об этих страшных страницах будущей истории, заглядывая в грядущие Слои Времени, доступные его внутреннему взгляду, как множеству людей знакомо предчувствие, когда они как бы ощущают приближающийся Слой Времени и запечатленные в нем события.

Однако день ото дня стареющему врачу становилось все хуже и хуже. Он сам поставил себе диагноз начинающейся водянки и угадывал приближение своего конца, позаботившись и о жене, и о всех шестерых детях, и о друзьях и близких.

Посетившему его 1 июня 1566 года ученику Жану Эми де Шавеньи на его бодрящие прощальные слова «до завтра» он ответил:

– Нет, друг мой, завтра на рассвете мое тело будет найдено на полу подле постели совсем холодным.

И это последнее его пророчество о собственной кончине исполнилось на рассвете 2 июня 1566 года.

Недолго пользовался он королевской милостью и почетной пенсией.

Его похоронили под алтарем монастыря францисканцев в городе Салоне. Перед смертью он взял клятвенное слово от посетивших его отцов города, что прах его никогда не будет потревожен.

Посетители подивились столь странному желанию мэтра, но охотно поклялись и за себя, и за своих преемников.

Прошел сорок один год после кончины великого прорицателя. Неблагодарные потомки готовы были о нем позабыть, благо вокруг творилось неведомо что. В Риме семь лет назад сожгли на костре монаха Джордано Бруно за дерзостное утверждение, будто человечество не едино в мире Божьем и что есть якобы другие Земли вокруг горящих в небе звезд, которые, как известно, Господь Бог создал в первые дни творения для украшения небесной тверди. Да и в самой Франции религиозные распри становились все ожесточеннее, пока не вылились в военные сражения с переменным успехом для обеих сторон. Гугеноты уступали числом, но превосходили сплоченностью и умением.

После кончины пророка борьба во Франции разгорелась с особой силой, отличаясь от войн в других странах тем, что воюющие стороны состояли не только из католиков и гугенотов, а часто католики привлекали гугенотов, чтобы добиться победы и права на королевский престол. Для этого периода истории Франции характерной стала так называемая «война трех Генрихов», в которой царствующий Генрих III защищал свою корону (и католичество) от претендовавших на престол герцогов Гизов, считавших, что у них больше прав на нее. Они объединились с наследником престола Генрихом Наваррским, кузеном короля, женатым на его беспутной сестре Маргарите. Из Гизов особенно выделялся любимец солдат и народа Генрих Гиз, молодой талантливый боец, овладевший столицей и прозванный «Королем Парижа» или «Рубчатым» за след отваги в виде шрама на красивом лице.

Генрих III был воспитан матерью, Екатериной Медичи, в духе Макиавелли и знал, как следует поступать в таких случаях.

Внезапно из врага он превратился в доброго друга, короля-брата, утвердившего все указы Генриха Гиза, пригласив его для дружеской встречи у себя во дворце. Но на пороге королевского кабинета Гиза поджидали восемь вооруженных вельмож, в неравной битве с которыми Генрих Гиз пал мертвым у королевской постели, которую так хотел обрести. Зловещей Екатерины Медичи уже не было на свете.

Коварство короля-убийцы было наказано самоотверженным монахом Клеменом, попавшим к нему на прием и заколовшим короля длинным ножом.

Так Генрих Наваррский, гугенот, стал с 1595 года королем Франции, но не был признан ни папой римским, ни собственным католическим народом. И тогда, доказав свою королевскую принципиальность, он меняет религию, становится католическим монархом, теперь уже всем угодным.

Но он не забыл своих «товарищей по клятве», гугенотов. С ними был заключен Нантский договор, по которому им предоставлялась свобода в исполнении или неисполнении религиозных обрядов, которые давно уже заменили библейскую и христианскую сущность гуманной религии. В подтверждение доброй воли им был предоставлен ряд крепостей, в том числе крупнейшая – Ла-Рошель.

Генрих IV оказался на редкость умным и заботливым королем. Прекратив междоусобные войны, он планомерно восстанавливал богатство Франции. Однако католиков его гуманность не вполне устраивала. Сражения между ними и гугенотами продолжались уже не с помощью кровопролития, а в соревновании перед простым народом, который поддавался влиянию храмовой роскоши и праздничности католических богослужений.

И строились новые католические храмы, украшались бесценными творениями искусства.

Вот тогда-то, в 1607 году, и вспомнило католическое духовенство о заштатном городке Салоне с францисканским монастырем. На его переустройство было выделено немало денег. Нужно было сносить ветхие часовни, воздвигать храмы. Фундамент одного из них пришелся как раз под главным алтарем часовни Пресвятой Девы Марии, где покоился прах прорицателя Нострадамуса, рядом с гробом его сына Цезаря, историка и художника.

Обнаружив захоронение сорокалетней давности, местные власти обратились к епископу города Экса.

Его преосвященство не замедлил явиться для осмотра захоронения, застав у извлеченных из земли гробов возбужденную толпу.

Собравшиеся горячо обсуждали вопрос: пророк ли этот Нострадамус или нет? Заключались даже крупные пари, часть выигрыша предназначалась для епархии, если епископ засвидетельствует, сохранилось ли тело нетленным или превратилось в скелет обычного смертного.

И вот ради удовлетворения этого любопытства крышка гроба Нострадамуса была открыта и по знаку епископа положена рядом.

Спорщики, заглянув в гроб, в один голос воскликнули:

– Скелет!

Епископ должен был подтвердить это, но стоящий рядом рабочий, имени которого не сохранила история, заметил:

– Ваше преосвященство, но тут между ребрами застряла какая-то медная пластинка.

Он извлек ее и благоговейно передал епископу, а тот прерывающимся голосом прочитал выгравированные там строки:

Проклятье тем, кто клятву преступил в безумстве,

Пророка погребенного тревожа прах.

Я называю точно год, день, час кощунства.

Виновных в том преследует пусть лютый страх.

Его преосвященство в священном ужасе упал на колени, ибо прочел на пластинке и дату сегодняшнего дня 1607 года, и даже двенадцать часов пополудни.

– Молить буду самого папу римского о канонизации великого пророка.

Надо ли говорить, какой ужас объял открывших гроб, допустивших глумление над покойником.

Слава, уже посмертная слава Нострадамуса, вновь вспыхнула с необычайной силой.

Святым канонизирован он не был, видимо, потому, что «нет пророка в своем отечестве».

Эпилог первой повести

Мятежный Марсель станет равным вулкану.

В нем адская сила влекущих идей.

Получит вся Франция тяжкую рану –

Кровавые реки и горе людей.

Нострадамус. Центурии, XII, 7.

Перевод Наза Веца

Посмертная слава Нострадамуса как прорицателя была так велика, что короли Франции почитали долгом своим паломничество к его могиле. Так, в 1622 году 1 ноября ее посетил Людовик XIII, а в 1660 году 16 января – его сын Людовик XIV (будущий король-солнце), в сопровождении матери Анны Австрийской и своего воспитателя кардинала Мазарини, наследовавшего управление Францией от кардинала Ришелье, не уступая тому ни в хитрости, ни в коварстве. Паломники читали эпитафию на надгробной плите, заканчивающуюся словами

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
вдовы пророка, желавшей возлюбленному супругу вечного покоя...

Как известно, прах пророка не обрел покоя, и останки прорицателя, потревоженные при перестройке храма, были перенесены в часовню францисканского монастыря и замурованы в стену напротив алтаря Пресвятой Девы Марии, где и преклоняли колена перед ним французские короли.

Но и там, спустя сто двадцать лет со дня смерти, был еще раз потревожен прах пророка. Соответственно его же собственному предсказанию (в послании Генриху II, с указанием года свержения монархии) произошла французская революция, начавшаяся в Марселе.

И в 1791 году национальные гвардейцы, усмотрев в катрене Нострадамуса о мятеже в Марселе и последующих кровавых бедах Франции клевету на революцию, отправились с пением «Марсельезы» в городе Салон и там разгромили гробницу Нострадамуса, разбросав его кости по полу, а потом, глумясь над ними во время попойки, превратили череп в чашу для вина.

Жители Салона, стремясь заполучить реликвии, проникли в часовню и унесли часть костей.

Майор Давид, бывший с гвардейцами, не сумев предотвратить святотатства, наутро прочитал проспавшимся солдатам катрен Нострадамуса, указав, что главное в нем не неизбежные для революции жертвы, а само предсказание победы Царства Свободы.

Он убедил этим вчерашних святотатцев, и они стали собирать оставшиеся кости и отыскивать унесенные жителями реликвии.

Однако закончилось это для них трагически. На следующий день они попали в засаду и были перебиты все до единого. Современники считали это перстом Божиим, карой за злодеяние, хотя вполне можно предположить и месть осквернителям могилы, хотя те с не меньшим усердием и восстанавливали гробницу, водрузив на прежнее место гроб и прикрыв его огромной плитой, на которой впоследствии появилась довольно нелепая надпись о заслуге здесь почившего, предсказавшего победу Царства Свободы, не упоминая последствий этой победы для кровотока Франции.

В таком виде, правда, со стертими в 1813 году словами о «Царстве Свободы», могила Нострадамуса существует и поныне. К сожалению, портреты Нострадамуса во весь рост и автопортрет его сына Цезаря бесследно утрачены.

Но облик и внутренний образ Нострадамуса можно увидеть в строках его друга и ученика Шовиньи, [1] обменявшегося с ним последними в жизни прорицателя фразами.

Шовиньи писал:

«Он был скорее маленького, чем среднего, роста, но пропорционально сложен, тело крепкое и сильное, большой лоб, каштановые волосы, серые с блеском глаза, прямой ровный нос, смеющееся открытое и в то же время несколько суровое лицо, на котором нельзя было увидеть особой мягкости, на щеках его до самой смерти играл румянец; борода длинная и густая; он производил всегда впечатление здоровяка; обладал быстрым пронизательным умом, легко охватывающим все, что ему нужно; суждения высказывал глубокие и веские, имел прекрасную, почти божественную память; по натуре молчаливый, он чутко выбирал, когда нужно говорить, а когда молчать; человек довольно вспыльчивый, если ему противоречили; трудолюбивый и усидчивый больше, чем кто-либо другой на свете; отдыхал он ночью не более четырех или пяти часов, посвящая все остальное время изучению и созерцанию звезд; высоко ценил в собеседнике способность выражать мысли и сам великолепно их излагал; умел тонко и деликатно, иногда даже язвительно пошутить, всегда радостный и приятный в общении с друзьями, серьезный и сдержанный с остальными». Переводчик катренов Нострадамуса, «историк иного мира» Наза Вец, не раз пользуется понятием о «Слоях Времени», что перекликается с воззрениями античных философов (например, Пифагора) о том, что все в жизни повторяется и уже происходило. Это, конечно, противоречит представлению самого Нострадамуса о своем даре предвидения, который он считал идущим от самого Бога и унаследованным от предков.

В остальном Наза Вец стремился придерживаться оригинала на старофранцузском

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
языке, расшифровывая заданные автором исторические ребусы и заменяя древние
и мифические названия понятиями XX века.

Нострадамус сам признавался, что некоторые его предсказания могут оказаться
ошибочными, ибо он не БОГ, а только человек. Но все равно, настаивал он,
эти предвидения существуют, что наталкивает на мысль о знакомстве или
представлении прорицателя о теории вероятностей и предсказании им различных
вариантов развития событий.

Им создано около тысячи катренов, не все сохранились, но многие из
известных могут служить в расшифрованном виде картиной реально свершившихся
впоследствии событий. Нострадамус не хочет, чтобы читатель распознал точно
дату предсказываемого, ибо человек не должен знать своего будущего, которое
неотвратимо. И он намеренно располагает свои катрены хаотически. Но порой
указывает даты предстоящих событий с удивительной точностью. Это относится
к дате собственной смерти в 1566 году, надруганию над его прахом в 1607
году в указанный им день и час, свержению монархии во Франции в 1792 году
после революции 1789 года, начавшейся, как он и указывал, в Марселе, и
четвертая дата – конец света в 3797 году, который означает, как указывает
сам Нострадамус, не конец мира, а его преобразование.

Прикосновение к пророческим катренам вызывает ощущение загадочного и
необъяснимого. Это можно подтвердить некоторыми замечательными совпадениями
(или закономерностями?).

Для примера возьмем два достаточно прозрачных катрена в переводе того же
Наза Веца:

Дает гвардейцам страны грабить
Герой невиданных побед.

Пойдет на север славы ради,
В снегах оставив бегства след.

IV Центурия, катрен 75

Вождь к северу двинет несчетные силы,

Европу подмять перед тем поспешив;

Чтоб в битвах идеи его ж погубили.

Кто жил вдоль Дуная – в злой будут тиши.

VII Центурия, катрен 15

Легко узнать в первом катрене Наполеона Бонапарта с его гвардией, баловня
побед, покорившего и разорившего европейские государства, рискнувшего на
свою беду вторгнуться в снежные просторы России.

Второй катрен напомним зловещую фигуру Гитлера, для которого Наполеон был
кумиром, но вслед за повторением его завоеваний в Европе он повторил и его
трагическую ошибку нашествия на страну снежных просторов и непознаваемых
характеров.

Сличив даты взлета и ярких побед этих завоевателей, невольно испытываешь
чувство удивления. Дело в том, что коронация Наполеона и захват власти
Гитлером, так же как захват сначала одним, а потом другим Вены, отстоят
одно от другого на 129 лет, а вот падение их, отречение от трона Наполеона
и гибель загнанного в бункер фюрера разнятся на 130 лет. Всего лишь год
разницы! Не означает ли это роковую близость их побед и окончательного
поражения?

Но нас интересует другое. Как мог описывать Нострадамус в своих катренах
подводные лодки, самолеты, бомбардировки, боевые машины-амфибии,
отравляющие газы и иные ужасы преступно используемых достижений
человеческой мысли?

И предвидения Нострадамуса так и остаются загадкой, ждущей своей гипотезы,
основанной на фактах.

В то же время его катрены соприкасаются с живыми событиями нашей обозримой
истории.

Но для чего же публиковал свои страшные четверостишия добрый доктор
Нострадамус, ученый, математик, борец против чумы? Может быть, для того,
чтобы запугать грозящими бедами, войнами и наводнениями (от падения ли
астероидов или «парникового эффекта» задымленной атмосферы)? А может, для
того, чтобы они ощутили не «конец света», а то «ГРОЗНОЕ РАСПУТЬЕ», на

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org котором окажется человечество в результате всей своей деятельности на Земле? И спустя тысячелетия, когда люди должны будут сделать выбор, каким путем дальше идти, снова встанет «оживший в своих катренах» Нострадамус, который писал сам о себе:

Еще живой, но даже после смерти
Я обрету бессмертье в памяти людей.
Память эта будет благодарной, а в этих строках мы видим еще одно бесспорно сбывшееся его предсказание. Он живет и будет жить в памяти людей.

Дорогой смерча

Революцию задумывают гении, а используют негодяи.
Наполеон Бонапарт
Новелла первая. КРОВЬ СВОБОДЫ

Раскаты Марсельского грозного грома,
Сверкание молний упавших секир,
Не слышит народного горького стона
Поправший свободу кровавый вампир.
Нострадамус. Центурии, XII, 7.
Перевод Наза Веца

– Выходите, гражданин маркиз, – сказал тюремщик, открывая дверь камеры.

Маркиз де Сад, удивленный таким обращением к себе, покорно пошел за надзирателем, разглядывая его сутулую спину, висящие на поясе ключи и пристегнутую саблю.

В коридоре пахло свежим воздухом, словно в конце его наружная дверь была открыта.

– Какой нынче день? – спросил узник тюремщика.

Тот обернулся. Глаза его на заросшем лице вылезали из орбит то ли от ужаса, то ли от гнева.

Но Анри де Сад, получив медицинское образование в университете Монлелье, уже давно поставил диагноз своему провожатому. Тот не был ни испуган, ни разгневан, а скорее встревожен, и под бородой у него, конечно, скрывался характерный для его болезни зоб.

– Запомните этот день, гражданин маркиз, 15 июля 1789 года, день взятия народом Бастилии, – торжественно объявил страж.

– Взятия Бастилии? – поразился маркиз. – Зачем?

– Революция! Против его величества короля Франции Людовика XVI.

– Он уже стал королем? Регентство герцога Орлеанского кончилось?

– Да, их величество стали королем. Но надолго ли? Созданное Учредительное собрание свяжет ему руки. Пока краснобаи мутили народ на улицах, теперь будут зажигать речами революционный Парламент.

Революция! Радость охватила Анри де Сада. Сочувствие ее идеалам и заступничество за преследуемых философов – вот он и оказался в Бастилии. Регент не церемонился и в промежутках между кутежами расправлялся с поборниками «свободы, равенства и братства». Каков-то будет теперь король, ограниченный властью Парламента?

Тюремщик словно ответил на его незаданный вопрос:

– В Бастилии, кроме вас, гражданин маркиз, не осталось ни одного узника. Добряк король успел всех освободить до появления революционных толп. Они требуют снести Бастилию, оставить меня без работы. А как прокормить семью?..

И выпученные глаза болезненного стража стали печальными и помутнели.

Анри де Саду даже стало жаль тюремщика. Он как-то привык к нему за проведенные здесь годы.

Сам он был по сравнению с ним невысокого роста, с глазами иссиня-черными, выдающими итальянское происхождение. Лицо обросло бородой с преждевременной для его сорока трех лет сединой.

Яркие лучи солнца ослепили, заставили зажмуриться.

Открыв глаза, маркиз увидел пеструю толпу, множество красных фригийских шапочек на головах и трехцветные флаги над ними. Люди возбужденно кричали.

Ему показалось, что они радуются его освобождению, но он горько усмехнулся.

Толпа требовала разрушить Бастилию и расправиться с аристократами...

Свой парижский дом Анри де Сад нашел в порядке, хотя и запущенным. Из всех его слуг остался только старик-дворецкий с трясущимися руками. Он заплакал при виде хозяина в отрепьях, в которые превратился когда-то нарядный камзол, и сразу же помог ему переодеться, чтобы можно было показаться и в салонах, и просто на людях.

Освободившись с его помощью от несносной бороды, маркиз отправился на остров Сите привычно полюбоваться на величественную громаду собора Нотр-Дам, а потом на набережную у моста «развалов», где, бывало, простаивал часами.

Он обрадовался при виде разложенной на лотках мозаики разнообразнейших книг. Ему доставило удовольствие найти среди этой сокровищницы культуры любимых писателей: Беранже «Свадьба Фигаро», Вольтера – «Кандид», «Брут», озорную сатиру «Орлеанская девственница»; здесь же противостоящий Вольтеру в стремлении к прогрессу призывом к патриархальной старине Жан-Жак Руссо с трактатами «Об общественном договоре», «Рассуждения о начале и основаниях неравенства», где доказывалось, что началом всех зол является собственность, и его же романтические «Новая Элоиза» и «Исповедь». Сюрпризом для де Сада было увидеть изрядно зачитанную, но продающуюся его собственную книгу, врачебный трактат о половом извращении с причинением партнеру боли, наслаждении чужим страданием, проявлением жестокости. Это описанное им явление назвали его именем «садизм». Но несправедливая людская молва вменила ему же в вину то, что он сам «садист».

Усталый, насладившись приобретенной свободой, вернулся де Сад в свой дом, где старик дворецкий управлялся с обедом, сетуя на то, что в городе творится невообразимое. Крестьяне боятся привозить на рынок продукты. Всего не хватает, во всем дефицит. И, как это ни дико, народ обвиняет в этом королеву, австриячку Марию-Антуанетту, называя ее «Мадам Дефицит». Должно быть, просто из ненависти к королевскому дому, видя королеву разъезжающей по предместьям, помогающей там голодающим, где одна женщина съела своего ребенка и была казнена.

Дефицит становится все ощутимее с каждым днем. Цены на все самое необходимое безбожно возрастали, и дворецкий не знал, как свести концы с концами.

Заняться врачебной практикой Анри де Саду, бывшему аристократу, нечего было и думать. Его еще обвинят в попытке вредить людям, в садизме...

И маркиз де Сад решил уехать в деревню в свой наследственный «замок» в Провансе.

«Замок» этот, где он провел счастливые годы с ныне покойной женой, был просторным деревенским домом со двором, полным домашней птицы.

Чтобы добраться до него в наемной карете, де Саду пришлось продать кое-что из мебели, а в «замке» велось натуральное хозяйство, и семья управляющего избавила Анри от каких-либо забот.

Он любил гулять по полям, где его арендаторы-крестьяне выращивали щедрые дары земли.

Он никогда не отказывался помочь им, если кто в семье заболел.

Так и в этот день он возвращался с фермы, оказав помощь больному ребенку, и

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
теперь задержался в поле.

День был солнечный, в небе плыли редкие облака, и Анри лег в траву, смотря в небо и наслаждаясь тишиной, которая отдавалась щекочущим звоном в ушах.

Он думал о Париже, откуда доходили тревожные слухи.

Франция уже стала республикой. На миг сверкнула, как первый возглас коммунистов, муниципальная власть столицы, и Парижская коммуна сменилась якобинцами, поддержанными из ненависти к феодалам жирондистами, ставленниками богатых в Конвенте, клокотавшем речами прославленных ораторов. Анри удалось их послушать с галереи, когда он из любопытства побывал в Конвенте.

Там шла непримиримая борьба за власть.

Громовержец Дантон, властный Робеспьер, спокойный Марат, защитник низших слоев общества, рвались к ней от имени так называемого плебса.

Пришло известие, что огромный, могучий Марат убит в ванне собственной любовницей Шарлоттой Корде. И это вызвало вспышку красного террора. Изобретенная адская машина для отсечения голов без усталости работала, красуясь на эшафоте, куда вели и аристократов, и вчерашних соратников в Конвенте. Якобинцы во главе с непреклонным Максимилианом Робеспьером, став у власти, не знали пощады.

«Зачем, зачем это? – задавал себе вопрос Анри де Сад. – Разве справедливость достигается насилием, кровью?»

Он вздохнул, поднялся, отряхнул свой голубой камзол и отправился к своему «замку».

Еще издали удивился привязанным перед воротами чьим-то лошадям. Они переминались с ноги на ногу и жевали корм из подвешенных к мордам торб.

Со двора несся птичий гомон и хохот многих мужчин.

Открыв калитку, он увидел забавное зрелище. По всему двору, разгоняя испуганных кур, бегал здоровенный национальный гвардеец, пытаясь нагнать ускользающего от него красного петуха. Другие гвардейцы, взявшись за бока, смеялись.

Тогда разгневанный преследователь выхватил сверкнувшую на солнце саблю и ловким ударом снес голову убегающему петуху. Однако, и обезглавленная, птица продолжала бежать и даже попыталась взлететь на забор, расправив крылья, но упала замертво после неудачного прыжка.

Гвардеец наконец настиг свою жертву и поднял ее за красочное крыло над своей головой, гордясь одержанной победой

Солдаты радостно приветствовали ловкого рубаку а кто-то из них крикнул, что он действовал не хуже гильотины.

– Для вас же, дурни, старался, – сказал тот. – Будет прекрасная куриная лапша.

– Петушина, – поправил кто-то.

И только тут они заметили вернувшегося домой маркиза. Гвардеец с лихо закрученными усами и испанской бородкой передал петуха солдату, приказав ощипать его, а сам обратился к Анри де Саду:

– Если не ошибаюсь, гражданин, вы и есть бывшая сиятельная светлость маркиз де Сад?

– Совершенно так. Анри Жак де Сад к вашим услугам.

– Мне очень жаль. Я отнюдь не предвещаю вам судьбу этой птицы, но у нас есть приказ арестовать вас и доставить в Париж.

Анри де Сад пожал плечами.

– Надеюсь, после того, как вы сварите петуха?

– Конечно! И мы с вами вместе отведаем это блюдо. Наш капрал искусный повар, уверяю вас.

– Прошу в дом, – предложил маркиз.

Гвардейцы последовали за ним в помещение.

– Что-то не слишком тут у вас роскошно для бывшей светлости, – сказал все тот же победитель петуха, оглядывая голые стены.

Де Сад снова молча пожал плечами:

– Я не столько маркиз, сколько врач.

– Ах вот как? Вот у меня ухо побаливает.

– Я охотно посмотрю.

– Ладно, ладно. После.

Толстый управляющий, с редкой растительностью, как поле в неурожайный год, на плоском лице, суетился с обедом.

Конечно, для французов обед – не обед, если нет вина. Жена управляющего, маленькая хохотушка с черным пушком над смеющимися губами, с которой заигрывали гвардейцы и один из них даже получил затрещину, принесла из погреба небольшой бочонок вина, который и был распит за здоровье маркиза, его управляющего, его жены и даже в память славного петуха, вспорхнувшего без головы.

Потом гвардейцы уснули, извинившись, что вместо кареты они захватили для маркиза верховую лошадь.

Управляющий, из бывших арендаторов, уговаривал хозяина воспользоваться случаем и ускакать в Экс, где его не сумеют найти, но маркиз отказался:

– Они мои гости, хоть и выполняют приказ о моем аресте. Я не хочу подвести кого-либо из них под расстрел или гильотину.

Управляющий удрученно вздохнул, отчего его лицо стало еще более плоским. Пока гвардейцы спали, он снабдил маркиза деньгами, собранными у арендаторов, посоветовав воспользоваться ими ради собственной свободы, подкупив гвардейцев, если не по пути, то хоть в Париже. Он считал, что деньги всесильны.

Проснувшиеся гвардейцы удивились, что на славу угостивший их маркиз не сбежал, покачали головами и пошли отвязывать коней.

Их старший, тот, что гонялся за петухом и срубил ему голову, прозванный солдатами «мсье Гильотин», поблагодарил маркиза, что он не подвел их, потом тепло попрощался с управляющим, даже обнял его, и ущипнул за оттопыренную сзади юбку его жену, получив на прощание еще одну затрещину.

– Поистине у нас в стране свобода, равенство и братство, – заключил он. – Итак, гражданин маркиз, соответствующее вашему выбору седло ждет вас.

Остальные гвардейцы уже были на конях.

Управляющий с женой смотрели вслед поднятому всадниками на дороге облачку пыли. Она вытирала глаза платком. Он хмурился, топорща редкую бороду.

Небо было ясным, вопреки тому, что делали под ним люди. За те несколько дней, которые отряд был в пути, гвардейцы сдружились с маркизом, называли его «своим славным дядей».

Когда до Парижа остался день пути, они сговорились между собой, предложили маркизу бежать и скрыться в Париже.

– Мы устроим погоню не хуже, чем за петухом... – уверяли они.

– И мсье Гильотен[2] срубит мне на всем скаку голову? – улыбнулся Анри де Сад. – Я не хочу, чтобы из-за меня ее рубили кому-нибудь из вас. Не хочу, чтобы во Франции была «свобода мрачности».

Так они въехали в Париж.

Но сбить маркиза с рук оказалось не так просто. Все тюрьмы были переполнены преступниками и аристократами, а вместительную Бастилию по решению Конвента наполовину уже разобрали.

Де Сад горько улыбнулся, вспомнив тюремщика с выпученными глазами.

Наконец пристанище для привезенного арестанта нашлось. Им оказался двор за железной решеткой, куда выходили два подъезда былых особняков родственной знати. Теперь их очистили от нее, но входить под крышу арестованным аристократам разрешалось только в дождь и на ночь, располагаясь спать вповалку на паркетном полу, на котором они привыкли танцевать свои менуэты, раскланиваясь друг перед другом. В остальное время они бродили по двору и разделявшему его садику

Этот «загон» для аристократов, как они сами называли место своего заточения, охраняли гвардейцы, украшенные национальными трехцветными ленточками.

Аристократы держались гордо. Ходили по двору с высоко поднятыми головами, заложив руки за спину, все в голубых дворянских или шитых золотом камзолах, а дамы, их было немало, в красивых, хоть и помятых, платьях и с убранными в прически волосами, с чем они непривычно справлялись без горничных, помогая друг другу.

Их видели толпы зевак, стоявших за решетчатой изгородью, а порой и толпы кричащих плебсов, осыпавших заключенных отборной бранью.

Анри де Сад с жалостью смотрел на этих беснующихся от ненависти людей, уверявших, что они только что любовались на площади близ Бастилии четкой работой гильотины, которая ждет всех здесь заключенных.

Стоявший рядом с маркизом де Садом генерал сказал:

– Канальи! Так называл их один молодой офицер, когда мы с ним видели их у Тюильри. Король подошел к окну. Слабый добряк. Он надел па голову их дурацкий колпак, фригийскую шапку в знак того, что он тоже «революционер».

– И что же этот молодой офицер? – спросил маркиз.

– Он сказал, что разогнал бы этих каналий несколькими выстрелами из пушек картечью. Уложил бы пару сотен – и все тут! По выговору его я понял, что он родом с островов. И фамилия у него была необычная – Буонапарте.

– Буонапарте? – повторил маркиз. – И ударение на предпоследнем слоге?

– Именно так. Жаль, что нет здесь ни пушек, ни этого молодца-артиллериста, чтобы разделаться с этой чернью, – презрительно закончил генерал.

Анри де Сад не сблизился с ним после этого разговора, зато со старым аббатом, с которым сидел рядом на ступеньках подъезда, как-то сразу нашел общий язык.

На вопрос священника, как он сюда попал, де Сад ответил:

– Меня привезли сюда из Прованса только за то, что я маркиз. А вы, отец мой?

– Отец Жаколио, – отозвался священник. – Я обыкновенный кюре. Но таково предсказанное время, в котором мы живем: «Никогда прежде, даже в Африке, не подвергалась Церковь таким гонениям, как в 1792 году, а ведь в этих годах каждый хотел видеть провозвестников новой эры».

– Мудрые слова, – согласился маркиз.

И написаны они, уважаемый маркиз, двести тридцать семь лет назад, в 1557 году, Нострадамусом в послании его к Генриху II. Господь наделил этого пророка чудесным даром прорицателя, предвидевшего бури и невзгоды революции и другие предстоящие людям беды.

– Сожалею, что не знаком с его предсказаниями, зная Нострадамуса лишь как врача.

– Опасаюсь, что нам с вами не раз придется столкнуться с его мрачными предсказаниями, дорогой маркиз.

Каждый день, как и другие заключенные, ждал де Сад своей очереди.

На его глазах вводили под конвоем поникших или бодрящихся мужчин, отчаявшихся женщин. И это было невыносимо. Спрятаться некуда, да и нельзя, ведь в списке может быть назван и он сам...

Он сидел, уткнув лицо в колени, и мысленно видел лебединые шеи уводимых красавиц, которыми он любовался в салонах, видел хмурые или осунувшиеся бледные лица мужчин и рядом с ними рыдающих женщин. И он вздрагивал, представляя себе их участь: тяжелый нож с острым скошенным лезвием, падающий в адском устройстве гильотины, касаясь кожи и в мгновение ока отделяя голову от живого тела. Из отрубленной шеи хлынет поток крови, принимаемый предусмотрительно сделанным желобом, оставляющим эшафот чистым...

И врач, видевший на своем веку немало крови, на самом деле ничего этого не видя, уже чувствовал себя дурно...

Жирондисты, эта партия «жирных» богатеев, заседавшая в Конвенте, перешла на сторону контрреволюции. Образовавшееся в Конвенте правое большинство приговорило вождей якобинцев к казни, как те приговаривали до этого сотни и сотни людей, развязав невиданный террор, уничтоживший даже изобретателя гильотины доктора Гильома.

Аристократам, согнанным во двор между особняками, объявили, что их освободят после того, как они на площади перед Бастилией увидят своими глазами возмездие над якобинцами, стремившимися уничтожить знать.

Анри де Сад чувствовал себя скверно, содрогаясь от одной только мысли, что предстоит там увидеть.

И увидел, уже не в воображении, а наяву, возведенного на эшафот Максимилиана Робеспьера, одетого, к удивлению де Сада, в голубой дворянский камзол, носителей чего он так яростно уничтожал.

Теперь он стоял перед собравшимся поглазеть на его смерть народом, прямой, даже гордый, словно готовясь произнести сейчас одну из своих зажигательных речей с требованием к Конвенту вынести смертные приговоры бывшим графам и маркизам.

Он продолжал стоять, не желая склониться перед гильотиной. Пришлось двум дюжим палачам поставить его на колени перед блестящими на солнце, отшлифованными стойками с красующимся вверху тяжелым, готовым упасть ножом со скошенным лезвием.

Диктатура, порожденная революцией! Да, по существу, и сама революция во Франции заканчивалась. Гильотине предстояло срубить ей самой голову на пятом году ее существования.

Анри де Сад не мог смотреть на это и отвернулся, вглядываясь в лица возбужденных людей, которые в отличие от приведенных сюда аристократов сами пришли, чтобы увидеть кровавое зрелище.

Не для того ли являлись на трибуны Колизея древние римляне, наслаждаясь видом умирающих гладиаторов или растерзанных дикими зверями первых христиан? А толпы глазееющих на сжигание живьем на кострах Испании и Италии еретиков или «ведьм» во время бесчеловечных «аутодафе» (зрелище с огнем)? Не это ли можно назвать «садизмом толпы», дополнив свою уже изданную книгу исследованием массового патологического любования чужой болью?

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
Смертников, приговоренных революционным или контрреволюционным Конвентом, подвели к эшафоту, заставив выстроиться в очередь.

По выражению лиц в толпе Анри де Сад понял, что «действие» произошло.

На эшафот поднимался стоявший вторым в очереди брат Максимилиана Робеспьера Огюст...

Проснувшись через толпу, маркиз де Сад ушел с площади и никто его не задержал.

Он уже обрел свободу, возвращенную ему в конце пятого года революции, а Франция, утратив ее, получила новую диктатуру директории.

Новелла вторая. Черная карета

Глубокой ночью через потайную дверь
Король весь в черном с королевой в белом
Бежит из клетки, вырвавшись, как зверь,
Но будет схвачен все ж в попытке смелой.
Нострадамус. Центурии, IX, 20.

Перевод Наза Веца

– Бурьен, друг мой! – воскликнул невысокий худой лейтенант в поношенном сюртуке, обнимая приятеля по военному училищу, который не пошел по военной линии.

– Не ожидал увидеть тебя в Париже, – отозвался щеголеватый молодой буржуа с фатовато закрученными усиками на узком лице.

– Улаживаю в военном министерстве кое-какие дела.

– А что такое?

– На Корсике смутьяны поднимают голову, – неохотно ответил военный, отбрасывая рукой непослушную прядь волос с высокого лба. – Вот я и захватил со своим отрядом одну из крепостей сепаратистов. Без разрешения начальства, разумеется.

– Ты всегда таков. Выше тебя нет никого!

– Выше благоприятных обстоятельств, приятель. Нельзя их упускать, особенно в военном деле, ожидая утверждения твоих решений. Надеюсь втолковать это кабинетным генералам.

– Всегда считал, что ты далеко пойдешь.

Молодые люди стояли посередине узенькой улочки парижского предместья с балконами, нависавшими над тротуарами, и вывесками с изображениями изделий, которые изготавливали здесь ремесленники.

Послышалось пение «Марсельезы».

Из-за угла, занимая всю ширину улицы, появилась толпа возбужденных людей.

Друзьям пришлось посторониться, перейдя ближе к домам.

Бедно одетые люди выкрикивали между куплетами песни:

– Ко дворцу! К ответу короля!

– У нас здесь все занимаются политикой и никто не хочет работать, – заметил Бурьен.

– Зададим перцу мадам Дефицит! – слышался визгливый голос.

– О ком это? – спросил лейтенант.

– О королеве, об «австриячке» Марии-Антуанетте. Удивительный народ! Прозвал ее «Мадам Дефицит» за то, что она разъезжает по предместьям и пытается снабдить людей продуктами, которых все меньше становится в продаже. Неурожай, да и боятся крестьяне племса. Я беспокоюсь за дела отцовской

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org фирмы. Не везут, каналы, товаров на рынок.

– Пойдем вот за этими каналами, – предложил лейтенант.

– Зачем? – удивился буржуа. – Это же плебс!..

– Тем более, – мрачно заметил лейтенант. И в словах его было столько властной воли, что его приятель подчинился.

Перед Тюильрийским дворцом толпилось множество людей. Слышались уже знакомые молодым людям оскорбительные выкрики.

– Враги революции довели страну до нищеты!

– На эшафот продажных министров! В окне дворца появилась громадная фигура толстяка в красной фригийской шапочке.

– Король! Король! – слышалось в толпе.

Какой трус! – с презрением заметил лейтенант и добавил в адрес Людовика XVI казарменное ругательство. – Покорно кланяется этим каналам, вместо того чтобы из пушек уложить картечью человек пятьсот-шестьсот. Остальные разбежались бы.

Король, стоя у открытого окна, среди гула голосов не мог услышать этих слов дерзкого лейтенанта, которые его приятель Бурьен впоследствии опубликовал, гордясь тем, что услышал их 20 июля 1792 года от того, чье имя с трепетом произносилось во всей Европе, став его личным секретарем.

Людовик XVI видел перед собой огромную россыпь голов с такими же, как у него, шапочками у многих. Они показались ему каплями разбрызганной крови, и он передернул полным плечом.

Лакей в раззолоченной ливрее закрыл по его знаку окно и, пятясь, удалился.

Король подошел к стоящей поодаль королеве, сутулясь и виновато втягивая голову в рыхлые плечи.

– Они называют меня «Мадам Дефицит», – возмущалась королева. – Меня! Которая старается им же помочь его преодолеть!

– Что делать? – хриплым от волнения голосом отозвался король. – Это ведь плебсы... Трудно ждать от них благодарности...

– Ваше величество совершенно правы, говоря так о черни, – произнес неслышно подошедший, по-кошачьи мягко ступая по ослепительному паркету, один из самых ярких роялистов, защитников короля, граф Аксель де Форсен.

– Ах, это вы, граф! – повернулся к нему король, вытирая белоснежным платком свою толстенную шею. – Не находите ли вы, что сегодня особенно жарко?

– И даже весьма жарко, ваше величество. Настолько, что я решаюсь просить вас об ускорении вашей поездки к вашему другу королю Швеции Густаву.

Король нервно комкал в руках свою фригийскую шапочку.

– Граф прав, – решительно вмешалась Мария-Антуанетта. – И я думаю, что нам с детьми следовало бы сопровождать его величество.

– Да... но, – нерешительно произнес Людовик XVI.

– Именно так! – вкрадчиво поддержал королеву де Форсен. – Под видом умиротворения войск союзных монархов, угрожающих революционной Франции, вы могли бы отправиться в Мереди через Варенн, чтобы встретиться с королем Густавом и другими своими августейшими друзьями и родственниками. И все уже подготовлено вашими верными приверженцами для такого путешествия.

– Но ведь стража здесь охраняет не столько дворец, сколько меня в дворцовой клетке, – вздохнул толстяк.

– Несмотря на ваш клоунский колпак, этот символ революции! – раздраженно

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
добавила Мария-Антуанетта.

– Поверьте, ваши величества, все учтено. Вы смогли бы при высочайшем вашем желании уже этой ночью пройти всей семьей через сад. Карета будет ждать в переулке.

– Но одно ее появление там вызовет переполох, – слабо сопротивлялся король, продолжая в нерешительности теревить злополучную шапочку.

– Мы едем нынче же ночью, – решительно объявила Мария-Антуанетта. – Позаботьтесь, мсье де Форсен, об отряде сопровождения.

– Все учтено, ваше величество. Отряд отборных роялистов из числа преданной королю французской знати будет ждать в переулке появления кареты, чтобы скакать рядом и позади нее, без всяких остановок в пути.

– Как это так? – удивился король. – Лишиться элементарных удобств? С нами будут дамы, дети. Такое путешествие скорее походит на бегство!

– Как вашему величеству будет угодно называть его, – поклонился граф де Форсен. – Я лишь принимаю меры предосторожности, стремясь сделать путешествие наименее обременительным и, возможно, более быстрым, пусть и ценой некоторых преодолимых неудобств, ибо нравы плебса торжествуют не только в Париже, но и в провинциях. И только вмешательство короля Густава и союзных с ним государей может помочь роялистам вернуть вашему величеству священную власть.

Ночь на 21 июля была на редкость темной. Луна зашла за горизонт, а небо после дневного зноя затянуло тучами. Звезды не появлялись. Деревья и кустарники в саду выглядели черными стенами.

Король взглянул в потемневшее окно и направился в апартаменты королевы.

Он был весь в черном и удивился, что вместо дорожного костюма королева была в белом платье, прикрытом белым шелковым плащом.

– Не кажется ли вам, моя дорогая, что вы будете смотреться в саду не менее ярко, чем на балу, заинтересовав кавалеров из дворцовой стражи?

– Как раз об этом я и подумала, выбирая одеяние, ответила Мария-Антуанета. И подняла свой шелковый плащ на изящной трости к самому потолку. Не кажется ли вам, мой дорогой король, что такое привидение, появившись в саду, скорее уберет оттуда стражу, чем привлечет ее?

– Преклоняюсь перед вашей выдумкой и отвагой, – расшаркался король.

Они вместе прошли по длинной галерее, тянувшейся через весь дворец, пока не остановились перед замаскированной общим орнаментом тайной дверью, ключи от которой оказались у Марии-Антуанетты.

Оплывшее лицо ее толстого супруга стало удивленным.

– Я уже выпустила мадам де Турзель с детьми в сад, где они ждут нас, – пояснила королева.

Король храбрился и даже попытался пошутить:

– Надеюсь, моя дорогая, что вы не впускали через эту дверь незнакомых мне мужчин?

– Можете быть уверены, ваше величество, что ваши сыновья унаследуют ваше телосложение и ум, – отпарировала Мария-Антуанетта.

– А дочь – вашу красоту, – примирительно закончил король. В открывшуюся дверь пахнуло ночной свежестью.

Дети и мадам де Турзель вдали в кустах вместе с графом де Форсеном. Все в серых дорожных костюмах.

Граф пошел первым, шагая по-кошачьи, а за ним, подняв на трости свой шелковый плащ, шла королева-призрак.

Прогуливавшийся с наружной стороны ограды национальный гвардеец, увидев гигантское привидение в саду, ускорил шаг, стараясь оказаться подальше от этого места, и калитка оказалась неохраняемой.

Потом он будет рассказывать в казарме о страшном призраке, который напал на него...

План королевы удался. Ее семья в сопровождении приближенных спокойно вышла на площадь и сразу же свернула в переулок. Там и ждала их темная дорожная карета, сливаясь со стенами домов, где не светилось ни одного окна.

Это был обычный дилижанс, призванный забирать на станциях попутных пассажиров, изобретенный еще при кардинале Ришелье двадцатилетним Блезом Паскалем, впоследствии знаменитым ученым, ушедшим в монастырь, не сумев понять смысла бесконечности, заведшей, по его мнению, науку в тупик.

Для короля с королевой переулок был не тупиком, а открытой дверью к свободе и возвращению утраченной власти.

Мадам де Турзель посадила детей и втиснула в карету объемистую коробку с интимными принадлежностями, необходимыми в пути без остановок. Следом сели и король с королевой.

Граф де Форсен поднял подножку и осторожно, без шума прикрыл дверцу кареты, а сам вскочил на козлы рядом с кучером-гренадером, державшим меж колен мушкет, а за поясом пару пистолетов.

Карета тронулась и, проехав в соседний переулок, встретила с ожидавшими ее всадниками.

На заставе перед выездом из Парижа карету задержали национальные гвардейцы.

Граф де Форсен соскочил с козел и подошел к старшему из гвардейцев.

– В карете мешки с серебром. Отряд охраняет их, – сказал он. – А чтобы вы могли убедиться, что это так, передаю вам один из мешков с серебром. Ознакомление с содержимым займет у вас слишком много времени, а мы спешим.

Гвардеец ухмыльнулся в усы, взвесил мешок на руке и сказал, взглянув на храпящих коней сопровождения «серебра»:

– Жаль, что не золото. Можете следовать. И карета помчалась по дорогам Франции.

Начало светать. Стали видны раскинувшиеся по обе стороны дороги поля с вышедшими чуть свет на работу крестьянами, без особого интереса поглядывавшими на карету.

И поля, и перелески были подернуты прозрачной синеватой дымкой, которую так тонко подмечают французские живописцы в своих непревзойденных пейзажах.

Может быть, здесь ночью прошла, минуя Париж, гроза, разразясь после вчерашнего знойного дня, и пар поднимался теперь с земли?

Всадники скакали не только позади кареты, но и рядом с нею.

Оба мальчика, проснувшись, принялись за военную игру, стреляли из воображаемых ружей и пистолетов в скачущих рядом всадников.

Правда, никто из них не выпадал из седла, но звуки выстрелов усердно воспроизводились и семилетним Карлом Людовиком, и его братом Луи Жозефом.

Их сестренка, названная в честь своей бабушки, австрийской императрицы, Марией-Терезой, расширенными глазенками смотрела в окно, больше интересуясь лениво пасущимися коровами, чем забавой братьев.

Кучер-гренадер безжалостно гнал запряженных цугом лошадей вскачь, так что всадники еле поспевали за ними. Казалось, кони упадут, загнанные насмерть, но карета, подпрыгивая на ухабах и оставляя за собой облако пыли мчалась споря с ветром, так, как, видимо, прежде никогда не передвигалась. Жителям

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org местечка, где происходила диковинным способом смена лошадей в последний раз перед Варенном, представилось необыкновенное зрелище. Карету, как и на предыдущих почтовых станциях, встречал отряд драгун из верных королю полков. Они пускали своих коней во весь опор и, поравнявшись с упряжкой, ловко передавали гренадеру крюк от новой упряжки свежих лошадей. Гренадер, чуть придержав своих коней зацеплял крюк за кольцо в передке кареты, а старую упряжку скачущий рядом драгун подхватывал и отводил в сторону. Карета же продолжала мчаться, увлекаемая галопом свежих коней.

Всадники сопровождения тоже на ходу перескакивали на коней поравнявшихся с ними драгун, а потом догоняли карету. Наблюдая эту невиданную операцию, король заметил:

- Это достойно самого увлекательного представления. Кто это придумал?
- Важно ехать как можно быстрее, чтобы посланная за вами погоня не догнала бы нас, а загнала лошадей, – сказала Мария-Антуанетта.
- Не перестаю гордиться вами, – произнес король, вытирая платком уже мокрую шею.

Поистине «бегство», или «прогулка», королевской семьи было организовано с блеском. Никакая погоня, принимая во внимание выигранные ночные часы, не смогла бы догнать беглецов, все время меняющих лошадей, чего не могла бы сделать погоня, заранее не заготовившая подмену.

Но как бы быстро, споря с ветром, ни мчалась черная карета по пыльной дороге, существовало нечто, что намного перегоняло и ветер, и ее саму.

От Парижа до Варенна, так же как и в других направлениях, от столицы невидимыми лучами расходились линии сигнального телеграфа.

На холмах в пределах видимости постоянно дежурили сигнальщики, передавая флажками сообщения. Так от одного холма или деревянной вышки, сооруженной там, где возвышенности не было, сообщение летело действительно быстрее ветра, с которым пыталась спорить черная карета со сменяющейся упряжкой мчащихся во весь опор коней.

Из Варенна ей навстречу были высланы гвардейцы устроившие у дороги засаду.

Всадники сопровождения один за другим посыпались с седел, словно мальчики в карете стали в самом деле стрелять в них. Из придорожных кустов вспыхивали дымки настоящих выстрелов.

Кучер-гренадер выхватил пистолет и стал стрелять. Мальчики теперь видели, как мимо кареты проносились лошади без седоков.

Граф де Форсен подхватил у кучера вожжи, когда тот скатился с козел на дорогу. Граф, поняв бессмысленность, сопротивления, остановил лошадей.

Подскакавший конный гвардеец с трехцветной эмблемой на шапке спрыгнул на землю и, открыв дверцу кареты, вежливо обратился к королю:

- Ваше величество! Извините за беспокойство, но мне передано приказание Конвента сопровождать вас в Париж, где вас ждут собравшиеся депутаты.

Людовик XVI запыхтел, вытирая платком шею:

- Кто вам дал право, лейтенант, распоряжаться судьбой короля Франции?
- И его неприкосновенной семьи! – гневно добавила Мария-Антуанетта.
- Мадам, я должен был бы прежде всего извиниться перед вами, но предписание Конвента, переданное по сигнальному телеграфу, для меня закон, ибо законы провозглашаются Конвентом, а все мы, включая и ваши величества, – граждане Франции и обязаны их выполнять.
- Я подчиняюсь силе и не хочу, понимаете, не хочу крови! – задыхаясь произнес король.

Граф де Форсен заменил убитого кучера, и лошади под его управлением

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
неспешной трусой потащили черную карету обратно в Париж.

Конные гвардейцы сопровождали ее.

При каждом въезде в лесок дамы и дети требовали остановки, на короткое время покидая карету.

Впереди был Париж, дворец Тюильри или... тюрьма?

Как решит Конвент.

Солнце клонилось к западу, утренняя дымка уступила место спускающимся на землю сумеркам.

В этих сумерках король Людовик XVI видел будущее Франции и свою судьбу.

Новелла третья. Волосы королевы

Познает королева горечь поражения,
Нагая переедет реку на коне.
Грозят оружием ей, секиры оскорбленьем,
По-рыцарски все примет, как в кошмарном сне.
Нострадамус. Центурии, 1, 86.

Перевод Наза Веца

Осень 1793 года, спустя пять месяцев после начала диктатуры якобинцев, сменивших городское самоуправление Парижа или Парижскую коммуну, новый диктатор Франции Максимилиан Робеспьер, худой, изможденный непрерывным напряжением, сидел, развалившись в королевском кресле перед письменным столом, инкрустированным золотом и перламутром. Он картинно позировал перед видной скульпторшей Парижа мадам Тисо, завершавшей с натуры принесенную ею с собой скульптуру из воска, копию сделанного из глины бюста по портрету Робеспьера.

Изящная, со вкусом одетая очаровательная женщина, завершая работу, стремилась вдохнуть жизнь в податливый материал, как бы обладающий теплотой человеческого тела, проникнуть во внутренний мир диктатора, на лице которого записана была не злоба, но властность, жестокость, запечатлеть уже красками живописца на своем творении горящий внутренним огнем взгляд диктатора. Воск и в самом деле был теплым.

Ниспровергая французскую знать, диктатор тем не менее, как подметила художница, заимствовал у аристократов некоторые внешние признаки: манеру держаться, щегольство, даже одежду. И для задуманной его фигуры во весь рост понадобится голубой дворянский камзол, украшавший сейчас Робеспьера, так сочетавшийся с дворцовой роскошью вокруг.

Художник всегда беседует со своей моделью, стараясь проникнуть в ее внутренний мир, и скульпторша, стараясь вызвать Робеспьера на откровенность, открыла ему свой сокровенный замысел создания музея восковых фигур исторических личностей, который пополнился бы ее потомками, какую бы роль эти персонажи ни играли в мире властителей или преступников, сколько бы крови ни пролили.

– Я ненавижу кровь, – признался Робеспьер, – но, увы, только кровью можно защитить завоевания революции: Свободу, Равенство и Братство. На революционную Францию со всех сторон нападают армии европейских государств, боящихся, подобно Людовику XVI, потерять свои короны. Изменники и роялисты там и тут поднимают против нас восстания, хотя бы в том же Тулоне, где держатся благодаря английскому флоту. Мы прервали нить интриг и заговоров, которая вела в тюрьму Темпл к бывшей королеве «австриячке» Марии-Антуанетте, не оставляющей надежды на возвращение Бурбонов.

– Разве время может двинуться вспять?

– Конечно, нет! Вы правы, мадам Тисо.

– Но мне приходится заглядывать в былые времена.

– Вот как?

– Я только что закончила работу по созданию скульптурных портретов короля

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Генриха II, зловещей его супруги Екатерины Медичи и трех их сыновей – поочередно королей Франции.

– Преступная семейка! – резко отозвался Робеспьер.

– Но Генрих Второй был отважным рыцарем. Особенно трудно мне было воспроизвести выражение некрасивого лица Екатерины Медичи, с глазами навывкате, с мерцающим и них коварством. Приходится быть и скульптором, и живописцем.

– Значит, вы заняты и преступниками?

– Наши потомки, гражданин Робеспьер, должны видеть и тех, кто был источником бед и несчастий Франции.

– Вам приходится воображать эти былые персонажи?

– К сожалению, нет иного пути, как изучение их портретов, порой писанных льстивыми живописцами.

– А вам хотелось бы лепить их с натуры, не считаясь с календарем?

– Не только победителей, но и побежденных.

– Кажется, я понял вас. Что касается календаря, то, поверьте, скоро по всей Европе будет действовать наш революционный календарь, в котором я особенно люблю тепло дарящий месяц термидор, а вот относительно вашей просьбы..

– Но я ничего не просила.

– Не хотели просить. Я не только восхищаюсь вами, но и проникаю в ваши мысли. Не так ли, мадам?

– Ваша проницательность пугает меня.

– Не пугайтесь. Только враги делают из меня чудовище, отправляющее их на гильотину. А гильотина ждет преступницу, которая наверняка нужна вашему музею. Не так ли, мадам Тисо?

Художница поежилась.

Как передать ей этот сверлящий, пронизывающий взгляд на восковом лице законченного бюста?

– Я никогда не решилась бы просить вас об этом. Я знаю, что вход в камеру смертников замка Темплъ невозможен, – произнесла она.

– Для меня все возможно, – заявил Робеспьер. – Короли награждали удачливых живописцев, угодивших им своими портретами, – кто деньгами, кто даже поместьями. У революционеров нет ничего! – И Робеспьер картинно выпрямился в своем богатом кресле.

– Вы хотите сказать, что моя работа заслуживает награды?

– Да, королевской! И вы ее получите от санкюлота, чтобы в камере смертницы делать с натуры портрет преступной и развратной королевы Марии-Антуанетты.

Сердце мадам Тисо сжалось. Именно это ей так хотелось сделать после уже завершённой скульптуры казненного короля Людовика XV? фигура Робеспьера как символ революции стояла бы, заслоняя свергнутых королей.

– Мне нравится ваша работа, мадам Тисо. Глядя на нее, я словно вижу себя в зеркале. Это замечательно! Думаю, что другие ваши персонажи из прошлого высказали бы такое же восхищение.

– Я благодарна вам, гражданин Робеспьер.

– Вы получите пропуск в камеру Марии-Антуанетты. Отправляйтесь к ней в Темплъ, но, предупреждаю вас, никаких записок от нее для передачи кому-либо не берите.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Как можно! – заверила мадам Тисо, завертывая в мягкие ткани восковое изображение всесильного диктатора, который одним движением пера мог не только дать пропуск в тюрьму Темпл художнице, но и ее бросить туда.

Так мадам Тисо попала в тюрьму Темпл.

Молчаливый страж с болезненно выпуклыми глазами проводил ее по холодному коридору до самой камеры смертницы, звякнув ключами, открыл дверь и впустил скульпторшу в мрачную камеру.

Женщина в длинной сермяжной рубахе поднялась с лежанки, на которой сидела до их появления.

– Я получила пропуск к вам, ваше величество...

Мария-Антуанетта приложила палец к губам:

– Вы неосторожны, мадам, – прошептала она, глядя на захлопнувшуюся за сторожем дверь.

– Для меня вы остаетесь вашим величеством, королевой Франции, скульптура которой будет стоять в моем музее восковых фигур.

– Вы шутите? Как «они» могли это допустить?

– Я создаю портреты исторических персонажей для наших потомков. Ваша скульптура займет достойное место в этой галерее. Надеюсь, вас не шокирует, что я сделана только что портрет диктатора Франции Робеспьера. Что делать, ваше величество, он ворвался в историю.

– Садитесь, мадам. Не знаю, что сказать от удивления. Это чудовище, которое так оскорбило меня на суде в роли обвинителя, согласилось пропустить вас ко мне?

– Высшим оскорблением было вынесенное судом решение, – сказала мадам Тисо.

Мария-Антуанетта стояла перед ней, гордая, величественная, не поверженная, и художница искренне любовалась ею, готовясь к работе и раскладывая на грубо сколоченном столе принесенные с собой инструменты, копию заготовки бюста, подогревающую воск жаровню.

С разрешения королевы она сделала замеры ее головы, потом начала беседу, которая длилась все время, пока восковая заготовка не превратилась в прелестную головку женщины, красотой которой будут любоваться люди многие столетия.

Мадам Тисо, ловко и удивительно споро работая говорила:

– Мне доставляет наслаждение лепить такое прекрасное лицо. Я была поражена, пойдя к вам, цветом ваших серебряных полос. Сначала подумала, что парик, но, разглядев ваше сермяжное одеяние, которое эти негодяи напялили на вас, поняла, что о парике не может быть и речи.

– Моя седина – зеркало моих несчастий, – печально ответила Мария-Антуанетта.

– Что они могли еще причинить вам?

– Ах, многое, очень многое. Вы – первая женщина, переступившая этот злоеший порог, чтобы оказаться хоть ненадолго со мной, и я готова быть откровенной с вами.

– О, прошу вас об этом, ваше величество, я всем сердцем с вами.

– Им было мало обвинить меня в коварном сплетении заговора, что истинно и в чем я не раскаиваюсь и даже признаюсь. Я, потеряв неправо казненного супруга, боролась против преступной Республики за своих детей. Представьте, что я перенесла здесь, когда из них троих, заключенных первоначально вместе со мной, я потеряла одного за другим.

– Какой ужас! Как же это случилось?

– Первый сын скончался у меня на руках. Мне не позволили похоронить его. Второго, ставшего дофином, моего маленького Луи-Шарля, увели от меня, не знаю, зачем и куда. А потом и дочь Марию-Терезу, которую перед тем опозорили тюремные стражи, и она несчастная, родила здесь мертвого ребенка, увели, как мне сказали, чтобы обменять на каких-то пленных голодранцев-революционеров. Не знаю, что с нею, с бедняжкой. Еще бы не поседеть моим волосам!..

– Ах, ваше величество, у меня переворачивается сердце от ваших слов.

– От их дел, – поправила королева. – Простите меня, мадам...

– Мадам Тисо.

– Извините меня, мадам Тисо, за эти вырвавшиеся у меня признания и, право же, неприличную откровенность.

– Ну что вы, ваше величество! Пусть я буду волею судьбы вашей последней наперсницей.

– Тогда слушайте и содрогайтесь. Я ведь не только преступная, как они считают, королева, пытавшаяся вернуть своему сыну французский престол, а еще и женщина, как вы сами это заметили, и вы поймете всю глубину нанесенной мне раны, кровоточащей раны на их судилище, где смогло прозвучать нелепое и гнусное обвинение, выдвинутое против меня, в якобы сожительстве со своим малолетним сыном, семилетнем Луи-Шарлем, – с негодованием и болью в голосе продолжала она, – которого я произвела на свет и продолжаю считать ребеночком...

– Как можно было додуматься до такой мерзкой, скотской лжи! – возмутилась мадам Тисо.

– Очевидно, они судят по себе, по своим скотским представлениям о нравственности, о материнстве...

– Вы правы, тысячу раз правы, ваше величество! Я сгораю от стыда, что являюсь современницей этих людей, и, право же, готова уничтожить только что сделанную скульптуру их вожака.

– Не надо этого делать! – тяжело вздохнула королева. – Провидение само решит их судьбу. И она, поверьте мне, будет не лучше моей.

На мадам Тисо смотрели прекрасные, горящие огнем провидца глаза Марии-Антуанетты. Ее разгоревшееся от внутреннего гнева лицо словно обрамлено было серебряной рамкой седых волос.

– Самое трудное для меня будет завершить ваш портрет такими волосами, как у вас, – сказала художница.

– Пусть они отдадут вам мои после... – и Мария-Антуанетта не договорила.

– Ни в коем случае! – воскликнула мадам Тисо – Ваши волосы священны, они не могут быть на вашем манекене. Они ваши, только ваши!

Мария-Антуанетта улыбнулась

– А я могла бы завещать их вам, единственной женщине, с которой говорила так откровенно в последние часы моей жизни...

...В октябрьский ненастный день небо было затянуто непроглядными тучами и время от времени моросил дождь, Марию-Антуанетту вез в телеге всем на виду понурый конь.

Рядом со смертницей стоял развязный щеголь в шляпе с высокой тульей и кричал в толпу любопытных, выстроившихся вдоль пути к эшафоту.

– Смотрите на изменницу Франции, занесшую руку над Республикой, на великую блудницу, развратничавшую с собственным сыном! Смотрите на ее белое распутное тело. Нечего стесняться перед французским народом, кровь которого она пила из бокалов вместо вина.

С этими словами мучитель в шляпе с высокой тульей и сытым румяным лицом срывал со смертницы ее сермяжные одежды.

Переезжала реку она уже нагая.

В народе слышались смешки. Женщины отворачивались, и некоторые из них плакали. Но многих зевак это недостойное зрелище потешало, и они бежали вслед за телегой, чтобы оказаться у самого эшафота и насладиться ставшим для них привычным возбуждающим до опьянения, зрелищем.

Палач поморщился, когда смертницу подвели к нему, и указал помощникам:

– Кладите сюда лицом вниз, чтобы сраму видно не было. Руки свяжите за спиной, как положено.

Его помощники принялись выполнять указания. Нож гильотины был заблаговременно поднят. Внезапно выглянуло солнце и осветило презрительно гордую обнаженную женщину, которой скручивали руки за спиной.

И солнце светило все время, пока длилось кровавое действие.

Падающий нож сверкнул в лучах солнца, и оно сразу словно погасло, вновь затянутое тучами. Толпа привычно ахнула.

А палач, выполняя указания штатского чина в шляпе с высокой тульей, поднял за серебряные волосы отсеченную прекрасную голову королевы и кричал:

– Кто хочет купить волосы блудницы? Тотчас для васотрежем их.

Толпа гудела.

Сквозь нее, бесцеремонно расталкивая людей, пробивался молодой офицер, направляясь к эшафоту, и стал подниматься на него.

Стоявший на лесенке солдат направил на него ствол ружья.

Офицер решительным жестом отвел от себя дуло презрительно сказав солдату:

– Ты не посмеешь в меня выстрелить. У меня другая судьба.

И как не в чем не бывало поднялся на эшафот, обнажив там шпагу. Палач так и застыл от изумления со своей жуткой ношей в руке.

Офицер громко крикнул ему:

– Революцию задумывают гении, но не для того, чтобы такие негодяи, как ты, торговали частями трупов убитых тобою беззащитных людей. Палач растерялся. Острая шпага была направлена ему в сердце.

Штатский чин в шляпе весь сжался, отнюдь не собираясь помогать палачу. Да и никто из находившихся на эшафоте не решился вмешаться, ошеломленные или околдованные происходящим.

Шпага лейтенанта грозила проткнуть палача.

Тот опустил свою поднятую руку и покорно пробормотал:

– как будет угодно его превосходительству, господину генералу.

Казненную уложили в приготовленный гроб.

Офицер удовлетворенно вложил шпагу в ножны и с невозмутимым спокойствием стал спускаться с эшафота.

Толпа расступилась перед этим невысоким человеком, глаза которого излучали такую жесткую волю, а голос только что прозвучал так властно, что никто не преградил ему дороги.

Солдат с ружьем оторопело смотрел ему вслед.

На смену королю, что завещал потоп,
Добряк придет безвольный, нерадивый.
Враги изменой бегство назовут потом.
И он погибнет трижды под секирой.

Нострадамус. Центурии, VI. 52.

Перевод Наза Веца

Январским морозным утром башмачник Симон плелся из Сен-Антуанского предместья на площадь Согласия, обязанный, как депутат Конвента, выделенный им в судьи над Людовиком XVI, присутствовать при казни короля.

Башмачник Симон был полной противоположностью огромному растерянному толстяку, все время на суде невпопад улыбающемуся, которого он не по своей воле должен был судить якобы за измену Родине, перехваченному на пути в Варенн, куда он направлялся с мальчуганами. Симон был тощим со впалой грудью ремесленником, всегда склонявшимся над своим башмачным верстаком, сажая заказанные башмаки или сапоги на колодки, изящно прошивая их или просто, за неимением заказов, латая стоптанную обувь соседей. Казалось, голова его еле держится на тонкой шее, раза в три уступающей могучей шее подсудимого. В одном только походили друг на друга Симон и Людовик: оба были горбоносы и слыли добряками. Но если доброта Симона, щадившего даже противников, позволила ему без потерь захватить во главе толпы Бастилию, а потом стать депутатом Конвента, то добряк король проявлял свои качества в нерешительности, в нерасторопности, в неумении сладить с последствиями неурожайного года, доводя народ до нищеты и голода. К тому же еще и его предосудительное путешествие с семьей к границе, откуда грозили войска европейских монархов, страшившихся последствий для себя французской революции.

Последним с трудом поднял судья Симон ставшую свинцовой руку, вынося приговор. Ему было до боли этого потерянного добродушного дородного человека.

И он не мог простить себе участия в его казни. Но при этом Симон сознавал – не подними он руку, сам отправился бы вскоре под нож гильотины..

Таковы были нравы Конвента в пору террора. Власть захватили якобинцы во главе с неумолимым Максимилианом Робеспьером, который, держа обвинительную речь, кричал о Свободе, Равенстве и Братстве, брызгая слюной, как пресытившийся вампир.

Кроме депутатов Конвента, на площади Согласия собралось множество зевак, готовых к всеобщему ликованию. Они жадно смотрели на гильотину с тяжелым падающим сверху ножом.

К эшафоту подвели так знакомого и симпатичного Симону толстяка. Он попытался улыбаться... как на суде, и это было нестерпимо для Симона. Он отвернулся, разглядывая лица заинтересованных кровавым зрелищем людей, негодую на них и на самого себя.

Ропот толпы походил на однообразный гул. Вдруг все стихло. Сердце у Симона сжалось. Он втянул голову в узкие плечи. Но вместо ожидаемого им общего крика восторга со стороны эшафота раздался душу раздирающий стон тяжело раненного человека.

– Сапожники! – кричали палачам из толпы. – Вам бы только кур резать!

Несмотря на состояние Симона, это оскорбило башмачника, считавшего свою профессию искусством.

В ответ послышались ругательства и команда поднять нож снова. Опять затаилась толпа в ожидании, и снова вместо ликующих криков раздалась насмешки:

– Их самих надо под гильотину!

– Чего там! Они и так безголовые!

Из-за поднятого в толпе шума стонов с эшафота слышно не было. Симон передернул плечами и все же не обернулся.

Очевидно, нож гильотины подняли в третий раз.

Всеобщий крик восторга был сигналом того, что на этот раз все было кончено.

С трудом протискивался Симон сквозь толпу. Люди обнимались, пели «Марсельезу» и другие песни, принимались плясать, словно теперь для них начиналась новая счастливая жизнь...

Симон не оглядываясь бежал с площади Согласия, где у него ни с кем согласия не было. Он готов был лечь под нож гильотины, чего так испугался, поднимая, кстати сказать, ничего не значащую руку несогласного судьи.

Кто-то взял его под руку.

– Я провожу тебя до дому, приятель. К этому надо иметь вкус или привычку.

Симон обернулся и увидел выпученные глаза своего друга Роше Лорана, тюремного надзирателя из Темпля, куда его перевели после решения Конвента разрушить Бастилию.

Они сидели в мастерской сапожника, поставив на верстак шахматную доску, чтобы отвлечь Симона игрой, которую показал башмачнику один из довольных им заказчиков из дворцовой прислуги. Симон, выучившись любимой королевской забаве, пристрастился к ней и Роше.

– Если бы ты знал, приятель, каково мне приходится каждый день на проклятуей моей службе. Покойному толстяку я не раз устраивал встречи с его семьей, посаженной в другую камеру. Детишек там держат как воров и убийц! С души воротит!

– Ты прав, Роше. Спасибо тебе. Что-то слабоват я стал.

– Уж больно хорош паренек, который у них дофином зовется. Крепко убивается по поводу отца. Я ему ничего говорить о сегодняшнем не буду. Несправедливо держать там малыша, не по-Божески. Так я тебе скажу, – закончил тюремщик.

И, машинально передвигая фигуры, эти два столь различных человека задумали план, который приписывался впоследствии то самому Баррасу – видному у жирондистов политику, то даже Робеспьеру, неизвестно почему. Если беспринципный Баррас мог рассчитывать, что при возможной реставрации монархии в связи с успехами роялистов на юге Франции в Тулоне, где их поддерживала такая сила, как английский флот, ему, Баррасу, зачтется забота о семилетнем маленьком дофине (наследнике), то неистовому Робеспьеру такой план ничего не сулил.

А план был до наивности дерзок.

Жена Симона Жанетта, сидевшая рядом и, подперев рукой пухлые щеки, наблюдавшая за непонятной игрой, стала третьей участницей заговора.

Было решено, что начать надо с выступления Симона как Депутата, в Конвенте.

Для Симона это было куда труднее, чем тачать сапоги, но остановиться было невозможно. Он обязан был загладить свою вину перед убитым королем.

– Чего ты смущаешься? – убеждал Роше. – Парламент – это от слова «парле» – говорить. Он «говорильня» и есть. Его и надо использовать, там болтать положено. Вот ты и скажешь...

И на очередном заседании Конвента Симон попросил слово.

Гул удивления пронесся по залу и галереям Конвента. Что может сказать этот едва слагающий слова в фразу сапожник? Но он был депутат и слово получил.

Войдя на трибуну, с которой говорили такие ораторы, как Марат, Робеспьер, Сен-Жюст, Баррас. он выпрямится, выпятит грудь, как солдат на параде, и, к удивлению всех, заговорил с необычайной пылкостью:

– Граждане депутаты! Победители в великой нашей революции во имя простых людей, бравших Бастилию и желающих не умирать с голоду! Ради чего мы

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org свергли короля, стоим грозным примером всем государствам Европы? Ради простого человека, особенно когда он еще мал, еще ребенок! О детях – первая наша забота, им продолжать наше правое дело. Но дело наше должно быть правым. Мы обязаны стойко отражать нападки врагов революции, карать преступников, воров, убийц, грабителей. Но никак не можем поставить их рядом с малыми детьми, еще не видевшими жизни и не совершившими никаких преступлений. Как же можно терпеть нам, революционерам, чтобы в темной камере Темпля наряду с заядлыми преступниками, разбойниками, грабителями и врагами Франции в темной камере содержались под стражей детишки? И только потому, что их родители стояли по другую сторону баррикад. Я взываю к справедливости, к основе основ революции – Свободе. Равенству. Братству всех людей. Не может быть врагом несмышлениш, который не нарушил ни одного закона, не совершил ни единого противоправного поступка! Он свободен со дня своего рождения и равен со всеми! А что мы имеем на самом деле? Позорное пятно на нашей совести, представителей народа, допускающих, чтобы в тюрьме Темплль содержался мальчик семи лет, пусть по рождению своему и дофин, что в революционных условиях ничего не значит. Наш долг сделать из него полноценного гражданина Франции. Сейчас он – чистый холст, на который художник наложит свои краски. Извините меня – сапожника, – он колодка, на которую натягивает ваш депутат Симон кожу, чтобы изготовить обувь, которой может гордиться каждый француз. В тюрьме же этот ребенок только озлобится против своих мучителей, то есть нас с вами, и вырасти может нашим заклятым врагом. И я призываю конвент, обращаюсь к каждому из вас, у кого есть собственные дети, доверить мне этого малыша, передать его мне на воспитание. Поверьте, он сядет рядом со мной за верстак, как простой башмачник, чтобы в честном труде воспитать в себе гражданина Франции, стать приверженцем а не врагом революции. Я и моя жена Жанетта, она простая и добрая женщина, клянемся сделать из него человека! Вот все, что я хотел сказать. Простите, если что не так. Говорить не приучен.

Речь башмачника в конвенте произвела огромное впечатление. Как это ни странно, его поддержали в первую очередь непримиримые якобинцы: «друг народа» Марат, Дантон, даже сам Робеспьер, уже признанный диктатор.

Было вынесено историческое решение конвента: передать гражданина Капета семи лет на воспитание депутату конвента башмачнику Симону.

Но не сразу, не сразу выполнено было это решение. Поднялась яростная дискуссия в газетах, на митингах. – Можно ли допустить уродование члена королевской семьи сапожником? – кричали роялисты.

Кое-кто из жирондистов был за Симона, в том числе коварный Баррас. Видимо, у него были свои планы в отношении наследника престола. Но об этом никто ничего не знал. Маленький Капет-Луи-Шарль Бурбон, семилетний малыш, томился еще несколько месяцев, разлученный даже с матерью, которая была в страшном горе после смерти другого своего сына, Жозефа, тяжело больного от рождения.

Но одиночное заключение не ввергло гордую королеву в отчаяние, напротив, пробудило в ней небывалую энергию и стремление вернуть оставшемуся сыну, дофину, королевскую власть. И Мария-Антуанетта тайно сносила через Роше, передававшего ее письма роялистам, с теми, кто готовил возвращение Бурбонов в Тюильри. Она плела нити хитрейшего заговора, заложив основу их действий, так удачно развернувшихся в Тулоне. Помощь Англии была обеспечена. Дело оставалось за вторжением войск соседних государств, монархи которых все медлили и медлили.

Роше изредка устраивал ей встречи с маленьким Шарлем, который сначала жаловался на крыс, а потом сообщил, что подружился с одной из них, и она ест у него с руки и даже спит с ним рядом на соломе.

В июне 1793 года Роше ввел за руку Шарля в камеру матери, но не для очередного свидания, а проститься с нею, так как мальчика отдавали на воспитание в семью сапожника Симона.

Мария-Антуанетта сначала пришла в ужас от такого оскорбления королевской семьи, но Роше, подмигнув ей, сказал:

– Мадам, лучших друзей, чем мои, у вашего сына в жизни не будет.

И все-таки мать горько плакала, навсегда расставаясь с единственным сыном.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Симон ждал своего воспитанника у ворот тюрьмы. Роше передал ему мальчика в присутствии тюремного начальства, подписавшего акт передачи. На нем значилась дата: 15 июня 1793 года.

Так маленький гражданин Капет-Луи-Шарль вышел на волю и попал в башмачную мастерскую Симона.

Он испуганно озирался, не веря, что его больше не окружают холодные каменные стены и что жена Симона ласкает его, как недавно ласкала мать.

Симон познакомил его с соседскими ребятами и сам затевал с ними общие игры. Жанетта же окружила мальчика такой материнской заботой, что он постепенно стал оттаивать.

Симон, не имеющий своих детей, но действующий по своему представлению о воспитании, принялся «делать из приемыша человека»: засадил его за верстак, научил пользоваться колодками, иглами, шилом, дратвой, на первых порах поручив ему починку старой обуви. Шарлю понравилось это занятие. А в свободное время, помимо игр на улице, Симон начал заниматься с ним шахматами и, к величайшему своему изумлению, увидел, что мальчик имеет представление об этой игре. Однажды в мастерской появился не заказчик, а тюремщик Роше.

Шарль до смерти испугался, что дядя Роше снова отведет его в темную камеру с крысами. Но, оказывается, надзиратель пришел в гости к старому другу проведать былого своего узника. Он застал его играющим с Симоном в шахматы, чему несказанно удивился. Симон уступил ему свое место за доской. Пораженный неожиданным проигрышем, Роше пришел в восторг и обнял Шарля, умильно смотря на него выпученными глазами. После этого тюремщик стал частым гостем, тем более что он имел официальное поручение докладывать о воспитаннике башмачника начальству. Роше так расписывал маленького гражданина Капета, что этого сапожного подмастерья в пору было избирать в Конвент, если бы не его детский возраст.

Осенью Шарль стал замечать, что дядя Роше приходит крайне озабоченным, и они подолгу шепчутся о чем-то с дядей Симоном.

Мальчик не подозревал о тучах, которые нависали над его матерью, королевой Марией-Антуанеттой. Стало доподлинно известно, что одно из писем Марии-Антуанетты с деталями предполагаемого ею плана реставрации монархии было перехвачено, а граф де Форсен, преданный королеве роялист, служивший звеном, связывающим ее с Тулоном арестован.

В холодном октябре они решили не сообщать мальчику, что он стал круглым сиротой. И надо отдать должное всем новым уличным приятелям маленького дофина: никто не сказал ему об этом...

Так и овладевал наследный принц профессией башмачного подмастерья, проявляя живой характер и недюжинные способности в работе с колодками, шилом, дратвой, и вообще был простым ребенком, склонным к полноте, невольно напоминая тем щемящему сердцу Симона своего казненного отца.

Молодой, но уже в отставке, генерал вошел в первую попавшуюся сапожную мастерскую. У него на ходу стала хлопать подошва сапога. В таком виде нельзя появиться в военном министерстве.

В мастерской башмачника Симона его растерянно встретила Жанетта.

– Хозяина нет дома, в мастерской только мальчишка... – пролепетала она под грозным взглядом генерала.

С неотразимой властью в голосе тот мрачно сказал:

– Ждать не могу. Сапог должен быть починен.

Жанетта провела его в мастерскую.

Восьмилетний мальчик испуганно вскочил из-за верстака. Жанетта поставила стул для господина генерала и сказала Шарлю:

– Ты уж постарайся, сынок. Ведь подшивал подошвы-то... Господину генералу

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
очень нужно.

Шарль посмотрел на снимавшего сапог, сидя на стуле, генерала и, встретив его взгляд, ощутил холодок.

Он почтительно принял у странного заказчика сапог, пристроил его на колодку и принялся усердно чинить развалившуюся генеральскую обувь, удивившись, что тот носит такую ветхость.

Симон недаром больше года старательно обучал Шарля сапожному ремеслу, вызвав необычайный приток заказов обывателей, узнавших, что ему помогает сам «король». Многим хотелось похвастаться в винном погребе, что «башмаки-то он носит, самим королем для него шитые!».

Генерал смотрел поверх головы мальчика и думал о своем. Разве не должен был он, артиллерист, произведенный в его 24 года за услугу Республике самим Робеспьером сразу из капитанов в генералы, отвергнуть назначение командовать корпусом пехоты в войне с Англией? Как можно было предложить ему, отличившемуся артиллеристу, «наместнику Бога на войне», уйти в пехоту?

Шарль поднял глаза от своей работы и, встретив пылающий гневом взгляд босого генерала в отставке, поежился.

Сапог был готов. Заказчик расплатился с Жанеттой и, не взглянув на паренька-подмастерья, солдатским шагом вышел на улицу.

– Какой же ты молодец! – расцеловала Шарля Жанетта. Для мальчика это было высшей наградой за его старания. Он вытирал тряпкой пот с лица, а Жанетта передником свои глаза, не зная, кому они помогли, кого выручили...

Вернувшийся с заседания конвента Симон был так встревожен и расстроен, что, несмотря на пылкий рассказ жены о «подвиге» их воспитанника, даже не похвалил его, а уселся в углу, бессильно уронив голову на руки.

Сегодня в Конвенте большинство оказалось за правыми, к которым беспринципно примкнули жирондисты.

Максимилиан Робеспьер был арестован прямо в зале Конвента, и его ждала казнь. Власти якобинцев пришел конец. Теперь верх возьмут роялисты.

Но он ошибся. Жирондисты, представляя интересы крупных владельцев, в том числе и земель, конфискованных революцией у феодалов, отнюдь не собирались ее отдавать.

Конвент избрал Директорию, которая вооруженным путем будет защищать «республиканский строй», хотя с Республикой и ее «Свободой, Равенством и Братством» было покончено, как и с якобинцами, защитниками плебса.

Все последующие дни Симон жил тревожными предчувствиями, пока его не вызвал один из новых директоров, повелевающих ныне Францией, Баррас, которому было поручено наблюдать за воспитанником башмачника Симона.

Вельможа, развалившись в золоченом кресле, наследстве аристократов, сидел за изящным столом с гнутыми ножками, а неуклюжий Симон стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу.

– Знаете ли вы, депутат конвента Симон, что воспитываемый вами гражданин Капет провозглашен роялистами королем Франции Людовиком XVII?

– Никак нет, гражданин директор! Мальчонке только восемь лет, и он научился тачать сапоги.

Баррас загадочно сощурился и расхохотался:

– Король Франции – сапожник! Вы уморили меня, гражданин Симон!

Симон робко улыбался, а Баррас разглядывал его, словно стараясь проникнуть к нему внутрь.

– С роялистами знакомы, гражданин депутат?

– Никак нет, – замотал головой Симон.

– Неужели никто не заходил посмотреть на мальчонку?

– Никто, гражданин директор. Он у меня под опекой. Правда, какой-то генерал чинил сапоги в мое отсутствие, но я не знаю, кто он.

– Напрасно, – нахмурился Баррас. – С генералами, да еще в рваных сапогах, надо быть поосторожнее. А вообще Директория поручила мне сообщить вам, что освобождает вас отныне от этой опеки над гражданином Капетом, которого роялисты метят в короли.

– Как же так! А Шарль?

– Гражданин Капет, чтобы уберечь его от похищения роялистами, будет защищен стенами замка Темплъ.

– Его? В тюрьму? – ужаснулся Симон. – Восьмилетнего малыша?!

Баррас бессильно развел руками и улыбнулся:

– Директория выражает вам, гражданин Симон, благодарность за выполнение поручения Конвента, кстати, проташенного якобинцами.

Последние слова Барраса прозвучали с тенью угрозы. Он в упор рассматривал Симона, словно хотел насквозь пронзить взглядом его тощую фигуру, докопаться до его сокровенных мыслей. Вдруг его лицо преобразилось, и он спросил:

– Вы так привязались к этому мальчику?

– Всей душой! Как к родному сыну, которого так и не дал мне Господь.

– И если бы понадобилось... – начал Баррас и замолчал, вопросительно глядя на Симона.

– Я отдал бы за него жизнь!

– Похвальное чувство. Я учту это... – загадочно произнес Баррас и отпустил башмачника.

Лукавый член Директории с манерами царедворца, языком демагога и коварством Екатерины Медичи, как скажет о нем Наполеон, с затаенной мыслью смотрел вслед тощей фигуре, неуверенно шагающей по дворцовому паркету.

Своего любимца Симон уже не застал в мастерской. Заплаканная Жанетта рассказала, что его забрали солдаты и увезли в карете.

Появившийся вечером Роше со слезами в голосе поведал, что сам закрыл дверь темной камеры, куда заключили их Шарля...

Оба друга сидели рядом за верстаком со сжатыми кулаками.

– Ну, мы еще посмотрим! – тихо сказал Роше. – Ключи-то от камеры в моих руках.

И они стали шептаться.

А Жанетта вытирала глаза передником на кухне.

Роше предупредил, что не скоро появится, а когда придет, то за Симоном. А там видно будет...

Жанетта слышала последние слова, с которыми Роше прощался с ними. А через несколько месяцев Директория объявила о кончине бывшего дофина Луи-Шарля Бурбона (гражданина Капета) от золотухи и о том, что он похоронен на кладбище св. Маргариты у монастыря Сен-Дени.

Жанетта рыдала, а Симон ходил мрачнее тучи. Неожиданно с загадочным видом явился Роше. Самое удивительное, что он приехал в карете.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Собирайся, – сказал он Симону. – На две недели, – пояснил он взволнованной Жанетте, которая кинулась собирать мужа в дорогу. Куда и зачем – она не знала. Это дело мужское...

Роше усадил Симона рядом с собой на козлы и шепнул:

– Пока начальник полиции – несменяемый при всех режимах фуше, не только стены, лошадиные хвосты имеют уши. Симон понимающе кивнул, узнав только, что они едут в монастырь Сен-Дени.

Там, оставив карету во дворе, они прошли на кладбище св. Маргариты, где Роше подвел Симона к не так давно насыпанному холмику без надгробной надписи.

– Он здесь, наш Шарль? – спросил Симон.

Роше усмехнулся, а потом вытер платком край глаза.

– Здесь мой сын, умерший от золотухи.

– Ты подменил его сыном? – почти с ужасом спросил Симон.

– Я их доставил вместе в одном гробу вон в ту часовню, видишь? Ночью поднял крышку гроба и перевел Шарля в дальнюю башню монастыря на чердак.

– Кто дал тебе карету?

– Баррас.

– Баррас? Как он мог?

– Он накрыл меня, когда я укладывал живого и мертвого мальчиков в один гроб, который заказал для дофина сделать пошире. Все равно тесно им было.

– И что же Баррас?

– Это хитрая бестия. Он пригрозил мне гильотиной и велел строго выполнять все его приказания. Шарль как он сказал, должен был отсидеть в башне шесть месяцев пока все не уляжется. Очевидно, считал, что его помощь зачтется если монархия будет восстановлена.

– И что теперь?

– Отвезешь его далеко в Нидерланды на ферму наундорфа близ города Демфля. Ты привезешь туда «племянника умершего хозяина», который и будет теперь ее владельцем.

Путь по первому снегу был долог.

Когда же они достигли далекой фермы на чужой земле, им навстречу выбежала толстая хлопотливая фрау, которая заговорила на ломаном французском языке, помогая спуститься по подножке приехавшему, закутанному с ног до головы, о котором в пути Симон говорил, что: но большой чуть ли не чумой, и любопытные отскакивали как ужаленные.

– О. майн Готт! Какой есть приятный толстенький мальчик, – трещала фрау, раскутывая нового хозяина фермы. – Есть вылитый покойный господин Наундорф! Горожане Демфля будут иметь приехать сюда узнавать наследника старого друга. Совсем есть такой!

Узнав, что мальчик немного знает немецкий, она пришла в неистовый восторг, без конца болтая теперь уже по-немецки.

Симон накормил лошадей и, не задерживаясь, тронулся в обратный путь на козлах кареты, предоставленной дальновидным членом директории Баррасом.

Новелла пятая. МОСТ СМЕРТИ ИЛИ СЛАВЫ

В Италию ведет мост смерти или славы.
Лишь за бесстрашным по нему пройдут войска.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

Он герцогов и королей за горло сдавит.

Отнимет все, накопленное за века.

Нострадамус. Центурии. I, 70.

Перевод Наза Веца

Жозефина, красавица креолка, вдова казненного революционером князя Богарнэ, встала с постели под балдахином первая и, накинув легкий пеньюар, подошла к зеркалу, любясь своим смуглым отражением.

Вслед за ней встал с постели первый из директоров Директории Баррас, казнокрад и жизнелюб, расправил плечи и, пересев на стул с атласной обивкой, принялся натягивать на себя парадное одеяние, в котором приехал сюда поздним вечером.

– Пора завтракать, Поль, пройдем в столовую, – предложила Жозефина, переодеваясь в нарядный халат. Баррас послушно последовал за нею.

В просторной столовой, где на стенах висели картины с изображением убитой дичи вперемежку с оленьими рогами и головой кабана, хорошенькая горничная уже накрыла стол на троих.

Жозефина усадила Барраса на почетное место гостя, когда в столовую вошел красивый и возбужденный юноша, ее сын.

– Ба! – воскликнул он при виде гостя. – Сам господин Директор! Как же я не услышал, как вы подъехали?

– С добрым утром, молодой человек! Чтобы править такой страной, как Франция, лучше всего делать все бесшумно.

– Без пушек? – удивился юноша. – А как же Бонапарт?

– Вот он шумит, когда это нам требуется.

– Кстати, – сказала Жозефина, разливая чай, – расскажи, сынок, как ты побывал у этого Бонапарта.

– Генерал принял тебя? – спросил Баррас, отхлебывая кофе.

– Не то чтобы принял. Я прорвался к нему в кабинет, слегка порвав мундир адъютанта вот этим кинжалом, – и юноша показал висевший на поясе его мундира военного училища маленький кинжальчик.

– И генерал не арестовал тебя?

– Нет, увидев в дверях нас с адъютантом, он дал тому знак отпустить меня. Я подошел к Бонапарту и потребовал вернуть мне саблю покойного отца, горячо объясняя ему, что это для меня значит.

– И что же ответил генерал?

– Он поднял на меня глаза от рукописи, над которой работал, пока я говорил, и сказал, что у меня плохая выправка и что перед ним надо стоять по стойке «смирно!».

– Подумать только! – возмущенно воскликнула Жозефина. – Так стоять князю Богарнэ перед этим выскочкой-артиллеристом, только три дня назад получившим назначение!

– Он назначен нами командовать армией Юга, – внушительно заметил Баррас. – И все-таки что же он ответил?

– Я долго стоял перед ним навтыжку, а он все писал, не поднимая глаз, а когда поднял, то словно пронзил меня взглядом и сказал: «Можете идти». Я не знаю почему, но я послушно повернулся и, чеканя шаг, вышел из комнаты. У меня было ощущение, что я не мог не повиноваться его невозмутимому голосу. Несмотря на произнесенные тихо слова, они прогремели для меня словно гром.

– А дальше было самое интересное, – вмешалась Жозефина. – Представьте себе, гражданин директор, этот солдафон, так обошедшийся с сыном самого князя Богарнэ, на следующее утро прислал нам саблю князя в новых роскошных ножнах...

– Но с гербом Богарнэ! – с гордостью заключил юноша, торопливо доедая бутерброд и вскакивая, чтобы не опоздать в училище, как он пояснил.

Когда он ушел, Жозефина задумчиво сказала:

– Какой странный человек, этот твой подопечный генерал Бонапарт.

– О, этот молодой генерал, поверь мне, далеко пойдет.

– Где ты его откопал?

– Раньше меня еще Огюстен Робеспьер отыскал капитана артиллерии, предложившего безумный план взятия контрреволюционной крепости Тулон, поддерживаемой английским флотом.

Жозефина налила Баррасу еще кофе, и тот продолжал.

– И этот капитанишка, став помощником начальника артиллерии революционных войск, умудрился, сосредоточив все пушки в одном месте, уничтожить ядрами все что было на важной высоте, и, захватив ее, стал грозить оттуда пушками английским кораблям. Англичане после первых разорвавшихся на палубах ядер снялись с якорей и покинули роялистов, а те, оставшись одни, капитулировали. Огюст Робеспьер добился у своего брата, в ту пору диктатора, присвоения двадцатичетырехлетнему капитану звания бригадного генерала, предложив тому командовать пехотным корпусом в войне с англичанами. И представь себе, этот, как ты сказала, артиллерийский выскочка, счел это оскорблением жреца богини войны артиллерии и предпочел уйти в отставку и бедствовать.

– Как же ты вытащил его вновь?

– Обстоятельства, моя дорогая, вынудили меня к этому. Помнишь 13 вандемьера, когда роялисты вооружили двадцать шесть тысяч плебсов, ненавидящих термидорианский Конвент и Директорию. А у меня, назначенного командовать парижским гарнизоном, было всего шесть тысяч человек под ружьем, да и воюю я успешнее в гостиных. Тут я и вспомнил о решительном артиллеристе, скакнувшем из капитанов в генералы в свои двадцать четыре года!

– Он так молод?

– Это не помешало ему, получив от меня свободу действий, сосредоточить все пушки в одном месте, как под Тулоном, и расстрелять в упор картечью двинувшуюся на Конвент вооруженную толпу черни. Паперть церкви св. Рока и прилегающая площадь превратились в кровавое месиво из растерзанных человеческих тел.

– Какой ужас!

– Но благодаря этому ужасу мы спокойно завтракаем в твоём роскошном особняке.

– И этого было достаточно тебе, чтобы доверить этому мяснику командование армией Юга?

– Наши армии на севере теснятся войсками австрийского императора, который не простил Франции казнь его дочери Марии-Антуанетты.

– Говорят, она была развратной.

– Не думаю. При твоём светском опыте ты знаешь цену таким слухам. Но нам нужен отвлекающий удар с юга по итальянским владениям Австрии. Лучшего генерала для этого, чем Бонапарт, я не вижу.

– Но он странный человек, судя хотя бы по рассказу о нём моего сына.

– Если хочешь, я сегодня же во время вечернего приема во дворне познакомлю тебя с ним.

– Боюсь, что он грубиян и невоспитан.

– Уверю, тебе будет легче победить его, чем любому враждебному генералу.

– Ты так думаешь?

Вечером того же дня на приеме, устроенном директорией, в огромном зале под сверкающими люстрами, огни которых отражались в мраморных стенах, толпилось много виднейших людей Парижа.

Среди разодетых дам с обнаженными плечами особенно выделялась смуглая Жозефина в черном бархатном платье с вызывающим декольте.

– Эта вдовствующая княгиня недолго будет в одиночестве, – шептались дамы.

– Это в ее-то годы? У нее же взрослый сын! Просто ловко сохранившаяся старуха.

– Не скажите, милая, она все-таки дивно хороша. Недаром сам Баррас, король парижских ловеласов, вьется около нее.

Среди блистательных нарядов серый армейский сюртук молодого генерала был не к месту, как случайно заброшенный в цветник камень.

Баррас подвел этого генерала к Жозефине:

– Позвольте, мадам Богарнэ, представить вам нашего героя, генерала Бонапарта.

– Я так рада! – сказала Жозефина. – Я сама попросила об этом директора Барраса, чтобы поблагодарить вас, генерал, за любезное выполнение просьбы моего сына. Он такой романтик! И сабля отца так много для него значит!

Бонапарт пронизывающе смотрел на Жозефину ошеломленный ее жгучей красотой.

– Здесь очень душно, – сказала та, обмахиваясь веером – Может быть, пройдем в голубую гостиную? Она рядом.

– Как вам будет угодно, – подхватил Баррас – Но прошу извинить меня, я провожу вас лишь до ее порога. Долг гостеприимного хозяина заставляет меня толкаться здесь среди богачей.

Бонапарт и Жозефина остались одни в голубой гостиной, куда проводил их ловкий и угодливый Баррас.

...Через час Жозефина отыскала его среди гостей.

– Ну как? – осведомился тот. – Он напросился на вечер у тебя в особняке?

Жозефина покачала головой.

– Совсем нет, дорогой Поль. Он заявил мне, что ему очень понравился мой сын, и он хотел бы стать его отчимом.

– Что? – опешил Баррас. – Он предложил тебе выйти за него замуж?

– Да. Так этот корсиканец выразил свои мысли по-французски.

– А что, – расплылся в улыбке Баррас, – есть о чем подумать. Надеюсь, ты не отрезала его?

– Я знала, что ты скажешь, и ответила ему, что подумаю.

– Ты могла бы прибрать к рукам этого дикого зверя. Нам это очень важно.

– Ты так думаешь? – протянула Жозефина, заработав быстро веером.

У генерала Бонапарта не было времени, и свадьба его с Жозефиной Богарнэ, в которую он с присущей ему молниеносностью влюбился, состоялась через неделю, 9 марта 1796 года, а два дня спустя Наполеон выехал в доставшуюся ему неснаряженную, необмундированную и полубосую армию.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Замыслы и действия его всегда были непредсказуемы. Никто не мог себе вообразить, что командующий южной армией может обратиться к солдатам со словами, более подходящими атаману разбойников, обещающему всем долю от награбленных богатств, чем для высшего чина цивилизованной армии.

Но у Бонапарта не было другого выхода, как не было средств для снаряжения его армии у Директории, а, как он считал, армия, по Валленштейну, должна сама себя кормить и одевать. Но и дальнейшие пути Бонапарта были неисповедимы. Вопреки инструкциям Директории, он не собирался сидеть у границы, отдельными вылазками беспокоя австрийцев, властвующих в Италии и Пьемонте, чтобы отвлечь их войска с севера Франции, где они наносили чувствительные удары по республиканской армии. И он, ни с кем не согласовывая своего решения, повел вверенную ему армию труднопроходимыми путями через Альпы. И армия Наполеона неожиданно появилась на цветущих равнинах Пьемонта, проделав невозможный, по мнению знатоков, путь по альпийскому карнизу, от крытому с моря пушкам английских кораблей, капитаны которых не допускали мысли, что под их прицелом может оказаться французская сухопутная армия.

А бловень удачи Бонапарт благополучно оказался хозяином положения в богатейшей стране, где находились три разрозненные группы австрийской армии. Их поочередно и громил Бонапарт. Шесть побед за шесть дней покорили страну, отнюдь не воевавшую с Францией, и там до этого времени распоряжались как хозяева враждебные французам австрийцы.

Вчерашние властители этих земель с трепетом стояли теперь перед молодым суровым генералом в белом мундире под серым сюртуком. Сидя на стуле, расставив колени и опираясь на них руками, он диктовал побежденным условия существования – выплатить непосильную, казалось, контрибуцию, к тому же еще и обувь его армии, сдав свое вооружение. Вместе с первым обозом с золотом и ценностями Бонапарт послал Директории подчеркнуто краткое сообщение, что Пьемонт отныне французский, а его армия движется в Италию.

В Париже были ошеломлены его действиями и обрадованы «трофеями», которые помогут Директории выправить свое печальное финансовое положение.

А Наполеон продолжал действовать, ни с кем не считаясь.

Прежде чем двинуться дальше, он объезжал на коне поля сражений, осматривал груды мертвых тел своих и чужих солдат, оставляя хоронить их местным жителям.

Но ни тени сочувствия или сожаления не появилось на его спокойном лице даже тогда, когда он узнавал среди убитых солдат тех, кого знал по именам и кому пожимал руки после альпийского перехода. Он, любивший шахматную игру жалел погибших не больше, чем шахматист, пожертвовавшей пешку или фигуру для задуманной атаки.

Предстояли новые жертвы при встрече со стоящей на границе армией могущественной Австрийской империи.

Наполеон был готов к этой встрече и к неизбежным потерям. И действовать предстояло быстро пока в Вене не соберутся перебросить с западного фронта свои сильные армии сюда, на юг.

Первые же сражения поразили опытных австрийских генералов новыми приемами, которые применял французский генерал-авантюрист, как его называли. Он собирал менее многочисленные свои отряды в один кулак и безошибочно выбирал наиболее слабые места в позиции противника. Там он оказывался сильнее, опрокидывал сопротивляющихся и вынуждал всю превосходящую его силы армию противника к бегству, оказываясь у нее в тылу.

Приходилось отходить и надеяться на естественную преграду в виде реки Адды у города Лоди.

Перед этим, заняв нейтральную Парму, с неумолимым спокойствием выслушивал Бонапарт убеждения герцога Пармского, что тот не воюет с французами и сам страдает от австрийцев.

– Ваше величество, – еле выговаривал тот, стараясь хоть этим смягчить молодого завоевателя, который в ответ наложил на Парму нещадную

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org контрибуцию, обвязав к тому же поставить его армии 1700 лошадей.

Униженный герцог в отчаянии покинул походную палатку, где решилась судьба одного из старейших и богатейших городов Италии.

В глубь Италии теперь вел переброшенный через Адду мост, находящийся под прямым обстрелом ружей и пушек, словно нарочно оставленный австрийцами, чтобы заманить на него противника.

Накануне у палатки главнокомандующего Бонапарт прогуливайся со своим адъютантом, сыном Жозефины.

– Скажите, – обратился к нему молодой человек, – какая кроется в вас сила, заставляющая всех покоряться вам?

Наполеон, принявший на себя воспитание пасынка, счел возможным быть откровенным с ним, чего другие не удостоивались никогда.

Он подчеркивал этим свое расположение к мальчику, тем более что только что наградил его за храбрость в бою с неприятелем, похвалив, как он пользовался саблей своего отца.

– Видишь ли, мой мальчик, – говорил он юному Богарнэ, – когда я был еще моложе тебя, то отчаянно дрался, кусался, царапался со сверстниками, не желающими меня слушаться, а по ночам любовался вот этим звездным небом, под которым мы с тобой стоим. Я знал, что в 1600 году на площади Цветов в Риме церковники сожгли великого мыслителя Джордано Бруно. Он уверял, что на этих вот звездах тоже живут люди в городах, возделывают нивы. Я верил ему и выбрал приглянувшуюся мне звезду, воображая, что я послан с нее, чтобы править на Земле людьми, хотя прекрасно знал, что родился на Корсике и что это противоречит Священному Писанию.

– И вы подумали об этих звездных людях?

– Я подумал о них, как превосходящих нас во всем, и я хотел быть равным им.

– И стали, клянусь памятью отца, стали таким! И всегда будете для меня звездным надчеловеком, достойным править людьми на Земле.

– Это я вбил себе в голову с мальчишеских лет. И по военной линии пошел, чтобы командовать людьми. И теперь командую десятками тысяч, и короли с герцогами ползают передо мной на коленях, но, мой мальчик, если заставляешь людей сложить головы по твоему приказу, то сам должен показать им, что и ты готов сложить свою рядом с ними.

– Потому вы и не жалеете потерь?

– На войне как на войне. Солдатам не следует давать состариться. Но в решающий час надо суметь рискнуть самому идти вместе со своими солдатами, даже впереди них.

– Но разве может высший командир, отвечающий за всю кампанию, рисковать собой и исходом войны?

– Не только может, но и должен.

И юному Богарнэ довелось увидеть это самому на мосту через реку Адду, ведущем к сердцу Италии.

Казалось, что пройти по этому "мосту смерти" невозможно, окунувшись в поток разящих пуль от засевших на том берегу, но другого пути в Италию не было.

И тогда сам командующий победоносной армией генерал Бонапарт, любовно прозванный солдатами за простоту общения с ними "маленьким капралом", взял у гренадеров знамя и, развернув его, первым ринулся к мосту. Пораженные и воодушевленные гренадеры пошли за ним. Они падали замертво рядом, а он шел и шел, заколдованный, "которого и пуля не берет". Он был уверен, что его ждет иная судьба, чем смерть на простреливаемом мосту. Переводя за собой гренадеров, жестоко расправившихся на том берегу с засевшими там австрийцами, Бонапарт открыл путь всей своей армии, быстро переправившейся вслед за ним, уже по мосту не смерти, а славы. Восхищенный юноша шептал:

– Звездный человек, надчеловек!

Другие просто не знали, как и называть своего военного вождя, и готовы были на все ради него.

И он вместе с ними занимал город за городом, провинцию за провинцией, иной раз сталкиваясь с таким "крепким орешком", как крепость Мантуя. Оставив часть войск для ее осады, сам он пошел дальше, предвидя встречу с перебрасываемыми из Вены, главными австрийскими силами.

Но и они, ведомые прославленным генералом Альвинце, не устояли в кровопролитном бою при Арколе. Бонапарт разгромил там лучшие австрийские войска. Позже та же участь постигла и не менее прославленного генерала Бурмаера, которого Наполеон загнал с остатками разбитой армии в осажденную Мантую, потом взял его в плен вместе с крепостью, впрочем, милостиво обойдясь с побежденным военачальником.

В Вене царил паника, упаковывались дворцовые ценности, готовились к бегству.

А Наполеон понимающе принял послание обеспокоенного императора Австрии, просившего о мире, как перед тем умолял его о пощаде папа Пий VI, считавший Бонапарта разбойником. Оба готовы были теперь отдать Франции часть своих владений.

Победитель Европы торжествовал и вместе с тем был глубоко чем-то озабочен, целую ночь прошагав без сна около своей палатки. Перед рассветом он вызвал к себе юного Богарнэ, чтобы направить его с устным посланием в Париж.

Именно с устным, ибо он не доверял бумаге сокровенные свои мысли, которые хотел передать только любимой своей супруге Жозефине, полагаясь на ее ум, энергию и преданность.

Юноша, затаив дыхание, слушал и запоминал слова отчима, чтобы устно передать их матери.

– Для кого я одерживаю все эти победы над лучшими европейскими армиями? – спрашивал Наполеон. – Зачем рукой, как бы из иного высшего мира, перекраиваю карту старой Европы, ликвидирую просуществовавшую полторы тысячи лет Венецианскую республику купцов, не воевавшую со мной, но принужденную послать в Париж золотой обоз? Республика перестала существовать, разорванная мною на части. Для кого? Для этих жалких людишек, «адвокатиков», заседающих в Конвенте и в Директории?

Наполеон снова обошел свою палатку, убедившись, что никто не слышит его, и продолжал:

– Твоя мать, моя любимая супруга, все поймет. Передашь ей только такие слова. Запомни: Рим, цезарь, триумф.

Заложив руки за спину, Бонапарт еще раз прошелся вдоль палатки и добавил:

– А Баррасу скажешь, что я его в тени не оставлю.

Юный Богарнэ молча кивнул, вскочил на лошадь и помчался в Париж.

И подготовленная Жозефиной, искушенной в дворцовых интригах, и послушным Баррасом триумфальная встреча покорителя Европы была такой, словно он уже был цезарем.

Но то, как принял генерал Бонапарт оказанные ему почести, и ликование толпы при виде его, и то, что не появилось на его красивом, суровом лице и тени улыбки, будто все так и должно было быть, не на шутку встревожило «адвокатов» и в Директории, и в Совете пятисот. Показательным было и то, что всегда тонко чувствующий, куда тянет ветер, Баррас ни на шаг не отходил от героя. Он и сказал Бонапарту во время фейерверка:

– Вас приветствуют, генерал, не менее горячо, чем в древности самого Александра Македонского.

- Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
- Что? – хмуро переспросил Наполеон. – Александра Македонского?
 - Да-да, – подтвердил Баррас, – завоевателя полумира.
 - Что ж, – с холодным спокойствием произнес Бонапарт, – если Александр Македонский закончил свои завоевания покорением Египта, то республиканская армия Франции освободит египтян от власти мамлюков.
 - Что вы хотите сказать? – переспросил Баррас.
 - Передайте своей Директории, чтобы она выделила нужные средства, – приказным тоном произнес Наполеон. – И завтра Египет будет французским.
 - Но... пустыня... – попробовал усомниться Баррас.
 - На вашем месте я бы постарался выполнить даваемое вам поручение.
 - Но я думаю о вас, генерал.
 - О себе я позабочусь сам, а вы – о себе.
 - Но я готов! – спохватился Баррас.
 - Хорошо. Жозефина передаст вам все подробности поручения.
 - Но ведь вы только что вспомнили об Александре Македонском.
 - А разве этого времени недостаточно? – полунасмешливо осведомился Наполеон.

Через несколько месяцев разбогатевшая от наполеоновских трофеев Директория снарядила экспедиционную армию, которая из южных портов на военных кораблях, избегая встреч с англичанами, отправилась в Египет «освободить египтян от власти мамлюков».

Новелла шестая. Триумфатор

Рожден близ Италии гений злодейский,
Империю строя верхом на коне,
Лишь «пушечным мясом» считая людей всех,
Кровавый мясник в бесконечной войне.
Нострадамус. Центурии, 1, 60.
Перевод Наза Веца

Императрица Жозефина, выполняя желание и поджидая Наполеона, встревоженная его сумрачным раздумьем в последние дни, беспокойно ходила по просторной столовой своего бывшего особняка, где порой уединялась из покоев Тюльрийского дворца венценосная чета.

Как много говорила Жозефине эта комната, казавшаяся такой скромной по сравнению с роскошными дворцовыми залами. Здесь она познала с мужем не столь уж частые счастливейшие часы своей жизни, здесь, выполняя переданное ей устно указание Наполеона, она вместе с неизменным и лукавым Баррасом готовила триумфальную встречу завоевателя Италии, разгромившего войска могущественной Австрийской империи. Здесь, отвлекаясь от своих непостижимо трудных гражданских преобразований, показавших, что он гений не только на полях сражений, первый консул Франции диктовал ей свои романы, которые так мало известны даже его современникам, но написанные – Жозефина с ее тонким вкусом не могла ошибиться – со знанием жизни и на уровне высокого литературного мастерства. Но самое главное, здесь решалась судьба Франции после его возвращения из Египта и встречи триумфатора, достойного лавров Александра Македонского.

За время его отсутствия страна была доведена бездарной и продажной Директорией до предела нищеты и разрухи, содержимое золотых обозов, присланных Бонапартом из покоренных стран, расхитили казнокрады или бессмысленно растратили чиновники, цены на все безудержно росли, народ бедствовал, преступники так распоясались, что держали в страхе всю страну, имея в ней большую власть, чем полицейские, нередко служившие им.

Баррас, первый из директоров, выслушивал от Наполеона все эти обвинения и согласно кивал головой, словно был в стороне, а не стоял во главе

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
Директории. Ведь все, как и он, хотели занимать высокие посты, но никто не хотел отвечать.

– Я положу всему этому конец и спасу Республику, – заявил Наполеон. – Но для этого Совет пятисот должен передать мне всю власть.

– А если парламент не захочет? – робко усомнилась Жозефина.

– О! – воскликнул Баррас. – Пусть вспомнят 13 вандемьера, когда генерал Бонапарт, призванный противостоять двадцати шести тысячам вооруженных роялистами плебсов, пушками доказал, что чернь становится красней, превращаясь в кровавую массу.

– Вы хотите, Поль, чтобы Бонапарт расстрелял из пушек Парламент в центре Парижа?

– Само собой разумеется, мадам! Уж я-то Бонапарта знаю. Не так ли, генерал?

– Вы, Баррас, рассуждаете как осел, – отрезал Наполеон и, заложив руки за спину, стал ходить по столовой вдоль длинного стола. – Да, я уложил немало плебсов у церкви святого Рока, да, я терял на полях сражений десятки тысяч солдат и считаю, что солдатам нельзя давать состариться, хотя я искренне люблю их и забочусь о них. И, если хотите, то мне наплевать на жизни миллионов людей! Но... – и он остановился посередине комнаты.

– Какое же «но», если ваши взгляды так ясны?

– Ясны, но не вам, Баррас. Все, что я делал, на что шел, совершалось во имя интересов Франции, ее народа, который дает мне солдат и тем участвует в моих битвах. И запомните, политик вчерашнего дня и пока еще директор Баррас, что стрелять из пушек по избранникам этого народа нельзя! Категорически нельзя! Это противоречит интересам того, кто хочет управлять людьми и должен беречь свой авторитет в их глазах, как не может полководец предстать перед своими солдатами трусом.

– Однако вы до сих пор никогда не церемонились.

– Если вы имеете в виду, что я позволял солдатам поживиться после того, как они рисковали своей жизнью и должны были удовлетворить свою мужскую плоть, не связанные обетом священнослужителей...

– Нет-нет, что-то о каких-то пленных.

– Да, я приказал расстрелять, загнав в море, две тысячи пленных, взятых в крепости на границе с Сирией, хотя обещал сохранить им жизнь. Но мне нечем было их поить и кормить при переходе через пустыню. И я не хотел устилать знойные пески трупами своих солдат. А что предлагаете мне вы, Баррас? Расстрелять из пушек безоружных избранников народа? Нет!

– Но как же Совет пятисот и совет старейшин? – спросила Жозефина.

– Пятьсот болтунов, пятьсот мнений! Разве можно выиграть хоть одно сражение, если решения на поле боя будут приниматься голосованием? Для большой страны нужна единая воля, которая поднимет ее со смертного одра.

– Но из пятисот мнений едва ли найдется столько, чтобы поддержать вашу точку зрения, генерал.

– Передайте в Париж моему брату Люсьену, который председательствует в Совете пятисот, что следующее его заседание состоится в загородном дворце Сен-Клу. Я сам там выступлю перед ними и соглашусь стать первым консулом Франции, взяв себе в подмогу Сайеса и Роже-Дюко.

– А как же я? Вы гарантировали мне из Италии, что я не останусь в тени.

– Когда солнце в зените, тени исчезают.

– Ты хочешь выступить перед депутатами, но там двести якобинцев, бравших Бастилию, казвивших короля и королеву. Они растерзают тебя, – взволновалась Жозефина.

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
– Когда требовалось, я шел через мост под шквальным огнем пуль.

Но тревога Жозефины не была напрасной. Гренадеры едва отбили своего Бонапарта, выступившего перед Советом пяти сот, от разъяренных депутатов, требовавших объявить его вне закона. Однако он не применил своей излюбленной артиллерии, заменив залпы пушек грохотом приближающихся барабанов, чего оказалось достаточно после громовой команды Мюрата, этого красавца с орлиным профилем и локонами до плеч, своим гренадерам "вышвырнуть всю эту публику вон". Перепуганная «публика» открывала и вышибала окна, выскакивая под проливной дождь во двор, занятый солдатами. Никто не тронул депутатов, но их, промокших и перепуганных, силой вернули обратно для принятия решения о передаче всей власти трем консулам во главе с Наполеоном Бонапартом.

И он сразу повел себя в роли первого консула, как полководец на поле сражения. Первым делом он уничтожил преступников, расстреливая их на месте. Разбойные шайки не выдерживали, и оставшиеся в живых грабители разбежались. Потом он взялся за внутреннее устройство, за финансы, за порядок, приняв предложение услуг бывших министров иностранных дел Талейрана и полиции Фуше, однако установив за ними тайную слежку, зная им цену и не слишком доверяя; но те распознали соглядатаев, не давая новому властелину повода для сомнений и усердно служа ему, правда, не забывая и о себе, нажив при нем изрядные состояния.

А весной 1800 года властелин вновь превратился в полководца и отправился отбирать у Австрии завоеванную им прежде Италию. Поход его был легендарным. Подобно Ганнибалу две тысячи лет назад, он со своей армией перешел через Сен-Бернарский перевал в Альпах, оставляя в пропастях не боевых слонов древности, а современные пушки и зарядные ящики. И все-таки вышел в тыл австрийским войскам на итальянских равнинах. Там, у деревушки Моренго, дал бой отборной австрийской армии, превосходящей его силы числом, но не его гениальным умением.

Австрийцы, поначалу вообразив себя победителями, были разбиты. Итальянские герцогства и королевства возвращены Франции вместе с новыми золотыми обозами.

Встреча победителя превосходила все предыдущие. Жозефина видела с балкона дворца подъезжающую открытую коляску, остановленную толпой, распрягшей лошадей и на плечах перенесшей ее с возвышающимся над тысячами голов победителем.

И он плыл над людьми, этот «надчеловек», как называл его сын Жозефины, обожавший своего отца.

И закономерным было, что после присоединения к Франции европейских стран даже без военных походов первого консула французы сочли нужным признать вслед за римлянами последнюю часть имени «Кай Юлий Цезарь», означающую «ИМПЕРАТОР», и предложить Наполеону французский императорский престол. Он потребовал, чтобы венчал на царствование его (под угрозой направленных на Ватикан пушек) папа Пий VII (еще не так давно пронырливый итальянский граф), которого Наполеон встретил лишь неподалеку от своей загородной резиденции, выехав в коляске, куда папа вынужден был к нему пересесть. Будущий помазанник даже не вышел из нее, считая папу просто шарлатаном. И во время коронации он не дал папе возложить ему корону на голову, а сам надел ее, как обычную треуголку, а потом, как с волнением вспоминала Жозефина, возложил корону поменьше на голову ей, преклонившей перед ним колена.

Все реже новая императрица уединялась в бывшей ее особняк с супругом, которого она по-настоящему полюбила, а в последнее время она стала замечать нечто терзающее его, не даром он так часто теперь справлялся о ее здоровье и самочувствии. К несчастью, Жозефина не могла пожаловаться на столь желанное ему недомогание.

Он по-прежнему отправлялся в походы, непостижимо громя все европейские государства, стерев с лица земли Пруссию, подчинив себе все немецкие государства, разгромив австрийцев вместе с их храбрыми союзниками русскими под Аустерлицем и в других местах.

Наполеон, которому, по его словам, было «наплевать на миллионы жизней»,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org доказал это, равнодушно перешагнув через два миллиона убитых и погибших в затеянных им войнах. И только Англия, защищенная морями и могучим флотом, противостояла ему. Остальные же европейские монархи заискивали, преклонялись, даже лизали ему руки, выпрашивая подачки в виде провинций, которые он распределял между ними по своему усмотрению. Взамен он требовал всеобщей удушающей Англию торговой блокады.

Неожиданным, как всегда, был его союз вместо вражды с Россией. Мир на плоту Немана, заискивание австрийского двора, тайно сватавшего через Талейрана дочь австрийского императора Марию-Луизу, о чем провела Жозефина.

Новая императорская династия утверждалась во Франции, но... не появлялось наследника.

И сердце Жозефины сжималось от грозных предчувствий. Эти предчувствия не были связаны с ужесточением диктаторского режима в провозглашенной империи, где не поощрялись какие-либо умствования или бессмысленные философствования того же, например, Канта. Наполеон презрительно относил их к той же категории нелепых суждений, как и шаманство католической церкви во главе с папой Пием VII.

Беспокойство Жозефины было глубоко личным. От ее чуткого взгляда не могли ускользнуть тяжелые раздумья Наполеона, решающего все дела сразу, с молниеносной быстротой. Нужны были серьезные основания для мучительных мыслей, одолевавших его. И Жозефина боялась отгадать их.

Сердце у Жозефины застучало при звуке подъезжающего экипажа.

Наполеон появился, как всегда, спокойно-озабоченный, но при виде Жозефины одарил ее приветливой улыбкой, так редко появлявшейся на его замкнутом лице.

– Мы отдохнем здесь от шума и блеска дворцовых зал, – сказала Жозефина, целуя мужа.

– Да, конечно, – рассеянно отозвался Наполеон. Они сели взвоем за стол. Ужин им принесла когда-то хорошенькая, а теперь старательно сохраняющая свою зрелую красоту горничная, состоящая при Жозефине.

Она напрасно ждала страшного для нее объяснения. ибо знала о тайных переговорах Талейрана и с русским, и с австрийским дворами, зондирующих отношения императоров к тому, чтобы через великую княжну Анну, шестнадцатилетнюю сестру Александра I, или дочь императора Франца I, восемнадцатилетнюю Марию-Луизу, породниться с Наполеоном.

Узнав об этих злокозненных шагах Талейрана, Жозефина негодовала, но мужу свои чувства не открывала.

Козни старой лисы Талейрана при живой императрице она считала безнравственными, но сдерживалась, зная суждения самого Бонапарта о доброте или нравственности, как об излишествах для властителя. Старому Макиавелли было чему поучиться у нового открывателя путей к неограниченной власти.

Но этот грозный и непознаваемый для многих властелин был близок и любим Жозефиной, которой казалось когда-то, что она на такое не способна. Но теперь любила этого «надчеловека» со всей страстностью креолки и преданностью женщины, посвятившей себя ему всю целиком. Она знала, что он не любит умных женщин, немилостив к много позволявшей себе обо всем судить прославленной мадам де Сталь, но ум, проницательность и способность быть ему полезной он ценил в Жозефине, называя ее своим дворцовым маршалом, и хвалил за то, что она сумела создать о себе впечатление пустой любительницы нарядов, бриллиантов и балов, скрыв ото всех свое тайное «маршальское звание». Он не раз поощрял ее в этом, поручая немаловажные дела. Об этом могли догадываться Талейран и Фуше, но доподлинно знал только Поль Баррас, из опасения за свою осведомленность пребывающий ныне в добровольной ссылке, отойдя от политики.

Она была счастлива с Наполеоном и его генеральских, потом консульских и, наконец, императорских заботах неизменного победителя, державшего в трепете все европейские страны, и теперь боялась утратить его, который остался бы так же любим ею, если бы сам потерял нее. Но он был на вершине славы, и ему

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
требовалось то, чего не могла дать Жозефина.

Он был особенно внимателен и нежен с ней в этот вечер, когда они сидели не визави по разные стороны стола, а рядом, касаясь друг друга, и ужинали.

Эта атмосфера счастливой уединенности, когда в зал не вбежит с очередным известием адъютант или паж не доложит о выполненном поручении, расслабила Жозефину. Она решилась и нежно сказала ему:

– Я люблю тебя.

– Я тоже полюбил тебя с первого взгляда, когда решился признаться тебе, что мечтал бы стать отчимом твоему сыну.

– Он тоже любит тебя.

– И неплохо правит итальянской провинцией. И я не перестаю любить тебя, Жозефина, но, увы, я уже не тот самонадеянный молодой генерал, еще не одержавший будущих побед. Теперь они тяжким бременем лежат на мне вместе с императорской короной.

– И ради этой твоей короны ловкие обманщики вроде негодяя Талейрана ведут переговоры с императорскими дворами, подыскивая тебе более надежную мать наследника, чем живая императрица, которая так хотела подарить тебе сына.

– Но не может, – грустно сказал Наполеон.

– А она... она сможет? – произнесла Жозефина.

– Должна, – резко выпалил Наполеон.

– И ты не покараешь за эти козни Талейрана?

– Я не успел его повесить, хотя он того заслуживал. Но об этих кознях я знал.

– Знал? – ужаснулась Жозефина. – Но ведь она дочь побежденного! – возмущенно продолжала она. – Ее можно было бы счесть рабыней!..

– Нет, почему же? Еще в Древнем Египте фараоны женились на дочерях или женах побежденных царей, а рабами делали только плененных воинов.

– Но ты не фараон-язычник, а католик, венчанный и со мной, и на царствование самим папой.

– Папа – вчерашний царедворец, а ныне ловкий фокусник, который сделает все, что я прикажу.

– И ты... ты можешь приказать?

– Я могу приказывать всем, кроме своего сердца, которым завладела и всегда будешь владеть ты, и я не перестаю тебя любить, но...

– Что «но»... что «но»?

– У политиков нет сердца, есть только ум. Я в глаза не видел ни русскую, ни австрийскую девицу. Одна из них нужна только как производительница моего потомства, так необходимого Франции.

Говоря это, Наполеон почувствовал, как Жозефина, от качнувшись от него, начала медленно сползать на пол. Поняв, что она падает, он подхватил ее и на руках отнес в спальню, на ту самую кровать под балдахином, где познал с ней столько счастливых минут.

Смуглое лицо Жозефины побледнело, грудь слабо вздымалась.

Наполеон сидел рядом на обитом атласом стуле и неотрывно смотрел на нее, словно видел в последний раз.

Обморок продолжатся долго, очень долго, но император не послал за врачом.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Только под утро Жозефина открыла глаза, увидела рядом с собой Наполеона, и
тень улыбки скользнула по ее сжатым губам.

- Это уже решено?
- Да, в пользу австрийской эрцгерцогини Марии-Луизы.
- Но ведь она же родная племянница казненной королевы Марии-Антуанетты!
- Тем значительнее сделанный выбор, зачеркивающий якобинскую ненависть к королям.
- И этому никто не сможет помешать: ни чернь, ни дворянство, ни папа, венчавший нас в церкви, ни небеса, где заключен наш брак? никто?
- Никто, кроме тебя.
- Меня? – удивилась Жозефина.
- Требуется твое монаршее согласие.

Жозефина прикрыла глаза, и по ее щеке покатилась слеза.

- И вы будете любить меня, ваше величество? – вдруг спросила она, широко открыв сразу высохшие глаза.
- Всегда и по-прежнему, – ответил он тем же спокойным голосом, каким отдавал команды в решительные минуты боя.

Она молча закусила губы, а он продолжал:

- Я преклонился бы перед императрицей, для которой судьба династии и империи оказалась выше собственных чувств.
- Тогда преклоняйтесь передо мной, ваше величество, – гордо сказала Жозефина, поднимаясь с постели и подходя к зеркалу, увидев в нем изможденное страданием смуглое лицо. – Можете сказать об этом мерзавцу Талейрану, – обернулась она, растягивая слова.
- Я непременно его повешу, – пообещал Наполеон. – Надеюсь, не за эти тайные сношения с австрийским двором по поводу свиноматки императорского свинарника.
- Я не сомневался в твоём решении и еще раз говорю, что не перестану тебя любить.
- Да, ты плачешь только о своих потерянных маршалах. Кого ты оплакивал вчера вечером, сидя рядом со мной? Наполеон ничего не ответил, услышав с улицы шум подъехавшей коляски.
- Это за мной. Надо ехать во дворец. Там уже подготовлен документ, который ты подпишешь.
- Подготовлен? Уже? – ужаснулась Жозефина и, овладев собой, добавила: – Императрица Франции поставит свою подпись и снимет надетую вами корону.

15 декабря 1809 года в Тюльрийском дворце в присутствии всей семьи Бонапарта был подписан протокол о разводе Наполеона и Жозефины, которые в последние дни ни на час не расставались друг с другом.

Требовалось формальное согласие папы Пия VII, который, находясь до сих пор в наполеоновском плену, заартачился, но его кардинальское окружение оформило документ и без него. Наполеон был свободен, а Жозефина удалилась в подаренный ей дворец в Мальмезоне.

Наполеон уже в марте должен был венчаться в Вене с Марией-Луизой, но не поехал в австрийскую столицу сам, куда не раз въезжал с триумфом победителя, а послал вместо себя двух доверенных лиц, которым вдвоем предстояло сыграть роль жениха – маршала Бертье и герцога Карла. Герцог Карл, не раз битый Наполеоном на полях сражений, должен был явиться в собор, и там маршал Бертье вручил ему невесту императора, с которой вместе

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
он должен был подойти к алтарю, где она провозглашалась женой императора Наполеона Бонапарта и, следовательно, императрицей Франции.

Новоявленную императрицу, в глаза не видевшую Наполеона, повезли через всю Германию к провозглашенному супругу, который изволил встретить ее недалеко от Парижа по дороге в Кампъен, перед этим написав полное любви и преданности письмо своей Жозефине.

Новелла седьмая. Сын бога Тота

Полмира грозный повелитель,
На весь остаток горьких лет
Как узурпатор, как грабитель
Прикован будет он к скале.
Нострадамус. Центурии, VIII.60.
Перевод Наза Веца

Одинокий человек в белом генеральском мундире подъехал в коляске к обрывистому берегу.

Гренадер на козлах отъехал подальше, чтобы не мешать сошедшему на скалистую тропинку генералу, который встал на самом обрыве, скрестив руки на груди, и смотрел на море.

Вдали виднелся корабль. Узник знал, что это английский военный фрегат стережет его, сосланного врагами на затерянный в океане остров.

За кораблем простирался нескончаемый морской простор, сливаясь с небом. Под ногами артиллерийской канонадой грохотал прибой, и облака пены, как дым московского пожарища, окутывали скалы, а перед мысленным взором генерала в огне сражений и пушечной пальбе сменяли друг друга события последних лет, когда он был на вершине могущества и европейские короли ползали перед ним на коленях. Недовольный русским императором, плохо ему помогающим в континентальной блокаде, которой он хотел задушить непримиримого своего врага Англию, он порвал франко-русский союз и перешел через реку Березину, развернув на чужой земле полумиллионную Великую армию, чтобы в первом же сражении поставить и русского царя на колени. Но эти варвары уклонились от боя и отошли в глубь своей территории, вынуждая всю Великую армию преследовать их, удлиняя тем пути своего снабжения, что не могло не беспокоить Бонапарта, учитывающего на войне все мелочи.

Раздраженный этим, император удалился в свою палатку, куда заглянул адъютант, осведомившись, угодно ли его величеству выслушать придворного астролога, явившегося с утренним докладом.

Наполеон кивнул, и ученый, низко кланяясь, появился перед ним.

– Ну, что говорят там звезды? – резко спросил император.

– Звезды сулят вам победы, ваше величество, во всех сражениях этой великой войны.

– Сражениях? – сердито повторил Наполеон. – А если враги удирают при одном появлении моих авангардов?

– Но вы победите их, едва настигнете.

Наполеон нахмурился, а астролог продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Вам непременно надо настичь их и разбить наголову, иначе...

– Что иначе? – удивился Наполеон.

– Иначе может сбыться предсказание давнего астролога, точно указавшего за двести пятьдесят пять лет свержение Бурбонов с престола и многие другие события.

– С этим размазней Людовиком XVI можно было бы поторопиться вашему предрекателю. Кто он такой?

– Это доктор Нострадамус, который тщетно пытался предотвратить

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org предсказанную им гибель короля Генриха II в турнирном поединке, как подсказали ему звезды, а они не торопятся, ваше величество.

– Ну и что же предсказывают эти неторопливые звезды нам с вами? Или колдун-звездочет, читавший наши судьбы по ним?

Астролог протянул Наполеону бумагу:

– Я выписал этот его катрен. К сожалению, он на старофранцузском языке, но вы поймете.

Наполеон прочел:

Всех покорив, решит, что так и будет,
Ведя на север армию свою.

В снегах живут совсем другие люди.

От них бежит, все потеряв в бою.

– Какое это имеет ко мне отношение? Здесь нет ни имен, ни дат. И, кроме того, это уже произошло с Карлом XII, шведским королем, разбитым под Полтавой русским царем Петром.

– Я хотел бы думать так, – забормотал астролог и, пятясь, выбрался из палатки.

Адъютант доложил, что захвачен в плен русский гусарский поручик.

– Привести вместе с переводчиком.

– Он говорит по-французски, как мы с вами, ваше величество.

– Ведите, – приказал император.

Пред ним предстал brave гусар с лихо закрученными усами и бакенбардами на румяном скуластом лице.

– Его императорского величества гусарского полка поручик Дроздов с сожалением приветствует гениальнейшего полководца на русской земле, – отрапортовал гусар, ощущая неловкость только из-за отобранной у него сабли.

Бонапарт сумрачно взглянул на пленного, удивляясь его формой обращения к нему, перед которым пленные обычно трепетали.

– Сожалеть надо вашему государю, который не дорожил моей дружбой и у которого служат офицеры, охотно сдающиеся в плен.

– Если вы имеете в виду меня, ваше величество, то моя лошадь сломала ногу, и мне пришлось истратить пистолетный заряд, чтобы избавить коня от мучений, а пешего меня нагнали ваши конные егеря, но у меня уже не было заряда, чтобы пустить себе пулю в лоб.

Наполеон посмотрел теперь на поручика внимательно:

– Егеря, говорите? Видимо, мне придется, как на охоте, придать егерям еще и своры гончих, чтобы угнаться за вашими зайцами.

– За львами, ваше величество, перед которыми ваши гончие подожмут хвосты, а егеря повернут назад.

– Что-то я не помню львов при Аустерлице.

– Это было на чужой земле рядом с немцами, ныне предавшими нас. Да и там наши не бегали.

– А на своей земле?

– В сражении, которого мы все так ждем, мы покажем, как любим свою землю. Могу заверить, что Аустерлица не будет.

– Что ж, – сказал Наполеон. – Дайте ему коня порезвее, чтобы он догнал своих зайцев.

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
– Львов, ваше величество, – поправил императора поручик и вышел из палатки вместе с адъютантом.

В русском штабе не хотели верить, что он встречался с самим Наполеоном, но чужой арабский конь, чужая немецкая сабля и французское седло были тому доказательством.

Повторить Аустерлиц на русской земле Наполеону не удалось. Только под самой Москвой ловко уклонявшийся от боя Кутузов, дал наконец сражение. У Наполеона было ощущение, что он с разбега ударился о стену.

Он потерял ощутимую часть своей армии, а русские так и остались на своих позициях.

Утром они все же оставили их, и Наполеон счел сражение выигранным. Объезжая поле, он видел убитых: и своих, и чужих.

Ехавший с ним рядом адъютант обратил его внимание на гусарского офицера, окруженного мертвыми телами французских егерей.

Наполеон узнал своего первого русского собеседника около Березины поручика Дроздова.

Он на деле доказал, пав в бою, что был смел не только в разговоре с легендарным Бонапартом.

Наполеон приказал похоронить поручика и оставить на дощечке надпись: «Лев Дроздов, русский поручик». Остальные трупы должны были хоронить местные крестьяне.

Эта надпись на французском языке поставила в тупик русское командование, ибо поручика Льва Дроздова в армии не числилось.

И когда Наполеон снова проходил те места, где, перейдя Березину, взял в плен и отпустил первого русского, он вспомнил и строчку из катрена Нострадамуса: «В снегах живут совсем другие люди...»

Он шагал по снегу, позади были и захваченная, но не сданная ему с ключами от города, а потом сожженная самими этими «другими» людьми их старая столица, и разложение перенасыщенной награбленным имуществом армии, потерявшей боеспособность, и не золотой, но серебряный обоз, который Бонапарт хотел поставить в Париж, затопленный им в каком-то подернутом льдом озере.

И спустя долгие мучительные дни на морозе опять Березина. Император шел по снегу пешком рядом с гренадерами и спросил одного из них:

– Что, братец, холодно?

– Когда я смотрю на вас, государь, мне тепло, – ответил усач с отмороженным носом.

Двое из этих гренадеров отдали свои жизни, заслонив собой императора от осколков упавшего и через мгновение разорвавшегося ядра.

Наполеон остался жив и сейчас был тем же генералом Бонапартом, который вел гренадеров через шквальный огонь по мосту смерти, превратив его в мост славы, но мост через Березину был иным.

И еще раз шел пешком Наполеон на гренадеров, выстроившихся в каре, с направленными на него ружьями, как для расстрела.

Он тайком покинул предоставленный ему после отречения остров Эльбу и высадился на юге Франции, с отчаянной смелостью идя теперь на направленные на него стволы.

Его соратники вдали ждали залпа, но вместо него услышали громовой крик, как на смотре: «Вив, император!»

Триумфатором в последний раз вернулся Наполеон в Париж, чтобы процарствовать еще сто дней.

Он разбивал врага во всех шестидесяти сражениях, выиграв все проведенные им войны, и только одну русскую кампанию 1812 года проиграл, победив, как он считал, русских в генеральном сражении под Бородином.

А под Ватерлоо он потерпел первое и последнее свое поражение, сразу потеряв все: и империю от Ла-Манша до Вислы, и Париж, и императрицу Марию-Луизу, и наследника, которому нечего было наследовать...

Он стоял над морем, сжимая в руке письмо чудом переправленное ему из Мальмезона Жозефиной. Оно начиналось:

«Бесценный и великий мой Прометей, прикованный цепью к скале в океане! Никто, кроме меня, твоей тайной наперсницы, не знает твоих сокровенных целей, не подозревает, что ты не просто покорял чужие страны чтобы подчинить монархов и отобрать богатства, а хотел создать Империю Высшей Цивилизации, где свобода заключалась бы в свободе исполнения законов, равенство – не в равенстве положения людей, а в возможности занять любое положение, где братство – не в соперничестве старших и младших, даже не в их ненависти, а в единении Империи как одной семьи. Тебе приходилось добиваться этого силой, ибо «людишки» не способны понять эти высокие идеи и отказаться от того, что имеют или хотят иметь. Но в цивилизации, о которой ты мечтал, ты видел расцвет культуры, науки, искусства, прогресса, всего того, что возвышает мыслящего человека над природой. Оплошность маршала Груши, запоздавшего из-за неверно выбранной дороги на место боя под Ватерлоо, и измена других, имени которых из презрения к ним не хочу называть, – и все гениально возводимое тобой здание рухнуло, прежде чем люди узнали, для чего оно предназначалось. Но ты остался Прометеем, который нес людям огонь, горевший у тебя в груди. Эти твои идеи, не понятые никем, будут вечными. Стерты будут с земли все ныне живущие и их потомки, но те, кто появится после нас, провозгласят твои идеалы, даже не подозревая, кому они принадлежат. Ты послан на Землю другой звездой, и сам убедился в этом, побывав в египетском храме бога Тота...»

Наполеон крепко сжимал в руке это письмо, которое не перечитывал, стоя на скалистом берегу, а мог произнести наизусть.

Единственный человек в мире знал его сущность, напоминая ему сейчас о храме бога Тота.

И он ощутил вокруг себя мраморные стены полутемного зала и древнее странное изваяние идола перед собой.

Он приказал привести тогда к нему жреца этого храма. Жреца не оказалось, ибо храм много веков бездействовал. Вместо него привели столетнего египтянина, с трудом передвигавшего ноги. Годы согнули его, и седая борода едва не доставала земли.

Переводчик перевел еле слышавшему старцу слова завоевателя:

– Я освободил вас от чужеземного ига мамлюков. Скажи мне, старец, чья это статуя и стоит ли она того, чтобы увезти ее для знакомства с ней в цивилизованных странах?

– Оставь ее здесь, о победитель! Это изображение бога Тота, бога мудрости, которой ты сам наделяешь, покровителя писцов, как называли здесь в глубокой древности ученых.

– А что это за круг у него на голове?

– Это Луна или другая планета, о великий полководец! Ты видишь перед собой того, кто прилетел на Землю с другой звезды.

– О какой звезде бормочет этот выживший из ума старик?

– Он говорит, господин главнокомандующий освободившей Египет армии, – пояснил переводчик, – о звезде Сириус.

– О звезде Сириус? – воскликнул Наполеон, вспоминая, что Лаплас, лекции которого по астрономии он слушал, называл это светило наиболее ярким на небосводе. И еще в детстве Наполеон выбрал его как «свою звезду».

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Совершенно так, ваше превосходительство, – продолжал переводчик. – Он говорит об этом ярчайшем бриллианте, украшающем звездный небосвод.

– Какие есть тому доказательства? – спросил Наполеон.

– Есть одно, не знаю, насколько оно покажется убедительным вашему превосходительству. Это староегипетский календарь. Почему-то он построен на обороте Сириуса вокруг Земли раз в пятьдесят лет.

– А еще? – допытывался Наполеон.

– Старик говорит, что в горах живут негры-догоны, пастухи, и будто бы их жрецы знают Великую тайну Вселенной, в незапамятные времена ее открыли им те, кто прилетел со второй Земли, существовавшей около третьего Сириуса, который должен был взорваться. И эту тайну они передают посвященным из поколения в поколение.

– Добыть мне этого жреца-догона, я желаю говорить с ним.

И Бонапарт снарядил отряд в верховья Нила, где в горах существовало это загадочное племя.

И только уже покидая Египет, он увидел того, с кем хотел говорить.

Это был очень старый негр, которого прельстили почести, какие будут ему оказаны великим генералом, прогнавшим мамлюков.

Наполеон имел недолгую беседу с негритянским жрецом. Переводили последовательно два переводчика: тот, что приводил в храм бога Тота столетнего старца, и копт (христианин) из египтян, который мог понимать догона, имея какие-то дела с приобретением в горных районах скота.

– Я хотел тебя видеть, почтенный жрец, – сказал Наполеон.

– Твой свет, как яркое солнце, слепит мои старые глаза, – ответил дважды переведенный догон.

– Какие тайные знания передаете вы из поколения в поколение, будто бы сообщенные вам прилетавшими когда-то на Землю людьми с другой звезды?

– Истинно так, великий освободитель! Но знания эти передаются только посвященным.

– Что нужно сделать, чтобы стать посвященным?

– Ты уже сделал это, о великий, освободил простых людей долин и нагорий от власти жадных мамлюков. Они в давнее время завоевали страну Нила.

– Если ты меня считаешь посвященным, скажи, что это за тайны?

– Я знаю далеко не все, о великий! Могу сказать только, что звезда Сириус состояла из трех светил.

Наполеон помнил слова Лапласа, что Сириус, возможно, двойная звезда, и хотел уже уличить старого жреца в попытке обмануть его, но тот продолжал свою витиеватую речь:

– Но тот, кто повелевает всем, обрек третью сестру Сириусов на погибель, и вторая Земля, что была подле них со всеми людьми, животными и лесами, должна была испепелиться. Тогда хранители знаний построили лодку со звездным парусом, которая доставила их сюда к нам, где люди живут в безопасности, но сами истребляют друг друга.

– Кто руководил этими хранителями знаний, которым удалось спастись?

– Тот, который знал все и передавал свои знания, – ответил негр.

– Бог Тот? – догадался Наполеон.

– Совершенно так, – подтвердил первый переводчик, а второй копт от себя добавил с помощью первого:

– Я маленький человек, ваше высокопревосходительство. То, что мне посчастливилось делать переводы для вашего высокого ума христианина, позволяет мне обратить ваше внимание на текст из Библии, которая всегда со мной. Там есть подтверждение слов невежественного догона, который утверждает, будто знает, как устроена Вселенная, не имея представления о Библии. Вот посмотрите сами.

Наполеон взял из рук копта-христианина Библию на французском языке и прочитал то, чего сам копт прочесть не мог:

«Сыны неба сходили на Землю. Видели, что женщины здесь красивы, и брали их себе в жены, а те рожали им детей. С тех пор пошло племя Гигантов». Слово «Гигант» запало в мозг Бонапарта. Возвращаясь в Европу, он все время думал об этом необычном свидании, о статуе бога Тота, принесшего людям знания и календарь, основанный на движении далекой звезды (не Солнца или Луны), об изображении над его головой другой планеты, а вовсе не Луны, наконец, о том, что его спутники, о которых знали горные племена Африки, оставили после себя потомство. И Наполеон, уже уверенный в своем высоком назначении, готов был считать, что один из этих Гигантов добрался до Корсики и через множество поколений передал ему, Наполеону, великую миссию создания на Земле Высшей Цивилизации, существовавшей на Сириусе. А ради этого стоит завоевать весь мир. Древние греки уже после египтян называли бога Тота, пришельца с Сириуса, Прометеем, признав за ним передачу людям небесного огня знания.

Только один человек на свете знал об этих тайных мыслях Наполеона – Жозефина, его неизменный друг и неугасимая любовь, и только ее сыну в минуту откровенности он признался, рассказав о детских смутных мыслях своего великого назначения. Теперь, после Египта и встречи с богом Тотом, он готов был считать себя его потомком, в котором проснулись через тысячи лет переданные по наследству замыслы. Но как правы оказались греки, угадавшие судьбу прикованного к скале небесного пришельца, которого называли Прометеем.

Вот таким оказался и он, «прикованный» к острову Святой Елены, не донесший до людей всего того, что так хотел передать им, учитывая людское невежество, пусть даже ценой подчинения их себе.

Но раз он заключен здесь, никто не должен знать обо всем этом, кроме его Жозефины.

Он выпустил из рук клочок бумаги со строками, написанными единственным существом, которое любил он, и которое любило и понимало его.

Ветер подхватил бумажку, и она, словно взмахивая крыльями, понеслась над волнами между кричащими чайками, сама чем-то похожая на них.

И казалось узнику Святой Елены, что кричат они, как его солдаты: «Вив, император!», и что мешает этим крикам звон невидимых цепей, гремящих при каждом его шаге.

Гренадер, деливший с ним когда-то тяготы походов, подкатил к нему коляску.

За двести шестьдесят лет до этого дня Нострадамус, поэт и провидец, написал в восьмой центурии шестидесятый катрен, но писем и стихов Жозефины Богарнэ великий прорицатель в своих видениях не прочитал... А она вложила в них свою любовь и понимание:

Похитивший с неба огонь для людей,
Прикован к скале был титан Прометей.
Орел ненасытный клевал его печень,
Но в знанье зажженном остался он вечен.
Новелла восьмая. Самозванец

Вслед за казненным добрым королем
В гробу с подменой вынесен наследник,
Шесть месяцев надежде ждать под льдом.
Снег первый, след колес на нем последний.
Нострадамус. Центурии. VI, 52.
Перевод Наза Веца

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
После очередной революции 1830 года бездарному Карлу X (графу Артуа), третьему сыну Людовика XV, занявшему трон после своего старшего брата Людовика XVIII, пришлось уступить корону Луи-Филиппу из младшей ветви Бурбонов, Орлеанскому. Во время его царствования, когда все заметнее становилась власть капитала, к банкиру Ротшильду явился министр полиции с просьбой принять его.

Министр был ростом и солдатской выправкой похож на гренадера. Его провели в старинный кабинет финансиста, где сидели до него столетиями такие же важные, как и он, банкиры.

Там никого не было, и министр встретил входившего в кабинет пожилого еврея в черной шапочке и с седыми пейсами, с темными, совсем не старческими пронизывающими глазами.

Тот мелкими шаркающими шажками подошел к богатому письменному столу с резными ножками, единственной допущенной роскошью старого кабинета, и уселся как-то бочком в обитое дорогой кожей кресло.

Министр полиции расправил пышные усы и приветствовал банкира.

Ротшильд кивнул в ответ и слабым голосом спросил:

– Чем могу служить высшему стражу порядка?

Министр откашлялся и произнес:

– Если Бурбоны правили Францией полторы тысячи лет, то ваша славная династия Ротшильдов берет начало по крайней мере в XVI веке, и силу свою не ослабила, не потеряла, а многократно увеличила.

– Но мы не правили Францией, – сказал Ротшильд.

– Но правили и правите ее королями, – ответил бравый полицейский.

– О чем хотите сообщить мне?

– Об угрозе политических потрясений Франции, которые горько отзовутся на ее народе.

– Как француз озабочен вашими словами. И что же нам грозит?

– Появление «воскресшего» сына казненного законного короля Людовика XVI. Этот сын был провозглашен роялистами еще сорок лет назад королем Людовиком XVII.

– Если не ошибаюсь, таких Людовиков XVII после отречения Наполеона и реставрации Бурбонов было немало.

– Ровно сорок, господин Ротшильд.

– Почему же вас так беспокоит сорок первый, когда вы или ваши предшественники даже уже после кончины славного Фуше сумели обезвредить претендентов на занятый королевский престол.

– Тогда это было проще. Престол занят Бурбонами и претендент на него – явный самозванец. А вот сорок первый, как вы сказали, некий Герр Наундорф из Голландии, как две капли воды похож на Людовика XVI, якобы его отца, что не исключено.

– Да. – вздохнул Ротшильд. – История – это исследование людских ошибок.

– Нельзя оставить без внимания возможность еще одной ошибки. Герр Наундорф, владелец фермы и сапожного дела в Дальфте, богато обставил снятый им в Сен-Жерменском предместье особняк и дает светские приемы, вербуя себе влиятельных сторонников старшей ветви Бурбонов, угрожая тем королю Луи-Филиппу Орлеанскому. Знатные люди весомы в обществе и, конечно, связывают полиции руки, поскольку противозаконности в их действиях пока что нет.

– Король Франции – сапожник? Это забавно. Но при чем тут я, тем более что

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
пока все спокойно?

– Нельзя допустить нарушения спокойствия.

– Как же этому помешать?

– Деньги делают все. Я был простым полицейским при Фуше, который служил и Бурбонам, и якобинцам, и Директории, потом императору и снова Бурбонам, пока не скончался в 1820 году.

– Да, полиция нужна всегда. Многие ломали себе головы: «Что хитрый Фуше хотел сказать, с каким коварным планом связан его уход из жизни?»

– Я думаю, он одобрил бы план, с которым я пришел к вам, господин Ротшильд.

– По занимаемому посту вы – наследник Фуше. И что бы он сделал на вашем месте?

– Разорил бы Наундорфа, у которого нет армии для захвата власти, ничего, кроме захватывающих рассказов о своем чудесном спасении в чужом гробу, вербуя сторонников в изысканном парижском обществе. Но его «сестра», герцогиня Ангулемская, никогда не признает голландского фермера и сапожника своим братом.

– Не узнает его?

– Конечно. Потому что ей, получившей целиком все наследство Бурбонов, это было бы невыгодно, а во-вторых, – и полицейский понизил голос, – во-вторых, потому, что она, видимо, вовсе не Мария-Тереза, а подменившая несчастную принцессу, изнасилованную в тюрьме стражником и родившую там умершего вскоре ребенка, после чего решившую уйти в монастырь. Под ее именем блаженствует другая...

– Поистине история не только изучение людских ошибок, но и раскрытие их преступлений.

– Полиции надо помочь, дать ей в руки формальное признание самозванства господина Наундорфа.

– Как я понимаю, вам нужны деньги.

Министр и банкир поняли друг друга, и бравый полицейский, расправив пышные усы, переходившие в бакенбарды, уходил из дома Ротшильдов весьма довольный собой.

Министр полиции был прекрасно осведомлен, что герр Наундорф впервые объявился в Берлине в 1810 году, еще при Наполеоне, под своим голландским именем, и лишь теперь, при Луи-Филиппе Орлеанском, решил противопоставить ему себя как сына Людовика XVI, старшей ветви Бурбонов, для чего и прибыл в Париж.

У сен-жерменского особняка вечерами останавливались кареты знатных господ, и разодетые дамы в сопровождении титулованных спутников входили в дом, где их встречал радушный хозяин на фоне двух портретов в золоченых рамах, написанных как бы с одного лица. Это были портреты Людовика XVI и хозяина особняка.

А в гостиной перед ужином с шампанским стало традицией просить хозяина рассказать о своем чудесном спасении, о том, как надзиратель Роше Лоран подменил его своим умершим от золотухи сыном, как поместил обоих мальчиков в сделанный по его заказу просторный гроб, и как сам первый из директоров Баррас застал его за этим занятием в комнате настоятеля Темпля, и как, вместо того чтобы отправить тюремщика на гильотину, стал его сообщником, предоставив карету для доставки гроба в монастырь св. Дени, где дофин Луи-Шарль был спрятан в дальней башне монастыря, а несчастный сын тюремщика похоронен вместо дофина на кладбище св. Маргариты. И только через шесть месяцев маленький узник в предоставленной тем же Баррасом карете, которой управлял башмачник Симон, по поручению Конвента полтора года воспитывавший его, был доставлен на ферму покойного Наундорфа, которую дофин Луи-Шарль наследовал как якобы его племянник.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Разодетые дамы и блестящие кавалеры с вниманием, а потом и некоторой скукой слушали о необычных приключениях в далеком детстве господина Наундорфа. Некоторые из них действительно готовы были признать в нем дофина, провозглашенного роялистами в 1795 году королем Людовиком XVII рассчитывая, что в случае его возвращения на прародительский трон им достанутся тепленькие местечки.

Непременным гостем Наундорфа и даже другом будущего короля стал некий граф Аксель де Вивьен с мягкими кошачьими манерами и вкрадчивым голосом.

Он подбивал Наундорфа на все новые и новые траты ради приобретения большего числа сторонников. Некоторые придворные Луи-Филиппа побывали в салоне Наундорфа, кто для оценки реальной опасности, а кто на всякий случай заручиться благосклонностью власти при возможной новой реставрации старшей ветви Бурбонов.

Граф де Вивьен вместе с маркизой, около которой он увивался весь вечер, возвращался после очередного приема в сен-жерменском особняке в ее карете.

– Ах, милый граф, я так благодарна вам за этот выезд, – говорила маркиза, обмахиваясь веером. – Я такого наслышалась, что буду плохо спать ночью. Подумать только, что привелось испытать в детстве этому толстяку.

– Но он не просто толстяк, моя маркиза! Он возможный король Франции, сын покойного короля!

– Вполне возможно, что и сын, но...

– Что бродит в этой прекрасной головке?

– Ах, я так плохо разбираюсь в законах наследования, но я женщина, мой граф. И я отлично знаю, что сыновья бывают законно- и незаконнорожденные.

– Ах вот как!

– Кто не знает о склонности всех Людовиков к дамскому полу. У Людовика XV чуть ли не специальный министр был, заботящийся о судьбе метресс и их детей королевской крови.

– Поистине в вас таится сказочная змеиная мудрость, которая может соперничать лишь с вашей красотой, маркиза.

– Речь не обо мне, – ударила по руке веером графа маркиза. – Я же не собираюсь иметь незаконнорожденного сына.

– Вы переводите в шутку мои истинные пламенные чувства!

– Все знают, что вы светский лев. Дружите с этим претендентом, пока он не завел своих метресс. Я готова еще разок побывать у него. Может быть, он и меня заметит.

– Нельзя не заметить солнца в небе!

Граф де Вивьен заезжал к Наундорфу и днем, заставлял его озабоченным, разбирающим счета.

– Я к вам с советом, мой друг, – вкрадчиво начал граф.

– Я рад вашей услуге.

– Портреты у входа производят огромное впечатление, но...

– Разве есть какое-либо «но»?

– Нужен третий портрет! Портрет вашей матери Марии-Антуанетты. Его надо заказать живописцу, но не с существующих портретов, а с натуры.

– Вы шутите, граф, я не уверен, что это уместно. Едва ли живописцу удастся вызвать призрак королевы.

– Натура есть! И самая прекрасная. Я только что специально побывал в музее

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
восковых фигур мадам Тисо. Она делала скульптурный портрет великой
королевы-узницы в камере смертников. И ее скульптура, оберегаемая потомками
мадам Тисо, как живая. Она послужит прекрасной натурой для живописца.

– А сколько это будет стоить?

– О! Не больше одного очередного приема ваших гостей, мой друг!

Наундорф почесал затылок.

– Я должен вам признаться, граф, в своих денежных затруднениях. Меня
задушили эти поставщики...

– Какой пустяк! Поставщики, поставщики! На то есть ростовщики! Взойдя на
трон, со всеми расплатитесь!

– Вы думаете?

– Уверен! Большая часть парижской знати живет в долг и содержит прелестных
дам полусвета, снимает для них особняки ироде вашего. А векселя – это
бумажки, которые всегда можно отсрочить. Но ваши гости должны видеть обоих
ваших родителей, входя в ваш дом.

– Наверное, вы правы, граф. Спасибо за совет.

И заказ одному из видных живописцев Парижа с помощью графа де Вивьена был
передан, и творение мадам Тисо сыграло новую роль.

Гости Наундорфа, входя в его особняк, любовались теперь уже тремя картинами
в золоченых рамах, отыскивая в появившемся вновь портрете королевы сходство
с ее сыном, дофином. Сметливый художник намеренно сделал глаза на портрете
Марии-Антуанетты такими же, как у господина Наундорфа.

Особое внимание на это обращали дамы, уверяя, что это один и тот же взгляд!

Наундорф смущался, уверяя, что никогда об этом не думал и что если это так,
то из-за наследственности.

Гости вежливо соглашались с ним, а кто не соглашался – помалкивал в
ожидании ужина с шампанским.

Однако денежные дела Наундорфа явно ухудшались, как он признался своему
другу графу де Вивьену.

– Я нашел выход! – воскликнул тот. – Вы забыли о своей сестре Марии-Терезе,
герцогине Ангулемской.

– Напротив, я несколько раз посылал ей приглашения на свои вечера, и не
только обычные, но и тепло-родственные. Однако она ни разу не приехала к
своему брату, – с обидой в голосе закончил Наундорф.

– Это развязывает вам руки! – воскликнул граф. – Вы имеете теперь все
основания подать на нее в суд на раздел наследства вашего отца, которое ей
досталось полностью.

– Вы думаете? – опешил Наундорф.

Граф принялся уверять друга в бесприкрытости судебного процесса, обещая
обеспечить ему самого ловкого адвоката.

Наундорф, скрепя сердце, согласился.

В зале парижского окружного суда в этот день было немного публики,
завсегдатаев любых судебных заседаний и забредших сюда от скуки людей.

Но судьи были, как обычно, в своих мантиях, традиционных париках, так же,
как и адвокаты истца и ответчицы.

Судебный пристав провозгласил:

– Суд идет! Прошу всех господ встать!

Наундорф, огромный, дородный, тяжело поднялся, искоса поглядывая на герцогиню Ангулемскую, с третьего раза все же приехавшую в суд в сопровождении компаньенок и служанок. Ее адвокат, неповоротливый, с виду похожий на лавочника, в плохо сидящей на нем мантии, выказывал ей всячески знаки почтения.

Судья-председатель и двое других судей заняли свои места, и председатель вызвал к столу господина Наундорфа.

– Ваша честь! – воскликнул его адвокат. – Вы, очевидно, имеете в виду Людовика Бурбона, провозглашенного королем Франции в 1795 году.

– Я прошу истца подойти к столу, на котором лежит Библия, и дать клятву, назвав свое имя и выразив готовность говорить только правду, и ничего, кроме правды.

Наундорф подошел к столику с Библией и, положив на нее руку, произнес:

– Я Луи-Шарль Бурбон, сын короля Людовика XVI, временно носивший имя Карла Вильгельма Наундорфа, клянусь в правдивости своих слов и всех ответов, которые буду давать суду.

– Ваша честь! – снова подал голос его адвокат. – Разрешите сразу предъявить вам доказательства правдивости слов моего клиента.

– Предъявите, – сухо сказал председатель, думавший в этот момент о своей больной дочери, которую надо отправлять лечиться на воды в Богемию, и что на это нужны непомерные для него средства. Девушка чахнет у него на глазах, а он, отец, не может сделать для нее самое необходимое. И вспомнил он о недавнем визите некоего графа де Вивьена, который брался устроить ее поездку.

Пока председатель суда размышлял о своих семейных невзгодах, адвокат Наундорфа разместил на трех стульях портреты в золоченых рамах так, чтобы они были видны и судьям, и публике: короля Людовика XVI, королевы Марии-Антуанетты и господина Наундорфа, сходные с каждым из названных им родителей.

Председатель суда вежливо пригласил к столику с Библией герцогиню Марию-Терезу Ангулемскую, попросив назвать ее девичье имя и дать клятву быть правдивой перед судом.

Герцогиня поднялась со своего места в тяжелом темном платье и, поддерживаемая под руку компаньонкой, направилась к столику с Библией, но, проходя мимо портрета Марии-Антуанетты, она вскрикнула и стала падать, теряя чувства.

Подскочивший адвокат герцогини освободил стул с портретом Наундорфа и усадил на него теряющую сознание ответчицу.

– Суд сочувствует вам, герцогиня, теряющая сознание при виде своей покойной матери, – участливо произнес председатель. – Сидите, мадам, и лишь дайте ответ на единственный вопрос.

– Я готова, ваша честь, – простонала герцогиня.

– Признаете ли вы в этом человеке, который дал клятву перед вами, своего брата Луи-Шарля Бурбона?

– Нет, не признаю, – слабым голосом отозвалась герцогиня. – Это самозванец.

– Прошу подойти к столу господина Наундорфа, – произнес председатель суда.

Наундорф, косясь на сидевшую с видом умирающей герцогиню, подошел к судьям.

– Вот видите, господин истец, дочь вашего предполагаемого отца не узнает вас.

– Ваша честь! – вмешался адвокат Наундорфа. – Я протестую. Ответчица не давала клятву, подтверждающую, кто она, и не дала обета говорить только

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org правду.

Судьи посовещались, и председатель огласил:

– Протест отклонен.

Адвокат герцогини тяжело поднялся с места и как бы нехотя вымолвил:

– Ваша честь! Не могу ли я просить суд потребовать от истца доказательства, что он является сыном высоких особ, на которых он ссылается?

– Просьба представителя ответчицы принята! – объявил судья. – Господину Наундорфу предоставляется право доказать, что он является сыном тех короля и королевы, портреты которых он представил.

– Что именно, кто именно и как должен доказать? – не без ехидства спросил адвокат Наундорфа.

Наундорф оживился и повторил перед судом увлекательную историю, которой столько раз занимал своих гостей.

Судьи с видимым интересом выслушали необыкновенные приключения с удивительными подменами и путешествием в гробу.

Когда Наундорф закончил свой рассказ, председатель ровным монотонным голосом проговорил:

– Прежде чем судить о ваших имущественных правах, мы хотели бы знать, кто может подтвердить все вами сказанное? Где эти башмачник, тюремный надзиратель, покровитель из директории, принявшие участие в вашей судьбе?

– Ваша честь! – вмешался адвокат Наундорфа. – Мой клиент не может представить названных вами свидетелей, ибо они умерли. И последний из них, небезызвестный Баррас, скончался накануне революции 1830 года.

– Почему же ваш клиент, пусть он сам ответит на это мэтр, медлил столько лет со своими претензиями?

Наундорф, переминаясь с ноги на ногу, произнес:

– Видите ли, ваша честь, господин судья. С одной стороны, я не хотел спорить из-за трона со своим дядей, к которому питал родственные чувства. С другой – опасался за жизнь людей, так много для меня в детстве сделавших; когда дяде освободили трон, мои благодетели, увы, уже скончались, включая жену башмачника Симона прекрасную женщину Жанетту, которой я всей душой благодарен.

– Это дело юре, которому вы закажете поминальную службу, а не суда по имущественным вопросам. Какие у вас есть доказательства ваших родственных отношений с королевской четой?

– Доказательства – сходство мое с королем Людовиком XVI.

– Ваша честь! Прошу прощения, но к исковому заявлению было приложено заключение экспертов, которые признали это сходство, – вставил адвокат Наундорфа.

– Как известно, у ребенка бывает двое родителей, – глубокомысленно произнес председательствующий и впился глазами в Наундорфа, провозгласив: – Истцу предоставляется право доказать, что он действительно является сыном королевы Марии-Антуанетты.

– Разве вы можете, ваша честь, доказать, что вы являетесь сыном своей матери или отцом своей дочери? – выпалил адвокат.

– Вопросы здесь залает суд, уважаемый мэтр. Ваше замечание отведено, – возмутился, вспомнив о дочери, судья.

Адвокат деланно развел руками, с немим укором обращаясь к немногочисленной и равнодушной публике. Ведь никто из гостей Наундорфа, признавших его королем, на суд не пришел.

Наундорф растерянно молчал.

Герцогиня почувствовала от волнения себя настолько плохо, что вынуждена была удалиться из зала, поддерживаемая с обеих сторон компаньонками, оставив вместо себя своего адвоката.

– Ваша честь! – вдруг оживился адвокат герцогини. – Мы живем в пору трех революций и знаем цену французским королям. Всем известно, что каждый из них, помимо своей королевы, имел еще целый штат метресс, нечто вроде гарема турецкого султана. И у Людовика XV даже был специальный министр, который заботился об этих королевских любовницах и их детях с королевской кровью. Им давали высокие титулы, но никто из них не мог претендовать на королевский престол и имущество. И я готов, ваша честь, допустить, что сходство уважаемого истца с Людовиком XVI вызвано тем, что он действительно является его сыном. Но какая у нас уверенность, что матерью его была покойная королева Мария-Антуанетта? Портрет, написанный совсем недавно и специально для этого случая? Я позволю себе сделать вывод, что, если господин Наундорф и является сыном короля Людовика XVI, то внебрачным, и по французским законам никаких имущественных прав в виде доли наследства, доставшейся единственной законной дочери королевской семьи Марии-Терезе, не имеет. Я благодарю суд за оказанную мне честь высказать это суждение, ограждающее права моей клиентки герцогини Ангулемской. Суд удалился на совещание.

Вернувшись, после громкого обращения судебного пристава к присутствующим встать председатель объявил, что истцу в его притязаниях отказано за недоказанность того, что он действительно является законнорожденным сыном короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты.

Граф де Вивьен с сокрушенным видом вышел из зала, не оставшись, чтобы проводить своего удрученного друга.

Получив заслуженное им вознаграждение, он пустился в нескончаемые визиты по парижским салонам, не показываясь больше у Наундорфа. Граф доставил на курорт в Богемии дочь судьи и... влюбившись, женился на ней.

А Наундорф, осаждаемый кредиторами, готовился к возвращению в свой Демфль, побывав на могилах Симона и Жанетты, а также Роше Лорана.

Из освобожденного им особняка вывозили мебель. Кроме счетов и векселей, предъявленных к оплате, он получил уведомление министерства полиции, что на основании вынесенного судебного решения, устанавливающего его «самозванство», он выдворяется из Франции и для сопровождения его до границы к нему явится полицейский.

И незадачливый претендент на французскую корону вынужден был вернуться в Голландию, сопровождаемый до границы хмурым полицейским, не проронившим за всю дорогу ни слова. Почти в нищете он прожил еще девять лет, занимаясь починкой обуви горожан, так и не выплатив всех долгов.

10 августа 1845 года, точно в 53-ю годовщину свержения Людовика XVI, его сын скончался и был похоронен на кладбище в Демфле.

Надпись на его могиле гласит: «Людовик XVII, король Франции и Наварры (Людовик Карл герцог Нормандский)». Пожалуй, там не хватает слов: «Гражданин Капет, воспитанник башмачника Симона».

Могила его и надпись сохранились как местная достопримечательность. Туристы удивляются такому месту захоронения французского короля.

Эпилог второй повести

Четвертым был бы он. Конец надежде
Придет в бою с ордоу дикарей.

Подруга лопнет – дрянь, и он, как прежде,
Припомнит скупость матери своей.
Нострадамус. Центурии, IX, 65.

Перевод Наза Веца

Их могло бы быть четверо – французских императоров, но после отречения Наполеона I трон не достался его сыну Наполеону II, занятый с помощью

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org победивших Францию государей Бурбонами, и он так и жил с матерью Марией-Луизой при дворе ее отца, австрийского императора. Брат Наполеона I Людовик Бонапарт был посажен им голландским королем, а его сын Людовик-Наполеон, пользуясь громким именем своего дяди, прошел во французский парламент после революции 1848 года, когда «призрак коммунизма» бродил по Европе, и, прикинувшись безвольным и безгласным, овечкой, которой всем удастся управлять, был избран президентом Второй Республики, но, получив власть, обнажил волчьи клыки и перед переизбранием объявил себя наследником Наполеона I и императором Франции. Он перехитрил всех, включая уставший от революций народ.

Слава Парижа как духовного центра Европы обязана отнюдь не ему, которого Виктор Гюго назвал «Наполеоном малым», а созвездию блестящих умов и талантов, таких, как Золя, Флобер, Мопассан, Александр Дюма-сын, Берлиоз, Бизе, Гуно, инженер Эйфель, Сара Бернар, Полина Виардо, и потянувшихся к этому созвездию Тургенева, Пуччини и других звезд серебряного века. Наполеон же III первый буржуа расцветшего капитализма, самым ярким бриллиантом обретенной короны мог считать лишь свою супругу Евгению, такой невиданной красоты, что перед нею склонялись даже женщины высшего круга, не отличавшиеся щедростью на такие признания. Сам же император завел дружбу с заклятым врагом своего гениального предшественника – с викторианской Англией и, подражая ей, захватывал колонии, начиная с дорого обошедшегося Франции Алжира, содействуя объединению Италии.

Нострадамус в своем пророческом катрене нелестно представляет будущего императора Франции:

Он третьим стал, но меньше, чем мизинец.

Овцой прикинувшись, пролезет волк.

Италия единой станет и гнет скинет.

Но ни один его не славит полк.

Центурия, IX, 5. Перевод Наза Веча

После объединения Италии, угождая французскому капиталу, которому служил, он затеял обреченную войну с Пруссией, закончившуюся разгромом его армии, собственным пленением и позорной капитуляцией.

Власть в Париже перешла в руки рабочих предместий, объявивших Парижскую коммуну строем справедливости. Угроза распространения опасных для владельцев всех рангов идей объединила и победителей, и побежденных, сломивших сопротивление коммунаров, и вождь карателей генерал Тьер расстрелял тысячи коммунаров у стены на кладбище Пер-Лашез. Во Франции была объявлена Третья Республика, давшая череду безликих президентов, опиравшихся на власть капитала. Но обаяние первого Бонапарта было так велико, что его почитатели объявили его наследником сына Наполеона III и красавицы Евгении, тоже молодого красавца и блестящего английского офицера кавалерии принца Лулу, как ласково называли его родители, императором Франции Наполеоном IV. Но он не ступил даже на ступеньку трона, а, ущемленный безмерно скупой и не отличавшейся умом былой красавицей Евгенией, своей матерью, отправился на колониальную войну с зулусами как офицер английской кавалерии. По дешевке приобретенное для него скаредной матерью снаряжение подвело из-за своей ветхости, и в разгар боя лопнувшая подруга передала принца Лулу в руки озверевших дикарей, его тело потом было даже трудно опознать. Третья империя Франции не состоялась, став жертвой колониальной политики. Раздел колоний между европейскими государствами был яблоком раздора, как и соревнование промышленников. Назревало всеобщее напряжение.

Так, пройдя своей страшной дорогой, СМЕРЧ завершился серебряным веком, трагедией Парижской коммуны и расцветом и торжеством капитализма. На смену шел XX век, как железный и кровавый, с невиданным размахом достижений прогресса, социальных потрясений и человеческих жертв. Предтечей его

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
событий стал очередной французский президент, о котором говорили: «Пуанкаре
– это война!»

Достижения и преступления

Охватит мир кровавая война.
За ней придет беда еще страшнее.
И никого не пощадит она.
Заморские войска спешат скорее.
Нострадамус. Центурии, IX,
Перевод Наза Веца
Новелла первая. Люди гибнут за металл

И запах лимона там станет отравой,
И ветер гнилой сгубит вражьей войска;
Удушье страшней даже раны кровавой.
Победа в отражении будет легка.
Нострадамус. Центурии, IV,
Перевод Наза Веца

В Мариинском императорском театре давали «фауста» Гуно. В начале спектакля царская ложа была пуста. В ней сидел только один неряшливый, по-мужицки одетый человек с темной бородой. Это был Григорий Распутин. Царское семейство запаздывало.

Наконец появилась неприступно горделивая императрица Александра Федоровна под руку с полковником своей армии – самим императором. Позади шли их красавицы дочери Ольга, Татьяна и Анастасия. Дамы не успели вовремя переодеться для театра, задержались в госпитале, где все вместе, как простые сестры милосердия, ухаживали за ранеными, даже выносили за ними горшки.

А теперь нарядные, благоухающие, источая радость юности, вслед за величественной матерью девушки вошли в ложу, когда Шаляпин пел уже знаменитую арию Мефистофеля.

Его великолепный бас заполнял всю громаду театрального зала от кресел партера до переполненной студентами и курсистками галерки.

В начале второго куплета царь подсел к Распутину, императрица и дочери расположились рядом, а великий князь Дмитрий Павлович и князь Феликс Юсупов стояли за их спинами оба в щегольской офицерской форме.

С чисто шаляпинской выразительностью звучали строки:

Тот кумир – телец златой.
Он небо презирает.
Ни добра, ни зла не знает.
Не видит власти над собой.
По веленью «бога злата»
Край на край идет войной
И людская кровь рекой
По клинку течет булата.
Люди гибнут за металл!
Люди гибнут за металл!
Сатана там правит бал!
Там правит бал!
Сатана там правит бал!
Там правит бал!

Распутин наклонился к царю и заговорил:

– Федька-то наш нынче самого дьявола представляет, врага рода человеческого. Сатаной в зал кричит: «Люди, мол, гибнут за металл!» А ведь и впрямь истинно. Гибнут русские мужики невесть за что либо в болотах немецких, либо в окопах на родной земле. И еще ведь что говорит-то, будто он правит нами. И взаправду сатана правит, как есть – правит. Так ведь ты, царь-батюшка, Россией правишь. Пошто дозволяешь им попереk правды народной идти, на убой людей гнать? Я еще перед тем, как война началась, из госпиталя Тобольского, когда монашка бешеная меня ножом пырнула, тебе телеграмму посылал. Христом Богом молил не зачинать войны этой проклятущей! Так ведь не дали тебе, сердечному, народ свой сберечь, к чужой выгоде поступать заставили. Так послушай теперь старца своего – кончай воевать,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org разом кончай, не медля. Германцы пойдут на мир с тобой. А союзники... им бы побольше русских людей уложить на наших полях, да свои карманы понабить при том. Ты послушай меня, дурака. Ведь правду мне видеть дано. Для того и при тебе нахожусь.

Царь делал вид, что слушает музыку, но глаза его на красивом лице с аккуратно подстриженной бородой бегали и едва ли видели сцену.

Акт кончился, и публика устремилась в фойе. Вышли и дамы из царской ложи, направляясь в дамскую комнату привести себя в порядок.

Гуляющие оглядывались, провожая их восхищенными взглядами.

Девушки под строгим надзором матери прихорашивались перед зеркалом, обмениваясь впечатлениями дня.

– Когда я слышу со сцены, что «люди гибнут за металл», меня мороз по коже продирает, я вспоминаю раненых, – говорила Татьяна, припудривая лицо.

– А я сегодня плакала вместе со своим солдатиком которому обе ноги отрезали, а у него в деревне семеро детей. Все спрашивает меня, кто их кормить будет? – призналась Анастасия.

– Нет ничего страшнее чужих страданий, – сказала Ольга. – Мне хотелось бы самой пострадать вместо тех, кто так мучается у меня на глазах. Маме же достались отравленные газами. Я бы не выдержала.

– Ради России нашей выдержать все надобно. Так Господь Бог велит и пастыри наши православные. Церкви ставят в память погибших, – набожно крестясь, произнесла Александра Федоровна.

– А я сама слышала, как старец наш, Григорий Ефимович, сказал: «Не строй церковь, пристрой сироту!»

– Перед мудростью Григория Ефимовича только преклоняться нам всем, – сказала Александра Федоровна. – И никто, кроме него, Алеше нашему помочь не может. Сегодня после встречи с ним он даже сам ходил без посторонней помощи.

– Истинно святой отец, – согласилась Татьяна.

– А какое про него говорят, слушать страшно, – заметила Ольга.

– А ты, старшая, не слушай сплетни враждебные, – строго заметила мать.

– А мы не верим! – воскликнула Анастасия. – Мы его сами видим и слышим. Слова худого не скажет, недаром папаша в дневник записали: «Все слушал бы и слушал его». Это про Григория Ефимовича. Мне папа сами показывали, – вполголоса сказала Анастасия.

– Ты у него любимица, – улыбнулась Александра Федоровна.

По всем коридорам разнесся звонок, призывающий в зал.

Но мужчины из царской ложи, встретив в курительной ожидавшего их Пуришкевича, председателя Союза Михаила Архангела, не спешили, пока звонок не призвал всех курильщиков в зал. И когда курительная опустела, великий князь с гневным возмущением заговорил:

– Представьте, господа, я сам слышал, как этот Гришка Распутин нашептывал в ложе царю: требует выхода России из войны, сделать напрасными все понесенные империей жертвы. рассуждает о предательстве союзников. Это открытый подрыв нашей мощи, ничем не прикрытое поражение! Недаром говорят, что он «отрабатывает немецкие денежки». Дальше терпеть его уже невозможно, непатриотично, даже подло!

– Надо привести приговор в исполнение, – сказал Пуришкевич.

– Мудрые слова, – усмехнулся великий князь. – Притом не раз сказанные. А как выполняется этот приговор изменнику, немецкому шпиону, змее, пробравшейся в царскую семью? Позор и беспомощность! Все боимся руки

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org запачкать. Пытаемся уронить этого мужлана в общественном мнении, спаиваем, а он не пьянеет, распускаем грязные слухи, компрометирующие светских дам, якобы готовых с ним на все, поскольку со святым не грех, а он похлопывает их по недозволенным местам и посмеивается. Словом, один конфуз. И не миндальничать с ним надо, а убрать его. Таков долг честного офицерства. Он враг, пробравшийся в наш тыл.

– Так ведь пробовали, – вмешался Пуришкевич. – Он мышьяк проглатывает, словно всю жизнь его вместо перца употреблял.

– А у Союза Михаила Архангела других средств не оказалось? – насмешливо спросил великий князь. – Или для еврейских погромов они не требуются?

– Нет, почему же? – отозвался Пуришкевич и вынул из кармана револьвер «Смит и Вессон».

– Похвально, – заметил великий князь. – Только надо поторопиться и не откладывать без конца, как было до сих пор.

– Да, надо! – воскликнул князь Юсупов. – Сегодня же и кончить. Я приглашу его на ужин, и вас всех. И делу конец!

– Тогда, с вашего позволения, я с вами, – и Пуришкевич похлопал по карману, куда спрятал пистолет.

– Цианистый калий избавит вас от громких действий, – заверил князь Юсупов. – Это вам не крысиный мышьяк.

– Как знать, – возразил Пуришкевич. – Может быть, яды его никакие не берут, потому что слова его змеиные ядовиты и советы его императорскому величеству государю нашему Российской империи губят, германцам отдают.

– Это вы своим архангелам из мясных лавок расскажите, а нам и так понятно, – безразлично заметил великий князь.

Пуришкевич пожал плечами.

Докурив папиросы, все трое направились в фойе и затем в царскую ложу.

У дверей ее стоял адъютант императора молодой полковник Малама. Пуришкевич знал Михаила Николаевича и даже заезжал к нему на квартиру отдать карточный долг и видел комнату, увешанную портретами великой княжны Татьяны, написанные в своем большинстве по памяти, но один с натуры, и этот час, по заверению художника, был счастливейшим в его жизни.

– Что ж, – печально говорил он, – заштатная железнодорожная станция Малама где-то в Малороссии на королевство не тянет. Но будет у меня дочь – Татьяной назову.

Вспомнив об этом, Пуришкевич разулыбался, заискивая перед этим молодым красавцем в белом мундире с аксельбантами. Но лицо у того было таким неприступно холодным, что войти в царскую ложу он не решился.

Императрица, увидев вошедшего великого князя, обернулась к нему и тихо сказала:

– князь, голубчик, позаботьтесь насчет корзины цветов Федору Ивановичу из царской ложи.

– Будет исполнено! – отозвался великий князь. – Я сам ему и отнесу.

Александра Федоровна улыбнулась ему, и он вышел из ложи.

Девушки, увлеченные музыкой и тем, что происходило на сцене, даже не обернулись, а Распутин продолжал что-то нашептывать царю, по-прежнему словно застывшему в нерешительности.

Когда спектакль кончился, старшая из сестер, Ольга, воскликнула:

– Какую прелесть написал Гуно! Как жаль, что Машенька не поехала с нами. Говорит, ей так нездоровится, что в госпиталь не поедет.

– Бессмертная тема Фауста, – поддержала ее Татьяна. – Только у Гете Фауст посвящает обретенную молодость людям. Маша читала.

Анастасия ничего не сказала, лишь украдкой платочком вытерла уголки глаз.

Царь встал, давая понять, что пора ехать во дворец. Вид у него был усталый, словно он выполнил непосильную работу.

Александра Федоровна с нежной заботой посмотрела на него:

– Что с тобой, Ники?

– Ничего, – ответил царь, – просто опера и ее музыка заставляют о многом задуматься.

– Велико зло, от врага человеческого проистекающее, – сказал Распутин, вставая, и потянулся, расправляя затекшие от долгого сидения члены.

– Истинно так, Григорий Ефимович, – сказала императрица. – Как всегда, святые слова говорите.

– Я папе важное сказал и тебе, мама, скажу, для того при вас и состою. Пора, пора кончать дела недобрые...

– Вы проводите нас, Григорий Ефимович? На Алешу взгляните.

– Нет, нет, государыня! – вступился князь Юсупов, – Григорий Ефимович давно обещал мне поужинать в моем доме. Будут почтенные люди, заинтересованные в его советах. Вы уж отпустите его к нам, ваше величество.

– Это уж как он сам решит, хотя душа моя неспокойна от дурных предчувствий.

– У меня в доме он будет в полной безопасности, уверяю вас.

– Ладно уж, – решил Распутин. – Коли после оперы такое у князя Феликса затевается, надо бы Федьку Шаляпина с собой прихватить.

Лицо Юсупова вытянулось, и он невнятно произнес:

– Конечно, Григорий Ефимович. И великий князь с нами будет, и господин Пуришкевич, и Шаляпин, разумеется.

Великий князь тотчас вышел из ложи, словно торопился за Шаляпиным, но направился в буфет подкрепиться водкой.

– Ну, Федя, тот спеть может, а Михаил Архангел-то зачем? – ворчал Распутин.

– Что вы, Григорий Ефимович! Пуришкевич – настоящий русский патриот и борется против еврейства в его вредных проявлениях.

– Перед Богом все равны. У меня Исайка в секретарях ходит. Да и все мы родом оттуда, от еврейского семейства Адама с Евой. Так в Священном Писании сказано. Аль не читал?

– Ну как же! Все заповеди помню. «Не убий» и другие...

– Ну то-то! – назидательно закончил Распутин.

Вернулся подкрепившийся в буфете великий князь и сообщил, что Шаляпин ехать ужинать отказался.

– Тогда и я не поеду, – решительно заявил Распутин. Великий князь и Юсупов растерянно переглянулись.

– Да уж ладно, Григорий Ефимович, – примирительно сказала Александра Федоровна, и эти слова впоследствии она не могла себе простить, – уважьте уж людей, так вас почитающих.

– Ну, раз мама сказала, поеду, – согласился Распутин.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Разъезжались из театра по зимнепутью: великий князь с Юсуповым и Распутиным в роскошных санях, прикрытых медвежьим пологом, Пуришкевич следом на лихаче извозчике, подняв бобровый воротник и натянув покрепче бобровую шапку. У дворца Юсупова на Мойке остановились.

Прошли в ярко освещенные комнаты к богато накрытому столу.

– Что пить будете, Григорий Ефимович? – осведомился хлопчущий хозяин.

– Да ты сядь, ваше сиятельство, сядь. В ногах правды нет. А нам правда нужна. Вместе с водкой, конечно.

– У меня коньяк французский есть, времен Генриха II из подвалов самой Екатерины Медичи. От аромата одного голова кружится, – предложил Юсупов.

– Ну, кружиться нам, сибирякам, не положено ни от какого зелья. Но коньячок попробуем, хотя знаю я вас подлецов, слухи обо мне распускаете, будто непробудным пьянством балуюсь.

– Да что вы, Григорий Ефимыч. Если вас и угощаю, то от всей души. Да и вас, как заговоренного, никакой спирт, а тем более вина заморские не берут.

– Что верно, то верно, князюшка. Я пить пью, а одним глазом на вас, потчующих, поглядываю. Не получается у вас сибиряка спить. Вот так-то! Богу мы служим. От Бога и все у нас.

– Да и в мыслях никогда не было спаивать, Григорий Ефимович, уверяю вас.

– Оправдываться на Страшном суде будешь, ваше сиятельство, что вины на тебе никакой нету.

– Так видит Господь, что никакой вины нет, одно к вам расположение, да желание мудрости вашей у вас набраться.

– И наберешься, своего же заморского коньяка наберешься, а я на тебя, пьяненького, полюбуюсь, может, и поучу чему следует, – и, зевнув, добавил:
– Что-то миндалем вроде коньячок твой отдает, али так настоян у Катерины Медичи? Ушлая, говорят, баба была.

Блиндаж полковника Нестерова денщики так старательно натопили, что собравшиеся там их благородия господа офицеры даже кители снимали.

Пили водку напропалую, заглушая и тоску, и безысходность, и гнев, и даже боль за все происходящее: победные прорывы с печальным концом в чужих болотах, бездарность генералов, кражи и смерть, смерть, смерть...

Шла третья зима нескончаемой, беспросветной и непонятной войны.

От прежних непрерывных прорывов, германских газовых атак, захвата пленных обеими сторонами и взаимных непостижимо огромных потерь люди устали так, что, не сговариваясь, перешли на позиционную войну, зарывшись в землю и лениво обмениваясь артиллерийскими выстрелами.

В глубоких сырых или промерзших окопах на противостоящих позициях съезжившись сидели вчерашние мужики и мастеровые, фермеры и рабочие прославленных заводов – создатели того изобилия, которое позволило богатеть и развиваться обоим государствам, где теперь голод ощущался во всем.

В русских окопах потери от германских пуль были меньше, чем от вшей, передававших тиф, бороться с которым не было возможности из-за огромного скопления людей, отсутствия бань и чистого белья. Потому-то и пропадали, отдавая Богу душу, метаясь в тифозном жару в госпиталях, солдаты, даже в глаза не видевшие неприятеля.

Командирам же их только и оставалось топить осознание всего окружающего в водке и, поднимаясь на неустойчивых ногах петь вразноголосицу «Боже, царя храни...».

Во время исполнения гимна в блиндаж полковника Нестерова вошел его денщик и прошептал своему командиру:

- Там до вашего высокоблагородия из полкового комитета пришли.
- Кто осмелился во время исполнения гимна? – пьяно взревел Нестеров.
- Так что, ваше высокоблагородие, прапорщик Ерухимович с солдатом, представителем полкового комитета.
- Подать их сюда! Дисциплины не знают!.. – гневался полковник.

Тучный, рыхлый, болезненный, он был раздражен всем на свете и собственной судьбой. Способный офицер, он, получив полк, участвовал вместе с ним в Брусилловском прорыве, после победных реляций был загнан в прусские болота и умудрился вывести свою часть, потеряв три четверти личного состава, перейдя с боем линию фронта, и имел, по его мнению, все основания, чтобы после переформирования получить не тот же полк с пополнением необученными мужиками, а хотя бы новую дивизию. Но дивизию получил вместе с генеральским званием другой офицер, из штабных «подлипал», который не вытаскивал сапогов из затягивающей топи, а был всегда чистенький на виду у высокого начальства. И теперь вот этот жаркий блиндаж и гибнущие не от вражеских пуль, а от собственных вшей мужики в солдатских шинелях, которые хотят не в землю зарываться, а землю пахать, и теперь вздумали выбирать какие-то полковые комитеты.

В блиндаж вошли двое: прапорщик и бородатый солдат.

- Разрешите, господин полковник? – спросил прапорщик.
- Дисциплина где? форма обращения? – закричал Нестеров. – Кто таков?
- Прапорщик Ерухимович, господин полковник. И со мной председатель полкового комитета Медведев.
- С солдата что спросить, а вас чему в синагоге обучали? Такому обращению к командирам?
- Никак нет. Я белорус и такой же православный, как и вы, и не низший чин, а первый офицерский, коему обращение «ваше высокоблагородие» не положено.
- Однако, прапорщик, блиндажной храбрости в вас предостаточно. Зачем солдата ко мне привели?
- Это председатель полкового комитета, господин полковник. Он намерен ознакомить вас с листовкой, одобренной солдатами вашего полка.
- Это еще что такое?
- Извольте посмотреть, ваше высокоблагородие, – сказал хмурый солдат, заросший бородой до самых глаз. – Извольте прочитать, – и он протянул листок, отпечатанный в типографии большими буквами.

Нестеров вырвал бумагу из рук солдата и, хмурясь, прочитал:

«Солдаты русские! За что воевать вас заставляют? За веру, царя и Отечество? Так никто на веру вашу православную не покушается, ни одной церкви враг не тронул, не испоганил. А близкая царская родня германская не на своего родственника покушается и не на земли его Российские. Воеете и головы свои вы складываете из-за споров капиталистов разных стран, кому где торговать и как побольше барыша нахапать. В окопах, что перед вами, такие же, как вы, люди сидят, братья ваши, которых так же обманом на смерть гонят. Так идите же брататься со своими мнимыми врагами, у которых один с вами общий враг – власть продажная, на службе у богатеев состоящая. Кончайте войну сами, если генералы ваши на это не способны. И будут фабрики – рабочим, земля – крестьянам которые на ней урожаи выращивают, а не торгуют ею для прибыли. Конец войне объявляйте!

Российская социал-демократическая партия (большевиков)».

Полковник Нестеров покраснел и схватился за сердце:

- Кто доставил? Кто в полку читать такую мерзость позволил?
- Сами солдаты прочитали, среди них грамотные есть, и на собрании своем

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
полковому комитету наказали, – объяснил Ерухимович.

– Дозвольте, ваше высокоблагородие, волю солдатскую до вас донести, – сказал Медведев.

– Какая там еще «воля солдатская»? Дисциплины не знаете? На войне одна воля – командования!

– Это так точно, ваше высокоблагородие, но это пока война идет. А ежели солдаты порешили с нею кончать, то воля их первая и господам офицерам, их благородиям, выходит подчиниться надобно.

– Молчать! – хрипло заорал полковник Нестеров. – Да за такие слова дерзкие – трибунал и расстрел! Это ваша работа, прапорщик Ерухимович? В большевичках ходите?

– Никак нет! Я государю-императору присягу давал и состоять в какой-либо партии не могу. Разрешите идти, господин полковник?

– Вы идите, а этот комитетчик пусть убирается. В следующий раз под арест посажу.

– Комитет солдатский ждет вашего решения, ваше высокоблагородие господин полковник, по поводу листовки этой, с какой мы все согласны, – упрямылся бородач.

– Вон отсюда! – истерично закричал Нестеров. – Расстреляю!

Протрезвевшие офицеры смущенно переминались с ноги на ногу. Один из них, припав к телескопической стереотрубе, возвышавшейся над блиндажом, воскликнул:

– Наши-то шумели, шумели, а как будто в атаку на германцев идут.

– Что? – заорал полковник, бросаясь к стереотрубе.

Он увидел, как из окопов поднимались его солдаты в серых шинелях, но без оружия, неся с собой котелки и свертки.

Из немецких окопов тоже выходили солдаты и тоже без оружия.

Обе группы сошлись на изрытой снарядами «ничейной земле», словно для рукопашного боя, но, вместо того чтобы колоть друг друга штыками, стали обниматься, вопреки всем военным уставам. Принесли немудреные подарки: махорку, эрзац-шоколадки, алюминиевые или деревянные ложки, котелки...

Полковник Нестеров бессильно опустился на пол блиндажа. Его подняли и перенесли на лежанку. Когда связной принес телеграмму из штаба армии о разжаловании полковника Нестерова за допущение братания и утрату дисциплины во вверенном ему полку в поручики, бывший полковник с негодованием и ужасом произнес:

– Меня? В поручики?

Это были последние в его жизни слова. Братание началось по всему фронту. Казалось, что продолжение войны невозможно и никакие кары и разжалования не помогут.

Но на фронт гнали новые части, заменяя разложившиеся, чтобы вести «войну до победного конца».

Император, перенеся свою Ставку в Могилев, сам выехал в расположение передовых частей, чтобы личным присутствием вернуть армии боеспособность. Но пришедшие из Петербурга тревожные вести о волнениях в городе заставили его прекратить смещение генералов, заменяя одних бездарных другими такими же, и поспешить обратно в столицу, чтобы там лично установить порядок.

Однако царский поезд был остановлен в Пскове, и важные военные и гражданские чины явились к царю уговаривать его отречься от престола и этим разрядить обстановку.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Слабовольный Николай II не выдержал и подписал отречение в пользу своего брата Михаила, но тот, узнав об этом, тотчас отказался принять столь тяжелый венец.

Так свершилась февральская революция. Люди обнимались на улицах, крича: «Свобода! Свобода!». Все хотели заниматься политикой, но не работать.

Во главе Временного правительства встал речистый адвокат Александр Керенский, воображавший, что он «любимец народа».

Богатые люди старались оказывать влияние на новых правителей, охотно готовых считаться с ними, объявив «войну до победы»...

А смещенный Николай II вспоминал, как перед самым трагическим для него новым, 1917 годом в реке Мойке был обнаружен утопленник, оказавшийся Григорием Распутиным.

Вскрытие показало наличие в неведомо как выжившем организме цианистого калия и двух пуль от револьвера «Смит и Вессон». В легких же покойника оказалась вода, свидетельствуя, что, попав под лед, он пытался дышать и был еще жив. Дворник с противоположного дворцу Юсупова берега свидетельствовал, что видел, как ночью несколько человек волокли по снегу какой-то тяжелый мешок. Но какая вера мужику-дворнику!..

Однако гнев царя и горе всей его семьи были таковы, что князь Феликс Юсупов вынужден был скрыться, а великого князя Дмитрия Павловича царь выслал из столицы.

Пуришкевич отрицал, что был на ужине у князя Юсупова, хотя извозчик показал в полиции, что подвез к Юсуповскому дворцу барина в шубе с бобровым воротником и в бобровой шапке, которая, кстати говоря, тоже была выловлена из воды Мойки.

Но Союз Михаила Архангела и его председатель были нужны властям, и Пуришкевича оставили вне подозрений.

Со страхом вспоминал царь последнее пророчество Распутина, какое он нашептал ему в Мариинской опере:

«Не дожить мне, вижу я, до нового, 1917 года. Ежели родня твоя, царь-батюшка, повинна в том будет, то через два года никого не останется от твоего святого семейства. Всех порешат. И не останется дворян – опоры твоей в стране. Кровь да тьму вижу в ней».
Царь не знал других пророчеств Распутина, сбывшихся или сбывающихся, но он не хотел в тот раз верить своему старцу, который так ратовал за русский народ, стремясь избавить его от войны.

В черный, предсказанный царской семье Распутиным день бывший царь, четверть века назад обвенчанный в Ипатьевском монастыре с принцессой Алисой Гессен-Дармштадской, ставшей императрицей Александрой Федоровной, вел ее под руку, но не поднимаясь, как перед убийством старца, в царскую ложу Мариинского театра, а спускаясь в подвал дома купца (опять-таки!) Ипатьева, понимая, что сбывается мрачное предвидение – «всех порешат!»... Значит, и жену, и четырех красавиц дочек, и немощного сына, и верных слуг, готовых разделить их судьбу... Холод пробегал по спине Николая Александровича, но, собрав все силы, он старался не выдать своего предчувствия, не веря словам комиссара, что в подвал следует спуститься для безопасности, поскольку на улице идет перестрелка со штурмующими Екатеринбург чехами.

Когда из этого подвала выносили без суда и следствия казненных, с одних носилок послышался девичий стон. Шедший рядом комиссар вынул наган и пристрелил раненую девушку.

Молодой красноармеец в буденовке обернулся, едва не выронив носилок, и прошептал:

– Как же так? Ведь девочка почти...

– Дурак ты! – оборвал его комиссар. – Что ж ей мучиться? Бабой станет, вокруг нее враги революции завертятся, царицей провозгласят. Понимать надо.

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
А ты свое дело знай, неси. Сбросишь в кузов грузовика...

Красноармеец потащил дальше замолкшую свою ношу.

Впоследствии один из палачей, упоминания своего имени не заслуживший, разъезжал по Уралу с докладом как он лично «геройски» пристрелил из нагана Самодержца Всероссийского...

Много позже Ипатьевский дом снесли по указанию первого секретаря Свердловского обкома партии товарища Ельцина, словно стерты будут этим следы совершенного «в силу революционной необходимости» преступления.

Новелла вторая. Ради света – любая тьма

Страны изгнанник, ярый враг царизма,
Вернется новую возглавить власть.
И в буре грозной, в вихрях катаклизма
Всем несогласным под колеса пасть.
Нострадамус. Центурии, V, 48.
Перевод Наза Веца

В Потсдамском дворце, с конца XVIII века резиденции прусских королей, а ныне императорском дворце, ждали приема у кайзера два самых влиятельных промышленника Германии: Крупп, седой и толстый, с непреклонными складками у рта, и Тиссен, сухой, надменный, с длинным телом и таким же удлинённым лицом, с крепко сжатыми тонкими губами.

Лакей в раззолоченной ливрее открыл перед ними тяжелые, украшенные золотой лепкой двери, и посетители вошли в кабинет, знавший великих завоевателей.

Кайзер Вильгельм II принял их, как было у него заведено, стоя, опершись обеими руками о стол и не предлагая вошедшим сесть в старинные кресла. Слишком дорожил император своим и чужим временем.

Почти сорок лет царствуя на троне, доставшемся ему от деда, прославленного Вильгельма I, он отличался строевой выправкой, умными глазами и фатовски закрученными вверх усами, чему старательно подражали офицеры армии.

– Чем порадуете, господа промышленники? – ответил кивком на приветствие, спросил кайзер.

– Стремлением выразить наше беспокойство ходом военных действий и оказания нашей помощи германской доблестной армии, – многозначительно произнес господин Крупп.

– Да, в борьбе на два фронта надо всемерно помогать нашей великой нации, – сказал император.

– Мы облегчим эту ношу, – вступил Тиссен. – Враг будет повержен. Новая пушка – сверх-Берта тому гарантия. Выстреливает дальнобойным орудием, уже в воздухе выбрасывающим снаряд.

– Который долетит до Лондона, ваше величество, – закончил Крупп.

Вильгельм заложил одну руку за спину, вскинул гордо голову.

– Это действительно повергнет заносчивых англичан, которые пытаются отсидеться на своем непотопляемом корабле острове, как во времена Наполеона. Но мы пустим его ко дну!

– Вы правы, ваше величество. И острова способны затонуть в море паники, – подтвердил Крупп.

– Искреннюю благодарность нации вам, и близкую победу нам.

– Победу доблестных германских войск и передовой немецкой техники! – добавил Тиссен.

– Вам нужны государственные ассигнования? – осведомился Вильгельм, и лицо у него помрачнело.

– Ни одного пфеннига, ваше величество. Только поддержка в переговорах с

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
рабочими, не желающими считаться с военным временем.

– Это будет обеспечено, – резко сказал кайзер, заканчивая аудиенцию.

Оба магната капитала, пятясь вышли из кабинета, продолжая кланяться уже у закрывшейся за ними двери.

В нее, стряхивая невидимые пылинки с мундира, готовился войти фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, шестидесятилетний начальник штаба, фактический главнокомандующий всеми немецкими армиями.

– Ваше величество, лишь особо тяжкие условия войны на два фронта привели меня к вам.

– Промышленники обещают некую сверхпушку для обстрела Лондона.

– Этого мало, ваше величество. Что толку от повреждения башни Тауэра? Для победы нужно взорвать целую страну.

– Какую же, фельдмаршал?

– Россию, ваше величество.

– Такое обширное пространство? Вы шутите, фельдмаршал? Ну, Англия, кусочек земли в море, населенный ничтожествами, еще куда ни шло, но взорвать эту варварскую мужицкую страну!

– Взорвать изнутри!

– Но вам понадобятся миллионы диверсантов, которые должны будут перепугать до смерти русских.

– Ваше величество! Не вы ли написали прекрасные стихи о доблести русских моряков – «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»», положенные в России на музыку и ставшие народной песней...

– Доблесть ценю в любой нации, даже враждебной.

– Мы изматываем друг друга этой доблестью уже который год, потеряв едва ли не цвет нации. Не лучше ли исключить возможность сталкиваться с этой доблестью?

– Говорите яснее, фельдмаршал.

– Я имею в виду революцию, ваше величество. Изнемогающий от лишений военного времени народ как нельзя удачнее для нас подготовлен к ней. А революция – это выход России из войны. Снятие нашего Восточного фронта, удар всеми силами на запад и сокрушение противника, как это сделал ваш дед Вильгельм I.

– Об этом стоит подумать. Но какое мы с вами имеем отношение к возможной русской революции?

– Не имеем, ваше величество, пока...

– То есть?

– В Швейцарии находятся русские эмигранты-революционеры. Они в состоянии своей печатью расшатать русское общество, а фронтовыми листовками обезоружить русскую армию.

– Но листовки, как я слышал, распространяются и на немецком языке. И братание происходит не русских с русскими, а врагов с нашими германскими солдатами.

– Ваше величество, предатели есть и у нас. Мы жестоко боремся с ними.

– А у врага их надо всячески поощрять. Не так ли?

– Совершенно так, ваше величество. И ради этого я просил бы передать им пятьдесят миллионов марок.

– Что? – ужаснулся кайзер. – Но это невыносимая сумма!

– Меньшая, чем тратят наши промышленники на сверх-Берту, которая испугает часть лондонцев, но не Англию, а здесь ставка на всю необъятную страну. И деньги эти нужно взять у тех же господ, которые только что побывали в вашем кабинете. Позвольте передать им смысл нашей беседы?

– Только взамен этих миллионов, а если возможно, то и больше, чтобы оставить кое-что и на наши армейские нужды, служащие их же интересам.

– Так и будет сделано, ваше величество, – и фельдмаршал, по-солдатски сделав пол-оборота, чеканным шагом вышел из кабинета.

В Швейцарии ее обитатели после объединения всех когда-то независимых кантонов говорят на трех одинаковых по значению языках: на французском, немецком и итальянском. И порой разноязычные деревни разделяет в лучшем случае овраг, а то и просто дорога.

Фрау Штальберг, сидя у порога своего дома на чистенькой скамеечке перед клумбой ухоженных ею цветов, увидела подходившую к ней мадам Менье из деревушки за дорогой.

– Как я рада вам, мадам Менье, – сказала она на родном немецком языке.

– Голубушка, фрау Штальберг, я всей душой стремилась к вам, но эти домашние дела... самое тяжелое занятие.

– Ах, это правда! – призналась фрау Штальберг. прекрасно поняв французскую речь своей давней приятельницы.

– Что у вас нового? Расскажите, так наскучило домашнее однообразие. Я специально зашла к вам узнать.

– Ах, мадам Менье, как вовремя вы пришли! Я вам расскажу такое, такое... что в голове не укладывается.

Гостья даже зажмурилась от предвкушения.

– Это касается, конечно, ваших постояльцев? Я порой наблюдаю за господином, который носит бородку и начал лысеть.

– Ах, поверьте мне, это прекрасный, добрый человек. Он не пройдет мимо бездомной собаки и, не боясь ее, потреплет по шее. Собаки ведь сразу распознают человека. А то и даст кусочек съестного. А недавно так вытащил из воды тонущего ребенка. И представьте, отказался от всякого вознаграждения.

– Богатый человек?

– Не думаю, у меня они сняли две комнаты, исключительно из-за дешевизны. Я ведь не гонюсь за большими деньгами. Едят они очень скромно. Гостей принимают не часто. Хотя... – и фрау Штальберг сделала загадочное лицо.

– А что такое? – едва сдерживала разгорающееся любопытство ее приятельница.

– Недавно у них гостила одна дама. Но какая! Красавица! Одета, как графиня.

– Это кто же такая? Гостья таких бедных людей?

– Ее зовут Инесса, а фамилия по мужу Арманд.

– Испанка?

– Может быть. Хотя у этих русских живут люди отовсюду – кто против своей власти или хочет нажитья.

– И что же эта красавица испанка?

– После этого все и началось. Он, то есть мой жилец, очень нежно провожал ее на пристань и усадил на катер, идущий в Женеву.

– А его супруга?

– Не пошла провожать свою богатую подругу, а может быть... соперницу!

– Да что вы?!

– Да, да. И вскоре появился весьма респектабельный господин с чемоданом, направился прямо в мой дом, осведомленный, где живут эти русские, и имел крупный, как я могу судить, разговор с моим жильцом. Говорили они по-немецки и по-русски. Жалею, что слышала только отдельные фразы. Я подозреваю, что это был муж Инессы и привез он ее пожитки, которые презрительно оставил у моего жильца.

– А что потом? Что потом?

– Потом началось самое ужасное. Такие тихие, мирные люди стали громко разговаривать друг с другом на своем языке. Я только могу предполагать, что они говорили. Потом она, жена жильца, побежала на пристань и уплыла на первом же катере, а он... спустя какое-то время со злосчастливым чемоданом немца в руке тоже отправился, надо думать, в Женеву. Об остальном можно только гадать...

– Это, верьте, только начало! – заключила мадам Менье. – Драма и несчастья – впереди! Верьте мне!..

Владимир Ильич, обдумывая очередную свою статью, прогуливался между пристанью и домиком фрау Штальберг, вспоминая, как провожал здесь Инессу Арманд, навестившую их с Надеждой Константиновной.

В свое время Инесса Арманд, интересуясь большевиками, любила беседовать с Владимиром Ильичем о революционных идеях. За границу она уехала, оставив детей в Москве, в обычную для себя поездку, но вернуться из-за начавшейся войны не смогла.

Узнав в Париже, что Ульяновы находятся близ Женевы, она тотчас отправилась туда, прогостив у них два дня, вспоминая свои былые революционные увлечения.

Владимир Ильич употребил все свое влияние, чтобы вновь пробудить у этой обеспеченной, если не сказать богатой, женщины интерес к революционной деятельности. Она оставила ему надежду на свое возвращение к революционерам, увозя для газеты его статью.

Навстречу Владимиру Ильичу шла Надежда Константиновна.

– Володя, – начала она, – к нам явился какой-то элегантно одетый немец с чемоданом, спрашивал господина Ильина, потом Тулина, Карпова и, наконец, Ульянова. Мне подозрительно, что он знает все твои псевдонимы. Как бы это не было провокацией. Будь осторожен с этим адвокатом, как он отрекомендовался, причем графом фон Шпрингбахом.

– Ничего, мы посмотрим на этот «прыгающий ручей». Не беспокойся, Надюша.

Владимир Ильич прошел в столовую, где его ожидал еще молодой, лет под тридцать, немец.

Тот вскочил, вежливо раскланиваясь.

– Как адвокат, имеющий умение говорить по-русски, я имею к вам поручение весьма влиятельного клиента, господин Ильин, если не ошибаюсь.

– Почти не ошибаетесь, хотя осведомлены, как я уже слышал, и о других моих псевдонимах.

– Это весьма похвально так конспирироваться, я имею восхищение вами. Хочу совершенствовать свой русский язык, читая ваши полезные газеты.

– Так какое же у вас ко мне поручение и от кого, если не секрет?

– О нет! Совсем не есть секрет. Правда, я не буду называть его имени или

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org псевдонима, каковой мой поручитель не имеет. Но это есть виднейший пацифист, представляющий солидную группу согласных с ним обеспеченных людей. Они все страдают от гибели солдат в грязи окопов на фронте.

– И чего же хочет ваш пацифист от меня?

– Прежде всего общих с ним усилий на прекращение ужасной войны.

– Вот как?

– Мы, немцы, не бросаем слова на пустоту. И у меня есть поручение клиента передать для вас пятьдесят миллионов марок и помогать тем разворачиванию вашей революционной печати, требующей весьма солидных средств. Не есть так?

– Допустим, – сдержанно ответил Владимир Ильич.

– Я не буду просить вас писать мне расписку, просто примите этот чемодан, где есть упомянутые деньги, и тратить их, чтобы спасти от смерти миллионы людей.

– Я не могу принять ваши деньги даже на таких условиях.

– Если есть необходимость иметь санкцию ваших единомышленников, то не откажите в любезности оставить чемодан у себя на хранение. Мне есть тяжело и опасность отвезти его обратно.

Владимир Ильич потер свою лысину и после короткого раздумья произнес:

– Хорошо, герр фон Шпрингбах, так, если не ошибаюсь?

– Совершенно есть так! – подтвердил адвокат.

– Я благодарю вас за доверие и отказ от получения квитанции с моей стороны.

– Мой Бог! Как можно помнить квитанцию при таком деле! У вас, конечно, есть понимание опасности моей миссии, тем более что моя страна ведет с вашей тяжкую и нам, и вам войну.

– Это-то я понимаю.

– Я обладаю уверенностью в вашей порядочности, герр Ильин, и неупоминании моего имени в связи с остающимися у вас миллионами марок.

– Будьте покойны. Послу Германии в этой стране ничего не будет известно, тем более что у меня нет с ним никакого общения.

– Это я уже выяснил, герр Ильин. И прошу извинить меня за желание раскланяться. Сочту долгом передать мое уважение вашей гостеприимной супруге.

Надежда Константиновна стояла на пороге, прощаясь с гостем.

– А чемодан? – воскликнула она. – Вы забыли свои вещи.

– Не беспокойся, Наденька, он останется у нас на хранение по просьбе господина фон Шпрингбаха.

Немец раскланялся и, надев дорогую шляпу, бодро зашагал по направлению к пристани.

– Адвокат, а выправка у него, как у заправского военного, чином не менее капитана.

– Я тоже обратила на это внимание. А что нужно этому переодетому германскому офицеру?

– В первую очередь повышение по службе в связи с деликатным заданием помочь нам продолжить свою революционную деятельность, развернув агитацию в печати за прекращение войны.

– Что за странная помощь немецкого офицера?

– Который на развертывание такой кампании передал нам пятьдесят миллионов марок, чувствуя за своей спиной генералов, а то и кого повыше.

– И ты принял деньги от врага?

– Чьего врага?

– России, разумеется, с которой воюет Германия, убивая наших русских.

– А русские убивают немцев во имя выгоды капиталистов.

– Людей гонят на смерть послушные воли капитала власти.

– Воют не народы, а их правители! И долг революционера положить конец этому преступлению цивилизации, как называл войну Виктор Гюго.

– Я не понимаю тебя, Володя. Неужели в тебе не осталось никакого патриотизма, оттого что ты эмигрировал из России?

– Чувство патриотизма чуждо интернационализму. Единственная борьба, которую мы признаем, – это борьба соединившихся пролетариев против своих угнетателей.

– Я простая русская женщина, я шла за тобой и в тюрьму, и в ссылку, за границу, наконец, но я осталась русской. Тебе нужны деньги, чтобы твои статьи увидели свет? Инесса обещала кое в чем помочь. Она при деньгах. Управляющий поместья твоего деда Брандта прислал нам очередную сумму. Мы урежем себя во всем, но поможем нашей партийной печати. Как же можно брать эти грязные деньги у врага, рассчитывающего ослабить нашу армию и ворваться на русские просторы?

– Groшовый расчет, оправдывающий топтание на месте. Ни Инесса, ни управляющий дедовым поместьем не решат наших денежных затруднений, а тут нам сваливается с неба пятьдесят миллионов марок. Нужно потерять всякую революционную совесть, чтобы пройти мимо возможности использовать эту сумму для партийных целей.

– Уверена, что Центральный Комитет, прежде всего товарищи Зиновьев и Радек не одобряют тебя. Я не говорю уже о Маркове.

– Дорогой мой «партай геноссе», пишуший в ЦК партии социал-демократов о моей революционной деятельности под твоим бдительным оком! Марков – меньшевик, и этим все сказано, а товарищи Зиновьев и Радек – качающиеся политики, которых надо направлять, притом жесткой рукой, что я и постараюсь сделать.

– Свое личное мнение, как член ЦК, я передам в Женеву, притом немедленно, – жестко заявила всегда мягкая Надежда Константиновна.

– Скатертью дорога! Поспеш к очередному катеру и собери по моему требованию заседание Центрального Комитета. Я прибуду туда незамедлительно. И чемодан захвачу с собой. Посмотрим, кто возразит против развертывания нашей революционной деятельности.

– Володя, опомнись! Это ляжет темным пятном на нашу партию.

– Ради света – любая тьма! Мы зовем к светлому будущему, а ради этого можно вытерпеть что угодно и в кромешной темноте.

– Ты неисправим в своем упорстве и в потере всего русского, что должно было остаться в тебе.

С этими словами Надежда Константиновна, захватив с собой только сумочку и зонтик, отправилась на пристань.

Владимир Ильич не провожал ее, как с удивлением отметила наблюдавшая за поссорившимися своими жильцами фрау Штальберг.

Но к следующему катеру Владимир Ильич отправился, неся в руках чемодан, доставленный ему элегантно господином.

Заседание ЦК, на которое были приглашены и меньшевики, состоялось в арендованном банкетном зале одного из женевских ресторанов.

За столом рядом с Ульяновым сидели Зиновьев, Радек и Марков (от меньшевиков).

Плеханова в Женеве не оказалось, а Инессу Арманд Крупская намеренно не позвала, чувствуя, что та окажется на стороне Владимира Ильича.

Владимир Ильич, водрузив на стол чемодан с пятьюдесятью миллионами марок, раскрыл его и, показывая пачки аккуратно заклеенных банкнот, говорит своим товарищам:

– В чем преступление? В отказе от развертывания нашей революционной деятельности и создания в России предреволюционной ситуации, первым лозунгом которой должно быть требование немедленного прекращения кровопролития, выгодного мировой буржуазии империалистов, или мелкобуржуазное предательство интересов всего мирового рабочего класса во имя квасного патриотизма и нежелания запачкать свои ручки, как только что изволил выразиться товарищ Марков? Я напомню нашим товарищам, что мы не останавливались ни перед чем, чтобы пополнить партийную кассу экспроприациями банков, беря отнятые у народа деньги для общенародного дела освобождения от царской тирании, мы не обращали внимания, пачкаем ли мы руки, принимая деньги, скажем, от Саввы Морозова, этого крупного капиталиста, знавшего, что они будут употреблены для подрыва капитализма. Более того, напомню, что идеологи нашего мировоззрения Маркс и Энгельс не гнушались тем, что Фридрих Энгельс был фабрикантом, имел фабрики, где эксплуатировались наемные рабочие, а часть прибыли отдавал на существование Карла Маркса и разработку идей коммунизма; призрак которого, как они провозгласили в Коммунистическом манифесте, бродит по Европе. Я имел возможности сказать сомневающейся в нашем возможном решении, которое она называла темным пятном на репутации нашей партии, товарищу Крупской, что ради света, то есть победы революции у нас в России и во всем мире, можно и нужно пройти через любую тьму. И когда с нашей помощью начнет разгораться в России революционное пламя, то я не испытаю никакого сомнения, если враг русской буржуазии и самодержавного царя предоставит возможность мне и всем, кто готов идти за мной, переправиться через воюющую с царской Россией Германию, чтобы попасть в столицу и возглавить там борьбу за спасение русского народа и всего мирового пролетариата а сейчас использовать на революционные нужды, считайте, ОТНЯТЫЕ нами у одной из воюющих сторон деньги! – И Владимир Ильич поднял привезенный чемодан.

Предвидение Владимира Ильича, все чаще выступавшего в разросшейся, к гневному удивлению Жандармского управления, большевистской печати под именем Н. Ленина, оправдалось.

Напряжение у изнемогавшего от военных тягот народа достигло предела, и царский строй, пытавшийся продолжать войну рухнул, но власть перешла к Временному правительству во главе с Керенским, готовому по-прежнему служить интересам капитала под лозунгом «Война до победы!».

И снова Ленин встретился с Эриком фон Шпрингбахом, одетым теперь в форму майора германской армии. Ему было поручено сопровождать через Германию вагон с Лениным-Ульяновым и его спутниками, среди которых была и Надежда Крупская, и Инесса Арманд, и Григорий Зиновьев, и Карл Радек, а также представители еврейского «Бунда», захватившие с собой даже детей.

В таком составе, за исключением австрийского подданного Радека, который подлежал бы интернированию в России, группа Ленина прибыла в Петроград, где на Финляндском вокзале их встречали толпы узнавших об их приезде рабочих с возвышавшимся над морем их голов броневином.

Забравшись на его башню, Ленин произнес свою первую на родине речь, высказав основные революционные лозунги – «МИР, КОНЕЦ ВОЙНЕ!», «ФАБРИКИ – РАБОЧИМ ЗЕМЛЯ – КРЕСТЬЯНАМ», «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!».

Возникшие по всей стране советы обретали власть, и Временное правительство с трудом терпело их, все еще рядясь в демократическую тогу, допустив возвращение политэмигрантов.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Впервые Временное правительство почувствовало, откуда грозит ему опасность, на Первом Всероссийском съезде Советов, когда председательствующий меньшевик Церетели заявил, что в России нет сейчас партии, способной взять власть. Тогда из зала прозвучал возглас:

«Есть такая партия!»

Это был голос большевика Ленина, определившего в своих Апрельских тезисах тактику грядущей революции, а когда была сделана июльская попытка претворить их в жизнь, Временное правительство решило арестовать Ленина, и ему пришлось уйти в подполье, скрываться переодетым и даже загримированным в охотничьем шалаше под Петроградом вместе со своим швейцарским соратником Зиновьевым. Руководя оттуда решающим наступлением, которое и завершилось в октябре старого стиля (7 ноября нового стиля), когда в Зимний дворец отряд большевиков прошел, не ощутив сопротивления со стороны защищавших Зимний женского батальона и находившихся внутри разбежавшихся юнкеров. Временное правительство в полном составе было арестовано, правда без отсутствующего Керенского. И власть бескровно перешла к соратникам Ленина: Антонову-Овсеенко, к вновь прибывшему из Америки Троцкому и другим. Так была перевернута новая страница русской истории.

...В императорском дворце кайзер Вильгельм II снова принял у себя, по-прежнему стоя, фельдмаршала Гинденбурга, который доложил о событиях в России и что вместо Керенского, провозглашавшего в угоду союзникам «Войну до победы», к власти пришел тот самый Ульянов, Ленин или Ильин, которому переданы были в Швейцарии пятьдесят миллионов марок.

– Мы не ошиблись, ваше величество, – говорил Гинденбург, – агитация эмигрантской группы русских революционеров сделала свое дело, а их доставка через Германию и Швецию в Петроград привела к смене власти и заключению, как имею вам счастье доложить, весьма выгодного для вашей империи Брестского договора, поскольку русские готовы были на все, лишь бы выйти из войны.

– Гордитесь, фельдмаршал, одним из важнейших выигранных вами сражений, – сказал кайзер. – Надеюсь, в армии полный порядок и нет больше братания?

– О, конечно, ваше величество, за исключением частей, поддерживающих порядок в оккупированных нами зонах и подверженных революционному влиянию.

Но ни император, ни его военная опора – фельдмаршал Гинденбург, не учли, что революционные идеи не знают ни границ, ни окопов, ни договоров.

Революция в России перехлестнула линию вчерашнего фронта и разразилась в Германии.

Кайзер отрекся от престола, а потом и все еще воевавшая Германия вынуждена была признать свое поражение перед коалицией, в которую вступила и Америка.

Тяжкий позорный мир, заключенный изнемогающей Германией, зачеркнул все ее приобретения по Брестскому договору, все аннексии и контрибуции.

Угнетение порождает тягу к самоутверждению, и когда нашелся голос, провозгласивший, что немцы выше всех народов и нет расы выше арийской, хоть и звучал он поначалу в пивных Мюнхена, он был услышан, ему стали внимать. И даже избранный в 1925 году президентом Германской республики Пауль фон Гинденбург, авторитет которого, как фельдмаршала, был велик, вынужден был считаться с новыми настроениями, тем более что справиться с обнищанием народа, с растущими ценами его сменяющиеся правительства никак не могли.

А Крупп, Тиссен и другие гиганты индустрии склонны были прислушаться к казавшимся поначалу бредовыми речам мелкого художника Шикельгрубера из Австрии, назвавшегося Адольфом Гитлером.

И пришел день, когда в том же самом Потсдамском дворце, где рапортовал Вильгельму II фельдмаршал фон Гинденбург именно он, сидя за былым императорским столом, как президент Германской республики, принял в 1933 году этого Адольфа Гитлера, фюрера нацистского движения, и вручил ему власть, как новому канцлеру Германии. Это было последним деянием уже престарелого фельдмаршала, вскоре оставившего Гитлера властвовать и творить свои преступления без него.

Так, в тихом предместье Берлина, на реке и озере Хефель, где улицы похожи на зеленые аллеи и мостовые моются мылом, во дворце Цицилиендорф трижды принимались решения, повлиявшие на судьбы народов Европы в XX веке.

Последним из них были итоги законченной мировой войны и крушения нацизма, подведенные странами-победительницами в лице: Сталина, Трумена, Черчилля с Эттли, «вбивших осиновый кол» и память нацистского фюрера, запятнавшего великую немецкую цивилизацию, трусливо покончив с собой, когда Красная Армия порвалась в Берлин.

Бескровная Октябрьская революция вскоре начала кровоточить. Убийство председателя ЦК Урицкого, а затем и других руководителей новой власти вызвало ответную волну террора со стороны красных. И обе эти волны, борясь друг с другом, превратились в кровавый поток гражданской войны вконец изматывая находящуюся в разрухе страну.

Безжалостная «классово справедливая несправедливость» к людям, даже не проявившим себя противниками новой власти, но классово чуждым ей, и эпоха военного коммунизма оттолкнули Инессу Арманд, и она, отказавшись войти в состав ЦК партии, уехала в Москву к детям, где и скончалась от холеры в 1920 году. Заботу о ее детях взяла на себя Надежда Константиновна Крупская.

Но имя ушедшей Инессы Арманд не раз использовалось пришедшим к власти Сталиным, который угрожал Надежде Константиновне за несогласие с его действиями, что провозгласит женой Ленина не ее, будто бы лишь «партийного надзирателя» за вождем, а Инессу Арманд, что было чудовищной ложью, ничуть не смущавшей диктатора.

Для него было главным вывести партию и управляемую им страну из междоусобных столкновений и строить социализм в отдельно взятой стране, ликвидировав в ней не только всякие проявления классовой борьбы, но и сами классы, как в городе, так и в деревне, не считаясь при этом ни с какими «потерями».

Новелла третья. Черный дым

Сожгут звери книги, а следом и тех,
Веками не трудится кто по субботам.
Нагих – в порошок всех, под шутки и смех.
Сам дьявол любит эту работой.
Нострадамус. Центурии, VIII, 77
Перевод Наза Веца

Мрачные темные тучи низко плыли над землей, словно клубами срывались с труб окружающих университет домов.

Профессор Илья Абрамович Рубинштейн раскрыл зонтик при первых признаках дождя, торопясь домой и размышляя по дороге об изменениях, происшедших за последние десять лет среди его студентов. Вместо прежних вдумчивых и учтивых молодых людей, заинтересованных наукой, теперь появились развязные молодчики и, не стесняясь своего профессора, называли принцип относительности неарийской выдумкой.

Хорошо, что их не слышал сам Альберт Эйнштейн, который, вынужденно покидая Германию, оставил свою кафедру любимому ученику Илье Рубинштейну.

Жил профессор Рубинштейн одиноко на территории университета, неподалеку от центральных ворот. Увидев его издали, пожилая привратница фрау Генц, несмотря на тучность и хромоту, переваливаясь с ноги на ногу, поспешила ему навстречу.

Оказывается, военные в черном вручили ей под расписку повестку для неременной передачи из рук в руки профессору Илье Рубинштейну, которого фрау Генц давно знала, еще с того времени, когда он приехал сюда из бунтующей России на конференцию и остался в Германии, видимо, как истый немец.

Повестка была вежливым приглашением (не вызовом!) профессора Рубинштейна посетить гестапо.

Мороз по коже, пробежавший по спине Ильи Абрамовича, сменился

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
самоутешением: если бы его хотели взять, то наверняка дождались бы, а не оставили изысканное приглашение.

В назначенное время, когда дождь уже кончился, Рубинштейн подошел к дому, указанному в повестке, и предъявил ее стоявшему у входа часовому в черной форме с автоматом на груди.

Тот пропустил его в длинный коридор, где пахло натертым паркетом и все блестело чистотой военного корабля.

Его встретил дежурный, тоже затянутый в черную форму, но чином повыше, подвел к двери кабинета и, щелкнув каблуками, предложил ему войти.

Рубинштейн оглядел пустую, опрятную, казенного вида комнату, где по обе стороны письменного стола стояли кресло и стул.

На одной из стен висел портрет Гитлера во весь рост. Он повелительно указывал протянутой рукой за окно, где виднелись только тучи.

Профессор немного подождал стоя, потом, почувствовав усталость в ноге, поврежденной еще во время студенческих беспорядков в Петербурге, решился сесть.

Дверь за его спиной открылась, и он услышал грубый окрик:

– Встать!

Профессор недоуменно поднялся и увидел офицера средних лет в черном мундире, с узким лицом и кончиками усов, лихо закрученных вверх, как у бывшего кайзера.

Илья Рубинштейн не разбирался в знаках отличия и не понял, кто с одним погоном на плече собирается разговаривать с ним в таком тоне.

Офицер спокойно уселся за стол, педантично открыл ключом ящик стола, достал письменные принадлежности и большой блокнот с изображением свастики на обложке и аккуратно разложил все это на столе.

– Сесть! – коротко приказал он.

Рубинштейн устало опустился на стул.

– Коммунист? – с непритворной ненавистью спросил гестаповец.

– Я исключен в России из Коммунистической партии перед своей эмиграцией в Германию.

– Еврей? – в той же лающей форме задал немец вопрос.

– За последние годы моего пребывания в стране, ставшей моей второй родиной, я не задумывался об этом и никто не напоминал мне о моей национальности.

– Не замечая вашего еврейского произношения? Можете говорить по-русски.

– Для вашего протокола будет удобнее моя немецкая речь.

– Шпион? Заблаговременно засланный в Германию и, для видимости, исключенный из Компартии?

– Нет никаких оснований подозревать меня в этом. Я физик, релятивистский физик, исследующий процессы при субсветовых скоростях.

– Профессия прикрытия?

– Это основная моя специальность, создавшая мне имя даже в глазах такого великого ученого, как Альберт Эйнштейн.

– Еврей, сбежавший в Америку.

– Я не могу судить о причинах, побудивших его покинуть Германию, которая в праве им гордиться.

– Мы не гордимся евреями или цыганами, своей низкой нравственностью противостоящими арийской расе, – и он посмотрел на портрет Гитлера, потом уперся взглядом в Рубинштейна: – Назовите своих сообщников, которым вы передавали полученные вами сведения.

– Я не только не передавал каких-либо сведений, но и при всем желании не мог бы их добыть.

– Значит, признаете, что такое желание испытывали.

– Вы неправильно меня поняли, уважаемый следователь.

– Оберштумбаннфюрер барон фон Шпрингбах.

– У меня никогда не было упомянутых вами желаний, герр оберштумбаннфюрер барон фон Шпрингбах, впрочем, как и поиска любых других сведений, не касающихся круга моей научной деятельности.

– Какие лица были допущены в этот тайный порочный круг?

– Я имею в виду не лиц, а научные статьи и книги.

– Книжки? – презрительно повторил следователь и добавил: – Подойдите к окну и полюбуйтесь на судьбу творений ваших, надо думать, любимых авторов.

Профессор, прихрамывая, повиновался:

– Я вижу разоженный во дворе костер, от которого валит дым.

– В этот вонючий дым превращаются книги вашего сбежавшего еврейского мэтра Эйнштейна, а также лженемецкого поэта еврея Гейне, присосавшегося к нордической культуре.

– Но Гейне знаменит не как еврей, а как великий немецкий поэт! – почти с ужасом воскликнул Рубинштейн.

– Не еврею судить, что есть немецкого в стране, куда его заслали наши враги.

– Но меня даже не выслали из Страны Советов, как Троцкого, идеи которого первоначально я разделял, за что и был исключен из партии.

– Причина вашего псевдоисключения нам ясна. Можно наклеить себе бороду Деда Мороза, как говорят русские, и утверждать, что она сама выросла. Но мы умеем срывать все мнимое с черепа, этого разросшегося верхнего шейного позвонка, как остро выразился подлинно великий немец Гете. Мы в состоянии установить истинное происхождение особи из еврейского гетто или цыганской кибитки.

– Да я никогда ее не видел!

– Еще увидите, все увидите, как только что любовались из этого окна сожжением псевдонаучного бреда и рифмованного зазнайства ваших сородичей.

Илья Абрамович, пока оберштумбаннфюрер был занят писаниной, внимательно вглядывался в чем-то знакомое лицо, силясь вспомнить, где мог его видеть, но тот, внезапно оторвавшись от своего занятия, сам помог профессору:

– Итак, в моем сопровождении, майора германской императорской армии, вы, примкнувший, как бундовец, к группе Ленина и его сообщников: Зиновьева, Крупской, Радека и Инессы Арманд, к которой вы проявляли повышенное мужское внимание, проехали в закрытом и охраняемом мною вагоне через всю воюющую Германию, чтобы разжигать русскую революцию. В Петрограде вы приняли непосредственное участие в Октябрьском перевороте, заняли со штурмом Зимний дворец...

– Штурм не было. Женский батальон сопротивления там не оказал, юнкера разбежались.

– И вы лично присутствовали при аресте всех министров Временного

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org правительства...

- За исключением сбежавшего Керенского.
- Наконец-то вы начали подтверждать обвинение.
- Я не опровергаю, что в то время примкнул к левацкой части большевиков во главе с Троцким.
- Который командовал Красной Армией, победившей добровольческие армии Колчака и Деникина.
- В последовавшие годы всеобщей разрухи я, как и Лев Давидович Троцкий, видел выход лишь в мировой революции.
- Чтобы коммунисты захватили весь мир и привели его к полной разрухе.
- Я это осознал, но не сразу, лишь после крутого поворота Ленина в экономике, который, поняв, что грабительской продрозверсткой страну не накормить, призвал к восстановлению хозяйства личной инициативой.
- Вы имеете с виду нэп?
- Совершенно так. Первоначально возрождение буржуазии в виде нэпманов возмутило ту часть партии, к которой я примыкал. Однако возрождение страны во время нэпа, успехи крестьян, которые Бухарин, представлявший правое течение в Коммунистической партии, как философ, выразил в своей теории вращающегося кулака в социализм, побудили меня пересмотреть свои взгляды и отделили от троцкизма.
- И вы хотите, чтобы я поверил вам, стремившемуся распространить заразу коммунизма на весь мир, в том, что не продолжаете служить этим идеям и по сей день, выполняя шпионские задания под университетским прикрытием?
- Я повторяю, что для этого нет никаких оснований или улик.

Шпрингбах закончил протокол допроса, потребовав у профессора его подписи внизу каждого листа, не принимая во внимание его робких попыток внести какие-либо коррективы, тем более что они лишь повторяли его «упрямое» отрицание предъявленных на допросе обвинений.

Потом следователь нажал кнопку под столешницей и приказал вызванному штурмовику отвести арестованного в камеру, даже не взглянув в глаза уводимому почтенному профессору, лишь с прежней грубостью сказав ему вслед:

– Подумайте как следует в одиночестве своим еврейским мозгом над заданными вам вопросами. Признание – лучшая защита на ждущем вас суровом суде.

Илью Абрамовича увели, поместив в опрятную, по-немецки чистенькую тесную камеру, где койка откидывалась на день к стене, и лежать на ней можно было только ночью, увы, бессонной ночью, а днем спать не полагалось и, если Рубинштейн начинал дуреть на табурете, к нему тотчас врывался надзиратель и грубо разгонял его сонливость.

Все реже вызывал к себе оберштурмбаннфюрер заключенного профессора. И все его допросы были почти точными копиями первого, с теми же предвзятыми обвинениями и солдафонски нацистской грубостью, которая закрывала давнее воспитание в интеллигентной немецкой семье фон Шпрингбахов. Когда же барон продвинулся по службе и стал уже штандартенфюрером (равным армейскому полковнику), то, казалось, совсем забыл об Илье Рубинштейне.

Продвижение по службе определялось не столько числом обвиненных Шпрингбахом предполагаемых шпионов, сколько родственными связями с верхушкой вермахта. И в пору, когда гитлеровская Германия, напрягая мускулы, сжалась, подобно тигру, готовящемуся к прыжку на выбранную жертву, даже сам рейхсканцлер Гиммлер вынужден был считаться с этими заносчивыми генералами, и им в угоду барон фон Шпрингбах стал группенфюрером, войдя в генералитет гестапо.

Вот тогда-то и вспомнил новый генерал СС о своем упрямом узнике профессоре Рубинштейне.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Явившиеся за заключенным конвоиры даже удивили Илью Абрамовича, обросшего полуседой бородой, который был уже готов нести бремя одиночного заключения неопределенное время.

Но провели его не в знакомый, надраенный как палуба крейсера, коридор с кабинетом, порог которого он когда-то впервые переступил, а вывели в погожий августовский день на улицу и усадили в роскошный «опель-адмирал» на заднее сиденье и без вооруженного спутника.

На вопрос к сидящему рядом с шофером офицеру СС «который нынче день?», он получил неожиданный вежливый ответ:

– Двадцать седьмое августа тысяча девятьсот тридцать девятого года, герр профессор. Группенфюрер барон фон Шпрингбах ждет вас в другом здании.

«Здание-то другое, а человек-то там все тот же!» – с горечью думал Рубинштейн, глядя на мелькающие витрины магазинов, толпы прохожих, кипевшую, бьющую ключом жизнь огромного города.

Но Илья Абрамович ошибся!

В другом здании, в роскошном кабинете с мягкой, обитой дорогой кожей мебелью, его встретил, казалось бы, лишь внешне похожий на прежнего Шпрингбаха человек в мундире группенфюрера, украшенном крестами. Он встал при появлении профессора и, выйдя из-за стола, пошел к нему навстречу, усадил на мягкий диван, запросто сел с ним рядом.

– Наконец-то мы снова свиделись с вами.

– Это зависело не от меня, – сдержанно отозвался Илья Абрамович.

– Конечно, конечно! – согласился группенфюрер. – Но за это время вы прошли испытание, предназначенное вам.

– Испытание? – изумился Рубинштейн.

– Да, именно такие стойкие люди и нужны нам. Но перейдем к сути нашего общего дела. Вы считаете диктатуру Сталина в вашей стране, которую не по своей воле покинули, тяжким ярмом для всех народов Советского Союза?

– Там диктатура пролетариата, – уклончиво ответил Илья Абрамович.

– Ах, бросьте, профессор, всем надоевшие цитаты пропаганды. Народ вашей страны угнетен диктатором, от которого нашими общими с вами усилиям надо его освободить.

– Простите, группенфюрер, но я вас не понимаю.

– Проверка вашей стойкости показала, что вы можете помогать нам, находясь в Советском Союзе, куда мы дадим вам возможность вернуться, обеспечив вашу безопасность дипломатическим паспортом советника посла.

– И чем я буду вам помогать?

– Революционной борьбой против диктатуры и сообщениями о тех настроениях, которых вам удастся добиться.

– Сообщать? То есть делать то, что вы мне инкриминировали эти два года.

– Вот видите, мы в вас не ошиблись! У вас даже нет страха перед нами. Но зачем такие вульгарные уточнения? О шпионаже и речи не идет. Мы просто убедились в общности наших с вами устремлений.

– Простите меня, герр группенфюрер, предвидя возможные для меня неприятности, я все же вынужден отказаться от вашего предложения.

– Ну что ж! Вы укрепили мое уважение к вам! Заходите ко мне запросто, когда у вас будет время.

– Как вас понять, герр группенфюрер?

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Очень просто. Моя машина доставит вас домой, к университету, где вы сможете продолжить свои ценные исследования явлений при субсветовых скоростях, в чем вы можете оказаться тоже полезным нам.

– Вы что? Освобождаете меня?

– Зачем мне освобождать вас, когда вы и так уже свободны. Прошу понять и меня, который должен был выполнять порой грязную, вызывающую у меня отвращение, работу. И примите извинения за все, что могло вас оскорбить во время наших с вами бесед, в которых свободным были только вы в выражении своего мнения. А я – лишь исполнитель. Желая вам всяческой удачи, хочу выразить вам теперь то, чего не мог сделать раньше – сочувствие в кончине так интересовавшей вас Инессы Арманд.

– Если позволите, герр группенфюрер, я удалюсь. Меня влекут к себе университетские стены, если все это не сон.

Профессор Рубинштейн был доставлен в «опель-адмирале» к воротам университетской ограды.

Радости фрау Генц, встретившей его первой, не было границ. Она же передала ему оставшиеся у нее вчерашние и сегодняшние газеты, которые она не успела еще отнести к нему домой, возобновляя для него подписку.

Профессор Рубинштейн так давно не видел газет, что буквально впился в них, и первое, что бросилось ему в глаза, – это сообщение о заключении пакта дружбы между Германией и Советским Союзом, и в связи с этим, взаимном прекращении всех уголовных дел против людей, подозреваемых в неприемлемых для держав действиях.

«Так вот оно что! – мысленно воскликнул Илья Абрамович. – И на этот раз группенфюрер выполнял не свою волю, в таком странном тоне беседа со мной!»

Профессор Рубинштейн сбрил свою арестантскую бороду и в прежнем облике явился к университетскому начальству, уже предупрежденному о его возвращении и выразившему удовлетворение, что он сможет открыть свой курс через два дня с начала учебного года.

Но это начало учебного года совпало со вторжением гитлеровских войск в Польшу, вмешательством Франции и Англии, отказавшихся от совместных действий с Советским Союзом, и началом Второй мировой войны, унесшей больше жертв, чем все вместе взятые войны и эпидемии чумы и холеры за всю историю человечества.

Первый же семинар по релятивистской физике принес Илье Абрамовичу волнующий сюрприз.

В числе явившихся к нему студентов оказалась... Инесса Сантес. И дело было не только в том, что эта испанка носила имя Инессы Арманд, в которую он когда-то был безнадежно влюблен, но еще и в том, что она мучительно напоминала ему своим красивым смуглым лицом кого-то, кого он никак не мог вспомнить...

После семинара, когда студенты уходили, профессор стоял в дверях аудитории и смотрел вслед удаляющейся изящной девушке, отметив, что, если бы ее собранные в пучок волосы распустить, они достали бы колен.

На следующем семинаре Инесса Сантес, дождавшись, пока все студенты разойдутся, обратилась к профессору, глядя на него продолговатыми, чуть приподнятыми к вискам глазами цвета спелой сливы:

– Профессор, объясните, чтобы я поняла, как это может быть, что два тела, разлетаясь друг от друга со световыми скоростями каждое, отдаляются на самом деле лишь со скоростью света?

Рубинштейн, стараясь быть академически строгим, объяснил:

– Привычное простое сложение скоростей разлетающихся тел в обычных условиях ошибочно. Но ошибка эта, при ничтожности этих скоростей по сравнению со световой, неощутима.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Непонятно, – призналась студентка.

– Тогда представьте, что мы убегаем друг от друга...

– Простите, профессор, но убежать от вас – это уж я совсем не могу представить! – не без лукавства возразила девушка.

Профессор постарался скрыть смущение:

– Хорошо. Пусть два снаряда разлетаются после взрыва в разные стороны. Как бы ни силен был взрыв, скорости их ничтожно малы по сравнению со световой.

– А при чем тут свет?

– Потому что... где мне записать формулу?

Инесса протянула маленький надушенный дамский блокнотик, и Илья Абрамович записал в нем формулу: $U = (u + v)/(1 + uv/c^2)$.

– Как видите, в числителе дроби скорости складываются и могли бы удвоиться, если бы не делились на знаменатель, где к единице добавляется соотношение произведения скоростей и квадрата скорости света.

– Я постараюсь понять, герр профессор. У меня будет теперь ваш автограф. Разрешите мне прийти еще раз.

– Ради Бога! Буду рад ответить на все ваши вопросы.

– Будете рады? – лукаво спросила она и ушла.

А на следующем семинаре она была печальной и опять дождалась, когда все разойдутся.

– Вы не в духе сегодня? – спросил Илья Абрамович. Инесса вздохнула:

– Началась война. Теперь мне не добраться до Испании, куда я так стремилась.

– Но там победил фашизм! – не удержался Рубинштейн.

– Я и спешила туда для борьбы с ним! Теперь вам придется терпеть меня все четыре года.

Но через два года 22 июня Гитлер, порвав пакт о ненападении, напал на Советский Союз, бомбя мирные города, и его вермахт парадно шествовал по чужим захваченным улицам.

В последующий год с небольшим Илья Абрамович, повесив у себя дома на стену карту, с горечью переставлял на ней флажки на захваченные нацистами знакомые ему города и местности.

Но Москвы взять Гитлеру не удалось, и его войска потерпели там, к истинной радости Рубинштейна, поражение, отброшенные далеко на запад. Но Ленинграду грозила полная блокада.

Немцы захватили Крым, эту жемчужину юга, и выпустили специальную медаль в виде золотистого щита с изображением крымских гор и победной надписью. Теперь они рвались на Кавказ и к Сталинграду, к великой русской реке Волге.

Однажды совсем не в день семинарских занятий в кабинет профессора вбежала взволнованная Инесса.

– Илья Абрамович! Илья Абрамович! Такая радость! Я не могла не прибежать к вам, – по-русски выпалила она, с трудом переводя дыхание.

Рубинштейн был ошеломлен:

– Вы... русская?

– Нет, нет – испанка! Нас в детстве доставили на пароходе в Советский Союз. Там я кончила русскую школу, а застряла в Германии в вашем университете. Но

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
не в этом дело, не в этом!

– В чем же?

– В полном разгроме немецкой войсковой группировки в районе Сталинграда. По всей Германии объявлен траур. Русские взяли в плен всю армию во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Я знала, что вы обрадуетесь!

– Пусть у них будет траур, – сказал Рубинштейн.

Но, несмотря на траур, занятия в университете продолжались, и после очередного семинара Инесса снова дождалась, пока все студенты уйдут.

Профессор думал, что она будет говорить о положении на фронте, может быть, о годах, проведенных в России, но Инесса его опять удивила.

– Профессор, – сказала она на своем милом, чуть искаженном немецком языке, – в свое время вы так блестяще объяснили мне парадокс сложения субсветовых скоростей, – и она вынула свой блокнотик, – но, приступая к курсовой работе, я встала в тупик. Пожалуйста, помогите мне.

– Охотно.

– Я представила себе, что тела не разлетаются, а движутся друг к другу со световыми скоростями. Что произойдет при их встрече?

– Взрыв, с энергией, равной произведению половины массы столкнувшихся...

– Соединившихся, – поправила Инесса.

– Соединившихся тел, помноженной на квадрат их относительной скорости, которая опять-таки будет равна лишь световой.

– Спасибо, профессор. Из двух вариантов мне больше нравится не разлетание от взрыва, а совсем другой взрыв при соединении. Правда, так? – добавила она по-русски и засмеялась.

У нее были ослепительные зубы.

– А у них траур кончился. Опять галдят о победах.

Но траур повлек за собой и неожиданные последствия. Взбешенные неудачей в Сталинграде, гитлеровцы решили выместить злобу на во всем виноватых евреях.

И профессор Илья Рубинштейн, уже не как «подозреваемый в шпионаже в пользу Советского Союза», а просто, как еврей, был арестован в тот же день, когда после семинара расстался с Инессой, мечтая о взрыве, который произойдет в его личной жизни. И взрыв произошел.

Профессора в крытом грузовике привезли вместе с другими схваченными, кое-как успевшими надеть пальто евреями в какой-то загон для скота, где уже толпилось много таких же растерянных, не понимающих, что происходит, арестованных безо всякого повода людей. Шел противный мелкий снег с дождем. Мужчины подняли воротники пальто, женщины кутались в шали.

Гитлеровцы стали отбирать женщин и отгонять их в сторону.

К своему ужасу Рубинштейн увидел среди них Инессу!.. Женщин угнали под навес (какая галантность!), предоставив мужчинам мокнуть. Их шляпы и плечи покрылись слоем мокрого снега.

Илья Абрамович не ощущал ни холода, ни бьющих в лицо хлопьев, все мысли его были заняты Инессой. О том, чтобы известить о себе группенфюрера фон Шпрингбаха, ощутив весь размах задуманной гитлеровцами акции, нечего было и думать. Он снова напомнил бы Рубинштейну, что следовало бы понять своими еврейскими мозгами, кто он такой.

Мужчин и женщин построили колоннами и разными дорогами повели к воротам. Рубинштейн рассчитал, что в воротах обе колонны пройдут рядом, и постарался перебраться на правый край, чтобы оказаться рядом с идущими женщинами. Инесса Сантес, видимо руководствуясь тем же самым, мило взглянула на

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org молоденького, очевидно, только что призванного конвоира, и тот, растаяв, позволил ей стать крайней в своей колонне и потом немного задержаться в воротах, пока с ней не поравнялся Рубинштейн.

Несколько шагов они прошли рядом.

– Инесса! Вы-то как сюда попали – испанка? – шепнул профессор.

– У меня мама еврейка...

Их усадили, а вернее затолкали в разные автобусы, которые двинулись по дороге к лагерю «Бухенвальд», названному так из-за соседства с буковой рошей неподалеку от Веймара, где великий поэт Гете встречался, как вспомнил Рубинштейн, с великим немецким композитором Рихардом Вагнером, чья музыка с его Валькирией и Нибелунгами провозглашена теперь символом арийской культуры. Как содрогнулись бы эти титаны мысли и чувств, знай, кто и ради чего будет поднимать их творчество на щит.

Новых узников «Бухенвальда», мужчин и женщин, разместили в разных бараках. Им объявили, что здесь они временно и их переведут в другой, более удобный лагерь, где они смогут работать даже каждый по своей специальности, Илья Абрамович горько усмехнулся.

Перевозили в этот «другой лагерь» небольшими партиями, которые направлялись прежде на санобработку в «банный комплекс», находившийся в глубине лагерной территории, позади выстроенных солдатскими рядами бараков с французами из движения Сопротивления, англичанами и советскими военнопленными, каждые в отдельных бараках, не смешиваясь, что не допускалось. Где-то Инесса?

В промежутках между мыслями о ней Илья Абрамович вспоминал, как уже после освобождения из гестапо попал на уличное сборище, оказавшееся митингом, где выступал сам Гитлер.

На трибуне стоял невысокий, ничем не примечательный человек с чарли-чаплинскими усиками в мундире штурмовика, выкрикивая в массу нелепые слова, загадочно и одурманивающе действующие на неистовствовавшую по любому его выкрику толпу. «Психоз, сеанс массового внушения людям, помнящим позор и лишения прошлого поражения, стремящихся к самоутверждению и необыкновенному благополучию по праву высшей расы после обещанной победы», – решил профессор, объясняя себе мрачный парадокс падения высококультурной нации.

И вот теперь дикие, бесчеловечные лозунги приводятся в действие: евреи, ни в чем другом не виновные, кроме того, что они сыны Израиля, брошены в концлагерь и должны проходить обязательную процедуру санобработки.

Настал день, когда в оглашенном списке направляемых на санобработку перед «отправкой в другой лагерь», назван был и Илья Рубинштейн, «еврей из Берлинского университета».

И как будто удача улыбнулась ему.

Колонна из его барака вышла на дорогу к низким зданиям «банного комплекса» с возвышающейся над ними высокой трубой, как у кирпичных заводов, из которой валил дым, когда они подъезжали к лагерю на автобусах. К этому же комплексу вели и колонну евреек из другого барака. И Илья Абрамович увидел свою Инессу.

Она улыбнулась, увидев его, обнажив ослепительные зубы, а он, уже зная, что их ждет, едва собрал силы, чтобы улыбнуться в ответ.

Каждая колонна входила в разные двери соседних «раздевалок», где стояли длинные скамьи, на которые надлежало, раздеваясь донага для перехода в соседнюю «душевую», разложить аккуратной стопкой свою одежду. Ее тщательно переписывал методичный эсэсовец с блокнотом в руках и автоматом на груди.

Из-за тонкой перегородки доносились женские голоса, их раздевалка была рядом.

Едва первый голый мужчина прошел в открытую гестаповцем массивную, казалось, герметичную дверь, как оттуда раздался пронзительный женский

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
визг.

Готовые пройти в душевую мужчины задержались, но эсэсовец, выпустив очередь из автомата в потолок, стал бить их прикладом, а потом и целиться в непокорных, крича:

– Нечего стесняться. Скоты стыда не знают. Горячая вода сама польется на вас с потолка, как на ваших предков манна небесная. Будете чистенькими.

Напуганные мужчины покорно заходили. Склонный к анализу профессор, цепляясь за последний шанс, вспомнил, что есть цивилизованные народы, у которых бани для мужчин и женщин общие, и где культура выше похоти, и за нескромный взгляд на соседку она может окатить наглеца кипятком. Но кипяток ли их ждет?..

Когда последний еврей покинул раздевалку, эсэсовец плотно закрыл дверь и даже задраил ее специальным нажимным устройством.

Оказавшиеся в общей «душевой» мужчины и женщины растерянно сторонились друг друга, все еще не осознав угаданного Рубинштейном...

Женщины прикрывали руками грудь и низ живота. Но одна из них куталась в роскошное одеяние из собственных волос.

И только теперь профессор Рубинштейн вспомнил, где прежде встречал свою студентку Инессу Сантес.

Инесса Сантес – это ведь «Святая Инесса», которую он видел на полотне Риберы в Дрезденской галерее! Художник изобразил одну из первых христианок, которая вместе со своими единоверцам, должна была нагой выйти на арену коллизея чтобы перед наполненными трибунами быть растерзанной дикими зверями. Но Инесса, не страшась смерти, не хотела предстать обнаженной перед тысячами римлян, и по ее ночной мольбе у нее отросли волосы такой длины что укрыли ее от похотливых взглядов «цивилизованных дикарей» наслаждавшихся мигом, когда выпущенные, несколько дней не кормленные звери растерзают свои жертвы.

Инесса Сантес, увидев смущенного Рубинштейна, хотела выбежать из женской группы и броситься ему на грудь, но девичий стыд сковал ее. Они оба лишь сделали несколько шагов друг другу навстречу.

Диких зверей не пустили в «душевую». Дикие звери через застекленные окошечки наблюдали, как вместо обещанного теплого потока воды не сверху, а с пола стал подниматься, как с гнилого болота, коричневый туман. Накрывая и обе группы обреченных людей, и оказавшихся между ними пожилого человека, и закутанную своими волосами девушку.

Они вместе упали, когда туман накрыл их с головой, и, как и другие, корчась в судорогах, вытянулись в последнем усилии.

Потом загудели вентиляторы, всасывающие коричневый газ, и в душегубку вошли двое диких зверей с гладкими мордами заканчивающимися хоботами.

Они стали перетаскивать тела в соседнее помещение, откуда на конвейере их отправляли в открытую огненную пасть крематория.

Сначала разбирали груды мужских и женских тел, потом занялись двумя оставшимися между разобранными кучами.

Мордастый и хоботастый взял в лапу прядь женских волос, показывая другой, что обрезает их, приложив к своей лысой, обтянутой резиноподобной кожей голове, очевидно намекая на парик.

Другой вместо ответа ткнул лапой на смотровое окошко, через которое можно было любоваться из раздевалок всем здесь происходящим, а потом на убегающие в огненную пасть печи треки конвейера и поочередно на себя и помощника.

Не сговариваясь, они занялись пожилым, раскрывая ему ножом рот, видимо в поисках золота во рту, что вынимать, как добычу, не возбранлось.

Два оставшихся между уже разобранными грудями тела последними попали на

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
конвейер, и в черном дыме, валившем из трубы крематория, быть может,
соединились со световой скоростью студентка Инесса Сантес и ее профессор
Илья Рубинштейн...

Спустя лишь два года с небольшим еще одна пара, обвенчанная накануне в
бункере имперской канцелярии, соединилась в таком же черном дыме от костра,
разожженного во дворе последнего оплота гитлеровцев в Берлине. Это были
трусливо покончивший с собой и с женой Гитлер и Ева Браун.

А на костер их трупы втащил, полив горючим, солдат хозяйственной роты
Шпрингбах, разжалованный из эсэсовских генералов за родство с верхушкой
вермахта, пытавшейся год назад убрать Гитлера, чтобы выйти из войны,
избежав страшного поражения.

Мрачные, темные тучи низко плыли над землей, словно клубами срывались с
труб домов, но черный дым, покрывший было побежденную Германию, рассеивался
благодаря гуманности победителей.

Новелла четвертая. Снаряд через океан

Моря пролетают железные птицы,
Чтоб в молниях сеять и ужас, и страх.
Гордыне грозящей придется смириться
Или познать неминуемый крах.
Нострадамус. Центурия, IV, 48.

Перевод Наза Веца

– Товарищ главный механик! Товарищ Званцев! – кричал, выбежав на плотину,
усатый рабочий в брезентовой робе. – Вас по всем цехам ищут. Авария на
домне!

Молодой инженер Званцев, коренастый, круглолицый, скуластый, в условиях
нехватки технических кадров прямо со студенческой скамьи был назначен
главным механиком Белорецкого металлургического комбината. Несмотря на
ночное время, он стоял на плотине и любовался словно отблесками зари на
пруду, отражавшем огни плавки в мартеновском цехе. А сам мартеновский цех
сверкал несчетными проемами рифленых металлических стен от льющейся в ковш
струи расплавленного металла.

Званцев не переставал восхищаться этим феерическим зрелищем не только в
цехе, но и здесь, на плотине.

Увидев посланца, он побежал к проходной, где на миг задержался, чтобы
позвонить жене.

– Ну как же! – ответил недовольный женский голос. – Она уже вызывала тебя,
звонила, подняла меня с постели. С нетерпением ждала тебя.

– Я на заводе, там авария. Спешу к домне.

– Красивое имя, главное – редкое.

Званцев не стал слушать и бросил трубку, считая несерьезной эту пошлую
игру.

Добежав до доменной печи, он увидел остановившийся скиповый подъемник,
увлекающий вздыбленную вагонетку по наклонному рельсовому пути наверх, где
она опрокидывала в колошник доставленную руду или уголь. Порвался трос.
Вагонетка скатилась в загрузочную яму.

Завод был старый, оборудование изношенное, а главный механик считался его
хозяином и отвечал за то, чтобы оно продолжало работать, порой ощущая свою
полную беспомощность.

Аварии то там, то здесь были обыденностью. Званцева постоянно поднимали, к
гневу жены, с постели, и он бежал на завод.

Он принимал энергичные меры, вызывал нужных людей. Сейчас предстояло
заменить трос, поднять поврежденную падением вагонетку, отремонтировать, в
крайнем случае поставить вместо нее запасную.

Здесь еще не знали планово-предупредительного ремонта, работали по

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
старинке, и к новшествам молодого главного механика не всегда относились со вниманием.

Наблюдая за работой аварийной бригады, Званцев раздумывал, как бы сделать так, чтобы трос не мог порваться.

Еще со студенческой скамьи склонный к изобретательству, Званцев придумывал, казалось бы, самые невероятные способы. Первый, конечно, он заимствовал у обычных лифтов – приспособление, задерживающее вагонетку при ее скатывании назад. Но это его не удовлетворило. Наконец совершенно свежая идея осенила его.

Подошел закадычный друг, однокашник, приехавший вместе со Званцевым по окончании Томского технологического института, Коля Поддьяков, высокий, тощий и всегда веселый, серьезный инженер, но балагур. Он ведал подчиненным Званцеву литейным цехом.

– Ты что сияешь, как начищенный самовар? У тебя беда, а ты в короли улыбок рвешься.

– Понимаешь, Коля, идея в голову пришла. Чтобы не канат вагонетку скипового подъемника тащил, а она сама бы наверх забиралась.

– Что ж, ты внутрь нее привод засунуть хочешь? Фуникулер?

– Нет, совсем иное. Понимаешь, по всему наклонному ее пути поставить электромагниты, которые она, поднимаясь, сама будет перед собой включать, а те – ее подтягивать все выше и выше.

– Ну, брат, и загнул! Всех насмешить хочешь? Да ей будет легче сорваться с рельсового пути над колошниками и в небо полететь, чем плавно, неизвестно как, спуститься.

Званцев нахмурился, морща лоб. Конечно, он поторопился выложить сырую идею Поддьякову, ладно хоть ему одному.

– А у тебя что, ночная плавка?

– Детали для Магнитостроя. Ты что, забыл?

– Ну, молодец, что сам проверяешь, – перевел на другое разговор Званцев.

– Слушаю, товарищ начальник! – шутливо вытянувшись, возгласил Поддьяков и направился в свою литейную.

А Званцев задумался над его словами. «Сорвется и полетит в небо?» Может быть, не вагонетку так разогнать надо, а снаряд, и дать ему такую скорость, чтобы... чтобы он куда хочешь полетел! Ведь переключение магнитов можно делать со световой скоростью.

И скиповый подъемник в его воображении превратился в электрическое орудие, какого еще не было.

У вагонетки пришлось сменить нижние оси и колеса. Трос заменили на новый, и Званцев, ликвидировав аварию, пошел домой, думая о фантастической электропушке.

В квартиру он вошел, когда уже светало, и в передней запнулся о вынесенные туда чемоданы. Жена Ванда Казимировна, гордо сохранившая свою шляхетскую фамилию Пшешинской, стояла в дверях комнаты, подбоченясь.

– Изволь позвонить на конный двор и вызвать мне подводу, чтобы отвезти меня с вещами на вокзал этой паршивой узкоколейки.

– Что такое? Куда ты собралась? – поразился Званцев.

– Хватит, Саша, этих ночных донжуанских отлучек! Я уезжаю из Белоречка совсем и оставляю тебя свободным для этих женских голосов, которые поднимают тебя по ночам, ожидая в теплой постели.

– Послушай, Ванда! Что ты говоришь? Меня разыскивала телефонистка, чтобы я

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
пришел к домне.

– Боже! Оказывается, она телефонисточка, да еще с таким вульгарным именем. Домнутка! Что бы сказала моя мать, выйдя в Смольном из института благородных девиц? Нечего сказать – славно развлекается ее зятек! Недаром она меня отговаривала, чтобы я не путалась с купеческим сынком.

– Оставь. Ты не на заседании комиссии по чистке, где меня все же не исключили за непролетарское происхождение по доносу твоего приятеля Пашки Золотарева.

– Ну как же! Профессора заступились! Необычайные академические успехи. За один год два курса!

Званцев тщетно пробовал увещевать жену, но, взбешенная, уязвленная, как нелепо придумала в своей дворянской гордости, она все-таки уехала. Званцев провожать ее не стал.

Он до глубины души был возмущен этой надуманной и неумной сценой.

Ванда была на семь лет старше Званцева и потребовала замужества, заподозрив беременность. Он считал своим долгом жениться. Но жизнь их не ладилась. Ванда гордилась своим происхождением от польских революционеров, сосланных в Сибирь за восстание 1863 года, считая Званцева низкородным мужланом, даже не имевшим среднего образования из-за превращения в 1916 году реального училища, где он учился, в госпиталь. В институт он поступил экстерном, условно принятый вольнослушателем. Тогда-то он и закончил два курса за один год. Она имела золотую медаль за окончание еще царской гимназии и не могла не смотреть на него свысока, а тут еще его назначение на руководящий пост на заводе, куда их направили по распределению, а она кисла за чертежным столом, вычерчивая какие-то дурацкие валки для камнедробилок. Ей нужен был повод для разрыва. Она всегда смеялась над мужем, якобы влюбленным в завод, приписывая ему вместо каждого опекаемого им механизма некую женщину. И разрыв произошел.

Званцев остался один и сел за стол чертить придуманную им электропушку. Когда заводской гудок прогудел в шесть часов утра, призывая рабочих на первую смену, Званцев отправился в модельный цех просить знакомого мастера сделать ему деревянную трубку с несколькими ребрами, между которыми можно намотать электрические катушки. Внутри трубки должен двигаться железный снарядик, им самим выточенный в механическом цехе на токарном станке.

Понимая, что он придумал военное изобретение, Званцев старался все по возможности делать сам, а когда его детище было готово, в одиночестве испробовал его дома. Снарядик перелетел через открытую дверь из одной комнаты в другую. И когда после бесчисленных доработок тот не только перелетел через открытую дверь, но и, стукнувшись в стену, отбил от нее кусок штукатурки, Званцев был вне себя от радости и пустился плясать по пустой квартире.

Вошедший без стука Коля Поддьяков решил, что Званцев сошел с ума.

– Что? Холост, пьем, гуляем? – со смехом спросил он.

Званцев не стал распространяться о причине своего веселья. Еще Коля его опять на смех поднимет, да и изобретение секретное.

– Я к тебе по приказу Чанышева. Просил передать, чтобы ты собирался. Он в Москву вылетает, а тебе нужно следом за ним. Отлитые у меня детали доставишь на Магнитострой автоколонной, а оттуда самолетом сначала до Челябинска, а потом – в Москву.

– По поводу реконструкции завода?

– Да. Чанышев крепко завернул, и ты ему нужен. А что он за человек, сам знаешь.

Званцев за год работы на заводе хорошо узнал Садыка Митхатовича, заместителя директора, человека с непостижимой памятью, который в юности выучил Коран наизусть, не зная арабского языка, и обладал железной волей и такой же педантичностью в работе, все помня и делая сам свое дело с

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org точностью автомата и безжалостно спрашивая с других. Званцева он ценил и именно его выбрал себе в помощь для защиты проекта реконструкции завода.

Придя на завод, Званцев Чанышева не застал и только получил документы и деньги для немедленной поездки в Москву.

Отлитые для Магнитки детали грузили около литейной Поддьякова, и Званцев с чемоданчиком устроился в грузовике, шедшем во главе колонны.

В Магнитогорске Званцева поразили громады уходящих в небо сооружений будущих доменных печей, которые он представил себе гигантскими электрическими орудиями, нацеленными в небо и способными перебросить снаряды через океан. На этих сооружениях виднелась огромная надпись – своеобразный «обратный календарь», извещающий, что до пуска первой доменной печи осталось 227 дней.

Назавтра, покидая Магнитогорск, на календаре он увидел уже цифру 226. Она была видна отовсюду и вдохновляла, пугала и заставляла отдавать все силы многих тысяч людей, самоотверженно строивших самый крупный в Европе металлургический гигант.

Этой надписи, врезавшейся в память Званцева, предстояло сыграть в его жизни немалую роль.

До Челябинска он добирался в двухместном самолете и ощутил скорость полета, высовывая незащищенную голову из кабины, когда ветер готов был с корнем вырвать его буйные волосы. А из Челябинска в Москву Званцев и еще пятеро пассажиров летели на АНТе. Но этот перелет оказался не столь приятным.

Около Чебоксар самолет неожиданно стал резко снижаться. В иллюминаторе Званцев увидел широкую Волгу и песчаный островок посередине. Вынужденная посадка? Но самолет перелетел отмель и, быстро теряя высоту, приближался к берегу, поросшему деревьями. Раздался треск, от сильного толчка все попадали на пол. Зацепившись за землю, хвост самолета оторвался, а фюзеляж, повисев некоторое время на крыльях, застрявших в кронах спружинивших яблонь, сполз на дно оврага. Потирая ушибы и ссадины, еще не веря в чудесное спасение, все шестеро пассажиров с трудом выбрались через заклинившую дверь наружу. Их радость не могла улучшить удрученное состояние экипажа, тоже отделавшегося лишь синяками и ушибами. Летчиков ожидало заключение аварийной комиссии и неизбежный суд. Оставшись около изуродованной кабины дожидаться решения своей судьбы, экипаж отправил счастливых пассажиров добираться до Чебоксар пешком. Председатель ближнего сельсовета не разделил радости пассажиров и, узнав, что никто из них не говорит по-чувашски, в помощи отказал. Но на дороге нашлись попутные подводы, и чуваша охотно подвезли путников.

В Москву Званцев, наконец, добрался, но уже на поезде. Он отыскал Чанышева в гостинице, и вместе они отправились в Наркомтяжпром на площади Ногина, прежней Варварке, огромное здание, соединенное висячим коридором с соседним таким же.

Там после заседания, где они в ходе трехчасового обсуждения все же защитили свой проект, Чанышев, посвященный в замысел Званцева, отпустил его блуждать по наркоматовским коридорам с чемоданчиком в руке, где лежала заветная секретная модель будущей электропушки.

Он наивно разыскивал Главное управление военными заводами, чтобы предложить свое изобретение. Но кого спросить, где среди бесчисленных комнат находится начальник этого управления?

На дверях висели таблички с незнакомыми фамилиями. Но одна была хорошо знакома – «Бухарин Н. И. Замнаркома».

Около дверей в эту комнату стоял невысокий человек с бородкой, одетый в полувоенную форму, в сапогах.

Званцеву показалось, что у него приятное лицо, да и стоит он около дверей самого Бухарина, «любимца партии», как еще со школьной скамьи знал молодой главный механик.

– Простите, товарищ, – обратился он к незнакомцу. – Не скажете ли вы, где

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
мне найти Главное управление военными заводами?

Стоявший у дверей замнаркома человек удивленно посмотрел на Званцева:

– А зачем вам нужно это управление, молодой человек.

– Я – изобретатель, – вырвалось у Званцева. – И хотел бы отдать свое изобретение нашей стране.

– Похвально, но наивно, дорогой изобретатель. На шпиона вы не походите, молоды еще. Так что же вы изобрели?

– Простите, товарищ, но это секретно.

– Ах вот как! – сказал с улыбкой человек с бородкой.

К нему подошел высокий, грузный человек и спросил:

– Ну как, Николай Иванович, едем?

У Званцева сердце упало. Николай Иванович! Но ведь так зовут Бухарина!

– Я вас жду, товарищ Пятаков, вышел из кабинета, да вот тут изобретатель один спрашивает, как ему к товарищу Павлуновскому пройти. А что изобрел, не говорит.

– Правильно делает, – заметил Пятаков.

Званцев ужаснулся. С кем он разговаривает? С самими Бухариным и Пятаковым, чью четкую, мелкими буквами, подпись на червонцах хорошо помнил!

– Так направим его в военное управление?

– Разве что дорогу к нему показать. Мне кажется, ему можно довериться, – согласился Пятаков, и Бухарин ясно объяснил Званцеву, как пройти к начальнику нужного ему управления.

Званцев поблагодарил замнаркомов, и они с улыбкой посмотрели ему вслед. Должно быть, забавно он выглядел в коридорах промышленной власти.

В приемной Павлуновского, кабинет которого Званцев теперь уже легко отыскал, сидела строгая секретарша в пенсне, с пучком жидких волос на макушке.

– Мне к товарищу Павлуновскому, – робко произнес Званцев.

– От кого? Кто вас сюда направил?

– Товарищи Бухарин и Пятаков, – ляпнул Званцев, даже не подумав, что его слова будут не так истолкованы, хотя имел в виду, что они ему показали дорогу.

Слова его произвели ошеломляющее действие. Секретарша поспешно вскочила и скрылась за обитой кожей дверью. Через несколько секунд она вышла оттуда и пригласила Званцева войти.

Павлуновский, высокий человек со строгим лицом, тоже в полувоенной форме, поднялся ему навстречу и протянул руку.

– С чем вы, товарищ? – спросил он.

– Я – изобретатель и принес вам модель электрического орудия, способного стрелять через океан.

– Что? – опешил Павлуновский. – Через океан? И вы можете мне это показать?

– Могу только модель, а само орудие нужно еще построить у вас на заводах.

– Это вы правильно распорядитесь загрузкой наших предприятий, – не без иронии заметил хозяин кабинета. – Тогда показывайте, с чем явились.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Званцев достал свою неказистую модель, от которой тянулись электрические провода.

– Можно подсоединиться к вашей розетке?

– Я сейчас выключу настольную лампу.

Моделька Званцева была настолько примитивной, что даже не имела ни вилки, ни выключателя. Воткнув два оголенных конца провода в гнезда розетки, он поднес к концу трубки снарядик, который через мгновение, перелетев весь кабинет ударился в стену, отделанную полированным деревом.

Может быть, именно потому, что модель была такой невзрачной, она произвела большое впечатление.

– А ну, давай еще разок, – попросил Павлуновский.

Званцев подобрал отскочивший от стены снарядик и снова выстрелил им. Снарядик опять, перелетев через кабинет, ударился в стену, неподалеку от первой отметины.

– Ты мне всю кабинетную красоту испортишь. Садись и жди, – сказал Павлуновский, беря трубку одного из многочисленных телефонов, стоящих на столе, и произнес только одно слово: – Жду.

Потом, словно не замечая сидевшего в напряжении Званцева, занялся какими-то бумагами, вызвал секретаршу, бросившую на молодого посетителя испытующий взгляд. Она взяла от начальника поданную ей бумагу и, молча кивнув, вышла из кабинета.

Дверь снова открылась, и вошел невысокий человек с лицом кавказского типа, с усами, в кавалерийской шинели до пят.

Званцев ахнул, ему показалось, что это сам Сталин.

Павлуновский поднялся из-за стола и сказал:

– Знакомьтесь. Товарищ Орджоникидзе.

– Серго Орджоникидзе? – пролепетал Званцев.

– Георгий Константинович, – поправил нарком тяжелой промышленности, протягивая Званцеву руку. – Ну, что тут у вас? Рассказывайте.

– Это изобретатель Званцев. Показывает, как с помощью электричества можно через океан стрелять.

– Через океан, говоришь? Это в кого же ты метишь, изобретатель? В заморских империалистов, что ли?

– Через океан – это образно говоря. Можно куда угодно, пользуясь, что скорость подачи импульса электронами равна скорости света.

– Так-так! Давай, показывай заокеанский полет. Так это твоя игрушка? Ну, да «нам с лица воду не пить». Включай.

– Модель уже включена. Я подношу снарядик и... Снарядик, вырванный из руки Званцева, ударился в противоположную стену.

– Ремонт в кабинете придется делать после таких штучек.

– Тут не только ремонтом пахнет. Дело надо разворачивать, – отозвался Орджоникидзе и обратился к Званцеву: – Кто таков? Откуда?

– Я с Белорецкого металлургического завода. Главный механик.

– Это кто же тебя такого сюда направил?

– Дорогу показали товарищи Бухарин и Пятаков.

– Ты что, в оппозиции, что ли?

- Нет, я беспартийный, я их в коридоре встретил.
 - Беспартийный? Комсомолец, значит?
 - Нет, в комсомол меня не приняли бы.
 - Это почему же?
 - Из купеческой семьи я.
 - Красин наш, инженер завидный, а ведь непролетарского происхождения. А ты-то как в главные механики попал?
 - Да прямо из института. Говорят, специалистов нет. Некого было назначить. Вот я и отдуваюсь.
 - Ну и как? Справляешься?
 - Не без труда, конечно. Но и Магнитке строиться помогаем.
 - Вот за это спасибо. Семья-то у тебя велика ли? Родители где?
 - В Омске. Отец заведует протезной мастерской, сам на войне всех пальцев на руках лишился. Мать – учительница.
 - Что ж отец-то, протез себе справил?
 - Да нет, не собрался.
 - А твоя семья, верно, там, на Урале, в отдельном особняке живет?
 - Нет, что вы? Две комнаты в общем доме. Жена не выдержала механиковской нагрузки, бобылем оставила.
 - Так, – подытожил Орджоникидзе. – Перевести инженера Званцева на завод № 8 в Подлипках. Дать ему пару помощников, электрика и баллистика, лабораторию им выделить, и чтобы Мирзаханов заказы их вне очереди выполнял. Квартиры в строящихся районах молодцам выделить. Родителей к себе заберешь. Негоже одному жить, когда такое дело поднимать будешь. Согласен?
 - Конечно, Георгий Константинович!
 - А пока отправишься на моей машине, у подъезда тебя ждать будет, к товарищу Тухачевскому, замнаркома обороны.
 - Он командовал Пятой армией у нас в Сибири. Колчака разбил.
 - Вот и познакомишься. Привет Михаилу Николаевичу от меня передашь.
- Сказав это, Орджоникидзе попрощался и вышел из кабинета. Званцев укладывал свою модель в чемоданчик.
- Смотри, не подкачай, – напутствовал его Павлуновский.
- У подъезда стоял огромный открытый «линкольн». Шофер ждал Званцева на тротуаре и неизвестно как узнал его. К ним подбежала девушка, защебетав:
- Ну как? Удачно? Я так волновалась, ожидая...
 - Да вот товарищ Орджоникидзе к Тухачевскому меня послал.
 - Мигом доставлю, садись, девушка с нами. Она огненная и кудрявая. Это к успеху, – отметил цвет ее волос хитроватый шофер.
- Он усадил Званцева рядом с собой на обитое желтой кожей сиденье, а девушку на такое же – заднее.

Это была Ингрид, дочь инженера Александра Яковлевича Шефера, немца с Поволжья. Званцев знал его еще с Белорецка, где тот работал на заводе, а Ингрид была школьницей, озорной, деятельной, окруженной мальчишками. У

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Шеферов, живших теперь в Подлипках, куда переведил Званцева нарком, Саша и остановился, чтобы не тратиться на гостиницу.

Огромный «линкольн» разворачивался на площади. Ингрид сияла от счастья.

А шофер назидательно поучал Званцева:

– Когда вас, товарищ изобретатель, машиной награждать станут, берите только «линкольн». Ты как думаешь, девушка? – обернулся он к Ингрид.

– Я никогда в жизни так не ездила, – призналась та.

– Обрато куда вас после наркома обороны доставить?

– Да мы на электричке доберемся – нам в Подлипки, – сказал Званцев.

– Зачем электричка? Вам нарком машину дал! Мигом домчу до Подлипок. Да еще с ветерком! Мы с девушкой подождем, пока вас в Наркомате принимать будут, и двинем. Правда, огненная? – обратился он к Ингрид.

– Я... я была бы счастлива. И в Подлипки на машине никогда не ездила. Вот будет там фурор, когда мы так шикарно подкатим!..

Машина, выехав на Ильинку, помчалась к Красной площади, ко Второму Дому обороны. Шарфик Ингрид развевался, как флаг.

В подъезде Званцева ждал посланный ему навстречу офицер. Предъявив часовому заготовленный для Званцева пропуск, он провел его по сводчатому коридору к двери замнаркома обороны Тухачевского.

Званцев открыл дверь и еще раз в этот день обомлел. Перед ним на стуле у стола, напротив секретаря сидел сам легендарный командарм Первой Конной Буденный! При виде вошедшего изобретателя, о котором, видимо был предупрежден, он встал и, протянув руку к двери, сказал:

– Проходите, товарищ, вместо меня. Вас ждут.

Званцев вошел в кабинет, чем-то похожий на тот, где он уже показывал свою модель.

Из-за стола ему навстречу поднялся и вышел невысокий человек в форме командарма с большим числом ромбов, которые Званцев в волнении и сосчитать не мог, пораженный обилием орденов Красного Знамени на груди прославленного полководца.

У Тухачевского было приятное интеллигентное лицо и такие же манеры обращения. Он усадил посетителя в кресло у стола, но за стол не сел.

– Вы можете мне продемонстрировать принцип стрельбы через океан? – спросил он.

– Если позволите воспользоваться вашей розеткой у стола, – ответил Званцев, доставая деревянную модель, запутавшуюся в проводах. Он стал подсоединять их к розетке, а Тухачевский помогал ему.

– Осторожно, Михаил Николаевич, – сказал Званцев. – Может ударить током.

– Не беспокойтесь, уже ударило, – отозвался Тухачевский, и ни один мускул не дрогнул на его красивом лице.

Много лет спустя Званцев задумывался, мысленно видя перед собой этого мужественного человека, какие же муки пришлось претерпеть ему, чтобы «сознаться» в приписанных ему преступлениях? Или он был в числе тех первых, которые решили выступить против деспотического режима кровавых репрессий?

Модель и на этот раз не подкачала, выстрелив перелетевшим кабинет военачальника снарядиком.

Тухачевский тепло попрощался со Званцевым, пообещав посетить его на заводе № 8, где он будет осуществлять свою идею.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– За одну мысль стрелять через океан вам спасибо надо сказать, – закончил он. – Это прогноз ведения будущих воинов, готовиться к которым надо уже сейчас.

Он сдержал свое слово и не раз побывал в тесной комнатухе, где сидели трое новаторов грядущей сверхдальней стрельбы во главе с Сашей Званцевым.

Немало времени у них ушло на проектирование и потом на проталкивание своих заказов в перегруженных цехах властного директора Мирзаханова, который терпел Званцева только потому, что к тому сам Тухачевский приезжал и Орджоникидзе справлялся, как идут изобретательские дела.

А дела шли трудно. Уже при проектировании орудия выяснилось, что для разгона снаряда до нужной скорости по приемлемо длинному стволу понадобится такая мощность какую прямо из сети не получить. Требовался специальный накопитель энергии.

Тяжелая задача встала перед Званцевым. И тут к нему в Подлипки явился молодой армянин с маленькой бородкой, рекомендовался:

– Иосифьян Андроник Гевондович. Только что стал профессором. Меня к тебе, товарищ Званцев, Орджоникидзе направил. Мы с тобой одним и тем же делом занимаемся, электропушку делать собираемся, а это – не пара пустяк. Давай объединяться. У меня лаборатория завидная во Всесоюзном электротехническом институте.

Званцеву ничего не оставалось другого, как согласиться на такое объединение усилий.

И он стал ежедневно ездить на электричке из Подлипок в Лефортово, где в ВЭИ руководил в лаборатории Иосифьяна засекреченной группой электрических орудий. У него было два помощника – инженеры Калинин, сын самого Михаила Ивановича, и вызванный с Дальнего Востока изобретатель центробежного пулемета Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич, впоследствии видный политический деятель.

Но и группа эта вместе с Иосифьяном встала перед теми же трудностями. Где взять гигантскую мощность, требуемую для выстрела?

Званцев мучительно искал выхода и обратил внимание Иосифьяна на работы академика Иоффе в Ленинграде. Выдвинутая им теория тонкослойной изоляции сулила, по его выражению, «ниагару в спичечной коробке». В очень тонком слое прокладки конденсатора якобы должна накапливаться гигантская энергия, и чем тоньше слой, тем больше. Это было как раз то, что требовалось новым друзьям, Иосифьян тотчас оформил Званцеву командировку в Ленинград к Иоффе.

Саша Званцев уже бывал в Ленинграде, но до Лесного добрался впервые. Проходя мимо здания Ленинградского политехнического института, почувствовал, что сердце ему защемило. Он словно перенесся в родной Томск.

Оба института и в Томске, и в былом Петербурге были «близнецами», сооружались по одному проекту. Саше показалось, что он сейчас поднимется по каменной широкой лестнице в знакомые аудитории, встретит своих профессоров Шумилова, Тихонова, Квасникова, которые отстояли его при чистке по доносу приятеля Ванды Пашки Золоторева, сообщившего о непролетарском происхождении Званцева.

Ах, Ванда, Ванда! Он словно увидел ее перед собой в своей обычной солдатской шинели, прозванная за это «солдатом», с холодом непомерной гордости. Что ж, пути их разошлись...

Институт, возглавляемый академиком Иоффе, оказался полной противоположностью всему, что знал Званцев. И уж, конечно, не напоминал лабораторий Белорецкого завода и даже иосифьяновскую, наполненную электрическими машинами.

В здешних лабораториях стояли только длинные столы с сетью проводов и приборы, приборы, приборы, и еще автоклавы, где сотрудники готовили невиданные материалы.

Абрам Федорович Иоффе, большой, грузный, приветливо встретил Званцева,
Страница 127

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
выслушал и насупился:

– Должен вас огорчить, молодой человек, вы обогнали свое время, придумав электрическую пушку. Энергию для ее питания при нашей энерговооруженности не получить.

– Так я потому и приехал к вам, Абрам Федорович! – объяснил Званцев. – Мы надеемся на вашу «Ниагару в спичечной коробке». Я разработал теорию разряда ее энергии на электрическое орудие. Снаряд должен полететь хоть за океан.

– К сожалению, и вам, и мне нужно признавать свои ошибки.

– Ваши? – изумился Званцев.

– Моя теория тонкослойной изоляции оказалась ошибочной. Но в науке отрицательный результат все равно результат. Наши искания привели к получению полупроводников. Некоторые дают электрический ток при их освещении, другие при нагреве, третьи многократно увеличивают пропущенный через них ток, лучше всяких радиоламп.

– Да, конечно, – согласился Званцев. – Это переворот в технике, но нам придется пустыню выложить фотоэлементными плитами, чтобы получить требуемую мощность для выстрела.

– Да, вы правы! В особенности, высказав идею о покрытии знойных пустынь полупроводниковыми плитами. Этим путем можно насытить энергетику всей страны, не тратя топлива. Но и эта идея, как и моя «Ниагара в спичечной коробке», раньше времени высказана.

– Неужели провал всех наших усилий? – горько произнес Званцев.

– Вот что, Саша, – неожиданно так назвал его Иоффе. – Падать можно, но только не духом. У меня возникла идея.

Званцев насторожился, с надеждой глядя на академика.

– Воображение, друг мой, у вас завидное. Только что меня в этом убедили. Направлю-ка я вас к директору Ленинградского Дома ученых. Они вместе с Московским Домом ученых и киностудией «Межрабпомфильм» проводят конкурс на научно-фантастический сценарий. Наш директор Шапиро человек дельный, даст вам стенографистку и вы наговорите ей что в голову взбредет. Может быть, что-нибудь и получится.

Званцева отнюдь не утешило это предложение, но из уважения к маститому ученому он нашел Дом ученых и его директора и уже в тот же день стоял перед выжидательно смотрящей на него стенографисткой.

Преодолев смущение, он надиктовал ей «сорок бочек арестантов» о предстоящей встрече Земли с некоей блуждающей планетой, которую он назвал «Аренида», с неизбежной гибелью всего человечества, которое доживало на Земле свой век по «обратному календарю», отсчитывая, сколько дней осталось до катастрофы, приводя в отчаяние, панику и к безумному стремлению насладиться последними днями. Званцев помнил «обратный календарь» самоотверженных строителей магнитогорцев, отсчитывавших, сколько дней осталось до пуска первой домны.

Но придумал Саша экспромтом еще и то, что не все человечество пало духом, нашлись страны и люди, которые соорудили электроорудия и выстрелили в приближающееся космическое тело снарядами такой разрушительной силы, что Аренида была расколота и развалилась на уже неопасные куски, сгоревшие в атмосфере.

А вот что это были за снаряды и откуда взялась энергия для выстрелов, составляло уже новую выдумку Званцева.

И он снова помчался в Лесной к академику Иоффе, чтобы узнать, что он думает о новой возможности.

Академик внимательно выслушал и сказал:

– Что ж, с точки зрения физики магнитное поле содержит в себе энергию, а открытие Каммерлинг-Оннесом в 1911 году сверхпроводимости, казалось бы,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org может эту накопленную энергию сохранить и в нужный момент разрядить на ваше электроорудие.

– Именно так я и описал в сценарии. С размаху.

– Продиктовать идею с размаху можно, но вот реализовать... Здесь нужен жидкий гелий с температурой, близкой к абсолютному нулю. Король жидкого гелия – академик Петр Леонидович Капица. Загляните к нему в Институт физических проблем. Мой привет передайте.

В Москве Званцев первым делом побывал у академика Капицы в его, как прозвали ученые, «капишнике».

Академик охотно показал посланнику Иоффе свой знаменитый турбодетандер. На глазах у Званцева поданный по трубке газ вытекал из него струей сжиженного гелия, у которого Капица открыл свойство сверхтекучести.

– А теперь будет фокус, – озорно объявил Капица и к ужасу Званцева опустил руку в сосуд с жидким гелием и тотчас вынул ее, объяснив:

– Мгновенно образующийся слой газа предохраняет кожу. Вот и все, – и, довольный, улыбнулся.

Званцев ушел очарованный знаменитым ученым, учеником Резерфорда, снискавшим мировую славу своими изобретениями в его лаборатории в Кембридже.

Но надо было спешно ехать в Харьков, в лабораторию сверхнизких температур с идеей накопления энергии в магнитном поле сверхпроводника.

И там, у Халатинкова, его ждал новый удар.

В лаборатории сверхнизких температур установили, что сверхпроводимость капризно исчезает и при малейшем нагреве, и при превышении сравнительно небольшой напряженности магнитного поля. Накопить энергию для выстрела таким способом не удастся...

Удрученный, вернулся Званцев к Иосифьяну.

Тот выслушал друга.

– Как сказал мудрый академик? «Падать можно, но только не духом». Учись у него. Вместо «Ниагары» он целый океан новинок получил, а мы, если не выходит стрельбы по американским империалистам, ударим их по голове нашей магнитофугой.

– Что ты имеешь в виду, Андроник?

– Понимаешь, Саша. В Нью-Йорке в этом году открывается международная выставка «МИР ЗАВТРА». В Советском павильоне горькой для кое-кого пилюлей будет огромная диорама с изображением построенных за пятилетки заводов-гигантов. А между ними модели поездов будут шнырять. Так мы их двигать будем невидимым магнитным полем магнитофуги. Сделать это – пара пустяков!

– Игрушки вместо межконтинентального орудия?

– Ты тоже игрушку в Наркомате показывал, а дело большое закрутил. Придет и наше время для электропушек. Еще доживем. А сейчас поедешь в Америку. Меня секретные разработки здесь на якоре держат.

И Званцев неожиданно для себя попал в Америку и демонстрировал там удивленным зрителям незримую силу, движущую пока модели поездов.

Но запомнились ему в Америке 1939 года не только дома в облаках или трехэтажные улицы с надземкой, где проходили тогда паровые поезда, обдавая дымом прилегающие к дороге Дома, не знаменитые пилон и перисфера острая пирамидоидальная башня и огромный шар у ее основания на территории выставки, а закладывание там в глубоком колодце «БОМБЫ ВРЕМЕНИ», которую через пять тысяч лет должны выкопать потомки, прочтя послание к ним Эйнштейна, и достать образцы быта своих далеких предков: их автомобили, кинофильмы и... подтяжки, которым американцы придавали особое уважительное

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org значение, подчиняясь капризной моде. В закладывании «БОМБЫ» участвовал сам Альберт Эйнштейн, с которым Званцеву очень хотелось поговорить, но не удалось, как многое другое в жизни.

На обратном пути он побывал в очаровавшем его Париже где каждый камень мостовой говорил об истории украшенной пером Александра Дюма, проехал через Германию накануне Второй мировой войны, удивляясь обходительному обращению с ним, русским, немецких таможенников, не желавших осматривать его тощий багаж, и пограничных офицеров, отдающих ему честь при виде «красной паспортины». Он не знал еще о заключении два дня назад советско-германского пакта о дружбе и ненападении.

В Москве Званцев сделал последнюю попытку возобновить работы по созданию электроорудия, видя для него и мирное применение: для разгона самолетов или межпланетных кораблей катапультами. И еще виделся ему могучий электромолот, сила которого превзошла бы все существующие устройства, но для этого требовались средства.

В Наркомате, на знакомой площади Ногина, уже не было ни Орджоникидзе, ни Павлуновского. Говорить пришлось с неким Чебышевым, который, в отличие от знаменитого математика с такой же фамилией, не обладал воображением.

– У нас нет средств для перспективных изобретений, – закончил он тяжелую для Званцева беседу.

Званцев чувствовал себя полным неудачником и, уволясь из ВЭИ, согласился с предложением «Детиздата», прочитавшего в «Ленинградской правде» содержание его сценария «Аренида», написать по его мотивам роман.

Иосифьян, занятый какими-то партийными неприятностями, казалось, совсем забыл о нем, и Званцев горестно подводил итоги своего горе-изобретательства.

К тому же страну лихорадило от громких судебных процессов над оппозиционерами. Один за другим пали их жертвами, Пятаков, а потом Бухарин. Павлуновский просто исчез, и в его кабинете сидел кто-то другой. Арестовали и поволжского немца Шефера, мягкого и милого отца Ингрид, отличавшегося исключительной аккуратностью, педантичностью и превосходным знанием немецкого языка. Возглавляя технический отдел завода в Подлипках, он был для директора Мирзаханова особенно ценным при общении с работающими на заводе специалистами из Германии.

Ударом был для Званцева выстрел в висок Орджоникидзе, когда за ним пришли чекисты. Позвонив Сталину, он просил его прекратить это безобразие и услышал издевательский ответ: – Гони их в шею.

Не вынеся позора, старый революционер предпочел застрелиться.

И, наконец, шумный процесс над Тухачевским, который был для Званцева подлинным героем. Он чувствовал себя одиноким кустом среди вывороченных с корнем деревьев.

Ведь даже Чанышев, первый, кому поведал Званцев о своем замысле, не избежал горькой участи. Его арестовали, судили и сослали в Воркуту, где, оставаясь заключенным, он, проявив свои незаурядные способности, стал начальником одной из шахт. После реабилитации он, тяжело больной, не покинул своей шахты. Побывав в Москве и встретившись со Званцевым, он произнес такие пророческие слова:

– Поверьте, Саша, ваше изобретение вернется к нам, но уже из-за рубежа.

Так оно и случилось. Спустя сорок лет в Америке на склоне горы собирались соорудить электрокатапульта (ту самую секретную, а потому незапатентованную электропушку), которая запустит космический объект со второй космической скоростью, не нарушая выбросами реактивных двигателей целостность озонового слоя атмосферы, как это описал Званцев в своем втором романе «Мост друзей».

Как и во множестве других случаев, русское изобретение возвращалось к нам из-за рубежа, и конструкторы советского авианосца копировали американскую электрокатапульта, которая выстреливала... самолетами, и даже не знали о засекреченной разработке сорокалетней давности.

Не избежал гонений и профессор Иосифьян. Кто-то донес, что его отец из Нагорного Карабаха принадлежал к реакционной партии, и талантливый молодой ученый был тотчас исключен из партии. Все высшие инстанции подтвердили исключение, но Андроник не сдался и обратился к XVII съезду партии. Съезд восстановил его в правах коммуниста.

Но как впоследствии выяснилось, почти весь состав этого съезда позже был репрессирован Берией и его подручными.

Званцев не мог понять, каким образом он, не добившийся успеха в создании электропушки, в условиях повальных арестов не только не был арестован, но даже попал в Америку, за железный занавес, куда выехать можно было только особо доверенным людям.

По возвращении его оттуда Ингрид сказала ему:

– Израиль Соломонович Шапиро, твой соавтор по сценарию, явился ко мне, предлагая выйти за него замуж, поскольку тебя на днях арестуют. Уверена, что он донес на тебя. После того как режиссер Эггерт попал в концлагерь, он хочет остаться один и поставить ваш сценарии сам.

Званцев ждал, что топор репрессии упадет и на него. Но он не учел того, что обладал неоспоримым преимуществом перед многими другими: он был беспартийным, а репрессии были в основном направлены против старых партийных кадров.

И Званцев, первый роман которого печатала глава за главой популярная газета, был занят вторым романом, навеянным подвигами полярников в Арктике, и своим пребыванием в Америке – «Океанский мост», расточая множество изобретательских идей, которые воплощались уже не им, а его героями.

Новелла пятая. Электрокамакадзе

И волны войны разобьются там в пене.
И в небе сверкнет смертоносный огонь.
Разрушатся в грохоте мирные стены,
И ринется в бой бронированный конь.
Нострадамус. Центурии VIII, 2.

Перевод Наза Веца

По пыльной дороге из Серпухова к военным лагерям на третий день войны шел коренастый, круглолицый, скуластый человек в штатском, имея направление в 39-й запасной саперный батальон. Это был инженер Званцев, неуемный изобретатель, который удивлялся сейчас, что за ним и его спутниками, такими же, как он, призывниками, на железнодорожную станцию не прислали автобуса.

И лишь придя на голое место в лесу, где должен был возникнуть батальон, куда он направлялся, понял, что у батальона пока нет ничего, и все предстоит еще создавать.

Целый день ушел на регистрацию прибывших и выдачу им обмундирования. В солдатской гимнастерке, в кирзовых сапогах и в пилотке на голове Званцев выглядел отнюдь не щеголем.

Спускались сумерки, а о том, где должны спать новые солдаты пополнения, никто не заводил и речи.

Тогда Званцев предпринял разведку, обнаружив в лесу фанерные домики, которые служили офицерам убежищем во время военных учений. Он повел туда всех прибывших и устроил их на ночлег.

Заслуга, быть может, и малая, но замеченная комбатом, старшим лейтенантом Зиминим, который утром вызвал к себе Званцева. И когда выяснил, что тот не только инженер, но и автор печатавшегося еще недавно в газете романа, которым Зимин зачитывался, он тотчас назначил его своим помощником по технической части.

– Тебе предстоит получать технику, предназначенную для мотосаперных батальонов, которые мы будем формировать, и приводить ее в боевое состояние.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Званцев не сразу понял, что это означает, но скоро до него дошло, что автомашины с мобпунктов прибывают, как правило, негодные для эксплуатации. А как их отремонтировать – это уже было заботой Званцева. Мотобатальоны должны быть укомплектованы, фронт не ждет.

– Но в таком чине тебе ни в какие инстанции, да и на мобпункты, являться нельзя, – заявил Зимин. – Мы представим тебя к званию воениженера третьего ранга. Немедленно переоденься, нацепи себе шпалу и отравляйся в Москву. Единственную полученную машину, полуторку, я тебе дам. А там уж как знаешь.

– Будет исполнено, – бодро отозвался Званцев.

В тот же день он отправился в новом обличье в Москву.

Оформив там получение для батальона первых автомашин, вернулся в Серпухов и с разрешения комбата выстроил весь личный состав батальона, приказав:

– Бойцы-шоферы, имеющие права на вождение автомашин, – шаг вперед, автомеханики-слесаря – три шага вперед, все инженеры и техники любых специальностей – десять шагов вперед и подойти ко мне.

За десять минут Званцев сформировал группу новых военнослужащих, имевших специальность, и приказал им отправляться вместе с ним на полуторке в Москву и на мобпункт.

Там они вместе отбирали для батальона автомашины, состояние которых, несмотря на всю придирчивость отбора, было самое печальное.

Отправив наиболее пригодные машины в Серпухов, он на своей полуторке в сопровождение инженеров и воентехников поехал по знакомому Ярославскому шоссе в сторону родных Подлипков, где оставил семью, но не доехав до Мытищ, свернул в Перловке в лес, где выбрал полянку для устройства ремонтной базы. Теперь сюда будут поступать автомашины с мобпунктов и здесь же приводиться в порядок.

Он уже присмотрелся к своим помощникам: инженер Савочкин, рассудительный и знающий, инженер, теперь лейтенант, Зубков работавший на гражданке в конструкторском бюро какого-то завода, воентехник Печников, специалист по снабжению, это было крайне важно теперь, и горящий желанием помогать младший лейтенант Яша Куцаков.

– Всем вам поручаю рыскать по Москве по всем автобазам, по гаражам заводов и забирать оставшиеся запасные части, какие только обнаружите. Особое внимание на шины! С дырявыми и побитыми на фронте делать нечего. Задание, имейте в виду, боевое, как на передовой. Отговорки мной приниматься не будут. Запасные части должны быть здесь.

Званцеву с самого начала удалось привить своим подчиненным сознание, что они должны себя считать ведущими бой.

– Вам повезло, ребята, – начинаете воевать, а пули вам пока не грозят, конечно, в том случае, если выполните задание.

Трудно было не понять намек помпотеха, и выполнять его приказ принялись с редкой энергией и даже азартом.

С пустыми руками никто не вернулся. Оказывается, в Москве были золотые россыпи запасных частей к автомобилям. Всегда дефицитные, они валялись без использования и были изъяты, по закону или без закона, но на нужды фронта ярыми офицерами Званцева.

Ремонтная работа на лужайке в Перловском лесу закипела. Восстановленные автомобили один за другим отправлялись в Серпухов, где, сам едва сформировавшийся, запасной саперный батальон формировал и сразу отправлял на фронт мотосаперные батальоны.

Однажды на лужайке оказался грузовик откуда-то с севера. Вместо задних колес у него были гусеницы. Вездеход!

Формируемым батальонам вездеходы не требовались, но Званцева он очень заинтересовал. Он долго в раздумье смотрел на гусеницы, и в его воображении

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
маленькая юркая танкетка на гусеничном ходу отделилась от грузовика и помчалась... навстречу немецкому танку. Еще мгновение, и она взорвалась вместе с ним.

«Камикадзе!» – мысленно воскликнул Званцев. Решения он принимал мгновенно, и, подозвав к себе бригадира слесарей танкиста Курганова, приказал ему заменить гусеницы у вездехода на колеса, а гусеничный ход превратить в самостоятельно действующую танкетку.

– Так какой же у нее привод будет? – удивленно спросил Курганов.

– Электрический, – не раздумывая, объявил Званцев.

Курганов с сомнением покачивал головой:

– А где ж двигатели взять?

– Достать электродрели, – мгновенно решил Званцев, – и вместо сверл приладить зубчатки, чтобы вращать гусеницы. Сумеешь?

– Как не суметь, ежели надобно, товарищ военинженер. Только прикажите Печникову дрели достать. Он все может.

– Это верно, – согласился Званцев. – Печникова ко мне.

Печников не подкачал, и требуемые дрели в тот же день были у бригады Курганова. Званцев прикомандировал к нему инженера Савочкина, чтобы тот решал все технические задачи при переделке гусеничного хода в танкетку.

И танкетка через день была готова.

Ее отвезли во двор соседнего завода, примыкавшего к Ярославскому шоссе, где решили испытать импровизированный электропривод из электродрелей, ловко прилаженный умельцами.

Званцев пошел согласовывать с дирекцией завода свое вторжение на их территорию, а когда вернулся, увидел смущенные лица своих помощников. Гадко пахло горелой изоляцией.

– Не терпелось ребятам, они и включили дрели, – объяснил Савочкин. – Конечно, я недоглядел. Вину на себя принимаю.

– Объявляю вам, военинженер Савочкин, благодарность за быструю сборку танкетки и строгий выговор за вопиющую техническую неграмотность. Включать электродвигатели дрелей на полное напряжение под нагрузкой, когда танкетка еще стоит, – это пережечь их пусковым током.

– Нужен трамвайный контроллер, что ли? – заметил подошедший инженер Зубков, человек дотошный и неторопливый.

– Возьмем любой трамвай на абордаж! – воскликнул подошедший юный Куцаков.

– На абордаж проблему будем брать, а не трамваи – ответил Званцев.

Через полчаса он уже шел по знакомому двору Всесоюзного электротехнического института.

Вот и машинный корпус, где они с Иосифьяном, теперь профессором и доктором технических наук, создавали электрическое орудие.

Званцев вошел в знакомый зал испытаний, пораженный всех своей высотой. Он привычно взглянул вверх и под потолком на уровне третьего этажа увидел чьи-то болтающиеся ноги. На трапедии под каким-то жужжащим летательным аппаратом сидел Иосифьян. Он закричал Званцеву:

– Саша! Здорово! Каков электролет? Подняться может насколько позволит провод. Здесь потолок низкий. А с высоты можно и неприятельские позиции разглядывать, и артиллерийскую стрельбу корректировать, – говорил он, плавно спускаясь на пол. – Понимаешь? Сделать – пара пустяк! Обыкновенный электродвигатель. Статор и ротор свободно вращаются в разные стороны, а к ним приделаны два пропеллера. Вот и все!

– Обещающе, – заметил Званцев. – А я за тобой, Андроник. Дело как будто большое затевается.

– Большое дело люблю!

– Тогда поехали. Машина у ворот.

Иосифьян стоял во дворе завода, приютившего военных ремонтников, и рассматривал злополучную танкетку. Солдат-механик заменял сгоревшие электродрели новыми.

– Как бы опять не сгорели, – беспокоился он.

– Зачем сгорать? Пара пустяк сделать! Менять напряжение надо. С малого начинать при трогании с места.

– Без реостата? – усомнился Зубков. – А мы уже хотели подставки мастерить, чтобы гусеницы сначала раскрутить, а потом на землю опустить.

– Зачем подставки? Зачем реостат? Автотрансформатор лучше.

– Где ж его взять, товарищ профессор? – спросил Печников.

– И искать не надо. Видишь, стоит без дела синхронный двигатель, местный, заводской. Мы его взаимы возьмем. На ось ротора рычаг приладим. По статору ток пустим, с ротора любое напряжение снимать будем, рычаг поворачивая. Понимаешь? Пара пустяк!

Званцев распорядился немедленно выполнить замысел Иосифьяна, оказавшийся решающим. Танкетка, едва ее подключили к заторможенному ротору, плавно двинулась с места.

Иосифьян с мальчишеским увлечением разгонял и поворачивал ее, направляя ток то в один, то в другой привод гусениц.

– Теперь можно показать, – решил он.

– Кому показать? – удивился Званцев.

– Это уж мое дело! Связи – двигатель прогресса!

К опушке примыкающего к Перловке леса одна за другой подъезжали машины высоких начальников.

В составе комиссии, созданной по настоянию Иосифьяна, прибыли наркомы электростанций и электропромышленности Ломако и Кабанов, два генерала и полковник Трепаков из штаба Московского военного округа, и, что особенно было важно, помощник Маленкова, заместителя председателя ГКО, Государственного Комитета Оборона, высшего органа власти военного времени, возглавляемого самим Сталиным.

Маленькая электроторпеда стояла в укрытии на краю опушки с возвышающимся над нею огнеметом.

Синхронный двигатель на деревянной раме поместили около осветительного столба, и электрики подсоединили к проводам статор иосифьяновского автотрансформатора.

Званцев докладывал комиссии свой замысел защиты от танков московских улиц с помощью демонстрируемой электроторпеды, выскакивающей из укрытий.

Иосифьян держал в руках рычаг придуманного им устройства. Рядом у пульта управления стоял дотошный и осторожный инженер Савочкин.

Танкетка лихо выскочила на середину опушки, виляя и уклоняясь от воображаемых разрывов снарядов.

Иосифьян дал команду Савочкину, и, имитируя будущий взрыв, заключительный фейерверк из огнемета полоснул по кустам, где, как оказалось, находился один из генералов, наблюдая за маневрами танкетки. Надо было видеть

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
проснувшиеся в нем задатки былого спринтера. Однако это не помешало ему
стать ярким сторонником нового вида вооружений.

В то время решения принимались сразу. Комиссия обладала достаточными
полномочиями.

Тут же на лужайке решено было приостановить эвакуацию завода
Наркомэлектропрома № 627. Директором его назначить профессора Иосифьяна,
главным инженером и командиром приданного заводу батальона – военинженера
III ранга Званцева. К октябрю предстояло выпустить не менее тридцати
электроторпед. Дело было начато!

Званцев получил право отзывать из любых воинских подразделений нужных ему
специалистов.

Приказ об этом подписывал генерал-лейтенант Артемьев, командующий
Московским военным округом.

Передавая подписанную бумагу Званцеву, он сказал:

– Действуйте, военинженер. Между Москвой и передовыми частями гитлеровцев
не осталось наших воинских подразделений. Я направил туда курсантов одной
из военных академий. И это все, что я мог...

Времени не оставалось!

Рабочие чертежи будущего изделия делать было некогда, и Зубков организовал
на ближней пустующей даче конструкторское бюро, разобрал танкетку на части,
сделал эскизы с ее деталей и направил их Званцеву на завод № 627. И уже
через несколько дней на заводском дворе появились первые готовые к бою
танкетки.

И вдруг вызванный в штаб округа Званцев получил приказ, а Иосифьян
распоряжение наркома немедленно эвакуировать завод и возобновить выпуск
торпед к востоку от столицы, направляя готовые в Москву.

И пришлось солдатам, вставшим к станкам, снимать их с фундаментов и грузить
в автомашины, присланные с ремонтной базы в Перловке.

Автоколонна двинулась по Горьковскому шоссе. Но уже в Коврове Иосифьян со
Званцевым сгрузили часть оборудования, заняв пустующий цех завода, и,
возобновив там производство танкеток, остальную масть автоколонны под
командованием комиссара батальона Жарова отправили в Горький.

Так, формально выполнив полученный приказ, друзья начали действовать
самостоятельно, без согласования.

Навстречу нескончаемому потоку покидающих столицу автомашин, груженных
станками, прикрытой брезентом кладью то и дело съезжая на обочину,
двигалась легковая «эмка» с военинженером Званцевым за рулем. Рядом сидел
профессор Иосифьян тоже в форме военинженера III ранга. Позади на сиденье
устроились три основных помощника Званцева.

Их внимание привлек грузовик с кузовом, накрытым тентом, поверх которого
красовалась клетка с попугаем, который время от времени кричал:

– Танки, танки! Спасайтесь!

Потом добавлял:

– Попка-генерал – дурак! – и опять: – Танки, танки!..

– Немцы выучили птицу и диверсантом сюда подкинули, – решил Печников.

По обе стороны забитого автомашинами шоссе расстилались пустынные, уже
убранные колхозниками поля и перелески с облетевшей с деревьев листвой.

Начало смеркаться, и стал накрапывать мелкий осенний дождь. Потемневшее,
затянутое тучами небо прорезали светлые щупальца прожекторов.

В одном месте они, словно сговорившись, скрестились и высветили силуэт

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
вражеского самолета-разведчика. Вокруг него стали вспыхивать маленькие светлые облачка. Самолет круто пошел вниз, оставляя за собой клубящийся дымный след.

Через некоторое время вдали взмыл огненный фонтан, накрывшись рвущейся вверх тучей.

– Сбили! Сбили! Ай да девочки! – радостно воскликнул Иосифьян.

Зенитные батареи в городе были в основном девичьими. Такие же девушки в выглаженных гимнастерках, начищенных сапожках и кокетливо заломленных пилотках, грациозно шагая, осторожно выводили в указанные места аэростаты заграждения, похожие на исполинских рыб. Они должны были препятствовать вражеским истребителям снижаться и вести прицельную стрельбу по улицам.

– Сбили, сбили! – подтвердил Печников. – Знали ведь кому поручить. Женщины, они без промаха бьют и в жизни, и на войне.

– А ты что, пострадал? – спросил Куцаков.

– И не раз, – хмуро отозвался Печников.

Въехали в город, удивив направлением своего движения бойцов на контрольно-пропускном пункте. Но документы Московского военного округа, подписанные самим командующим, открыли дорогу в эвакуируемый город.

Машина уверенно направлялась к центру. Там, у Красных ворот, был радиоинститут, по данным Иосифьяна эвакуированный. Он располагался в старом особняке какого-то нефтяного магната. Там были и примыкающие помещения, удобные для размещения цехов и лабораторий.

В черный день 16 октября 1941 года, казалось, все население огромного города покидает его. Поезда с эвакуированными предприятиями и учреждениями отходили с вокзалов один за другим. Люди размещались в теплушках «сорок человек – восемь лошадей», как прозвали их в народе. Над мостовыми кружились листки каких-то выброшенных или забытых бумаг. Выполнив формально приказ об эвакуации завода № 627, его руководители возвращались в Москву, действуя уже «по-партизански», и в этом же духе «захватили» облюбованные Иосифьяном помещения бывшего радиоинститута.

Особняк оказался действительно роскошным, с мраморными лестницами, зеркалами, дорогой деревянной обивкой или китайским шелком на стенах, с уютными каминами и художественной росписью потолков, стыдливо укрытых прежними обитателями, но по распоряжению Иосифьяна немедленно раскрытыми. И изображения обнаженных женских тел украсили его кабинет.

Но деятельные друзья не ограничились обживанием новых апартаментов, а стали отыскивать по всему городу оставшихся в нем специалистов, кого растерянных, а кого с ружьями за плечами, выполнявших обязанности сторожей.

К исходу второго дня во вновь основанном «заводе-институте», как решили назвать новое образование, собрался никем не узаконенный коллектив, в который входило по меньшей мере шесть будущих академиков, профессора, доктора и заслуженные деятели наук, талантливые инженеры. Многие из них Иосифьян знал лично.

Званцев, используя свое право отзыва из воинских частей нужных специалистов, собрал военных, впоследствии ставших известными и в технике, и даже в литературе.

Основной замысел Иосифьяна был в том, что каждый из привлеченных ученых имел свою идею, которую еще не успел воплотить. И сейчас они садились за ее реализацию, если она могла служить фронту, в основном стараясь помочь партизанам. И через короткое время партизанские отряды стали получать с «завода-института» диковинные мины, не поддающиеся разминированию, гранаты, которыми можно было стрелять из обычной винтовки, и многие другие новинки.

Особую роль здесь сыграл академик Иоффе. Находясь в Москве как вице-президент Академии наук СССР и встретив Званцева, старого знакомого, он посетил новый институт и не задумываясь, передал ему в полном составе свою ленинградскую лабораторию термоэлементов. И партизаны получили для

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org своих костров волшебные чайники, которые кроме кипятка, давали еще и энергию для зарядки аккумулятора партизанских радиостанции. В дно чайников были вмонтированы открытые в институте Иоффе термоэлементы.

Делались на «заводе-институте» и особые радиостанции А-7, сигналы которых невозможно было перехватить, так как они модулировались не размахом радиоколеманий, а их частотой. И ее монтировали, сидя рядом, будущий академик Николай Шереметьевский и уже популярный писатель Юрий Долгушин, автор нашумевшего романа «Генератор чудес».

А из филиалов завода № 627 в Коврове и Горьком начали поступать готовые электроторпеды, выстраиваясь рядами во дворе перед подъездом особняка, как съезжались когда-то сюда кареты, привозя знатных гостей на званые вечера.

В ноябре начальство спохватилось, обнаружив самообразовавшийся научный центр у Красных ворот, дававший ценную продукцию фронту.

Полковник Третьяков из штаба округа, разводя руками, говорил Званцеву:

– Расскажи мне кто об этом, не поверил бы. Так ведь у вас получается...

Нарком электропромышленности, ознакомившись с результатами деятельности «научных партизан», 15 ноября 1941 года издал приказ об образовании научно-исследовательского института, присвоив ему номер эвакуированного завода 627. И руководство завода в лице Иосифьяна и Званцева автоматически стало во главе института, в дальнейшем ставшего именоваться ВНИИ электромеханики.

К этому времени на фронт под Москвой прибыл маршал Жуков и дела там коренным образом изменились. Гитлеровцы потерпели первое сокрушительное поражение и были отброшены от столицы, утратив надежды на «блицкриг» и торжественный парад в побежденной Москве.

Но для Иосифьяна и Званцева эта победа обернулась неожиданным образом.

Их обоих вызвали в ЦК партии, и высокий партийный руководитель принял их.

Он сидел в удобном кресле за деловым столом, уставленным разноцветными телефонами. Пригласив посетителей сесть за стоящий перпендикулярно его письменному столу длинный стол, за которым собирал совещания, он сказал:

– Ну что ж, товарищи «партизаны от науки». Все у вас как будто ладненько получается. Но вот вопрос: как с вашими танкетками быть? Говорят, они весь двор у вас заполонили. Средств на это немало пошло. И все зря?

– Так ведь, к счастью, не прорвались гитлеровцы на московские улицы, – заметил Званцев.

– Верно, товарищ военинженер, не прорвались. Но я к тому клоню, что не нужны они теперь. А средства на ветер пущены!

– Как не нужны? – возмутился Иосифьян. – В любом городе улицы есть, электрический ток имеется. Торпеды подстерегут вражеские танки где угодно.

– В том-то и дело, товарищи «научно-партизаны», что военные действия отныне, видимо, в чистом поле происходить будут. И никакого электрического тока для ваших питомцев на полях сражения не найти, – и партруководитель печально покачал головой.

– Пара пустяк! – воскликнул Иосифьян. – Сделаем передвижную электростанцию! У нас ведь теперь такой коллектив! Дайте нам списанный с вооружения старый танк.

– Что ж, коли так – ладненько. Дадим вам даже не один танк, а два. Оборудуйте их под электростанции. Электрифицируйте боевые действия. «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Вот так-то. Но переоборудованные танки вместе с танкетками – немедленно на фронт! На передовую. Оправдать затраты! А насчет «пара пустяк», товарищ профессор, то говорить следует: «Пара пустяков» Вот так-то.

– Есть «пара пустяков», – ответил Иосифьян.

- Готов в любую минуту! – воскликнул Званцев.
- Вот и ладненько. На том и порешим, – сказал партруководитель, пронизывая Званцева взглядом. – «Назвался груздем – полезай в кузов». Не струсил, военинженер?
- Торпеды смогут уничтожать не только танки, но и доты и дзоты.
- Особой веры в ваших «камикадзе» нет, но проверим. А для этого пошлем вас во главе оперативной группы. Я договорюсь об этом с начальником инженерных войск маршалом Воробьевым. Отправим вас на Крымский фронт в распоряжение заместителя командующего фронтом генерал-полковника Хренова. Он за прорыв линии Маннергейма Героя Советского Союза получил. Вот с ним и поработаете на передовой. Там работенка важная предвидится.
- Лучше меня пошлите, – вызвался Иосифьян.
- Нет уж, товарищ директор. Вам придется здесь со своей ученой братией управляться. А военным – на фронте.

В научно-исследовательском институте закипела работа, проектировали и создавали передвижную электростанцию. И к весне 1942 года задача была решена. Легкие танки превратились из боевых единиц в прифронтовые электростанции и были погружены на платформы рядом с тщательно укрытыми брезентом, бесшумно охраняемыми часовыми, танкетками. Платформы подцепили к пассажирскому поезду, где в купе разместились Званцев и его помощники, ничем не выдавая своего отношения к загадочному грузу в прицепленных платформах. Никто из них не знал, что едут они на обреченную операцию, ибо немцы готовились к наступлению на Сталинград и им необходимо было опрокинуть войска Крымского фронта, недавно отбившие Керченский полуостров.

Нельзя было выбрать более неудачного места на фронте для боевого испытания «электрокамикадзе», так и не получивших заслуженного признания.

Званцев стоял у окна пассажирского вагона и думал, что ждет их впереди. Как покажут себя на юге рожденные в Подмосковье танкетки?

Крым! Он помнил ласковое, омывающее причудливые камни море, великолепный дворец Воронцова со спящими львами по обе стороны мраморной лестницы, а за ним поднимающиеся к небу горы.

Там бывал Пушкин!..

А теперь там гитлеровцы, которых предстоит выбить оттуда. Не ради этого ли он шел недавно за первым солдатским обмундированием по пыльной дороге из Серпухова в лес, удивляясь, что из батальона за такими же, как он, не прислали автобус, не зная, что его ждет впереди...

Новелла шестая. Дыхание Антихриста

Страшна Антихриста тройная сущность.
Он двадцать семь лет истреблял всегда.
В крови земля. Трусливо и бездушно
На муки, смерть людские гнал стада.
Нострадамус. Центурии. VIII.77.
Перевод Наза Веца

В приемной начальника Главного управления «СМЕРША» (смерть шпионам) генерал-полковника безопасности Абакумова не было стульев, замененных откидными сиденьями вдоль отделанной дорогим дубом стены. На их краешках и пристроились «вызванные на ковер» генералы, не решаясь даже переговариваться между собой.

Едва адъютант в полковничьих погонах, исполняющий обязанности секретаря, пропустил в страшный кабинет очередного посетителя, как тот, словно ошпаренный, вылетел оттуда. В дверях показался сам Абакумов, со скуластым лицом, выше среднего роста, атлетически сложенный, с мерцающими глазами, то вспыхивающими, то мрачно тусклыми. Ружейным залпом прозвучал стук откинувшихся сидений, когда с них разом вскочили все посетители.

- Я у Лаврентия Павловича, – бросил на ходу Абакумов адъютанту и вышел в

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
коридор.

По лестнице на следующий этаж он поднимался, шагая через две ступеньки.

В приемной Берия секретарь-адъютант, уже в генеральском чине, встретил его многозначительными словами:

– Вас ждут, товарищ генерал-полковник.

Берия величественно восседал в кресле за дорогим письменным столом, принадлежащим прежде кому-то из высшей знати.

– Можно подумать, что вам пришлось ехать ко мне через весь город, – недовольным тоном произнес он, добавив: – Впрочем, может быть, и придется ездить, но не так уж далеко.

– Я без лифта. Для скорости, – переводя дыхание, оправдывался Абакумов.

– Садитесь, – указал Берия на стул перед длинным столом для совещаний.

Сам он поднялся и, подражая Сталину, стал расхаживать по кабинету, заложив одну руку за спину.

– Главкомандующий сейчас занят переломом хода военных действий в нашу пользу. Ему некогда. Это надо понять. Мы должны поставить перед собой новую задачу.

– Товарищ Сталин? – с придыханием повторил Абакумов.

– У нас есть другой главкомандующий? – едко спросил Берия.

– Нет, что вы, Лаврентий Павлович?

– Отныне мы должны помогать фронту, не только вылавливая немецких шпионов, а создавая у нас новые виды вооружения.

– Да, но... – начал было Абакумов, Берия насмешливо посмотрел на него:

– Не думаешь ли ты, что твои следователи на это способны?

– Нет, конечно, Лаврентий Павлович.

– Следователи должны будут подготовить творческий материал из мыслящих специалистов.

– А где их брать?

– А это уж твоё дело. Найти. Ученых и инженеров пруд пруди. Отбери себе нужных – и к нам. И никаких церемоний!

– Вас понял! – вскочил начальник «СМЕРШа».

– Без наград не останемся. Ступеньки сделаешь и для меня, и для себя, поскольку я тебе место освобожу.

– Целевые группы организуем. Под охраной! – радостно воскликнул Абакумов. – Будут работать как миленькие!

– Миленькие работать станут, если им сказать: «Объект в воздух – все на волю!» Понимаешь? Пряник получше кнута.

– Все ясно. Тотчас приступлю, – и Абакумов строевым шагом вышел из зловещего кабинета.

В глубоком сыром окопе, где сапоги хлюпали в лужах от вчерашнего дождя, военинженер III ранга Званцев приткнулся к телескопической стереотрубе, верхняя часть которой поднималась над бруствером. В тумане сумерек едва различались далекие нефтяные баки Феодосии. Красная Армия вплотную подошла к ней, отбив у гитлеровцев Керченский полуостров. Званцев возглавлял особую группу Главного военно-инженерного управления, испытывая в боевых условиях

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
изобретенные им сухопутные электроторпеды.

Глядя на ничейную землю между окопами враждующих сторон, он вспоминал первые испытания придуманной им новинки перед правительственной комиссией, которой добился его друг профессор Иосифьян. Вместе они завершили проект электрического орудия, но на него у страны не хватало электрических мощностей. Другое дело – танкетка, переделанная из гусениц старого вездехода, которую Иосифьян помог электрифицировать.

И вот теперь его детище в наступившей полутьме выскочило из земляного укрытия и, ведомое из другого окопа высоким красавцем грузином, лишь вчера освоившим управление торпедой, вилля во избежание прямого попадания снаряда, быстро достигло возвышения над гитлеровскими окопами с дзотом, откуда велась смертоносная стрельба.

Сумрак озарился фонтаном огня, на который словно упала дымная туча.

Опасная огневая точка была уничтожена. Немцы обрушили на место, откуда появилась танкетка-камикадзе, артиллерию.

Опытные фронтовики заставили новичка-военинженера лечь на мокрое дно окопа, а когда он поднялся, чтобы поблагодарить воентехника Ломидзе, первого водителя торпеды, то с огорчением узнал, что того уже нет в живых.

В окоп по-пластунски приполз вестовой, доставив Званцеву приказ немедленно эвакуировать его группу, основной состав которой находился в тылу близ татарского селения Мамат, где воентехник Печников и комиссар Самчелеев обучали присланных офицеров применению танкеток, которые теперь приказано было уничтожить.

Это так не укладывалось в сознании Званцева, что он решил немедленно идти в штаб дивизии, в войсках которой находился, и просить разрешения занять с торпедами оборону.

Пройдя ходами сообщения и выбравшись на поверхность, он окунулся в непроглядную темноту, которая на миг исчезла, когда в затянутое тучами небо немцы запускали осветительные ракеты, и они, описывая огненные дуги, вырывали из тьмы гладкую, как паркетный пол, степь. Ракета гасла, и ослепленные глаза уже совсем ничего не видели.

Сделав несколько шагов, Званцев понял, что потерял направление и шел куда-то наугад, рискуя попасть к немцам.

Внезапно он услышал совсем близко резкий окрик:

– Хенде хох!

В темноте еле угадывалась фигура солдата, целившегося в него из винтовки.

– Я военинженер Званцев, прикомандирован к вашей дивизии.

– Знаем мы вас. Ишь как по-нашему лопочет! Шагом марш – не то пристрелю! – скомандовал солдат.

К счастью, он привел Званцева не куда-нибудь, а в блиндаж штаба дивизии, куда, собственно, он и стремился.

Командир дивизии, молодой полковник в боевых орденах, недавно произведенный в это звание после захвата у гитлеровцев Керченского полуострова, обрадовался при виде Званцева.

– А это кто? – спросил он, указывая на солдата.

– А он меня в плен взял, – с улыбкой объяснил Званцев.

– Так что, товарищ полковник, с немецкой стороны шел. И с бородкой он, не по-нашему.

– Как же ты его бороду в темноте разглядел? – засмеялся полковник. – Или немцы ракетой помогли?

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Нет, это я уже здесь рассмотрел, товарищ полковник. Думал, шпион это гитлеровский к нам пробирается.

– Можешь идти, за заботу благодарность объявляю, – отпустил его командир дивизии. – И вам, товарищ военинженер, тоже надо отправиться любым способом, выводить свою группу. И уничтожить всю свою технику.

– Как так? – возмутился Званцев. – Мы могли бы сопротивляться.

– Не до испытаний сейчас, – отрезал полковник. – Надо выходить из окружения. Поражение терпим, военинженер, всем Крымским фронтом. Выполняйте приказание.

Званцев вышел из блиндажа штаба дивизии когда начало светать. Предстояло поймать какую-нибудь машину. Собственно, сейчас все двинутся на юг.

«Как же так неудачно получилось? – горевал он – Только первый дзот взорвали. Значит, могут танкетки урон врагу наносить, а тут...»
Один из грузовиков подхватил Званцева, и он некоторое время под проливным дождем ехал на юг, пока степь не превратилась в сеть луж или мелких озер.

В одном из них полуторка со Званцевым заглохла.

– Придется обождать, товарищ военинженер, – сказал водитель и стал закуривать.

– Нет, друг, ждать мне никак нельзя, – сказал Званцев и решительно шагнул из кабины в разлившуюся воду по самые голенища сапог.

При каждом его шаге вздымался фонтан брызг.

«Лишь бы немцы не захватили Мамат, прежде чем он успеет вывести оттуда своих!»

Дождь продолжал лить. Званцев шагал и шагал, пройдя к вечеру сорок километров.

«Говорят, здесь, в степи, вырастает море тюльпанов, но как... сапоги хлюпают».

Наконец он выбрался на шоссе. И первое, что он увидел, были остовы двух подбитых немецких танков со снесенными взрывами башнями. Обезвреженные, они загромождали путь. Обходя их, Званцев увидел отброшенные взрывом знакомые приводные электромоторы его торпед! Значит, танки взорвались вместе с выпущенными на них танкетками? Выходит, боевые испытания их все же продолжались!..

Скоро Званцев добрался до расположения своей группы.

Его встретил толстенький, но подвижный и веселый Печников.

– Что, не сработала наша техника? – встревожился он.

– Хуже! Вся армия покидает Керченский полуостров. И нам всем приказано технику уничтожить и идти к переправе через Керченский пролив.

– Будет сделано, – отрапортовал Печников. – Только вы, товарищ военинженер, подкрепитесь. Тут хозяйка таких бычков для нас поджарила! Язык проглотишь!

Но Званцеву было теперь не до вкусных рыбных блюд.

В душных, пропахших вековой пылью тоннелях древних керченских катакомб военинженер с трудом отыскал закоулок, где за брезентовым пологом помешался штаб Крымского фронта.

Среди спящих штабных офицеров он увидел знакомую низенькую фигуру заместителя командующего фронтом генерал-полковника Хренова.

– Товарищ генерал-полковник, разрешите обратиться? – произнес он, вытянувшись в струнку.

– А вы чего здесь? – мягким голосом возмутился Аркадий Федорович.

– Позвольте доложить результат боевых испытаний сухопутных электроторпед. Один взорванный гитлеровский дзот и два встреченных мной на шоссе немецких танка со снесенными взрывами башнями. А кругом остатки взорвавшихся наших торпед. Это уж ваши инженерные части поработали, товарищ генерал-полковник.

– Все части наши, а торпеды-то ваши. Надо, чтобы немцам не достались.

– По полученному мной распоряжению вся техника уничтожена, хотя это мне ножом по сердцу.

– Ножом по сердцу, дорогой, – опасность уничтожения не только вашей техники, но всех армий фронта. Они переправляются сейчас на таманский берег. И вам там следует быть. Немедленно.

Подошел командующий фронтом генерал Козлов, полный и сердитый:

– Кто таков? – грозно спросил он. Хренов представил ему Званцева.

– Ах, этот! Налить ему стакан водки.

– Я не пью, товарищ командующий, – твердо отказался Званцев.

– Я говорю – выпей. Приказываю.

– Не могу, товарищ генерал. Никогда не пил и не буду!

– Видно, не крещенный фронтовым крестом. Тогда ступай.

От катакомб Званцев, ведя свою полуторку-мастерскую, едва втиснулся в общий поток машин, спешивших к переправе.

Проехав метров сто, он услышал площадную брань. К нему бросился какой-то офицер.

– В кювет, раз-твою-так! – кричал он. – Пристрелю!

– Я не съеду, товарищ подполковник, – жестко ответил ему Званцев.

– Что? Кто такой? Военинженер? За рулем? Простите, не разглядел, за шофера принял. Уступите дорогу члену военного совета товарищу Мехлису.

– Если бежит, то объедет, – спокойно ответил Званцев.

Адъютант Мехлиса наклонился к Званцеву и шепнул:

– Без меня.

По обочине, подскакивая на ухабах, проехала штабная автомашина с товарищем Мехлисом, которого Званцев узнал по портретам.

– Подвези, военинженер, – попросил адъютант.

Званцев посадил его рядом с собой, и тот, словно стараясь отвлечься от всего вокруг происходящего, стал рассказывать про глубокую древность:

– В катакомбах, где мы с вами только что побывали, в былые времена выламывали плиты для строений древнего города Пантикоппеи, развалины которого археологи раскапывают вот на этой горе Митридат, названной в честь царя царства Босфорского. Последний царь Митридат VI воевал со скифами, подчинил себе Черноморское побережье и схватился с римлянами, к которым примкнул его собственный сын. И проиграл. Он решил покончить с собой. Но вот беда! Всю жизнь принимал помаленьку всякие яды и так приучил себя к ним, что не мог отравиться, никакой яд его не брал. И он приказал своему рабу заколоть его, как Нерон впоследствии.

– А через Керченский пролив не удирал впереди своей армии этот Митридат? – язвительно спросит Званцев.

Подполковник замолчал и не проронил больше ни слова до самой переправы, куда вела зеленая улица уже не былой Пантикоппеи, а современной Керчи.

Проезжая мимо уютных домов с фруктовыми садами у каждого, приютившихся у подножья горы Митридат, Званцев подумал: «Представлял ли древний завоеватель масштабы современных войн?»

За краем обрыва, где кончились дома, на узкой береговой полосе сгрудилось множество людей, теснясь к морскому проливу, отделяющему Керченский полуостров от Тамани.

Утренний туман рассеялся, тучи исчезли. Появилось солнце. Могло показаться, что бесчисленные курортники открывают купальный сезон.

Но там толпились не купальщики, а солдаты. И вода в проливе была ледяной, не для купания.

Группа Званцева прибыла на переправу раньше, и воентехник Печников, издали узнав мастерскую на колесах, встретил Званцева.

– Разрешите доложить, товарищ комбат! – вытянулся он перед Званцевым.

– Докладывай.

– Комиссар нашей группы старший политрук товарищ Самчелеев застрелился. Решил, что из окружения не выйти, в плен сдаваться не хотел. Рядовой Паршин поднял с земли сброшенную фашистскими летчиками шариковую бомбу и погиб вместе с санинструкторшей, которой интересовался. Техника уничтожена. Если что достать, то мигом.

– Что ты мне, как прекрасной маркизе, голову морочишь? Все в порядке? – рассердился Званцев. – Александра Михайловича, политрука нашего, жаль. Без раба обошелся...

– Так точно! – подтвердил Печников, ничего не поняв.

– А того, что здесь требуется, тебе не достать. Никак... у англичан в Дюнкерке, где эвакуировалась с материка такая же армия, к услугам был весь английский флот, а здесь два-три катера...

– Чего нет, того нет, – развел руками Печников. – Катеров мало, и неведомо, как нам на них погрузиться, товарищ военинженер. Порядку здесь никакого, один ералаш, командования нет. Все норовят, как могут. В самый раз вам команду над всеми взять и группу нашу переправить.

Званцев поморщился и посмотрел на толпящихся на узкой береговой полосе людей, шарахающихся при каждом взрыве снаряда или бомбы и осаждающих уходящие далеко в море деревянные причалы, куда приставали катера, сказал сурово:

– Если ты посоветовал в расчете поскорее нам отсюда выбраться, то ошибся. Команду переправой я на себя беру, но вы все будете обеспечивать выполнение моих приказов.

– Будет исполнено! – обрадовано воскликнул Печников.

И тотчас офицеры и бойцы группы Званцева по его указанию стали оттеснять перепуганных людей от причалов.

Поддействовали и зычный голос Печникова, ссылающегося на приказ какого-то высшего командования переправой, и решительные действия бойцов его группы, не особенно церемонившиеся с упирающимися.

По приказу Званцева к причалу подошел личный состав госпиталя, и несли раненых.

Неподалеку на кромке прибоя, куда накатывалась волна, Званцев увидел майора, которому взрывом оторвало обе ноги. Откатываясь, волна уносила розовую пену.

Подошедший к Званцеву солдат передал просьбу майора подойти к нему.

– Военинженер... прошу... пристрели меня, – еле выговорил тот, когда Званцев

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
склонился над ним.

У Званцева не хватило духу выполнить просьбу умирающего, и он малодушно приказал отнести его подальше от холодной волны и положить под откосом берега, словно это могло тому помочь.

Дошла очередь и до группы Званцева, которую он решил отправить раньше себя, чувствуя ответственность за происходящее на переправе, хотя командование ею принял на себя самовольно.

Он стоял на причале, наблюдая за очередной погрузкой на катер людей, беспрекословно повиновавшихся ему, еле втискиваясь на палубу перегруженного суденышка.

По причалу, расталкивая всех, бежал статный молодой капитан, держа за руку мальчонка в крохотной пилотке, в сшитой по нему гимнастерке с поясом и портупеей, в сапожках – ни дать ни взять – сын полка.

Ступить на палубу было некуда. И капитан, не задумываясь, вынул пистолет и выстрелил в стоящую с края хорошенькую санинструкторшу, которая тут же свалилась за борт. Снизу донесся всплеск. А капитан ступил на ее место, подняв над собой сына, которого невесть почему взял с собой на фронт. Негодование парализовало Званцева. Стрелять в убийцу с ребенком на руках? Затеять перестрелку с отчаливающим катером? И он презирал себя за свою беспомощность, читая растерянность на лицах стоящих рядом солдат.

Он взял себя в руки. На берегу оставались тысячи людей, о которых надо было думать. И он продолжал отдавать команды, и его по-прежнему слушались.

На причале появилась знакомая невысокая фигура генерал-полковника Хренова.

Званцев отрапортовал ему, что вынужден был принять на себя командование переправой.

Хренов не укорил его за самоуправство, а, напротив, поблагодарил за инициативу, но с присущей его мягкому голосу строгостью сказал:

– А вам лично приказываю немедленно переправиться на таманский берег и найти свою группу. Командовать переправой буду я.

На следующий катер Званцев шагнул последним обменявшись с Хреновым прощальным взглядом.

Званцева сразу же прижали к низенькому борту теснившиеся на палубе солдаты.

Катер отчалил. Берег уплывал назад. В небе снова появились самолеты и стали один за другим пикировать на крохотное суденышко, но их бомбы вздымали фонтаны воды поодаль.

Однако одна из них упала так близко от катера, что стоящие на палубе люди шарахнулись от ближнего к взрыву борта, и Званцев с ужасом почувствовал, что его сталкивают в воду.

На него словно надвинулась стена, и он полетел вниз.

Сквозь сразу намокшую шинель он почувствовал ледяной холод, постарался сбросить ее и не потерять при этом перекинутую через плечо на ремне планшетку.

Потом пришлось плыть в полном обмундировании.

Был он неплохим пловцом, участвовал когда-то в соревнованиях и, несмотря на промокшее обмундирование и ставшие пудовыми сапоги, все-таки выбрался на берег, сразу упав на камни, дрожа от холода.

Но не хотел он походить на девушку, которую спас когда-то, брошенную на середине реки перепуганными кавалерами. На пляже она упала без чувств, так и не поблагодарив его. И он не позволил себе расслабиться, занялся волевой гимнастикой, воображая, что поднимает тяжелые грузы, взбирается по отвесным скалам...

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
На счастье, солнце в этот апрельский день грело по-южному.

Званцев разделся и разложил обмундирование, чтобы обсохло, и с особой заботой – содержимое планшетки, помня, что без бумажки ты не человек.

В таком виде его и нашел Печников, преданно поджидавший своего комбата на таманском берегу.

– Вот так, – сказал ему Званцев. – Здесь где-то описанные Лермонтовым контрабандисты, вернее, одна их девушка, Печорина хотела утопить...

– А та девушка... – начал Печников и сразу закончил: – А капитана того только и видели. Никто не остановил. Никто.

– Да, друг, война людей в зверей превращает, или того хуже, – говорил Званцев, подбирая высохшие документы.

Они помогли и ему, и всем членам его группы добраться до Краснодара, где генерал-полковник Хренов взял его с собой в самолет.

Летели в Москву кружным путем, обходя линию фронта, над тихими, мирными еще предместьями Сталинграда.

Прощаясь в Москве, Хренов, вручая ему именной маузер в Деревянной кобуре, сказал:

– А в танкетки я ваши поверил, военинженер. Запрошу их из вашего института на Волховский фронт, куда получил назначение.

С этим пожеланием обретенного друга и вернулся Званцев в свой институт.

Иосифьян заперся с ним в своем кабинете.

– Ну, Саша, прошел ты через огонь и воду, но медные трубы тебя еще ждут. Работать теперь стало не пара пустяк, как тогда, когда мы по-партизански вернулись из Коврова в Москву в черный день 16 октября 41-го года и создавали институт на захваченной территории у Красных ворот. И каких людей мы с тобой пособирали в опустевшей Москве! Дюжину профессоров, докторов наук, заслуженных деятелей. Ручаюсь, половина академиком станет! Сам Иоффе у тебя в долгу, пообещав «ниагару в спичечной коробке» для выстрела из нашей электропушки. Жаль, не вышло! Теория тонкослойной изоляции подкачана!

– Зато он всю свою ленинградскую лабораторию термоэлементов нам передал.

– Пономаренко, твой прежний помощник, теперь начальник штаба партизанского движения, от нас немало получил новинок для партизан. И самая что ни на есть эффективная – чайники, которые, помимо кипятка, дают электрический ток на партизанском костре для зарядки аккумуляторов их радиостанций.

– А наши радиостанции А-7? В Крыму их ох как не хватало. Не перехватывали бы немцы нашей радиосвязи.

– Да, частотная модуляция пока никому не знакома, – подтвердил профессор. – А все-таки, Саша, первенец наш – это твоя танкетка. Она – всему начало! Без нее не было бы нам веры.

– А чего это ты воспоминаниям предался, Андроник?

– А к тому, Саша, что в пору общей паники нас только через месяц заметили, когда мы уже обосновались. Помнишь приказ наркома электропромышленности?

– А как же! Преобразовали в научно-исследовательский институт, но только не имени Жюль Верна, как мы его называли, а с номером эвакуированного завода – 627.

– Тогда командующий Московским военным округом тебе право дал подбирать нужных специалистов из армии, а теперь...

– Что теперь?

– Фронт отодвинулся, и чиновники голову подняли. Под контроль всех, и нас с

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org тобой берут. И парторганизация согласования любых действий требует. И создание института на голом месте, когда, по словам того же командующего округом, между Москвой и передовыми гитлеровскими частями наших, кроме посланных туда им курсантов какой-то военной академии, никого не было, теперь уже за подвиг не считают. Обыденность будет торжествовать. А это, друг мой, не пара пустяк!

– И что же?

– А то, что тебе хорошо, а мне-то на закрытых партсобраниях за тебя отдуваться придется.

Вскоре, приступив к работе, Званцев убедился в правоте слов Иосифьяна. Если прежние его приказания выполнялись мгновенно и безоговорочно, то теперь требовали согласования и обсуждались на парткоме.

А однажды его вежливо пригласили зайти в районный отдел госбезопасности.

Он был неподалеку от института, и Званцев пешком направился по указанному адресу, полагая, что интересуются крымскими подробностями.

На первом этаже никого не было. Казалось, здание полностью опустело – все ушли на фронт.

Званцев нашел дверь с нужной фамилией на табличке. На стук никто не ответил, а кабинет оказался пустым.

Званцев решил ждать. Огляделся: канцелярские столы, залитые чернилами, придвинуты друг к другу. Он достал из-под одного из них стул и сел.

– Встать! – услышал он грубый окрик.

Поднявшись, он увидел молодого щегольски одетого капитана, который, не глядя на него, сел по другую сторону стола, вынул лист бумаги из ящика, чернильные принадлежности и произнес:

– Садитесь и на время допроса сдайте оружие.

Званцев, вернувшись с фронта, носил громоздкий маузер в деревянной кобуре, на которой было выжжено его имя и слова «Крымский фронт».

– Оно именное, товарищ капитан, – сказал Званцев, кладя кобуру на стол и вспоминая, как генерал Хренов уже в Москве передал ему это оружие со словами: «В благодарность за службу!»

– Не товарищ капитан, а гражданин следователь. Таков порядок, – поправил капитан, отодвигая кобуру подальше от Званцева. – Приступим к допросу. Предупреждаю: никаких разъяснений и комментариев. Будете отвечать четко: «подтверждаю» или «не подтверждаю». В отличие от распространяемых нашими врагами легенд, я не потребую от вас кого-либо обличать или приписывать себе действий, которые вы не совершали.

– Я готов, капитан.

– Гражданин следователь, – еще раз поправил следователь.

– Слушаюсь.

– Итак. Подтверждаете ли вы, что общались с врагами народа Бухариным и Пятаковым в 1931 году?

– Подтверждаю, но я лишь спросил у них дорогу.

– Я не записываю, о чем вы с ними говорили. Повторяю, вы разговаривали с ними? Подтверждаете?

– Это подтверждаю, – неуверенно произнес Званцев.

– Прекрасно. Дальше. Подтверждаете ли вы, что общались с расстрелянным врагом народа Тухачевским?

- Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
- Я был направлен к нему товарищем. Орджоникидзе.
 - Который в страхе разоблачения застрелился, – перебил его капитан. – Итак, подтверждаете ли вы свою связь с Тухачевским?
 - Подтверждаю, что был в его кабинете, куда меня пропустил Буденный, уступив свою очередь.
 - Я не о Буденном вас спрашиваю. Будьте кратки. Подтверждаете?
 - Факт подтверждаю.
 - Подтверждаете ли вы, что в течение ряда лет вводили в заблуждение государственные органы псевдоизобретением некоего электроорудия? Подтверждаете ли, что из этой затеи ничего не вышло?
 - Подтверждаю, что пока не вышло.
 - Лишние слова я буду вычеркивать, – пригрозил капитан.
 - Дальше. Подтверждаете ли вы, что извлекли личную выгоду из пустой идеи с электропушкой, получив международную премию?
 - Получение премии за киносценарий «Аренида» подтверждаю.
 - Он построен на применении электропушки?
 - Это подтверждаю.
 - Дальше. Подтверждаете ли вы факт своей поездки за границу, где вы продемонстрировали нашим идейным врагам принцип секретного оружия – магнитофугу?
 - Не саму магнитофугу, а лишь ее действие.
 - Подтверждаете ли вы, что американцы видели эффект модели электроорудия, замаскированной диорамой?
 - Присутствие магнитофуги в диораме в советском павильоне Нью-Йоркской выставки в 1939 году подтверждаю.
 - Подтверждаете ли вы, что, возвращаясь из Америки, задержались в Париже на две недели?
 - Подтверждаю, что имел на это разрешение.
 - Но факт задержки подтверждаете?
 - Да.
 - Подтверждаете ли вы, что, прибыв с Урала в Подлипки, остановились на квартире инженера Шефера, немца по национальности.
 - Подтверждаю. Мы знакомы с Белорецка.
 - Меня интересует подтверждение факта.
 - Факт подтверждаю.
 - Подтверждаете ли вы, что женились на его дочери, несмотря на его арест как врага народа?
 - Жениху свою подтверждаю до его ареста.
 - Подтверждаете ли вы, что, являясь рядовым, стали носить с начала войны форму военинженера третьего ранга?
 - Это звание мне присвоили вместе с назначением на должность помпотеха комбата 39-го саперного батальона.
 - У вас есть приказ об этом?

– Только удостоверение и приказ командующего Московским военным округом о предоставлении мне, военинженеру III ранга, особых полномочий.

– Бывший командующий Московским военным округом арестован.

– Этого не знаю.

– Продолжим. Подтверждаете ли вы, что придуманные вами электроторпеды не были применены для обороны Москвы и изготовлено их напрасно большое число?

– Подтверждаю, что здесь они не были применены.

– Подтверждаете ли вы, что и на Крымском фронте вы не использовали всю предоставленную вам технику и взорвали ее?

– Подтверждаю, что получил такой приказ.

– У вас он есть на руках?

Званцев пожал плечами:

– В тех условиях приказы отдавались, а не писались.

– Подтверждаете ли вы, что, находясь в руководстве секретным институтом, взяли на работу дочь репрессированного полковника царской армии, адъютанта кровавого Николая II, названную Татьяной в честь дочери царя, расстрелянной в Свердловске?

– Подтверждаю, хотя и не знал об этом.

– Но должны были знать. Поставим на этом точку. Подпишите. Здесь только то, что вы подтверждаете.

Званцев пожал плечами, прочитал искусное творение капитана и подписал лист, потом второй, поскольку на одном вопросы не уместились, и сказал:

– Но это не может служить обвинением.

– А это уж как решит чрезвычайная тройка.

Капитан выдвинул ящик стола и спрятал в него кобуру с именованным маузером.

– Теперь пройдите в соседнюю комнату и подождите. За вами придет конвой и отведет вас в камеру предварительного заключения. Машины свои мы отдали фронту. Придется пешком. Ваши институтские тревожить не будем.

– Позвольте, но на каком основании? Если я иду под суд, то имею право...

– Вы имеете одно право – ждать в камере предварительного заключения на Лубянке решения тройки. А ее дело вызывать вас для предъявления своих прав или не вызывать.

Званцев понял, что сопротивление бесполезно.

– Могу я позвонить Иосифьяну?

– Мы сами известим его, – успокоил Званцева капитан. – Идите, – приказал он.

Званцев, еле сдерживаясь вышел в соседнюю совсем пустую комнату, куда только через час явился веснушчатый парень с винтовкой, который и сопровождал Званцева до Лубянки, именованной площадью Дзержинского.

Там пустоты не было. Конвойный передал арестованного, и его заключили в опрятную камеру, где он через неделю узнал, что приговорен чрезвычайной тройкой к десяти годам пребывания в лагере особого режима. Его не сочли нужным ни вызвать, ни допросить.

И только через сорок лет после Победы над Германией сидел в президиуме торжественного собрания седой Званцев рядом с седым Иосифьяном в родном,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org ими созданном во время войны в институте и слушал выступление увещанного орденами полковника в светлой парадной форме, который сообщил, что в бытность его лейтенантом он командовал подразделением, вооруженным сухопутными торпедами, созданными и изготовленными в этом институте. И эти торпеды пробили брешь в Ленинградской блокаде, взорвав доты, уничтожившие не одну тысячу солдат Красной Армии, пытавшихся выручить осажденных и погибающих с голода ленинградцев.

То, что не под силу было ни авиации, ни артиллерии, ни пехоте, сделали задуманные когда-то Званцевым и осуществленные вместе с Иосифьяном танкетки, взявшие начало от поступившего с мобилизационного пункта полуторатонного вездехода.

Иосифьян горячо поздравил старого друга с признанием его заслуг, за которые тот горько поплатился.

Прошло еще десять лет, и уже старому Званцеву была вручена особая настольная изобретательская медаль, получение которой он разделил с такими знаменитыми изобретателями, как профессор-глазник Святослав Федоров и академик Меркулов, создатель авиационных двигателей. Званцеву эта награда была дороже всех его пяти орденов.

Выступление полковника, записанное на магнитофонную пленку, было преподнесено институтом Званцеву, его первому главному инженеру, как памятный подарок.

Но полвека назад в то клокочущее военное время начальник главного управления «СМЕРШа» вызвал к себе адъютанта и передал для вручения генерал-секретарю Берия служебную записку такого содержания: «Путина началась. Первый вагон с уловом отправляется по назначению. Абакумов».

На этой зашифрованной записке Берия начертал резолюцию: «передать мне перечень пойманных рыб с указанием их пород. Подготовить садки для их содержания, а также указать, для каких блюд они годятся». В 1951 году Абакумов, занявший в 1946 году пост Берия, был смещен за фальсификацию дел против невиновных. В 1954 году судим и расстрелян.

Новелла седьмая. Служили грядущему

Ох, тяжкое время придет для ученых.
Духовно убогим понять ли их роль?
Сквозь гордость и горечь прорвется ли стон их?
И лишь для войны о них вспомнят порой.
Нострадамус. Центурии, V7, 7.

Перевод Наза Веца

У зарешеченного окна вагона стоял военинженер Званцев и грустно смотрел на убегающие назад телеграфные столбы. Провода между ними колебались мертвой зыбью, то поднимаясь, то опускаясь. Расстилающиеся за окном поля словно медленно поворачивались, как исполинский диск с осью вращения за горизонтом. Вблизи быстро, а поодаль медленнее убегали назад деревья, домики, дороги, ведущие куда-то вдаль.

Горькой тяжестью давило Званцева сознание грядущих десяти лет заключения. Подумать только, как ловко вывернулись наизнанку действительные события и помыслы его жизни. И получилось, что он, стремящийся жить и работать для всеобщего блага, – «враг народа».

– Простите, – услышал он голос за спиной. – Вы не Званцев?

Званцев обернулся и обомлел:

– Вы? Академик? Здесь, в арестантском вагоне?! – ужаснулся он. – Как же вы попали сюда?

– Очевидно, так же, как и вы. Сами-то вы вину свою признали?

– Я признавал только факты, объяснить которые мне не дали. В частности, изобретение электроорудия, из-за которого меня и направил к вам Иоффе. Я консультировался у вас по поводу жидкого гелия, мечтал использовать его для сверхпроводимости, накапливающей требуемую энергию в магнитном поле.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

- Помню, помню. Я показывал вам свой турбодетандер.
 - Вы тогда ошеломили меня, погрузив руку в невероятно холодную струю жидкого гелия, вытекающего из вашего устройства.
 - Обычный фокус! Образующийся в первый момент слой газообразного гелия защищает кожу от последующего его воздействия.
 - Как же можно было оставить без вас ваш институт?
 - Кто с этим считается? Мы с вами зеки молодые, не усвоили еще местных традиций, по которым не принято спрашивать, кто и за что сюда попал.
 - Но я-то точно за не выстрелившую из-за отсутствия нужной мощности электропушку, за сухопутные торпеды, которые не смог применить ни под Москвой, ни в Крыму из-за изменения положения на фронте и за другие «провинности» такого же рода.
 - У них иные взгляды. А сверхпроводимость вам не помогла?
 - Нет. В Харькове, в лаборатории Халатникова, нашли, что при возрастании напряженности магнитного поля, которое мне требовалось, это явление исчезает.
 - Этого следовало ожидать. А других мощностей для вашей пушки в стране пока нет. Рановато вы ее изобрели. Да и я согрешил по тому же поводу.
 - Вот как?
 - А вина моя в том, что я заявил, повторив слова своего шефа из Кембриджа, лорда Резерфорда, что использование энергии распада атомного ядра для человечества бесперспективно.
 - Позвольте, но ведь именно он открыл расщепление атомного ядра!
 - Его укоряли, что он не видит перспектив собственного открытия. Но я думаю иначе.
 - Иначе?
 - Безусловно. Он смотрел дальше своих критиков. Видел тот вред, который может принести энергия расщепленного атома с полураспадом в десятки тысяч лет.
 - И вам этого не простили?
 - Как видите. Словом, мы с вами «жертвы проблем будущего». Впрочем, мы не одиноки. Я вас сейчас познакомлю с двумя создателями новой техники, вдохновленными вашей идеей стрельбы через океан. Правда, не с помощью электроорудий. Но вы наверняка найдете с ними общий интерес.
 - Копать землю?
 - Не думаю. Полагаю, что неспроста нас собрали всех вместе в одном вагоне. В этом можно увидеть некую злодейскую стратегию.
- Они шли по коридору мимо зарешеченных окон.
- А вы обратили внимание, что арестованных везут в купейном вагоне?
 - Да, и очень удивился.
 - Это потому, что арестанты здесь особые, думаю, собранные вместе не для копания земли, а для решения высоких технологических задач.
- Академик и Званцев подошли к купе, где два их товарища по заключению вели ожесточенный спор, но вовсе не о проблемах новой техники.
- Клянусь вам, Николай Андреевич, что вы не правы, обвиняя человека, которому мы обязаны достижениями первой пятилетки, индустриализацией страны, ее преобразованием вопреки всему рискнувшему строить социализм в

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org одной, отдельно взятой стране, а теперь вставшего во главе наших вооруженных сил, чтобы спасти родину! Нельзя винить его одного в тех промахах и даже преступлениях, которые творятся при нем окружающими его негодяями. Это не может быть отнесено к подлинному гению нашего времени.

– И всех времен, – саркастически добавил Николай Андреевич.

– Помните Пушкина? «Гений и злодейство – две вещи не совместные».

– «Моцарт и Сальери». Вольные слова художника.

– Но у нас-то это все не вымысел художника, а горькая действительность. И все же я утверждаю, что Гения окружают недобросовестные люди, которые в своем стремлении выслужиться, прикрываясь словами верности святым идеям коммунизма, готовы на любые действия, преимущественно в отношении других. Слова вождя об усилении классовой вражды по мере роста наших достижений используются для террора, к которому Гений не причастен.

– Ваша влюбленность в него восхищает, но не убеждает других, по крайней мере меня. Я, создавая самолеты, служу народу, а не тирану.

– В этом основное ваше заблуждение. Гений – это сердце и ум народа, воплощение его мечты о коммунизме. И я горжусь быть его современником.

– Трясаясь при этом в арестантском вагоне, – ехидно заключил Николай Андреевич.

– Где возникла парторганизация коммунистов, – парировал Павел Сергеевич.

В купе вошли академик и Званцев.

– Простите за вторжение незваных, – извинился академик. – Но я привел вам человека, который первым высказал идею межконтинентальной стрельбы.

– Ракетчик? – с живостью обернулся к Званцеву Павел Сергеевич.

– Нет, электромеханик. Хотел создать электропушку, да энергии в стране для нее не хватило, – пояснил Званцев.

– Энергия у нас будет. Химическая. Мощность, если подсчитать, у ракеты умопомрачительная.

– Он еще и сухопутные противотанковые электроторпеды придумал, – добавил академик. – Надеюсь, такой человек вас заинтересует.

– Такие ребята нам нужны, – глядя на Званцева, подтвердил Павел Сергеевич.

– Вместе с ним будем создавать завтрашний день с требуемыми мощностями и далеким взглядом. Так ведь? Как ваше имя?

– Званцев. Или просто Саша.

– Так вот, Саша. Мы тут с Николаем Андреевичем спорим, сколько чертей можно разместить на острие булавки, а сами собираемся реактивный самолет создать. Очень нужен фронту.

– Да, – подтвердил Николай Андреевич. – И несмотря на слепую любовь Павла Сергеевича к тому, кто может нам дорогу открыть.

– Куда? Из вагона? – осторожно спросил Званцев.

Павел Сергеевич рассмеялся:

– Из вагона и прямо к звездам!

– А я про побег подумал, – признался Званцев.

Павел Сергеевич стал серьезным:

– А вот об этом и не думай. Не для того нас сюда запихнули, чтобы дать такой шанс. Дорога отсюда другая. Через формулу: «Объект – в воздух. Всем – воля!» Понимаешь?

– Группы конструкторские должны мы здесь создать для разработок по различным темам. На блатном языке «шашбашками» их называют. Могу взять вас в группу ракетчиков. Цель – межконтинентальная ракета. Сперва надо модель ее запустить. И за это обещают свободу. А там и вашу идею осуществим. Идет?

– Я готов! – радостно воскликнул Званцев.

– Ну вот и вери найс, – подхватил академик. – Не зря мы с ним у зарешеченного окна встретились. Я тоже готов помочь, не как физик, как инженер.

– Ваши инженерные выдумки в легенды превратились, дорогой наш академик. Один с размаху остановленный маховик в лаборатории Резерфорда чего стоит! Невиданная доселе мощьность! А о турбодетандере и говорить нечего.

Этим возникшим в арестантском вагоне «шашбашкам» суждено было внести немалый вклад в развитие военной техники.

И когда с полигона в бескрайние степи с грохотом обрушившейся при ясном небе грозы поднялось вверх цилиндрическое тело модели «межконтиненталки», как между собой называли ее разработчики, а через некоторое время получено было сообщение о месте падения ракеты, создатели ее обрели обещанную свободу. Товарищ же Берия еще больше упрочил свое положение в Кремле, обвешав подручных орденами.

И снова Званцев вернулся было в родные Подлипки, где начинал по приказу Орджоникидзе свою эпопею с электропушкой и где теперь Павел Сергеевич, став Главным конструктором, на месте эвакуированного завода имени Калинина собрал мощный инженерный коллектив, который замахивался не только на другие континенты, но даже на космос.

Однако остаться работать в Подлипках Званцеву не пришлось. Как это уже раз случилось в тридцатых годах, когда к нему пришел молодой армянин с небольшой бородкой, предлагая объединить их усилия для создания электроорудия, и с тех пор их дружба с Андроником Гевондовичем Иосифьяном стала неразрывной, так и сейчас не смог Званцев не принять предложения друга и, распрощавшись с Павлом Сергеевичем, вернулся в созданный вместе с Иосифьяном в самое тяжелое время войны институт.

Профессор Иосифьян принял его с распростертыми объятиями, усадил в кресло в своем кабинете с расписным потолком.

– Я уже знаю все, – говорил он. – Оформить тебя здесь – пара пустяк. Кроме того, нарком помнит тебя и рад твоему возвращению, но...

– Что «но»? – насторожился Званцев.

– Пока тебя не было, все изменилось, Саша. Наши с тобой приемы работы теперь недопустимы. Всюду контроль – и сверху, и сбоку...

– Что значит «сбоку»?

– Парторганизация, с которой нельзя не считаться. А они помнят былую твою, да и мою партизанщину. Тебе хорошо, тебе не сидеть на закрытых партсобраниях, а мне каково? Партдисциплина!.. Так что начинай, действуй, но помни: теперь все не пара пустяк. – Второй раз объяснял это другу Иосифьян.

И Званцев начал действовать. Он сразу почувствовал путы на руках и ногах. Приказы его не выполнялись тотчас, а долгое время обсуждались, тяготила необходимость согласования любых решений с малокомпетентными, но партийными работниками.

С каждым днем все сильнее Званцев начинал чувствовать себя инородным телом в родном институте.

К нему по-прежнему приходили профессора, заведующие лабораториями, с ним совещались, но ему казалось, что поступать они будут по-своему.

Однажды Иосифьян позвал его к себе. Так бывало всегда, и Званцев менее

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
всего подозревал, что ожидало его.

– Так вот, Саша. – начал Иосифьян. – Забирают тебя от меня, разлучают нас.

– Как так? – опешил Званцев.

– Передают тебе через меня вызов наверх, а со мной вроде согласовали, хотя мое мнение никого не интересовало. Вот посмотри, какое тебе дают назначение с производством в полковники.

– Как в полковники? Я же только инженер-майор. Через подполковника сразу?

– А военинженером, как ты, рядовой необученный, стал?

– По занимаемой должности.

– Вот и сейчас готовься. Получаешь важное назначение, а вместе с ним и звание полковника. Видимо, сразу отправишься на фронт. Снова «помпотехом», только теперь не комбата старшего лейтенанта Зимина, а маршала.

– На фронт всегда готов, но с чего ради такое повышение?

– Мы с тобой женский фактор не учли.

– Женский? Ничего не понимаю...

– А помнишь, мы возвращались в 41-м, 16 октября, в Москву, когда все уходило из нее? Девушки зенитной батареи сбили немецкого разведчика, и он, падая, взорвался...

– Помню. Мы еще говорили о девушках, выведивших аэростаты воздушного заграждения над бульваром...

– Вот, вот! Все в аккуратных, выглаженных гимнастерках, в сапожках, в заломленных пилотках. Твой Печников еще сказал, что они без промаха бьют и на войне, и в жизни и что сам он трижды подбит.

– И что же? При чем они теперь-то?

– А ты вспомни, как потом к тебе почти каждый день приезжала товарищ Голубцова, которую намечали к нам парторгом. Все знакомилась через тебя с нашей работой.

– Так ведь ее к нам не назначили.

– Назначили ректором престижного технического вуза. Приглянулся ей видно... твой стиль работы, не считающийся ни с какими ограничениями.

– Ты все загадками говоришь, Андроник.

– А ты знаешь, кто она такая?. Жена Маленкова, заместителя председателя Государственного Комитета Обороны! Вот такая пара пустяк, дорогой.

По прошествии нескольких дней Званцев, получив удостоверение уполномоченного ГКО при 26-й армии II Украинского фронта и облачившись в форму полковника, срочно выехал на фронт.

Так началась новая страница его жизни.

Вместе с передовыми частями III Украинского фронта вступал он в дымящийся Будапешт, участвовал во взятии Вены.

В Вене он предстал перед генералом Гагиным, который координировал действия всех уполномоченных ГКО при различных армиях.

26-я армия принадлежала II Украинскому фронту и должна была занять Австрийские Альпы в провинции Штирия, куда Званцеву и надлежало из Вены направиться.

– Вы, полковник, – наставлял генерал Гагин, статный красивый, воплощение военной интеллигентности, – должны обеспечить демонтаж и отправку в СССР

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
оборудования находящихся в Штирии заводов в компенсацию того ущерба который нанесло нацистское нашествие нашей промышленности, разрушив наши заводы и уничтожив наше оборудование.

Званцев опешил. Он ничего не возразил генералу, но эта роль пришлось ему не по душе. Сражаться, разминировать, восстанавливать взорванные мосты и дороги он, как инженер, был готов. Но забирать оборудование с австрийских заводов, в то время как сама Австрия была аннексирована Гитлером во время аншлюсса, казалось Званцеву недостойным, хотя война есть война и разрушения, оставленные гитлеровцами в оккупированных районах его страны, бесспорны. И все же...

Не решаясь ни с кем поделиться своими переживаниями, Званцев вернулся в свой номер в гостинице «Бристоль», предоставленный ему по его положению. В дверь без стука вошел высокий подполковник, в котором он узнал своего друга и однокашника Колю Поддьякова, с которым вместе они, окончив институт, приехали в Белорецк. Коля стал там начальником литейного цеха и первым помощником Званцева, главного механика.

Званцев обрадовался, но несколько не удивился, Поддьяков теперь был управляющим Всесоюзным трестом Союззапчермет, обеспечивая металлургические заводы запасными частями, о чем они всегда мечтали в Белорецке.

– Прикомандирован к тебе, товарищ полковник! – объявил тот.

– Знаешь, Коля, зачем мы здесь? – спросил Званцев.

– Знаю, – коротко ответил Поддьяков.

– Вот и я сегодня узнал. И места себе не нахожу. Мародеры мы.

– Дурак ты, Саша, хоть и полковник! – решительно заявил старый друг. – Я тебя насквозь вижу, за призрачную этику цепляешься, писатель?

– Да какая там этика! Скажешь, что война – это убийства и грабежи?

– Не грабежи в нашем случае, а взятие трофеев, за которые нами сполна заплачено ох какой кровью. Да ты сам кровь эту видел на Керченской переправе. Знаю, что у тебя и пилотка, и гимнастерка прострелены.

– Да мне там что! Разве что вымок.

– Вот и теперь тебя надо головой в воду сунуть, чтобы очухался, уполномоченный ГКО. Ньюни готов распустить.

– Да меня, Коля, смущает, что заводы-то австрийские.

– А что на них делалось и для кого, как ты думаешь? Детские колясочки? Нет, брат, – «тигры» и «пантеры», которые на Курской дуге на нас черной саранчой библейской перли. Мы с тобой и должны взять то, что по праву принадлежит победителям, выстоявшим в невиданной схватке и сполна заплатившим слезами да кровью. И вправе теперь взять то, чем нашу страну ранили.

– Ну, не знаю, кто из нас писатель. Ты прямо веер передовых для центральных газет раскрыл.

– Ладно, не надо ссориться, – примирительно сказал Поддьяков. – Давай собирайся. «Виллис» там нам дали и группу офицеров, в том числе известных промышленников. Так что держись, не подкачай!

Званцев сам сел за руль «виллиса», рядом майор Асланов (директор Московского почтамта), которого назначили начальником штаба их группы. Сзади подполковники Поддьяков и Коробов (из знаменитой семьи металлургов, директор Днепропетровского завода) и солдат-шофер. На лобовом стекле красовался правительственный пропуск на право безостановочного проезда через все контрольные пункты.

Проезжали небольшие города, селения, контрольные посты, где строгие ко всем девушки с автоматами, в лихо заломленных пилотках, отдавали им честь, не останавливая.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Наконец выехали на вьющуюся серпантином дорогу. Австрийские Альпы. Крутые стены справа, пропасть слева. И там внизу цветущая долина, игрушечные домики на горных склонах. Штирия. Здесь, на стыке II и III Украинских фронтов, должна расположиться 26-я армия.

Дорогу выбирали по карте, которая вывела их в город среди гор – Брук-на-Майне, том самом Майне, на котором стоит и Франкфурт. Здесь эта крупная в Германии река была узким бурным потоком, перекинутый мост через который вывел к небольшой гостинице, где и обосновалась группа Званцева.

В этом австрийском городе Званцев оказался самым старшим по званию офицером Красной Армии и по положению должен был стать комендантом города, к чему менее всего был расположен.

Однако в маленькую гостиницу, занимаемую его штабом, явилась делегация напуганных горожан во главе с бургомистром, просивших защитить местных женщин, ожидая обещанных гитлеровцами насилий со стороны входивших в город солдат Красной Армии.

Званцеву доложили, что вблизи находится лагерь угнанных из Советского Союза для работы здесь женщин. И первым актом нового коменданта города было распоряжение о роспуске лагеря.

Впоследствии ни одной жалобы на насильственные действия победителей коменданту города не поступило.

Комендантская деятельность Званцева закончилась вызовом в расположенный неподалеку штаб 26-й армии, где, явившись к командующему армией, генерал-лейтенанту Гагину, он получил «добро» на начало работ по вывозу на советские заводы оборудования.

Утром Поддьяков явился к Званцеву:

– Поехали в Капфенберг, тут близко, я уже там был. Вывеску тебе одну покажу для успокоения души, – предложил он.

На металлургический завод в Капфенберге поехали вместе с Ильей Коробовым.

Вывеска, которую обещал показать Поддьяков, оказалась огромной сеткой над воротами завода, на которой золотыми буквами значилось: «ГЕРМАН ГЕРИНГ».

– Вот это да! – воскликнул Званцев. – Выходит дело, второй человек в национал-социалистическом рейхе – крупный капиталист?

– Это «хобби» такое у толстого летчика, – заметил Поддьяков. – Наш долг разделить эту «селедку», как переводится его имя.

Все вместе они осматривали цех с прокатным станом, напомнивший Званцеву Белорецкий завод, в который он был по-юношески влюблен, впрочем, как и Поддьяков. Тот еще шутил, что такая любовь, хоть и вдвоем, ревности не вызывает. Он любил балагурить в любой обстановке.

Заводы в Штирии оказались по преимуществу немецкими. На них немцы использовали дешевую австрийскую рабочую силу и пригнанных из Советского Союза подневольных рабочих.

– Ну, что я тебе говорил! – восклицал Поддьяков. – Надеюсь, дамские слабости у тебя прошли?

Неожиданно Поддьякова срочно отозвал в Вену генерал Гагин, как раз перед назначенным совещанием с инженерами завода в Капфенберге.

– Да ты и без меня справишься. Вспомни, как во время аварий в Белоречке командовал! И не церемонься с ними, к тебе ведь геринговские холуи придут.

Поддьяков умчался в Вену, и немецких инженеров Званцев принимал один.

Когда руководители завода собрались у бородатого оберста (полковника), директор геринговского завода встал и с достоинством произнес, очевидно заранее подготовленную фразу:

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Герр оберст! Мы не сомневаемся в гуманности Красной Армии, освободившей Австрию от гитлеровского ига, мы рассчитываем, что завод наш будет сохранен, и слухи о его демонтаже не подтвердятся.

Званцев говорил по-немецки и задал директору вопрос:

– Скажите, какую продукцию выпускал ваш завод?

– О, герр оберст, самую мирную! Листовой прокат. Для различных нужд промышленности.

– Промышленности, выпускающей из вашей мирной продукции танки, которые крушили наши дома, давили наших людей, разрушали наши заводы.

– Но, право же, герр оберст, рабочие и инженеры завода в Капфенберге не могут нести ответственности за деяния гитлеровских армий.

– Не могут? А кто вооружил эти армии? Или они шли на нас с дубинами?

– Разумеется, нет.

– Тогда, разумеется, герр инженер, вам придется нести равную ответственность за ущерб, нанесенный нашей стране, за кровь и разрушения, которые сеяли у нас ваши бронированные листы. Поэтому приказываю принять руководство демонтажем и так упаковать все детали, чтобы ни одна из них не пропала, ибо вам же самим придется монтировать стан вновь уже на другом заводе, где с помощью ваших бронированных листов германская армия уничтожила наше оборудование. Если там вы окажетесь не в состоянии смонтировать стан, предупреждаю – вас ждет РАССТРЕЛ.

Инженеры онемели от неожиданности.

Когда в унынии они расходились, Званцев услышат, как они говорили между собой:

– О, простой оберст так говорить не мог. Очевидно, это переодетый маршал Толбухин. Только он мог позволить себе подобные угрозы. И борода у него, конечно, приклеенная!

Как ни нелепо было это предположение, и Званцев никак не мог напомнить маршала Толбухина, но оно распространилось по Штирии. Австрийцам нужно было утешение, а за Званцевым закрепилось прозвище «вице-король Штирии».

Конечно, никто не уполномочивал его на такие заявления, но Званцев действовал с привычной ему решимостью, не задумываясь, что об этом скажут. Для него главным было, чтобы через некоторое время двory завода в Капфенберге заполнились аккуратными пронумерованными деревянными ящиками, ждущими отправки по новому адресу. Просить у командования железнодорожные эшелоны – нечего было и думать, и Званцев поступил по собственному разумению: вызвал к себе руководство двух остановившихся заводов, паровозостроительного и вагоноремонтного.

Те уже были подготовлены к тому, что страшный оберст будет грозить им расстрелом, и были ошеломлены когда он приказал пустить заводы под их ответственность на полную мощность, правда пригрозив суровой карой за невыполнение плана.

И заводы заработали, выдав через некоторое время требуемые железнодорожные составы для отгрузки в Союз прокатного стана и другого оборудования.

Работа уполномоченного ГКО при 26-й армии кипела, персонал гостиницы удивлялся непостижимой работоспособности оберста, с раннего утра и до ночи носившегося в своем «виллисе» по серпантину альпийских дорог, попевая всюду, – работы велись не только в Капфенберге.

Однажды к полковнику Званцеву прибыл офицер штаба фронта с секретным приказом.

Званцев усадил в свой «виллис» прибывшего офицера и, вызывая у того головокружение, помчался с ним по альпийской дороге в город Юденбург, граничащий с расположением английских войск, вошедших в Австрию с другой

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
стороны.

Останавливаясь по пути в штабах дислоцированных здесь дивизий, офицер передавал приказ подняться по тревоге и начать артиллерийскую подготовку «по английским позициям».

Званцев уже знал, что снаряды в расположении англичан не разорвутся и что по просьбе союзного командования будет только инсценировано военное столкновение британской и Красной армий. Англичанам это понадобилось для взятия конного корпуса генерала Шкуро, о котором Званцев лишь слышал как о враге во время Гражданской войны. Шкуро не желал признать капитуляции немецкой армии и отказался разоружиться. Но, узнав о конфликте англичан с русскими и о начале военных действий между ними, согласился войти в полном составе в британские войска и воевать на их стороне.

Англичане, ссылаясь на свои традиции, объявили генералу Шкуро и находившемуся с ним атаману Краснову, что их корпус не может войти в состав британской армии в военном обмундировании и с оружием врага. Предстояло всем конникам сдать немецкое оружие и получить новое обмундирование на складах по ту сторону реки, разделявшей на две части город Юденбург.

На самом деле по другую сторону реки стояла уже Красная Армия, и там же находится подопечный уполномоченному ГКО Званцеву завод.

Полковник Званцев и офицер штаба фронта стояли на пригорке над мостом, по которому должна была проследовать автоколонна с личным составом конного корпуса генерала Шкуро.

Первой на видимый с пригорка мост въехала легковая машина.

К ней, остановившейся сразу после моста, подошел советский офицер и открыл дверцу, предложив выйти невысокому человеку в форме немецкого генерала.

Оглядевшись и увидев вокруг себя советских пограничников в зеленых фуражках, тот смачно и непристойно выругался на чистом русском языке и бросил генеральскую фуражку с высокой тульей оземь.

– Опять эта сволочь англичанка обманула! С заднего сиденья выбрался атаман Краснов в царской казачьей форме, бурке и фуражке с красным околышем. Он молчал, зло оглядываясь вокруг.

Следом за легковушкой командующего один за другим через мост переехали безоруженные конники корпуса Шкуро.

Их направляли в опустевшие заботой Званцева цеха завода, превращенного временно в лагерь военнопленных.

Полковник Званцев вместе с офицером штаба фронта и командованием, принявшим пленных, обходили цеха.

Званцев прислушивался к знакомой ему по лагерю блатной речи заядлых уголовников, пересыпаемой матерной бранью. Пленные кляли все на свете: и англичан, и русских, и Гитлера, и Сталина, попав в ловушку англичан, в свое время сумевших взять в плен самого Наполеона Бонапарта.

Миссия уполномоченного ГКО была завершена, и он, в сопровождении того же офицера штаба фронта, возвращался обратно в Брук-на-Майне. Впереди, не давая себя обогнать, двигалась груженная чем-то автомашина.

Званцев, сидя за рулем и пытаясь обойти впереди идущую машину, удивил офицера штаба репликой:

– Как хотите, но эта «победа» добыта не в честном бою.

– Как вас понять, полковник?

– Это не по законам воинской чести! Ложь и обман не могут быть оправданы даже на войне.

– Но война – это «узаконенное беззаконие», по чьим-то словам.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Неправда! Даже война имеет свои законы: уважение красного креста и белого флага, неприкосновенность парламентариев, гуманное обращение с военнопленными, неприменение, скажем, отравляющих газов. Еще князь Святослав объявлял половцам: «Иду на «вы»!»

– То-то Гитлер, напав на нас ночью в сорок первом, направил предупредительное послание Сталину.

– Гитлер – негодяй и преступник и не может служить нам примером. Не должны мы таких копировать, не должны! Не должны!..

И Званцев раздраженно, словно подтверждая свои слова, стал сигналить впереди идущему грузовику, чтобы тот дал дорогу, поскольку встречная полоса была занята машинами с красными крестами.

Шофер грузовика услышал требовательные сигналы сзади и стал съезжать на обочину.

В этот миг глаза Званцева ослепила яркая вспышка.

Грузовик перед ним подскочил в воздух и рухнул на шоссе. Званцев нажал на тормоза, но было слишком поздно, и «виллис» на всем ходу врезался в останки подорвавшейся на mine машины. Званцев ударился грудью о рулевое колесо, а головой в лобовое стекло, треснувшее от удара, колено уперлось в твердый металл над педалями. Тело пронзила острая боль. Глаза залило кровью. Он не помнил, как выбрался наружу, сел на обочине над пропастью, потеряв представление о времени.

Как через ватную стену слышались Званцеву девичьи голоса, и в его сознании один за другим вставали образы девушек: то тех, что вели за канаты аэростат воздушного заграждения, то молоденькой санинструкторши, застрелянной на переправе через Керченский пролив, то прелестное лицо принятой им на работу в институт девушки, вдруг теперь вспомнилось, что имя дано ей отцом в честь своей первой любви к великой княжне Татьяне.

Словно откуда-то издалека донесся разговор:

– Полковничек-то, бедненький. Не жилец, видать...

– Пассажир-то уцелел. Вон он стоит над разбитой машиной. Как их угораздило? Сотни машин по дороге прошли...

– Так впереди них грузовик на mine подорвался, когда на обочину съезжал, пропустить их, видно, хотел, – объяснял мужской голос.

– Носилки, носилки сюда, – тоненьким голоском звала девушка.

Голоса смешались, Званцев потерял сознание. Пришел в себя он на операционном столе.

– Очнулся? – спросил хирург, склонившись над ним, – Ты хоть стони, полковник, чтобы я знал, что ты живой. Дай-ка, сестра, ему спирта, наркоза-то у нас нет.

– Восемнадцать ран, товарищ полковник, – докладывала сестра. – Все сразу обрабатывать будем?

– А как вы думаете? – ворчливо отозвался хирург.

Потом шли медленные дни выздоровления.

Штаб 26-й армии полковник Званцев нагнал уже в Румынии в начале августа 1945 года.

Опираясь на палку, он явился к генерал-лейтенанту Гагину.

– А борода где? – встретил его тот. – Без бороды тебя не так бояться будут. Здоровье как? Под счастливой звездой родился! Мне тогда докладывали, что не жилец ты на белом свете. Хирург рассказывал: ты даже уже и не стонал, когда он тебе голову склеивал.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Да нет, товарищ генерал, выбрался, а стонать стыдно было... полковник все-таки.

– Всем бы так мыслить. Теперь как? В Москву поедешь – опять за руль сядешь?

– Так точно, товарищ генерал.

– Ну, молодец! Получил благодарность за раскулачивание Германа Геринга? Он-то, наверное, тебя заочно к расстрелу приговорил.

– Да ему самому от пули не уйти. Я слышал – судить их будут международным трибуналом.

– Будут, на открытом заседании, чтобы весь мир знал.

– Разрешите идти, товарищ генерал?

– Книжку свою пришли непременно, обещал!

– Я выполню. Адрес ваш сохранил.

– Значит, «Палящий остров»? Посмотрим, чего ты там накрутил! Ну, счастливого пути, и смотри, без аварий.

– До свидания, товарищ генерал.

Генерал Гагин обнял Званцева и потрепал по плечу:

– Генерал-полковнику Хренову, если увидишь, от меня привет передай. Умнейший человек. И мягкий и жесткий одновременно.

– Это так, – согласился Званцев.

В Москву Званцев прибыл во главе колонны автомашин, которые передал институту Иосифьяна вместе со всем тем, что сумел подобрать для его лабораторий.

– Наконец-то вернулся! – радостно встретил его Иосифьян. – Столько времени я без главного инженера как без рук. За трофейное оборудование спасибо. Не забыл нас «вице-король Штирии».

– Откуда тебе известно это прозвище?

– Сороке долететь – пара пустяк! С палочкой ходишь? Колено как? А голова? Соображает?

И, отводя глаза в сторону, добавил:

– Тут опять твоей работой интересуются из районного отделения госбезопасности. Просили меня передать, как появишься, чтобы к ним наведаться.

В знакомом районном отделении госбезопасности Званцев встретился уже с другим капитаном, голубоглазым и вежливым. Он усадил Званцева перед собой и протянул ему лист чистой бумаги:

– Попрошу вас, полковник, перечислить все личные вещи, привезенные из-за границы.

Когда Званцев протянул ему список, капитан сделал удивленное лицо:

– Что? Только один чемодан и соломенная шляпка?

– Да. В Вене купил.

– Надо думать, для тезки одной великой княжны? – хитро подмигнул капитан.

– Вы подали мне хорошую мысль.

– А другие ваши коллеги-уполномоченные, – доверительно сказал капитан, – вагонами везли личное имущество, мебель и всякое...

Званцев не знал, как принять слова капитана: за упрек или за одобрение, вопросительно посмотрел на него и оглянулся на дверь. Конвойного на этот раз не было.

– Так не останешься со мной, Саша? – спросил Иосифьян.

– Нет, мой дорогой академик! Рад поздравить тебя с этим званием. Но не ко двору я уже здесь. Сознайся. Даже чекиста разочаровал.

– Может быть, ты и прав. Сценарий у тебя получился, роман популярным стал. Во Франции, в газете «Юманите» печатают. Значит, тебе в литературное яблочко попасть – пара пустяк.

– Не скажи. Но пробовать буду. Не теряй меня из виду, я ведь и в литературе инженером останусь.

Иосифьян обнял старого друга, словно тот уезжал за тридевять земель, а не оставался в той же Москве.

– «Твори, выдумывай, пробуй!» – по Маяковскому напутствовал он. – Помни, как мы с тобой институт создавали в пустой Москве. НИИ имени Юлия Верна.

Друзья расстались.

– Мы с тобой еще в Академии наук встретимся. Так держать! – на прощание сказал Иосифьян и добавил: – Как «двигатели прогресса»!

Но не встретились друзья в Академии наук.

Званцев в глубокой старости пережил своего друга и остро переживал его кончину, повергшую в траур разросшийся Всероссийский научно-исследовательский институт электромеханики, когда-то созданный им вместе с военинженером Званцевым.

А фантасту Званцеву Международная академия информатизации при ООН присвоила звание почетного академика...

Получая это звание, он шутливо повторил слова, сказанные в начале века в Российской академии наук Хвольфсоном:

– Между почетным академиком и академиком такая же разница, как между милостивым государем и государем. Но и на том спасибо.

Но диплом он получил «международного академика». Ему вспомнили и его собственные изобретения, и множество подаренных изобретателям идей в его книгах, увлекающих молодежь стремлением к новому.

В ответ на эти признания Званцев неизменно отвечал:

– Всегда служил грядущему.

Новелла восьмая. Звезды наездник

Мы знали только счет созвездьям,
Но вижу я, придет пора.
И человек, "звезды-наездник"
Откроет путь к иным мирам
Нострадамус, Центурии, IV, 25.
Перевод Наза Веца

Этого человека знает и видел весь мир. Во многих странах ему оказывались почести большие, чем завоевателям полумира Александру Македонскому или Наполеону.

На площади его имени красуется уходящий в небо тонкий пилон, увенчанный скульптурой человека Земли, готового к прыжку к звездам.

С некоторых пор на маленьком столике полярного летчика Северного воздушного флота, старшего лейтенанта, появилась под стеклом вырезка из газеты «Правда» за 15 июня 1958 юла со статьей писателя Александра Званцева «ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ»:

«В таинственном мире космоса, в беспредельном просторе миллионов световых лет, среди сверкающих центров атомного кипения материи, среди звезд, живущих или рождающихся, гигантских или карликовых, двойных, белых или желтых, красных или голубых, ослепительных или мертвенно-черных и непостижимо плотных, в мире загадочных туманностей, неистовых квазаров и задумчивых лун, среди планет цветущих или обледенелых, диких или цивилизованных, появилось новое небесное тело... появилось не в силу межзвездных катаклизмов, а по дерзкой воле разумных существ...»
В прошлом году был запущен первый в мире искусственный спутник Земли, и мечта, во имя воплощения которой была написана эта статья в «Правде», овладела скромным лейтенантом.

Об этом писателю Званцеву рассказал полковник Генерального штаба, писавший книгу о первом космонавте Земли.

Безвестный тогда еще летчик с наивной уверенностью в том, что сможет быть полезным в космических опытах, когда неизбежно за первым искусственным спутником в космосе появится и человек, которым страстно хотел стать этот старший лейтенант, написал письмо, и оно было получено адресатом. И Главный конструктор, руководивший многотысячным коллективом лучших умов страны и самых умелых рук, поверил наивному упорству в письме полярного летчика и вызвал его в Москву.

Всем известны подробности его полета, как он улетал с обошедшим весь мир возгласом «Поехали!», словно отправлялся на загородную прогулку.

Не всем известны подробности его приземления, когда, выпрыгнув на парашюте из спускающейся кабины, он был взят в плен строгим милиционером и как выручила его появившаяся поисковая группа.

Многотысячные толпы москвичей встречали первого космонавта Земли. Такие же толпы приветствовали его и во время зарубежных поездок с митингами, приемами, банкетами повсюду в его честь.

Совсем немногим известна одна его незаметная встреча. Он должен был выступить по телевидению и перед передачей беседовал с привлекательной дикторшей, когда к ним подошел коренастый человек с маленькой бородкой и спросил:

– Хотите увидеть свою фотографию пяти- или десяти-тысячелетней давности?

Он удивленно посмотрел на подошедшего, потом переглянулся с дикторшей и расплылся в своей обычной, очаровывавшей всех улыбке, сыгравшей, может быть, и решающую роль в выборе претендента на первый полет:

– Боюсь, Александр Павлович, что меня тогда еще не было на свете.

Но Званцев с самым серьезным видом показал ему книгу французского археолога Анри Лота и страницу в ней с фотографией древнего наскального изображения человекоподобного существа в ниспадающем балахоне со складками на шее и в герметичном шлеме с отверстиями для глаз.

– Это изображение выбито более пяти тысяч лет назад на скале плоскогорья Тассили в Сахаре, когда она была цветущим краем. Этот рисунок выполнен в несколько человеческих ростов и, согласитесь, оставляет странное ощущение чего-то могучего.

Гагарин внимательно посмотрел на своего «предшественника» в космосе и сказал:

– Похоже, но не одно и то же.

– Иначе не могло и быть, – отозвался писатель. – Хотя назначение скафандров одинаковое, но выполнены они в разное время и разными цивилизациями.

По просьбе Званцева Гагарин оставил на этой странице книги Анри Лота свой автограф, который писатель хранит как ценнейшую реликвию.

И вдруг после триумфальной поездки по многим странам и оказанных почестей Герою Земли, после того, как он, готовясь к предстоящим звездным полетам,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org решил закончить Академию имени Жуковского, чтобы быть во всеоружии знаний, мир содрогнулся от известия о его нелепой гибели. Совершая учебный полет, он, летчик, зарекомендовавший себя полетами в Арктике, вместе с инструктором, летчиком-испытателем, разбился, и в обломках самолета с трудом собрали тела двух Героев Советского Союза, с почетом похороненных в Кремлевской стене.

Народ горевал и не хотел этому верить, не хотел потерять своего Героя и хотел думать, что он каким-то чудом спасся, может быть, страдает сейчас, но явится, чтобы озарить окружающих своей лучезарной улыбкой...

Именно так Званцев объяснил взволнованное сообщение, с которым пришла к нему его друг – кинорежиссер Неля Алексеевна, мечтавшая экранизировать его роман «Звездный бумеранг».

– Вы считаете, что он погиб? – спросила она о Гагарине.

Званцев пожал плечами:

– Сердцем поверить не могу, но рассудком вынужден признать.

– Напрасно, ангел мой, уверяю вас, напрасно! Можете не верить в чудеса, но в то, что я вам расскажу, должны поверить.

– Не в чудеса?

– Конечно, нет!

– Так во что же?

– Только в то, что я сама узнала во время киносъемок в Казани, в психиатрической больнице.

– Не вижу связи.

– Хорошо, начнем издалека. «Черный ящик» погибшего учебного самолета Академии имени Жуковского нашли?

– Как будто нашли.

– А что там было записано перед гибелью летчиков, сообщили?

– Такого сообщения я не слышал.

– И никто не слышал. А что, если там произошел такой разговор:

«– Юра! Катапультируйся!

– А ты? Без тебя не могу.

– Ты нужнее человечеству. Прыгай. Приказываю. Я должен спасти машину...»

– Но, Неля, дорогая! Это же отрывок из сценария к художественному, а не к документальному фильму.

– Но так могло быть, ангел мой?

– Художник может допустить любую версию, если для этого есть основания. У вас они есть?

– Конечно! Потому и воображаю, как это могло произойти. Он был кому-то неугоден.

– Кому? Почему? Всеобщий любимец!

– Есть у меня предположение. Затаскали ведь его по банкетам. А что, если, захмелев, сказал он своему соседу, подливающему ему вина:

– Довольно мне, и так голова уже, как центрифуга, вертится.

– Пей, пей. Ты же первый космонавт, гражданин планеты Земля!

– Это меня сделали «парнем всей Земли», но это не значит, что я своей страной не интересуюсь.

– А что? Что же тебя, интересует?

– Хрущева жалко! Он полет мой поддерживал, во Внукове меня встречал.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

- Ну и что? Подумаешь. Хрущев!
- Большой и сердечный человек был.
- Это Хрущев-то? Ну загнул, Юра!
- Замечательный был человек. Страну хотел накормить. И зря ему кукурузу в укор ставят.
- Может, и сняли его зря?
- Конечно, зря! Он в коммунизм хотел наше поколение привести. Я ему всей душой предан был.
- Значит, Хрущеву, не Брежневу?
- Брежнев больше звезд имеет, чем я или Никита Сергеевич, но его забудут... или нет, не знаю...
- Значит, тебя не забудут? А его?
- Он – руководитель одной страны на планете, а я, вернее меня сделали принадлежащим всей планете...
- Значит, Брежнев зря Хрущева заменил?
- Да отвяжись ты... – воскликнул Гагарин и уронил голову на стол, разбив при этом свой бокал.
- Его сосед на правах «друга» потащил его в травмпункт, где Гагарину наложили швы на лице.
- Неленька! Вы так говорите, словно сидели с ними за столом.

– Мне это вовсе не обязательно. Я знаю ситуацию того времени. «Шестидесятников», которых давили. Сахарова, которого слушать не хотели. А теперь еще мы знаем признания Семичастного, который в свое время был председателем КГБ и свидетельствует теперь о задании убрать Хрущева, полученном им от Брежнева. Помните, как расправлялись тогда с шестидесятниками. Физическое устранение, высылка или психушка.

Званцев прервал фантазирующую кинематографистку:

- Ну, знаете, это, я бы сказал, некая вольность.
- Эта вольность допущена мной, исходя из документальных сведений, которыми я располагаю.
- Документальных?
- Вот именно, ангел мой! Надеюсь, вы читали в московской газете о телефонном звонке в Звездный городок от какого-то человека, который голосом Гагарина попросил своего бывшего друга навестить его в больнице, где он подлечивает свои нервы, добавив: «Давно мы с тобой не виделись», и назвал друга так, как только Юра знал. Космонавт же из Звездного городка спросил адрес и, доложив по начальству, помчался в психиатрическую больницу.
- Но в газете сообщалось, что он не нашел там Гагарина.
- Потому что пациент, которого ему показали, был выше ростом Юрия Алексеевича и вообще не был им.
- В психиатрических больницах содержатся, как вы знаете, и Наполеоны, и Есенины, и другие исторические личности. Мог там быть и бедняга, вообразивший себя Гагариным.
- А вот и нет! Зачем тогда его увезли в другой город, в Казань?
- Казань? Почему в Казань?
- Потому что оттуда не вызовешь на свидание друга из Звездного городка.
- И он содержится в казанской психиатричке?
- Вот именно! Там я делала съемки для одного документального фильма.
- И вы засняли там Гагарина?
- К сожалению, нет, потому что он, или, как вы все еще считаете, больной, воображавший себя им, увы скончался прежде, чем я там побывала. Но весь медицинский персонал знал его и конфиденциально поделился со мной этим.
- Неля, милая! Но это еще не доказательства!

– А для меня – полная ясность.

Званцев, потрясенный этим разговором все еще сопротивлялся, выдвигая против Нелиной версии свои аргументы.

– Но ведь несколько не меньше оснований поверить, будто спасшийся Гагарин был похищен «летающей тарелкой» и теперь находится в космосе на другой планете, как утверждается в фильме «Планета инопланетян».

– А зачем инопланетянам это нужно? Зачем? В их зоопарке диковинного зверя показывать? Так любой другой человек Земли мог там оказаться с меньшими хлопотами. Американцы утверждают, что чуть ли не пять тысяч человек уже похищено неопознанными летающими объектами.

– Я в это не верю. Высший разум гуманен. Но списать на инопланетян всех без вести пропавших проще, чем их отыскивать.

– А нам надо было разыскивать Гагарина! И чтобы не было таких версий, какую я вам изложила, следовало бы обнаружить запись «черного ящика», предъявить два обгоревших шлема, а пока это не сделано, моя версия, опирающаяся на звонок в Звездный городок и на мои беседы с медсестрами и санитарями Казанской психиатрической лечебницы...

– И с врачами?

– Врачи обязаны придерживаться записей в истории болезни, где значилось: «параноическая шизофрения человека, воображающего себя другим, всемирно известным лицом».

– Да, – вздохнул Званцев, – и мне привелось встретиться с таким.

– Вот как? С кем же, ангел мой?

– Ваш ангел, Неленька, встретился, как и положено ангелу, не с кем-нибудь, а с самим Иисусом Христом, оказавшимся техником по телевизорам из Львова. Он приходил ко мне домой морозным днем без шапки и все хотел рассказать, как он понял, что он-то и есть Иисус Христос.

– И рассказал?

– Желая помочь ему и, честно говоря, освободиться от жутковатого гостя, я, видя его замешательство, посоветовал ему написать об этом в спокойной обстановке без моего присутствия и потом передать мне.

– И он передал?

– Нет, больше я его не видел. Может быть, и впрямь вознесся на небо? – закончил Званцев с улыбкой.

– Вы переводите наш разговор в шутовское русло, а я вам говорю о народной трагедии.

– Но она, может быть, не достовернее шекспировской? Но если серьезно, то как это могло произойти? Чтобы из самолета, вошедшего в штопор, Гагарин попал в психиатричку. Невероятно!..

– Пожалуйста, представлю это вам зрительно. Помните, как первый раз Гагарин приземлялся из космоса?

– Конечно, помню. Королев, желая сохранить Гагарина, не доверял еще парашютному спуску кабины и обязал Гагарина самого выпрыгнуть с парашютом.

– Вот, вот! И помните, его не сразу нашла поисковая группа.

– Да, кажется, не сразу.

– Я отчетливо представляю, как это произошло. Хотите, почитаю?

– Вы что? Свидетельница его приземления?

– Мне достаточно нескольких достоверных вех, чтобы увидеть все детали. Это

– Если написали, то, прошу вас, прочитайте.

– Пожалуйста. – И она раскрыла принесенную тетрадку. Перед Званцевым развернулся зримый эпизод документального фильма, который никем не был заснят.

«Ясный апрельский день. На просторах степей раскинулись засеянные озимыми поля.

Группа девушек в красных косынках стоит около телеги с запряженной в нее белой лошадей.

– Глядите, девоньки! В небо глядите! – кричит курносенькая.

– Парашют, девочки! Как есть парашют! – поддерживает другая. – Откуда спускается? Должно быть, наши опять сбили американского разведчика. А мы и не заметили!..

– Спускается, девочки, спускается! Ей-богу, спускается! В синем небе белеет пятнышко парашюта.

– Нюрка, распрягай коня. Скачи за властью, – распоряжается высокая, очевидно бригадир или звеньевая.

Парашют спускается все ниже и ниже. Гагарин умело приземляется, садится на землю и любовно загребают ее в горсти, черную, теплую, рассыпчатую.

– Шпион, девоньки! Шпион с У-2, никак! – хором кричат всем звеном девушки. Одна из них вскакивает без седла на белую лошадь и скачет через поле.

Высокая, бригадир или звеньевая, угрожающе направляет вилы в сторону парашютиста.

– Не подходи, заколю!

– Да что вы, девушки! Свой я, свой, – убеждает тот.

– Вот Нюрка приведет милицию, тогда и посмотрим какой ты свой. Чего лыбишься? Нас этим не проймешь.

– Да из космоса я, красавицы мои! Лучше воды дайте испить. Жарко мне в скафандре.

– Ишь как по нашему лопочет. Выучился. Из космоса, говоришь? А какой там у вас флаг? Матрачный, со звездочками?

– Звезды, девочки, и при солнце косматом там видны. Обо всем расскажу.

– Да уж, придется рассказать. Куда денешься? Некуда. Мы покараулим.

Одна из девчат, сердобольная, подходит к незнакомцу с топором в одной руке и кружкой в другой:

– Только попробуй тронь! – грозно сдвинув прямые брови предупреждает она. – Так огорошу, не возрадуешься. Пей уж, тоже ведь животное...

Так и сидит Гагарин, любясь комсомолками и радостно вдыхая запахи родной земли, поглаживая щетину озимых всходов.

Два всадника скачут по полю: девушка-гонимец на белой лошади и милиционер в белом кителе с портупеей – на гнедом коне. Он спешивается, оказавшись завидного роста, солидно расправляет усы:

– А ну, как вас там, гражданин или господин, а то и мистер! Предъявите документы.

Вскочивший Гагарин смущен:

– Видите ли, товарищ. Я из космоса. Для космического полета, казалось, все мелочи были предусмотрены, а вот документами космонавта не снабдили...

– Не знаю, не знаю. Без документов нельзя. И я вам не товарищ, а гражданин. Так что, пройдемте. Шагом марш! Впереди шагайте, извините, пешочком. Потому фордов у нас для вас не припасено, – и строгий страж полей вскакивает в седло.

Девушки провожают взглядами всадника и задержанного «разведчика», а потом всей гурьбой, забыв о дневном задании, бегут следом за ними.

В небе появляется вертолет. Садится на землю. Из него выходят офицеры и все разъясняют милиционеру.

– Предупреждать надо в таких случаях, – ворчит тот.

– Так ведь строго секретно, – объясняет майор госбезопасности.

Девушки окружают недавнего «врага». Каждая рвется расцеловать его.

Курносенькая девушка протискивается к нему:

– Если что, я замуж за тебя пойду.

– Да я женатый, красавица.

– Жаль, – вздыхает девушка. – Поторопился ты...

Историческая встреча на Внуковском аэродроме. Документальные кадры из киноархива.

По ковровой дорожке, раскатанной по летному полю, идет невысокий вчерашний старший лейтенант, теперь в полковничьих погонах. Останавливается перед группой людей у микрофона:

– Товарищ Председатель Государственной комиссии...

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Кадры триумфальной встречи Гагарина с народом. Толпы москвичей, пришедших увидеть своего Гагарина, проезжающего в открытой автомашине, стоя рядом с первым секретарем Президиума ЦК КПСС Хрущевым и сидящей с ними в машине женой Юрия Алексеевича».

– Вот так я представляю себе его первое приземление из космоса, – прервала чтение Неля Алексеевна. – А теперь послушайте, как могло выглядеть его второе, и последнее, приземление после катапультирования.

«Над лесом, неподалеку от Киржача, взрывается столб пламени от взрыва врезавшегося в землю самолета.

Перепуганные девушки показывают на дым, поднимающийся из леса.

– Никак, самолет ненашенский сбили? – говорит одна из них.

– Значит, и парашютист чужой? – указывает на небо другая.

С неба на поле спускается парашютист. Быстроногая девушка бегом мчится к ближайшим строениям, остальные спешат к возможному месту приземления летчика.

Но там девушки никого не находят, а видят только свежие следы протекторов на земле и слышат удаляющийся звук мотора.

В кабинете, украшенном портретом Брежнева на стене, усталый, небритый, с осунувшимся лицом, Гагарин раздраженно разговаривает с человеком в военной форме в чине полковника.

– Я курсант Академии имени Жуковского. Летел с инструктором в учебном полете. Самолет пошел в пике. Инструктор приказал катапультироваться. Что вам еще? Свяжитесь с академией, найдите останки самолета и моего друга. Героя Советской Союза.

– Это мы и без ваших советов, гражданин, уже сделали. А насчет Гагарина, позвольте вам сегодняшнюю газету показать с экстренным сообщением Государственной комиссии, установившей гибель Героя Советского Союза, космонавта Юрия Алексеевича Гагарина и его инструктора и друга, тоже Героя Советского Союза, Владимира Сергеевича Серёгина. Не верить ей мы не можем. Тут и портрет Гагарина напечатан. И шрама на лице у него, как у вас, нету. А если вам кажется, что вы Гагарин, то вас надо полечить, санитары сейчас прибудут.

В санитарную машину силой вталкивают упирающегося Гагарина. Она мчится по дороге. На крыше ее световой сигнал...»

– Неленька, вы прекрасный режиссер и сценарист, но трагедия ваша, на беду, не достовернее шекспировской, может быть, и уступает чуточку ей.

– Не переводите всё в шутку, – обиделась неля. – Это слишком серьезно. И потому у меня к вам, как к чуткому человеку и писателю, способному перевоплощаться в своих героев, небольшая просьба. Выполните?

Званцев пообещал.

– Побывайте на площади Гагарина и представьте себе, что мимо памятника ему проезжает он сам в санитарной машине. Что он должен был бы чувствовать и как проявить себя?

– Как?

– Он должен был бы заплакать. Понимаете, этот железный человек, не боящийся ничего на свете, при виде себя там, в высоте, готового к прыжку к звездам, он не мог не заплакать. Я это сердцем чувствую. И вы... вы, писатель, должны это почувствовать. Дайте слово, что сходите на площадь Гагарина.

– Обещаю, милая Неля, не сердитесь на мой скептицизм. Он необходим фантасту, если он верит тому, что пишет.

– Я непременно спрошу у вас, что вы узнали на площади!

Званцев выполнил обещание и побывал на площади Гагарина. Смотря на уходящий в небо тонкий пилон с фигурой человека, готового к прыжку, он представил себе, что это Гагарин, готовый к прыжку в таинственный мир космоса, в беспредельные просторы световых лет, к звездам, зовущим, гигантским или карликовым, к планетам, цветущим или обледенелым. Он готовился к прыжку в мир центров атомного кипения материи и сделал шаг в неведомую область мироздания.

«Так неужели же, – подумал Званцев, – этого редкого человека постигла не просто гибель от несчастного случая, а чья-то злая воля убрала его, слишком яркого рядом с теми, кто хотел бы сиять в истории ярче?»

«Так в каком же мире и в какое время, – мысленно воскликнул Званцев, – жил этот герой, если такое возможно даже предположить, пусть и не желая поверить этому?»

Эпилог третьей повести

Изменяют географию насильно.
Для всех одно учение верно.
Пусть на крутой дороге грязно, пыльно.
И правда – ложь, а белое – черно.
Нострадамус. Центурии. VII, 14.
Перевод Наза Веца

Советский Союз стал могущественной сверхдержавой, выведя первого человека в космос, достигая межконтинентальными ракетами в Тихом океане мест, равноудаленных Американскому континенту, раньше американцев взорвав первую термоядерную бомбу, накопив тысячи и тысячи термоядерных боевых головок. И «ястребам» их Пентагона пришлось отказаться от безумного плана одновременного уничтожения атомными бомбами ста советских городов, когда в один прекрасный день вдруг опустели людные улицы их городов, остановились бесчисленные автомашины, и все люди собрались у телевизоров, с ужасом смотря сенсационный фильм «На другой день», где увидели свою возможную судьбу после ответного удара из Советского Союза.

Эту страну, быть может, многие ненавидели, но все боялись. Без помощи извне в ней свершилось не западногерманское чудо на американские деньги по плану Маршалла, а за счет лишений, труда и энтузиазма народа, вопреки разнузданному террору, восстановлена была разрушенная гитлеровским нашествием промышленность, наука и техника оказались передовыми и даже обгоняющими прославленную Америку.

Однако всякое величие имеет свою оборотную сторону.

Не забыты оказались тяжкие периоды не только Гражданской и Великой Отечественной войн, но и крутые репрессии сталинского периода, когда Берия и его подручные творили чудовищные преступления против лучших людей страны, когда единение всего многонационального народа достигалось цементирующим единообразием обязательного мышления. Неизбежно, как реакция на это, появились течения «шестидесятников» и более поздних из последователей, восставших против попрания общечеловеческих прав и свобод человека.

После разоблачения культа личности Сталина Хрущевым на XX партийном съезде с последовавшей за тем реабилитацией погибших или невинно брошенных в лагеря людей, после двадцатилетнего правления «добрым» Брежневым в Гулаге находилось уже не 1 300 000 человек, как при Сталине, а 1 800 000.

Диссидентское движение росло, породив новую волну русской эмиграции, боровшейся за рубежом. И в самом Советском Союзе назревали события грядущей ломки всего устоявшегося и казавшегося незыблемым.

К 1981 году страна, внешне могучая, вставала не только перед потенциальным противником Запада в «холодной войне», но и перед внутренним, быть может, более опасным противником, рожденным самим строем жизни. Светлую идею коммунизма уже проклинали только за то, что ею прикрывались негодяи, забывая о тех честных людях, которые пали за нее.

Но в Советском Союзе наступал заключительный период его существования, притом без какого-либо внешнего или ядерного вмешательства.

Наступил период последней стадии существования страны, строившей социализм в отдельно взятой стране, сверхдержавы, ядерный потенциал которой остался при ней, несмотря на все произошедшие изменения. В великой стране из угла противоречий сами родились те силы, которым суждено будет все изменить, как это и было предсказано в катренах Нострадамуса:

Мятеж в октябре, как гигантский валун,
Всей тяжестью ляжет на плечи народа.
И семьдесят лет, и три года, семь лун
Нести ему гнет в ожиданьи свободы.
Но не надо думать, что на этом кончатся все тяготы народные...

Когда свобода личности
Зависит от наличности,
Успех народовластия –
От общего несчастья.
Когда в развал, в растащенность
Рак, лебедь, щука тащат нас,
Когда бандитским выстрелом
Страну по струнке выстроят,
А там, вверху не парубки
Друг друга ловят за руки,
А наши первые вожди,
Увы! Хорошего не жди!..
И если так пройдет посев.
То жатва – всенародный гнев.
Автор
Новелла первая. Феномен хамелеона

Мятеж в октябре, как гигантский валун,
Всей тяжестью ляжет на плечи народа.
И семьдесят лет и три года, семь лун
Нести ему гнет в ожидании свободы.
Нострадамус. Центурии, VII,
утраченный 49 катрен, восстановленный по фрагменту послания провидца королю
Генриху II
Наза Вецом
Люба встала с постели первой, не накидывая халата, нагая, уселась на стуле
перед уже проснувшимся Василием Николаевичем и, улыбнувшись ему, стала
набирать номер его домашнего телефона.

– Я вас не разбудила? Это я – Люба. С добрым утром, дорогая Калерия
Сергеевна, – щебетала она. – Я только что примчалась на работу, а Василий
Николаевич со всеми вчера приглашенными до сих пор не выходили из кабинета,
заседают. Дым в кабинете плотнее ваты. Не продохнешь. Хоть бы вы на него
повлияли. Себя не жалеет. А машину за Мишей я уже послала.

Василий Николаевич с недовольным видом, завязывая галстук черед зеркалом,
косился на свою голую секретаршу:

– Хоть бы прикрылась чем, – буркнул он. – Натурщица!..

– Я, Вася, сторонница свободных взглядов. «Долой стыд» – передовое течение,
– потягиваясь и кладя телефонную трубку, вызываяще заявила она.

– Однако это не следует из марксистско-ленинского учения.

– Ах, боже мой! Я и не подумала! – засмеялась Люба. – Моя философия, Вася,
вся в тебе и ради тебя. Сейчас наброшу хламиду поярче. Кофе пить будешь?

– Поздно уже. В кабинет подашь. Николай Мишу отвез, сейчас за мной приедет.

– Ты пройди в свой подъезд через подвальный переход.

– Знаю. Пользовался уже.

Калерия Сергеевна, проведив младшего сына в школу, пила кофе вместе со
своей дочерью, хорошенькой Варварой, которая уже с утра успела позаботиться
о своей внешности. Старший сын Иван после ночных гонок по улице на
мотоцикле, конечно, спит. Его сейчас не добудишься.

Муж Калерии Сергеевны партийный работник. Сама она – руководитель женского
движения в области. Не часто всей семьей садятся за стол. Вот и сейчас надо
торопиться на работу. Калерия Сергеевна подошла к окну и, отдергивая
занавески, взглянула на улицу. К дому подъехала машина Николая, отвезшего
Мишу, а из своего подъезда, не подозревая, что за ним может наблюдать жена,
вышел статный и солидный Василий Николаевич.

Калерия Сергеевна горько усмехнулась: «Не начал еще стареть, самец! Гоголем
держится». Ей давно уже были известны все его хитрости. «Но сколько
наглости у этой Любки! Звонит, будто она уже на работе, а сама сейчас

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org выскочит из соседнего подъезда, подгадает, чтобы второй секретарь Бирюков, с которым она кокетничает, с собой захватил, шлюха!» «Мужики все – павианы, – продолжала она размышлять. – Это у них в природе, ради размножения с помощью многих самок. У французского короля Людовика XV особый министр был, ведающий метрессами. Стоит ли нарушать семейное благополучие из-за какой-то любки-метрессы! Куда опаснее Варин роман с безусым молодчиком, который ни к чему не способен. Любовь? Какая там любовь! Не больше, чем запрограммированное природой влечение самца к податливой самке. Борьба за выживание вида. Спустя какое-то время по завершению природного задания наступит охлаждение. Таков весь животный мир. А человеческий требует еще условий для создания семьи. Терпели же французские королевы всяких «маркиз де Помпадур!» – успокаивала она себя, спускаясь по лестнице.

Из соседнего подъезда выскочила Люба, столкнувшись в дверях со вторым секретарем обкома Бирюковым.

Он, худенький, щуплый, во всем явно уступающий вальяжному Ромову, уже укатившему в обком, увидев Любу, заулыбался:

– Если не возражаете, подвезу.

Люба привычно нырнула на заднее сиденье. А Федор Ильич – она знала – тоже не сядет рядом с шофером, а устроится около нее, блаженствуя от ощущения ее тела и запаха подаренных им же духов.

В приемной первого секретаря собрались все городские власти. Об утреннем заседании Люба еще накануне оповестила каждого из приглашенных.

Василий Николаевич со строгим лицом, кивком отвечал на приветствие входивших в кабинет.

Все расселись за длинным столом, и Ромов открыл заседание.

Второй секретарь вошел в приемную, где уже сидела, прихорашиваясь, Люба, и спросил:

– Как сам?

– Дает жару, – ответила Люба. – Сегодня особенно.

– Это что? Телеграмма? Ему? Давайте я передам, – сказал Федор Ильич, беря со стола бланк, и, взглянув на его содержание, довольно улыбнулся.

Он вошел в кабинет, когда первый распекал директора завода атомной энергетики.

– Ты что думаешь, Петр Петрович, если у тебя все засекречено, то я не знаю о твоём отставании? Дожидаешься, когда я в разговоре с тобой перейду на истинно русский язык... – и он разразился такой многоэтажной бранью, что все присутствующие переглянулись. (Василий Николаевич позаимствовал эти выражения у вышестоящих руководителей и считал этот стиль проявлением высшей деловитости.)

– И не думай, Петр Петрович, что тебя защитит прямое подчинение министру. На партучете ты у нас состоишь, мигом партбилета лишишься. Тогда и министру твоему нужен не будешь. Подтягивай своих. План превыше всего! – Он отхлебнул кофе из чашки и продолжал: – Пора заняться твоими инженерами. Определить, почему срывы допускаются.

Тучный директор завода краснел и бледнел, слушая обращенную в свой адрес речь первого секретаря, встал и, заикаясь от волнения, сказал:

– Василий Николаевич, я охотно подам заявление об уходе, но поверьте, от этого лучше не станет. Я уже сколько времени прошу помочь получить все по кооперации от других заводов. Они нас подводят недопоставками.

– В помощи никогда не откажу. Заведующему промышленным отделом голову оторву, если не поможет. Вот так. Садись, Петр Петрович. Русские выражения пока не к тебе относились. Пока...

Бирюков, уловив мгновение передышки, обратился к первому секретарю обкома

Ромову:

– Василий Николаевич, телеграмма из Москвы. Тебя касается.

– Давай сюда, давно жду. Все свободны.

Люди с облегчением расходились.

– Вот так, Федор Ильич, – сказал первый, когда все разошлись. – Выходит не зря ты к этому креслу присматривался. Отзывают меня в Москву, так что передаю тебе все дела как эстафету и кабинет вместе с Любой. Берешь?

– В порядке партийной дисциплины и по долгу, хоть и понимаю, какую тяжесть ты тащил.

– Ну, в Москве меня ждет, пожалуй, тяжесть еще большая.

– Большому кораблю...

– А что? И поплывем... Люба, машину, – сказал он в переговорное устройство, стоящее на столе.

Бирюков ушел к себе, а в кабинет вошла Люба.

– Василий Николаевич, а как же я?

– С Бирюковым останетесь.

– Нет, я не об этом...

– А я об этом. Машина пришла? Еду домой. Москва впереди.

Люба посмотрела на него взглядом, который всегда магически действовал на ее Васю, но сейчас Ромов даже не обратил на это никакого внимания, слишком он был занят тем, что его ждало.

– Ты вызовешь меня к себе, Вася? – умоляюще спросила она. Ромов усмехнулся:

– Сначала придется корни пустить. Дождетесь ли?

– Я дождусь... – прошептала Люба и понуро вышла из кабинета.

Ромов, выходя с портфелем из кабинета в приемную, бросил:

– Скажете, что я поехал на стройку. Понятно?

– Понятно, – утвердительно кивнула Люба, садясь за свой стол. Она поняла многое из холодного тона Ромова, его обращения на «вы», но не в ее натуре было что-либо выпускать из рук. – Выехал на стройку, – ответила она в трубку зазвонившего телефона.

На Чернобыльской атомной электростанции по вине обслуживающего персонала, нарушившего инструкцию по эксплуатации одного из реакторов, произошел взрыв.

Над АЭС поднялся столб огня и дыма. Загорелась крыша станции. Обстановка была критической. Люди, работающие в этой смене, старались локализовать аварию, сохранить в рабочем состоянии остальные три реактора, хотя осколки взорвавшегося четвертого блока через выбитую крышу и стены рассыпались по прилегающей местности.

Прибывшие пожарные боролись с огнем на крыше станции, ступая по раскаленному покрытию, не подозревая, что оно таит.

Дверь в зал четвертого реактора задраили, нахождение там было бы смертельным. Потом с великим трудом его накроют бетонным саркофагом.

Произошла серьезная авария, если не хуже... Тревожное сообщение полетело в Москву. Первым эту телеграмму получил недавно переехавший в Москву и обживающий свой здешний кабинет в здании ЦК партии новый заместитель заведующего промышленным отделом, в который входил сектор атомной

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
энергетики.

Прочитав сообщение, он сказал заведующему сектором Фирсову:

– Прежде всего секретность. Не допустить паники! У нас на Урале не такое бывало. Обошлось.

Фирсов взволнованно заговорил:

– Но руководители города и соседних поселений понимают что к чему... Им необходимо действовать.

– Что? Труса дают? Так ведь пожарники тушат пожар. Чего еще? Впрочем, если хотят, пусть вывозят семьи, только тихо, без шумихи. Понятно?

Все население города и примыкающих в АЭС населенных пунктов утром после аварии занималось своими будничными делами. Люди, торопясь на работу, отправляли детей в школы и детские сады, заботами Ромова оставаясь спокойными и не подозревая, что происходит вокруг после выпавшего дождя смертоносных осколков и продолжающегося радиоактивного распада вещества.

А руководителям городов Чернобыля и Припяти потребовалось немного времени, чтобы принять решение, как действовать в случившейся обстановке. И персональные машины спешно увозили хозяев с семьями из смертельно опасной зоны, а все рядовые остались.

Утром следующего дня Василий Николаевич Ромов за завтраком беседовал с дочерью Варей об ее школьных делах. Рассказав о своих успехах, она вдруг вспомнила:

– Да, пап. помнишь я тебе говорила про сестру Коли Филимонова? Ну, которая замуж за эквадорца вышла. Она сейчас здесь, гостит с маленькой дочкой у матери. Так вот, представь себе, вчера ей звонил из Эквадора муж, сказал, что в Союзе на какой-то западной АЭС авария и что облако идет на Москву. Требовал, чтобы она с ребенком немедленно вылетела в Эквадор.

– И что, она вылетает? – поинтересовался Ромов.

– Да ну, ерунда, облако какое-то... Ой, я в школу опаздываю, – она, допив кофе и чмокнув отца в щеку, побежала одеваться.

Ромов, приехав на работу, получил от секретаря пачку телеграмм из западных областей страны и соседних государств, обеспокоенных движением радиоактивного облака. А телеграммы все шли и шли: из Финляндии, из Скандинавских стран, из Центральной Европы...

– Паникеры! – злился он. – Только и ждут, когда чуть промахнемся! Звону сразу на весь мир. Капиталисты! И наши туда же лезут со своими претензиями. Не знают, что ли, что пожар потушен?..

– Василий Николаевич, – почтительно пытался разъяснить Ромову положение заведующий сектором атомной энергетики Фирсов. – Здесь дело сложнее обычного пожара. Понимаете, период полураспада образовавшихся при взрыве радиоактивных веществ очень велик. У некоторых сотни и даже тысячи лет... Это катастрофа!

– Ну уж и катастрофа?!

Однако лицо Василия Николаевича Ромова побледнело и как-то сразу обрюзгло. Уж очень серьезен был его подчиненный.

И тут начались звонки. Сверху требовали объяснений произошедшего и доклада о принятых мерах.

Меры были приняты: пожар потушен, паника не допущена...

Но наверху рассудили по-иному, созвав ученых атомщиков, врачей и специалистов нужных профилей. Те потребовали эвакуации всего населения города и прилегающих районов.

Организация эвакуации была поручена Ромову.

Это дело для него было знакомым и понятным. Еще во время войны он занимался эвакуацией заводов и населения на Урал. Кроме того, был причастен к переселению в Казахские степи жителей «республики немцев Поволжья». Теперь этот опыт пригодился. Ромов деятельно распоряжался по телефону, давая указания, как организовать транспортников для вывоза людей из опасной зоны.

– Нельзя допустить вывоза вещей. Все вещи их заражены. Все подлежит дезактивации... – кричал он в трубку телефона.

...Город Чернобыль и Припять, населенные пункты вокруг АЭС будто вымерли. В их обжитых домах, в покинутых квартирах все осталось на своих местах, даже впопыхах брошенные недопитые чашки чая, кое-где горели днем электрические лампочки. Но нигде не осталось ни души, словно страшная эпидемия уничтожила все население. И только зараженные вещи напоминали об исчезнувших жильцах: их одежда, мебель, утварь, да бездомные собаки, воющие на пустынных улицах.

Постепенно шаг за шагом решались проблемы по вывозу, размещению эвакуированных, обеспечению их продуктами, необходимыми вещами, медицинской помощью. Тысячи людей занимались ликвидацией последствий аварии. Сотни из них заплатили за нее своим здоровьем, десятки – жизнью, сколько еще неизвестного ожидало всех. Эвакуация была проведена.

Ромов справился с поставленной перед ним задачей, его действия были даже отмечены как успешные, учитывая его недавнее назначение. Он был, наверное, один из немногих, а может, и единственный, кто извлек пользу из небывалого несчастья, размеры которого все увеличивались с каждым днем.

Когда много времени спустя его дочь Варя принесла домой и показала журнал с фотографией родившегося в зараженном районе ребенка без рук и ног, говоря: «Посмотрите, какое у него прелестное личико. И за что ему такое несчастье?!», Ромов нахмурился и сказал:

– Да, может, это от патентованных лекарств, которыми женщины на Западе уродуют свое потомство?

– А двухголовые телята? – нашлась Варя. – Коров не заподозришь в употреблении зловредных средств.

– Лес рубят, щепки летят, – не сумел ничего другого сказать Ромов.

Теплым летним вечером на скамеечке бульвара Шевченко в Киеве сидели, тихо беседуя, два седовласых человека.

Проходивший мимо милиционер, взяв под козырек, обратился к ним:

– Диды, будьте ласковы, на траву не ступайте. По радио объявляли, дуже опасно.

– Мы знаем, – потеряв лысину, ответил ему один из стариков. – Спасибо. Вот, Саша, где привелось снова встретиться, и в какое тяжкое время, – обратился он к своему собеседнику.

– А помнишь, Федя, то есть твое академическое превосходительство, как мы в одиннадцатибалльный шторм попали на «Куин Мэри»?

– Да, теперь, брат, здешний шторм похлеще того будет. Его баллы еще и не определены.

– Хорошо, что мы теперь встретились, у меня по этому поводу кое-какие мысли появились...

– Какие уж там мысли, когда такое допустили!

– Вот-вот, и я говорю, «допустили». Нельзя строить атомные станции на поверхности Земли.

– А где же их строить? В Космосе, что ли?

– Нет. Там они тоже опасны. Произойдет подобная авария, и все на Землю радиоактивным дождем выльется.

- Что же, ты против мирного использования атома?
- Мирный-то атом, может, опаснее военного. Военный под круглосуточным контролем, а тут...
- У нас инспекторы МАГАТЭ. Они строгие.
- Они, по существу своему, только гастролеры.
- Но техника не может быть абсолютно безопасной. Контроль нужен!
- Да. Самолеты падают, поезда сталкиваются, корабли тонут, происходят и другие катастрофы, но Земля при этом остается в целостности, а каждая серьезная атомная авария – незаживающая рана планеты.
- Ну, ты как всегда, загибаешь!
- Ничуть!
- Человечество все равно энергией обеспечивать надо.
- Знаю, знаю, что ты в числе первых энергетиков нашей страны, поэтому и делюсь с тобой своими мыслями.
- Только, брат, без фантастики. Не обижайся, но я ее не терплю.
- Ты вроде того знаменитого дирижера, который на гастролях, дирижуя местным оркестром, все время морщился. «Первая скрипка» озабоченно спросил его на репетиции:
«Маэстро, вам не нравится наш оркестр?»
«Что вы! Я восхищаюсь вашими виртуозами».
«Мы не поняли вашу трактовку?»
«Я не встречал более чутких музыкантов».
«Вам не нравится программа?»
«Как можно сказать такое о Бетховене!»
«Тогда почему же вы все время морщитесь?»
«Видите ли, коллега, я терпеть не могу музыки».
- Неудачный пример. Я ученый, а потому чуждаюсь фантастики.
- Но без фантазии нет наук!
- Ладно, фантаст, выкладывай свои выдумки.
- Напротив, это очень реалистично. Атомные станции нужно строить, но только... под землей.
- Нет! Ты неисправим! Ты же инженером был! Должен знать, что подземные и земляные работы самые дорогие. Это какие же средства потребуются?
- Не больше, чем потери от одной атомной катастрофы.
- Ты думаешь?
– Не сомневаюсь. Вот посмотри, – Званцев стал чертить на песчаной дорожке палочкой. – Вертикальные шахты с километр глубиной уже существуют, а подземные залы для реакторов можно строить такими, как станции метро. Необходимо защитить их металлическим панцирем от проникновения воды и газов, вроде метана. И ставьте внутри свои реакторы. Если даже взрыв произойдет, скажем, на глубине пятьсот метров – это не будет угрожать жизни на планете.

– А турбогенераторы?

– Можно на поверхности оставить, и пар, нагретый энергией реактора, из его теплообменника к турбинам по теплоизолированной трубе сам поднимется. Отработанную, охлажденную воду по другой трубе можно подавать вниз, по пути крутя под огромным напором подсобную гидротурбину, которая восполнит потерянную паром при подъеме энергию. И вода опять попадет в тот же теплообменник. Конечно, для упрощения можно разместить все это и в уютном подземном зале. Меньше хлопот.

– Все продумал?

– Может быть, и не все, но принцип вполне ясен.

– Что ж, пиши докладную. Только не нам, а прямо в Политбюро. Нас вызовут – посмотрим. И не забудь цифрами все обосновать.

К беседующим старикам снова подошел милиционер:

– Извиняйте, диды. Вы, случаем не из зоны? Може, ночевать негде?

– Спасибо, дорогой. Верно угадал, из зоны. Только на ночевку мы уже в гостинице устроились.

– Це добре! – успокоился милиционер и напомнил: – Долго-то не гуляйте, сейчас это вредно, ступайте до гостиницы.

В гостинице рисунок, начерченный на дорожке, возобновился на бумаге и в виде докладной записки писателя-фантаста был направлен прямым в Политбюро, а некоторое время спустя попал па стол заместителя заведующего промышленным отделом товарища Ромова.

Василий Николаевич долго изучал его, особенно резолюцию под рисунком: «Принять, выслушать, успокоить».

«Послушать можно, а успокоить-то чем, если человек не понимает, что такое затраты!»

Ромов вызвал для поддержки Фирсова и пригласил в кабинет уже ждавшего в приемной равнодушного деятеля культуры.

– Мы ознакомились с вашими размышлениями, товарищ Званцев. Интересное произведение на этом материале сможете написать.

– Оно уже написано самой жизнью, и, к несчастью, трагическое, – хмуро отозвался писатель.

– Да, это верно, возразить нечего. Но я бы хотел вам сказать, что мы сделали выводы из случившегося. Вы, вероятно, знаете об эвакуации, о создании нового министерства, о привлечении к суду виновных и награждении героев...

– Некоторых, увы, посмертно.

– Что же делать. И на войне посмертно награждали.

– Но цель моих предложений не делать выводы, а принять меры для предотвращения таких бедствий в дальнейшем.

– Но зарывать станции в землю – это, извините, без штанов остаться. Кому будет нужна такая дорогостоящая энергия?

– А разве лучше, если штаны не на что будет надеть? Если вы правильно меня поняли, я предлагаю использовать уже готовые заброшенные шахты или такие пещеры, как Кунгурская на Урале.

– Как же, бывал в ней. Я ведь сам с Урала.

– Их подземные залы можно использовать для установки в них реакторов...

– Ну, не знаю, не знаю. Это надо обсуждать со специалистами: атомщиками,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org экономистами, транспортниками. Обещаем этим заняться. Мы благодарны вам за инициативу... Вы воевали? В каком звании демобилизовались? Колодка орденовая у вас внушительная.

– Полковника.

– Значит, военное образование перед войной получили?

– Нет, рядовым начинал.

– Ну, с вами не пошутить! Успешно воевать умеете.

– Воевал как все, от пули не прятался. Но вот в мирное время считаю даже ради энерговооружения жертвы недопустимы.

– Что верно, то верно. Только откуда средства взять, чтобы все станции разом в землю зарыть?

– Скупой платит дважды. Последствия аварий обходятся дороже.

– Мы сотрудничаем с МАГАТЭ.

– Любая техника может отказаться, за последнее время зарегистрировано, насколько мне известно, 174 аварии в разных странах. И возможность диверсий на АЭС нельзя отрицать...

– Так ведь аварии в основном не у нас!

– Радиоактивная опасность границ не знает.

Молчавший все это время Фирсов сказал:

– Я хочу вам сказать, товарищ Званцев, что сейчас намечается строительство трех атомных станций – теплоцентралей для больших городов, две из которых будут подземными. Идеи эти давно в воздухе носятся.

– Вот и надо их на землю, а вернее под землю спустить. Я запишу ваш телефон, товарищ Фирсов, чтобы узнать об этих станциях поподробнее.

– Вот, товарищ Фирсов, под серьезный контроль мы с тобой попали. Похлеще КПК! – с улыбкой говорил Ромов, прощаясь с трудным посетителем.

Спустя полгода Званцев узнал, что куда более авторитетная, чем он, величина, отец водородной бомбы и трижды Герой Социалистического Труда академик Андрей Дмитриевич Сахаров, выступил с подобной идеей. Он обратился со своими предложениями в Организацию Объединенных Наций, но даже его выступления, так же как и пресловутая записка Званцева, остались безответными. Человечество еще не созрело для того, чтобы отказаться от сиюминутной выгоды, ради блага потомков на Земле.

Василий Николаевич все последнее время пребывал в тяжелом раздумье. Он был в свое время первым секретарем обкома и членом ЦК и сейчас находился под впечатлением политического скандала, начавшегося на пленуме. Поднятый вопрос первым секретарем МК партии и кандидатом в члены Политбюро Ельциным о привилегиях партруководства был оценен как политическая незрелость. Теперь все обсуждалось на партконференции, на которой одним из депутатов был Ромов, а вся страна следила за происходящим по телевизору. Дома Ромов спросил жену:

– Слушала заседание? Чем теперь это все кончится! Раздавил Лигачев Ельцина! Теперь ему капут!

– Чутья у тебя нет, Василий. Не понимаешь, за кем будущее?

– За Лигачевым.

– Надень очки для близоруких. Будущее будут решать избиратели, а русский народ, Вася, любит мучеников. Помяни мое слово.

И она оказалась права.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Избрание Ельцина в Верховный Совет стало его триумфом. Телеоператоры снимали, как он после сердечного приступа идет пешком в районную поликлинику, как летит среди пассажиров обычного рейсового самолета...

Ромов выразил свое восхищение ее прозорливостью.

– Я всегда права, – самоуверенно заверила Калерия Сергеевна. – И сейчас буду права, сообщая тебе, что эта твоя метресса-Любка обнаглела настолько, что позвонила сюда, к тебе домой и жаловалась, что твои секретарши не соединяют ее с тобой. Возмущалась «деловым враньем при социалистическом строе».

– Она сама секретарша, должна сделать вывод.

– Вот этого-то она и не хочет! Ей надо в Москву, снова под твое крылышко. Предупреждаю, не соверши такой ошибки.

– Да нет, Лерочка! Ты – мой кормчий.

– А если я кормчий, то отворачивай от этой Любки, когда на встречу с избирателями поедешь.

– Там Бирюков нос задирает.

– Задирать-то задирает, а Любку к себе привадить не сумел. Тоже мне «Первый»!

– Он и на выборах в Верховный Совет мне проиграл.

– А вот в Верховном Совете тебе надо четкую линию выбрать с расчетом на будущее...

Ромов, прислушиваясь к советам жены, примкнул к межрегиональной группе академика Сахарова и Ельцина и твердо решил держаться в их фарватере.

Дома он признавался жене в мучивших его сомнениях:

– Там все громче кричат о демократии, о правах человека, о переходе к рыночной экономике, то есть, попросту говоря к капитализму?

– Это ведь в свое время не испугало Ленина, который после разрухи военного коммунизма смело поставил страну на рельсы НЭПа.

– Да, конечно, частная инициатива нэпманов помогла в то время стране выйти из последствий разрухи и Гражданской войны.

– Так и будет теперь. Не упускай своего, Вася.

И Ромов старался не упустить, голосуя за рынок и объясняя себе это как временную отступку, от которой страна отвернется, когда выздоровеет.

Но это было еще не все.

Выбранный в ЦК партии Ельцин, уже ставший президентом России, отказался от членства в ЦК, положив на стол свой партийный билет.

Такого даже Калерия Сергеевна не ожидала:

– Это сигнал, Вася. И прежде всего нам с тобой.

И снова Ромов по совету жены, следуя примеру своих лидеров, вышел из партии, немало удивив этим секретаря парторганизации аппарата ЦК.

– Вы что, Ромов, в своем уме? Как вы можете беспартийным остаться на своем посту в промышленном отделе ЦК?

– И не останусь, – бодро ответил Василий Николаевич и с облегчением покинул здание на Старой площади, которое еще несколько месяцев назад по своей воле не оставил бы никто.

А теперь другие перспективы манили Ромова. Но на первых порах он вполне

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org довольствовался назначением – руководить книгоиздательским делом, в котором, правда, смыслил не больше, чем в атомной энергетике, но... «Не Боги горшки обжигают», – думал он, берясь за это новое для него дело.

Тогда-то и пришлось ему снова встретиться с писателем Званцевым, пришедшим к новому руководителю с просьбой поддержать его намерение издать свое собрание сочинений.

Ромов встретил писателя радушно, усадил в кресло, напомнил об их последней встрече и, ознакомившись с просьбой Званцева, сказал:

– Дорогой мой, Александр Павлович! Как и в прошлый раз, мне приходится убеждать вас, что у страны нет сейчас свободных средств, чтобы вкладывать их в столь дорогие книгоиздания. Кроме того, теперь вопрос об издании книг решает спрос и предложение. Уверены ли вы, что эти книги заинтересуют массового покупателя, тем более по тем ценам, которые смогут покрыть затраты на их издание? Сейчас читатели интересуются больше так называемой «бульварной литературой», молодежь привлекают яркие обложки с иностранными названиями и, пардон, не одетыми дамами, секс, развлекательные произведения. А ваша фантастика слишком серьезна. Я ведь прочитал подаренную вами книгу. Интересные мысли, но требующие раздумья, а читателям теперь нужно отвлечься от все возрастающих трудностей жизни. Теперь спросу надо служить. Вот так.

Ромов сполна оплатил настырному писателю за прошлое свидание, которое оставило у него неприятный осадок.

К тому же такое дело, как книгоиздательство, он для себя считал слишком мелким, впереди маячили иные, более высокие, должности, тем более что многие бывшие партийные деятели, его знакомые, уже занимали важнейшие посты.

Люба все-таки приехала в Москву и нашла способ встретиться с Василием Николаевичем. Обманув секретаршу, что у нее личное поручение от руководства области она предстала перед Ромовым.

Он поднял на нее глаза и снял очки, отодвинув бумаги.

– Однако... Поблекли, должно быть, мы оба, – произнес он. – Боюсь, что в общество «Долой стыд» нас уже не примут. Подумать только! Сколько мы не виделись?

Любу от этих слов бросило в жар. Она с ненавистью посмотрела на Ромова и выпалила:

– А я не к вам, господин Ромов. Я с Бирюковым приехала. Он теперь председатель правления банка, а я – его референт.

И она, хлопнув дверью, прошла мимо удивленной секретарши через приемную и исчезла.

Калерия Сергеевна не отставала от мужа, свои партбилеты они успели сдать раньше, чем Коммунистическая партия Советского Союза была запрещена. Скоро перестал существовать и сам Советский Союз, распавшийся в непроходимой глуши Беловежской Пути на недружелюбные части.

Но Ромов не заблудился в чащобе. Он уверенно шел угаданной дорогой, находился на руководящем посту и метил в новых условиях все выше и выше.

Преобразование убежденного ленинца в «демократа от капитализма» завершилось.

Странная, удивительная метаморфоза произошла в стране. Ученым, философам еще предстоит разобраться: почему при смене режимов власть не перешла к новым людям, как, скажем в древних Афинах, когда демократов сменили олигархи; или во время Великой Французской революции, когда феодализм уступил место «адвокатам» народа; или в России, наконец, когда последовательно у руля стояли больше, затем помещики-дворяне, вытесненные богатеющими купцами и промышленниками, которых сменила новая революционная элита, исповедующая от имени рабочих и крестьян идеи социализма, идущего к коммунизму.

И точно в срок, указанный четыреста лет назад Нострадамусом, через 73 года

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org и 7 месяцев после Октябрьской революции тоталитарный строй «коммунизма», который никогда коммунизмом не был, а лишь прикрывался этой светлой идеей, был сменен новой демократией, взявшей равнение на капиталистические рыночные отношения, на всеобщее стремление только к личной ВЫГОДЕ, практически любой ценой, что неизбежно порождает беспринципность, коррупцию, преступность, способных раковой опухолью пронзить все переделанное общество. И этой ВЫГОДЕ стали старательно служить ромовы и бирюковы, сменив, свою присягу Красному знамени верностью знамени трехцветному.

Этот хамелеонный феномен предстоит разгадать, убедившись, что демократия, как «власть народа», на деле оказывается олигархией «знатных людей» (по Далю, видных, вельмож известных), в прошлом руководивших страной, правда на иных принципах. Когда этот феномен существует, народ остается «не у дел», не только не правя страной, но даже не стремясь к этому, голосуя не бюллетенями, а ногами, уносящими от выборных участков. И выборы, вопреки здравому смыслу и всем традициям, признаются состоявшимися, когда лишь один избиратель из четырех (!) явился на них, а выбранными считаются те, за кого проголосовал хотя бы один человек из восьми (!). Такой практикой совершается величайший социальный ОБМАН!

Но историю обмануть нельзя, как невозможно и бесконечно обманывать народ, якобы живущий в демократическом обществе, в котором по-прежнему правят, став хамелеонами, Ромов с женой, Бирюков и та же Любка с бюллетенем в руках, когда семеро против...

Новелла вторая. Иван грозный

Ослабнет власть в борьбе и спорах,
Поднимет голову разбой.

И в русло жизнь войдет не скоро,
Когда все заняты собой.

Нострадамус. Центурии, I, 57.

Перевод Наза Веца

Иван Ромов, сын первого секретаря обкома партии, переведенного в Москву для работы в ЦК, уже не гонял ночью, как прежде, только с новыми приятелями, на своем любимом мотоцикле без глушителя, будя грохотом спящих москвичей. Из резкого юнца он превратился в пышущего здоровьем широкоплечего молодого человека с открытым, всегда готовым к улыбке, лицом. Не пренебрегая помощью отца, он поступил в институт международных отношений, но по примеру своей рассудительной матери заглядывал в будущее прозорливо и не очень-то ценил теперь карьеру дипломата. Однако иностранными языками овладевал старательно и учился на радость своим родителям довольно прилежно. В модном увлечении карате он увидел для себя нечто полезное и потребовал (не попросил!) у отца денег на обучение в секции опытного каратиста.

Василий Николаевич, услышав о намерениях сына, вспомнил свой недавний разговор с одним «назойливым» писателем, который после нашумевшей аварии на атомной станции добивался рассмотрения своего «нелепого» предложения строить их под землей. Василий Николаевич с присущей ему неделикатностью в делах, иронично спросил:

– Вы что? Борец по натуре? Карате? Дзюдо?

– В юности увлекался классической борьбой.

– Почему такая старомодность?

– Классическая или, как тогда говорили, французская борьба учит кодексу борцовской чести, запрещающему приемы, наносящие вред противнику. А теперь в моде опасные и болевые приемы.

– Но ведь карате, «борьба без оружия», придумана для защиты безоружных людей, борющихся против вооруженных угнетателей, – возразил присутствующий при этом разговоре руководитель сектора атомной энергетики фирсов.

– Слов нет, в древности это имело значение, когда не было огнестрельного оружия. Навыки карате могут быть полезны ныне правоохранительным органам при задержании преступников, но обучать этим приемам можно только профессионалов. А овладение приемами карате всеми, кому этого захочется, приведет к использованию их в преступных целях.

– Однако. Я бы сказал, что вы против демократических свобод, товарищ Званцев, – покачал головой Ромов.

– Как понимать свободу? как свободное самоограничение ради сосуществования людей в цивилизованном обществе или как право на произвол? Вы в ЦК партии могли бы поставить эти вопросы об опасности «умелых драк», могущих привести к росту преступности...

И вот теперь старший Ромов вспомнил, что так и оставил безответными предупреждения старого писателя... Внутренне смутившись, он строго спросил сына:

– Зачем тебе это нужно? С кем хочешь сражаться?

– С такими же борцами, как и я, и только на спортивной арене, – расплываясь в подкупающей улыбке, твердо ответил Иван.

И отец, поверив в стремление сына приобщиться таким образом к спорту, дал ему деньги на оплату занятий в секции карате. Иван был доволен. Он любил деньги, ему всегда было мало тех «карманных», которые давали ему родители, и эта материальная помощь отца окрылила его. Он занимался борьбой с отчаянной увлеченностью, и результаты не замедлили сказаться. Он становился отменным каратистом. «Учитель-сансей» не мог надивиться. С первых же соревнований Иван бессменно выходил победителем, последовательно завоевывая разноцветные пояса, соответствующие спортивным званиям.

Домашние часто видели его прыгающим, пытающимся даже включать свет в ванной ногой, выкидывая ее выше собственного роста. Василий Николаевич, глядя на эти упражнения, качал недовольно головой, но успехами сына гордился.

Цепь соревнований в конце концов принесла Ивану Ромову желанный «черный пояс» – высший знак отличия среди каратистов.

Василий Николаевич сам, вместе с младшим сыном Мишей, присутствовал на заключительных соревнованиях во дворце тяжелой атлетики ЦСКА, восхищаясь ловкостью Ивана и силой его удара.

Иван сражал противника комбинированным ударом: в солнечное сплетение и тут же, повернувшись на одной ноге, с размаху бил ногой в голову, повергая этим соперника на ковер.

Черный пояс Ивана Ромова отметил для себя еще один из присутствовавших на этих соревнованиях зрителей: лысый, щуплый и неприметный с виду человечек. Записав что-то себе на пачке сигарет, он ушел, не дождавшись церемонии награждения.

Нашел он Ивана на тренировке и отозвал его в сторону:

– Вот что, парень, хочу поздравить тебя с очередной победой, давно твой поклонник...

И, заметив удивленный взгляд Ивана, продолжил вполголоса:

– Вижу, далеко пойдешь, широко шагаешь. Но что толку от этих громких побед, ежели тебе с них ничего не перепадает.

– А что должно перепадать? – пренебрежительно глядя на «болельщика», спросил Иван.

– Э-э, браток! А знаешь, сколько загребают боксеры, теннисисты?.. Миллионы! А ты тужишься за цветную тряпку на поясе. А мог бы иметь хорошие бабки...

– Показательные выступления, что ли? – засмеялся Иван.

– Какие там показательные... Хотя показать можешь кое-что из своего умения, когда со шпаной разделяваться будешь.

– Э, дядя, – присвистнул Иван. – Да ты никак меня в дружинники вербуешь? Сообразил...

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Ума мне у других не занимать, милок. Среди тех, кто меня хорошо знает, я не зря Хмырем прозываюсь. А на видной службе все меня Владимиром Илларионовичем Хныровским величают. Так и запомни. И словами я не бросаюсь. И работу чистую имею в виду...

– Это как же понять?

– Хорошее дело предлагаю. Коммерсантов новых охранять от вымогателей разных.

– Против рэкета, значит, бороться?

– Вот именно! Не давать им дань собирать...

– Дело благородное, – о чем-то своем раздумывая, проговорил Иван. – Только такой заработок для меня мелковат. Я, может, сам в коммерсанты примеряюсь...

– Так поверь мне, знающему человеку, что покрутиться тебе в этой среде как раз на пользу будет, не на голом же месте свое дело начинать.

Иван, прикидывая в уме выгоду предлагаемого, спросил:

– Ты откуда такой ушлый?.. До срока вышел или свое отбыл?

– А вот это тебя не касается, – насупился Хмырь. – Такое спрашивать не принято. Меня сейчас на работе уважают. И тебе не пристало с такими вопросами лезть, ежели хочешь карманы наполнить...

– Ладно, – хлопнув Хмыря по плечу, сказал Иван. – Посмотрим, что за дело ты мне предлагаешь.

Вскоре они с Владимиром Илларионовичем обходили частные киоски-палатки и магазинчики, которые выросли как грибы после объявленной приватизации и разрешения свободной торговли.

– ...С этих мелких коммерсантов мы и начнем, – подзадоривал Ивана Хмырь.

Первым клиентом их частной охранной «фирмы» стал магазинчик, в котором продавались и обменивались видеокассеты.

Усатый хозяин его, чем-то походивший на запорожского казака с картины Репина, договорился с ними об оплате охранных услуг.

Вдохновенный успехом Хныровский отправился в соседние киоски, а Иван задержался, прикидывая какими видеокассетами можно воспользоваться.

– Ну-ка, подвинься! – услышал он за спиной низкий голос.

– Чего надо? – повернулся Иван.

– Вали отсюда, ублюдок, сгинь, если не хочешь клопом раздавленным стать, – пригрозил басом здоровенный детина с лохматой шапкой рыжих волос и обратился к «запорожцу»:

– Ну что, подумал, дорогой, больше времени на раздумье не полагается... – отталкивая Ивана в сторону и нисколько не стесняясь при свидетеле заниматься вымогательством, начал рыжий.

При этих его словах Иван повернулся к нему лицом, подался вперед с выпадом правой руки, угодив кулаком рыжему в кадык, и, сразу же согнувшись в поясе, сделал полный оборот на одной ноге, вытянув другую, и со всего размаха ударил рэкетира в мохнатую голову тяжелым ботинком. Тот мешком свалился на пол.

– Здоровеньки были! – восхитился торговец. – Как вас будем величать, «защитник»?

– Иван Ромов.

– А по отчеству?

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
– Васильевич.

– Васильевич, значит. Совсем как русский царь, «Грозным» который, прозывался. Ты, видно, тоже грозен.

– Черный пояс каратэ, – пояснил Иван.

Появился Владимир Илларионович. Увидел сияющего подняться рыжего детину и восторженного хозяина магазина. Поняв, что произошло, наклонился к охотнику за чужими деньгами и проговорил:

– Э паря! Понятие надо иметь, куда соваться.

– Так я же не знал, – потряхивая головой, пробормотал тот.

– Пахану своему скажи, что место тут занято, а ежели не поверит, то объясним лично. Понял? – говорил Хмырь, выпроваживая под локоть рыжего из магазина.

– Ну спасибо, Иван Грозный, – улыбался в усы хозяин магазинчика.

– Почему «Грозный»? – удивился Хмырь.

– Потому, что Иваном Васильевичем зовется, как и царь, который Грозный. К тому же Ромов, а это вроде сокращенно Романов.

– Так Иван Грозный не Романов был, Рюрикович.

– А все одно! У царей фамилии не спрашивают. А ты, видно, тоже грозен... Это звание к нему теперь прилипнет.

И прилипло. Особенно после пары схваток при разделе сферы влияния. С той поры в этой среде его иначе не называли.

Иван Ромов и Хныровский всегда встречались для очередного подведения итогов своей деятельности в отделном кабинете ресторана «Буран», где посетителям, любителям рулетки, вкусных блюд и зрелища сильно обнаженных танцовщиц, гарантировалась безопасность могучей охраной из команды Ивана Грозного.

Иван и Владимир Илларионович рулеткой и девочками не увлекались. За закрытой дверью своего кабинета они начинали другую, более крупную игру.

– ...Хватит тебе отмалчиваться, Владимир Илларионович. Скажи толком, в каком заведении ты работаешь, где тебя уважительно величают по имени-отчеству? – спросил Ромов. Постучав, вошел официант, принесший напитки и закуску, пропустив пару рюмок и прожевав кусочек семги, Хныровский признался, что работает главным инженером в ЖЭке.

– Да ты что? – удивился Иван. – Совсем мое уважение потерять хочешь?

– Так ведь, Иван Васильевич, на мне висела отсидка за злоупотребление хозяйственной деятельностью. И за такое место сто раз хлопотавшим за меня «спасибо» говорил.

– Нет, так не пойдет! – решительно заявил Иван. – Ты мне в другом месте нужен.

– То есть как это?

– Пора нам с тобой перестать мелочью заниматься.

– А чего же ты хочешь? – удивленно спросил Хныровский.

– Я думаю в банк тебя определить. Такое мое решение.

– Решение? – спросил сбитый с толку Хмырь. – Кто меня в банк возьмет?

– Это для меня не проблема. Знакомых отца подключу, да и у меня самого кое-какие связи имеются. Другое дело – можно ли на тебя в этом деле положиться?

– А зачем я тебе в банке понадобился?

– Акционерное общество хочу создать. Назовем его «РОХ» (Ромовы и Хныровский)! Нравится?.. В нефтяное дело деньги пустим. Мудрецы от реформ от внешней торговли отказались, этим теперь частные фирмы занимаются. Так вот мы нефть и будем туда загонять по мировым ценам, а наши потребности будут удовлетворяться по тутошним. Понял?

– Моя-то роль какая в этом деле?

– А вот теперь слушай внимательно! Сейчас все расчеты между предприятиями ведутся коммерческими банками. Чуешь? Одни перечисляют через банк, а другие это перечисление от банка ждут. Можно сделать так, чтобы ждали столько, сколько нам потребуется. За это время немалые средства в оборот можно пускать. Прибыль будем за рубежом в швейцарском или каком другом банке держать, а перечисленные задержавшиеся российские деньги рубль в рубль (без учета инфляции, конечно) вернем ожидающему перечислений. Вот это твоей работой в банке и будет. Что скажешь?

В ответ Хныровский только пыхтел, обтирая свою лысину, словно после тяжелых упражнений.

– Не пыхти, должен справиться, – засмеялся Иван. – Все остальные проблемы я на себя беру.

Официант принес на блюде фазана, распустившего на хвосте перья веером. Сменив блюда на столе, спросил:

– К мороженому кофе подать или еще коньячку?

– Коньячку. И занавески открой, девочек на эстраде не видно, – распорядился Иван.

– Посмотреть есть на что, – отодвигая занавески, рекламировал зрелище официант. – Даже стриптиз в программе значится.

– Чего толку, когда для всех раздеваются, – безразлично ответил Иван.

– Если желаете отдельно, то это тоже можно устроить, – понизив голос, предложил официант.

– Ладно, иди, браток. Мы тут об этом подумаем еще.

– Как будет угодно господам, – поклонился вышколенный слуга.

Когда он ушел, Ромов, разделявая ножом фазана, сказал:

– Так ты понял, что от тебя требуется. Я жду ответа.

– Понять-то понял... Но вот ежели директор или как там... управляющий заупрямится, не даст временно воспользоваться суммой перечисления?

– Да ты, друг, ничего не понял. В этом и будет заключаться твоя работа, чтобы согласился. Наши средства информации держат в курсе население обо всем происходящем. Не слышал, как банкиров щелкают?.. Конечно, вспомнить придется тебе кое-кого из мест не столь отдаленных... Наймешь кого надо... Они свое дело сделают, если согласия банковского руководства не получишь. А ты еще при этом на более высокий пост продвинешься, – засмеялся Иван.

Хныровский выпил коньяку, вздохнул и сказал:

– Не человек ты, Иван Васильевич, а Сирена, что в океане поет, мореплавателей завораживает... Ладно, замечано. Пойду «во банк», только уж пусть твой батюшка обо мне позаботится и место мне там посолиднее выхлопочет.

Дома Иван имел серьезный разговор с отцом и, как всегда, сумел убедить его в нужности и правильности своих действиях. Василий Николаевич постарался помочь сыну стать бизнесменом, используя все свое влияние и авторитет. И Владимир Илларионович Хныровский был принят в банк на должность, необходимую для манипулирования «висячими» деньгами через акционерное

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
общество «РОХ», генеральным директором которого стал Иван Ромов, а Василий Николаевич Ромов председателем его правления, в которое входили также мать Ивана и сестра Варвара.

Дело закипело. Операции, которые проворачивал Иван Ромов, были столь крупномасштабными, что за короткое время сделали его участников и соучредителей так называемыми «миллионерами», хотя прибыль их исчислялась уже теперешними миллиардами.

Время шло, и Хныровскому все труднее стало добывать средства для деятельности АО «РОХ», слишком заметными становились эти операции.

И снова, после одной неудачи, компаньоны встретились в "Буране":

– Ну что, Владимир Илларионович? Как ты думаешь на счет «щелчка»? По-моему, время его приходит.

– Все уже, Иван Васильевич, произошло. Скоро сам услышишь. На похоронах банкира венки будут и от меня лично... Но не в нем одном заминка.

– А что еще?

– Пронюхал кое-кто сверху. Контроль установили за скоростью банковских операций, теперь труднее будет.

– Это я предвидел, – заявил Иван, откидываясь на спинку кресла. – Придется тебе теперь связаться с Налоговой инспекцией. А заинтересовать их вот чем надо: льготными налогами...

– А какая от них польза?

– Да немалая, если подойти умючи. Надо объяснить, что льготы инвалидам, начинающим предпринимателям и еще там разным льготникам, которых первое время налогами не душат, дело тонкое. Нельзя доверять это просто каким-то бухгалтерам, а нужно высшим налоговым инспекторам авторитетно решать: льготник это или кто? Пусть бухгалтера взимают с них полный налог, как с простых смертных. Налоговая инспекция потом восстановит справедливость, но это будет уже после заполнения декларации налогоплательщиками в начале года. За время обычной бумажной волокиты мы эти, несправедливо изъятые у льготников в виде налога деньги, пустим в оборот через твой банк.

– Делиться придется, – предупредил Хныровский.

– Ну это уж как ты сумеешь.

– Будет сделано, – согласился Хныровский. – Тебе за все эти выдумки уже не черный пояс годится, а золотой. Твое здоровье, Иван Васильевич, по прозвищу Грозный. Ты и впрямь Грозным становишься. Посоха только острого недостает, которым царь тот сына пришил.

– Сына у меня нет, а вот компаньон имеется. Так что смотри!.. Мне «острия» не потребуется.

В одном из Арбатских переулков к подъезду вновь отремонтированного дома работников бывшего ЦК КПСС подъехал новенький линкольн.

Из него вышел крепкий, с приятным улыбчивым лицом, мужчина, одетый с иголки в одежду от парижских престижных фирм.

Ему навстречу из подъезда вышла красивая молодая женщина с боксером на поводке. Увидев улыбчивого мужчину, она вскрикнула, бросила поводок и кинулась к нему:

– Ваня! Ванечка! Как мы тебя ждали! Откуда ты?

– Сейчас из Швейцарии, – целуя ее в щеку, отвечал Иван. – Своим ходом на новой тачке. Погляди. Ничего себе, а?

– Шикарно! Твой «мерседес» в запас теперь пойдет? В такую и сесть-то прилично разве что в норковой шубке.

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org

– Будет тебе и норковая шубка, и манто, и еще, что захочешь... Ну как тут у вас, сестренка? Как предки?

– При деле. Респектабельную внешность нашему АО придают. Спонсоров завидных нашли. Всеобщее уважение и все такое... Папин вес, мамино обаяние. Каждый на своем месте. Недавно отец с одним телевизионщиком разговаривал, передачу о тебе хотят сделать. Что ты на это скажешь? Может, и не стоит так сильно светиться? Знаешь, чужие деньги многим спать не дают. А люди дотошные бывают, начнут интересоваться способом получения твоего капитала...

– А ты думаешь Морганы и Рокфеллеры откуда взялись? Первый Морган был морским пиратом, и Рокфеллер в те же времена темными делишками промышлял, а потомок его стал губернатором Нью-Йорка и вице-президентом. Вот так-то. А респектабельность фирме нужна. Это хорошо!

– Пойдем в дом, мы недавно встали. Даже еще кофе не пили. Ты как раз вовремя. А я потом с Дейком выйду, – и она подозвала собаку.

– Нам, Варюша, не вовремя нельзя, все провороним, – пошутил Иван. – А твой благолодырь все на диване валяется? Где ты его только такого откопала?

– Да ладно, Ваня! Он в своем деле хорош. Прости женщине такую слабость... Кстати, сейчас его и растормошишь.

– Подожди, включу противоугонку.

– Иван захлопнул дверцу и нажал кнопку на брелке с ключами.

Машина мигнула фарами.

– Попробуй, открой теперь, – предложил он сестре, протягивая ей ключи.

Едва Варвара уселась за руль, раздался резкий вой автомобильной сирены. Кроме этого у Ивана на поясе запиликал маленький аппаратик – пейджер.

Варя испуганно выскочила из машины.

– Смотри, кроме всего прочего, еще и шины спустились. Сейчас снова надуются. «Автомобиль не роскошь, а средство передвижения», – самодовольно заявил Иван, захлопывая дверцу машины, и вместе с сестрой вошел в дом. Иван своим ключом открыл дверь и первым вошел в квартиру. Из дальней спальни послышался сонный голос:

– Ты уже вернулась?

В холл вышел длинный, нескладный молодой человек в пижаме.

– Оденься, родственничек, – вместо приветствия сказал ему Иван. – Найди Хныровского, чтобы живо здесь был.

– Сейчас, сейчас, – засуетился Варварин муж, Сергей.

Варя пошла распорядиться насчет завтрака, а вернувшись, присела на диване рядом с братом и спросила:

– Сколько же баксов ты за такую автокрасавицу отстегнул? Кстати, откуда они приплыли к тебе на этот раз?

– Проще простого. Знаешь, что такое квота?

– Ну это какая-то разрешенная доля, – наморщила лоб Варвара.

– Нефтяных компаний много. Все хотят нефть за границу продать, счета в западных банках иметь. А эти доли или квоты кто дает? Чиновничек! А он под отцом ходит. Понятно? Кстати, как предки между собой?

– Ты знаешь мудрость мамы... И помпадурша Любка давно не возникает. Она теперь при Бирюкове в каком-то банке.

– Бирюкова отец тогда, устраивая Хныровского, вроде к рукам прибрал через Любку эту самую...

В комнату вошел Сергей и объявил, что по телефону разыскал Хныровского и тот уже мчится на всех парах.

Горничная принесла завтрак. Не успели допить кофе, как в передней зазвучал мелодичный звонок.

– Явился уже, позавтракать не успели, – проворчал Иван. – Пойди, проводи его в отцовский кабинет. Пусть подождет.

Сергей отправился в прихожую, а Варвара рассказывала последние новости:

– ...Нестабильность вокруг так утомляет. Хочется все-таки пожить красиво и спокойно...

– В этой неразберихе, сестренка, теперешнее наше благополучие, – засмеялся Иван.

И пояснил:

– Варенька моя! Разве можно при отработанном порядке состав цистерн, застрявший на каком-то разъезде, в собственность получить за одну только выплату штрафа за простой вагонов!

– Неужели это возможно?

– Ты мой законный компаньон и можешь знать, что этот состав уже к границе идет к законному покупателю, а баксы за него у меня в кармане. Вот сейчас пойду к Хмырю, узнаю, как он это дело прокрутил.

Иван встал и направился в отцовский кабинет. При его появлении сидевший там Владимир Илларионович вскочил с мягкого кожаного кресла:

– Прибыл по первому зову, Иван Васильевич! Как съездили?

– Как надо, так и съездил, – сказал Иван, усаживаясь за стол и не предлагая садиться Хныровскому. Тот стоял, переминаясь с ноги на ногу, потирая лысину.

– Давай выкладывай. Почему прибытие состава задержалось? – грозно спросил Иван.

– Так поначалу уперлись эти ослы железнодорожные. Цену набивали...

Не дослушав объяснений Хныровского, Ромов сказал:

– Это твоя задержка чуть всю операцию не сорвала. В другой раз такого НЕ ПОТЕРПЮ! Ты меня знаешь.

– Как не знать... – пробормотал Хмырь.

– Теперь слушай меня внимательно! Дело одно деликатное тебе поручить хочу, – сказал Иван и, собираясь с мыслями, замолчал.

– Что задумали, Иван Васильевич? – не выдержал этой паузы Хныровский.

– Как в Мытицах депутата в Думу выбирали знаешь?

– Наслышан. В Думу хотите? – поторопился с выводом Хмырь.

– В Думе мать сидит, бери выше, – насмешливо взглянув на Хныровского, сказал Иван.

– Сенатором, значит?

– А что, прошел же в Совет Федерации Аким Вяткин, такой же бизнесмен, миллионер...

– Так ведь довыборы были из-за смерти депутатов, а из теперешних господ сенаторов в гроб пока никто не улегся, – проговорил сбитый с толку Хмырь.

- В гроб, говоришь... Людям, браток, во всем помогать нужно.
- Боюсь понять вас, Иван Васильевич, – насторожился Хныровский.
- Чего перепугался?.. Невинность из себя строишь. Или забыл уже про венки, возложенный тобой на могилу вашего банкира?.. Кстати, о Вяткине... Помнишь, как он за границей интервью давал? Он тогда еще сказал, что в нашей стране все генсеки и президенты попеременно бывают то лысые, то волосатые. Сам-то он лысый...
- В президенты, что ли, метит?
- Ну и осел же ты, Хмырь. И за что тебя только так громко величают?
- Так это от созвучности с моей фамилией.
- Фамилия твоя кала свиного не стоит. Надеюсь в голове у тебя мозги, а не помет? – рассердился Иван.
- Я рад бы сообразить...
- Так скажу тебе прямо, если твоя соображалка ослабла: его-то мне и хотелось бы видеть в том гробу. Понял? – твердо сказал Ромов.

Насмешливо взглянув на Хмыря, засмеялся и добавил:

- Двух зайцев сразу можно убить. Место освободится для довыборов, и конкурента на последующих выборах не будет... Пораскинь мозгами! В мраморных бассейнах купаться станешь, как в лучших американских фильмах. Как царь жить будешь. Вилла там мраморная... и все такое.
- У царей всегда дворцы были, – засопев, проговорил Хныровский.
- Дворцы были не только у царей... – перестал улыбаться Иван. – Обмозгуй своим серым веществом, как дело сделать. Найди того, с кем про банкира договаривался. И запомни! Я тебе ничего не говорил и ничего не знаю.
- Тогда наемные поработали. Высокие профессионалы... И тариф был высокий – десять тысяч баксов. Банкир-то что, а тут личность известная, засветиться ничего не стоит...

Владимир Илларионович уходил от Ивана Ромова озабоченным. Дело, в которое его втягивал Иван, метивший едва ли не на монарший трон, смущало и пугало его. «Моими руками жар загребать хочет, а ведь если оступлюсь – руки не протянет, еще и подтолкнет для скорости падения», – медленно спускаясь по лестнице и вытирая платком вспотевшую лысину, думал он. Хныровский не был бы Хмырем, если бы отказывался от такого рода дел, рискуя потерять все выгоды, которые он имел от деятельности Ивана Ромова.

Но обиду на него злобную затаил давно, постоянно чувствуя со стороны Ромова презрение к себе. И при этом Хныровский считал, что он сам вполне мог бы заменить Ивана в «РОХе». «Если бы не предки-Ромовы, был бы Иван сейчас у Хмыря на побегушках», – уверял он себя.

Аким Вяткин был той загадочной личностью, заплатившей в бытность свою коммунистом партийный взнос с месячного дохода в три миллиона тогдашних рублей. Имя его приобрело известность, сделав шумную рекламу его фирме. Он первый использовал отказ государства от монополии на внешнюю торговлю, выгодно продав за границу не востребованный кем-то мазут, ввезя взамен такую новинку, как компьютеры с математическим обеспечением.

Но расцвет фирмы натолкнулся на преследование компетентных органов, и Вяткин оказался на положении гонимого, правда сумев это использовать, приобретая симпатии избирателей на выборах в Верховный Совет. Он стал депутатом, однако гонения со стороны властей не прекращались. Были разрушены созданные им коммерческие структуры. Вяткин вынужден был уехать за границу, где продолжил свою коммерческую деятельность, и, став уже долларовым миллионером, даже подарил Верховному Совету два миллиона тогдашних рублей на благотворительность. После октябрьского путча в Москве, когда проводилась кампания выборов в верхнюю палату Парламента, Вяткин выставил свою кандидатуру в сенаторы и был избран в Совет Федерации.

Он не оставил своих коммерческих дел, в которых и пересеклись его пути с Иваном Ромовым, для которого он стал непреодолимой преградой в достижении главенствующего влияния на западном рынке. На сессии Совета сенатор Вяткин являлся аккуратным и не подозревал, что в последнее время его образ жизни кем-то старательно изучается.

За ним всегда приезжала машина, и он выходил из подъезда с дюжими охранниками...

Тем, кто за ним наблюдал, было ясно, что убрать его способом заложения взрывчатки в машину или расстрелять автоматной очередью у подъезда из проезжающего автомобиля, не получится. Мешала охрана.

Был избран классический западный метод со снятием квартиры на противоположной стороне улицы, из окон которой без всяких помех просматривалась площадка перед подъездом. В заранее назначенный день и час, когда за Акимом Вяткиным пришла машина и остановилась у подъезда, около окна снятой напротив квартиры засуетился Хмырь, передавая патроны киллеру:

– Возьми эти, для верности.

Тот с видом профессионала посмотрел на них:

– Что? Со срезанными остриями, разрывные?

– Нельзя его на долечивание в больницу отправлять. Нужно наверняка. Целься в сердце.

Наймит, усмехнувшись, посмотрел на него и сказал:

– Кого учишь! Я бью всегда в голову... Идут!

Вышли охранники, за ними Аким Вяткин.

– Хорошо! Как мишень на стенде, – сказал наймит, прицеливаясь, и спустил курок.

Послышался щелчок.

– Осечка... – раздраженно выругался киллер.

Раздался еще один щелчок... Выстрела снова не последовало.

– Ах ты, мразь! – заорал наймит, перезаряжая винтовку своим патроном, и нацелился уже не в сенатора, а в Хмыря.

– Не стреляй! – истошно заорал Хмырь и свалился на пол.

Автоматная очередь выбила замок в двери, и в квартиру ворвались омоновцы.

– Бросить оружие! Лечь на пол! – кричал офицер.

Наймита свалили, заломили ему руки и защелкнули наручники. Хмыря подняли на ноги. Он встал, потирая лысину.

– Продал, гнида! – шипел киллер.

– Все как договорено, – обращаясь к офицеру, бормотал Хмырь.

Немного взволнованный Василий Николаевич Ромов из своего кабинета соединился по телефону с генеральным прокурором:

– Привет, дорогой сват! Это Ромов. Не узнали? Ну, ну! Узнавать родню надобно. Вас беспокою в связи с этим дурацким покушением на сенатора Акима Вяткина... Подумать только! Даже ваш прокурорский мундир хотят запачкать этим пятном... Вы уж предупредите так называемого обвинителя. Виновных-то ведь застали на месте преступления. Что же теперь их наговоры на Ивана, брата вашей невестки, будем выслушивать. Этот Хныровский давно под сына копал. Он ведь уже сидел раньше... Я Ивана предупреждал, что он на место генерального в АО метит. Ни перед чем не остановится, да и дружков разных имеет... Но разве

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
молодые послушают. Все сами... Вот это правильно! Но ведь будет суд?.. Вы
меня успокоили! Ну, лады. Потом раздраженно по селектору вызвал секретаршу:

– Я просил соединить меня с народным судьей!

– Я уже пробовала. Совещаются по вынесению приговора.

– Какие там совещания?! Разъясните в должной форме, что ее из Совета
Министров Ромов приглашает к телефону.

Наконец в трубке послышался женский голос:

– Я вас слушаю, уважаемый господин Ромов. Я догадываюсь по поводу чего вы
звоните. Я отлично понимаю вашу заинтересованность...

– Не думайте, что это отцовское беспокойство! Это беспокойство
представителя правительства Российской Федерации. Что? Уже знаете? Один
оговор и никаких улик? Бережете президентское окружение? Благодарю. Надеюсь
на справедливый приговор, обеляющий полностью Ромова-младшего и не
бросающий тени на Ромова-старшего, на Совет Министров Российской Федерации,
от имени которой вы выносите приговоры.

В суде за железной решеткой на скамье подсудимых под конвоем с автоматами
сидели наймит и Иван Ромов на стуле рядом, но без охраны.

В числе малочисленных зрителей были Варвара и Сергей. Речь перед судьями
держал прокурор:

– Наконец-то перед вами, господа судьи, сидят и наемный убийца, Болотников
Семен Яковлевич, и его возможный вдохновитель Ромов Иван Васильевич. Цепь
преступлений подобного рода волнует весь российский народ, и виновные
заслуживают самой суровой кары. Наемного убийцу Болотникова застали на
месте преступления, которое не удалось только потому, что свидетель
обвинения господин Хныровский Владимир Илларионович, поставил в известность
власти о заговоре против сенатора Вяткина и разрядил боевые патроны. Он же
указал на идейного вдохновителя покушения Ромова Ивана Васильевича. Если
первый на своем счету уже имеет по крайней мере пять доказанных в ходе
следствия убийств, то второй числится в удачливых бизнесменах, не всегда
подбирающих себе служащих с должным моральным обликом. Я настаиваю перед
Высоким Судом на вынесении безнравственному наемному убийце (он перечислил
статьи Уголовного кодекса РСФСР, действующие в Российской Федерации) самого
сурового приговора – к высшей мере наказания – смертной казни. Что же
касается второго проходящего по делу обвиняемого, то я считаю возможным
ограничиться общественным порицанием.
Взволнованным голосом Сергей шепнул напряженной Варваре:

– Хорошо, что без конфискации!

Ждали речи защитника.

У Ромова был известный адвокат, общественный деятель и даже международный
мастер по шахматам Андрей Непаров, о котором Ботвинник сказал: «Я с ним не
встречался, но слышал, что он международных дел мастер», имея в виду, что
звание ему было присвоено отнюдь не за «шахматную силу». Непаров был
опытным оратором:

– «Господа присяжные заседатели!» – сказал бы незабвенный герой Ильфа и
Петрова, но наш суд пока еще не стал судом присяжных, и я обращаюсь прямо к
господам судьям Высокого Суда. В демократической стране, какой стала
Российская Федерация, выше всего стоит презумпция невиновности. Есть ли
какие-либо улики против моего подзащитного господина Ивана Васильевича
Ромова? Ни-ка-ких! Шаткое обвинение уважаемого мною прокурора построено на
одном свидетельском показании рецидивиста Хныровского Владимира
Илларионовича, дважды судимого и мстившего своему шефу по работе в фирме
Ромовых, ее генеральному директору Ромову Ивану Васильевичу. Чем можно
доказать правдивость слов этого свидетеля? Ни-чем! Я думаю, что уважаемый
мною господин прокурор будет вынужден согласиться со мной, а Суд вынесет
частное определение в отношении господина Хныровского, что он провел
преступную подготовку к замышляемому убийству, разведал образ жизни
сенатора, снял подходящую квартиру и лишь в последний момент из трусости
подменил патроны, надеясь, что за счет предательства своего сообщника сам

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org выйдет сухим из воды. Господин же Ромов, член уважаемой демократической семьи, пользующейся доверием избирателей, ни в чем не виновен, кроме того, что он привлекал к работе в своей фирме, что по закону не является преступлением, уголовно наказуемым, такого человека, как Хныровский, который явно метил занять его место в акционерном обществе «РОХ». Я кончил, господа судьи, и убежден в вынесении вами справедливого приговора. Другой защитник даже не старался выгородить наемного убийцу и говорил лишь о цивилизованном правосудии, о гуманности и отказе от смертной казни, которая якобы никогда еще не сдерживала преступности.

В заключительном слове Иван Ромов сказал:

– Мой защитник правильно заметил, что нет никаких доказательств, что свидетельство моего подчиненного Хныровского правдиво. Это типичный оговор, и я оставляю за собой право привлечения его к суду за клевету, с компенсацией понесенных мной материальных потерь и оскорбления моей чести и достоинства. Презумпция невиновности, надеюсь, будет соблюдена при вынесении судебного решения, которому гоов подчиниться, как акту справедливости.

– Как говорит! Как говорит! – восхищалась шепотом Варвара, наклоняясь к Сергею. Тот только передернул плечами и ответил:

– лишь бы без конфискации...

Обвиняемый Болотников промямлил:

– Продал, сука. Его и стрелять надо, а не меня.

Хныровский, стоя у стены, даже поежился при этих словах. Суд удалился на совещание.

Судебное совещание перед вынесением приговора всегда кажется мучительно долгим.

Варвара нервничала, а Сергей утешал ее:

– Если мерой пресечения была всего лишь подписка о невыезде, то и приговор будет мягким, может быть, условным. Папа с мамой постарались!

– Почему условным? – возмутилась Варвара. – Что ты, не понимаешь, что Хмырь все это подстроил в своих целях? Уж я-то знаю! Я всегда его терпеть не могла. Это ты с ним якшался...

Возглас секретаря суда «Суд идет!» заставил всех замолчать. Председатель суда возвестила:

– Именем Российской Федерации, суд (она назвала состав судей), рассмотрев уголовное дело Ромова Ивана Васильевича и Болотникова Семена Яковлевича, постановил признать Ромова Ивана Васильевича невиновным за отсутствием состава преступления, а Болотникова Семена Яковлевича на основании соответствующей статьи Уголовного кодекса за умышленное убийство пятерых человек с получением за это вознаграждения и попытки убить сенатора Вяткина Акима Михайловича, приговорить к высшей мере наказания – расстрелу.
– Не меня, суку Хмыря стрелять надо! – выкрикнул из-за решетки Болотников.

Хмырь втянул голову в плечи, стараясь сравняться со стеной, к которой прижался.

Суд зачитал еще частное определение в отношении Хныровского Владимира Илларионовича, готовившего убийство сенатора Акима Вяткина.

Однако Хмырю не суждено было предстать перед судом. В этот же день его, избитого до смерти, нашли в одном из закоулков на окраине города. Перед кончиной в реанимации он произнес невнятно слово «Грозный». Врачи сообщили следователю, что пострадавший назвал своих убийц из столицы Чечни Грозного.

Через несколько месяцев после вынесения этого приговора Иван Ромов давал интервью в популярной программе на одном из каналов телевидения.

Ведущий представил его телезрителям как преуспевающего бизнесмена,

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
собирающегося участвовать в предвыборной кампании.

– ...Мы ждем, чтобы наше государство имело возможность процветать так же, как, к примеру, ваше коммерческое предприятие. Скажите, как вы добиваетесь успеха в своей деятельности и почему мы не можем добиться успеха в государстве вообще? – задал очередной вопрос ведущий.

– Успеха достигнуть не просто. Необходимо не упускать никакой мелочи и даже уметь предвидеть... Нельзя владеть собственностью и не выжимать из нее все, что возможно. Нельзя остановить половину промышленности и ждать расцвета экономики. Нельзя прожить всю жизнь в долг – когда-то придется расплачиваться. Нельзя не заглядывать в завтрашний день, губить все то, что не дает прибыли сейчас, но необходимо для развития в будущем. Скажем, науку, создавшую такое чудо, как «Буран». Надо поддерживать и ценить умные головы специалистов. Ведь ни один настоящий хозяин не пожелает себе такого развала своего хозяйства, который происходит сейчас в нашем государстве. По всей стране нужно к государственным делам относиться, как к личным, и государственные проблемы решать, как собственные.

– Это вполне может быть программой государственного деятеля? – спросил ведущий.

– Не сомневаюсь в успехе такой программы, – ответил Ромов.

– Значит, секрет возрождения страны вы видите в совмещении личного и государственного, в сращивании интересов?

– Именно так, и никак иначе, – заключил Иван Ромов.

Новелла третья. Сошедший с корабля

Империю четвертовали.

В куски растерзана земля.

И станет прежнею едва ли.

Бежали крысы с корабля.

Нострадамус. Центурии, 1, 33.

Перевод Наза Веца

Заседание секретариата Союза писателей СССР в этот раз проходило в мраморном с зеркалами конференц-зале. В том самом зале, где будто бы танцевали Наташа и Соня Ростовы – героини романа Льва Николаевича Толстого.

Писатель Званцев, приглашенный сюда в этот день, ждал окончания секретариата в прилегающем к залу вестибюле, откуда вниз вела мраморная лестница, огороженная такими же перилами.

Первым из зала, сердито распахнув высокие белые двери, вышел Бойтаковский и, увидев Званцева, с которым был едва знаком, подошел к нему разгневанный, не в состоянии сдерживать себя, заговорил:

– Они меня исключили! Представьте себе, исключили из-за моих последних повестей! И это называется свобода слова, гарантированная конституцией!

– Как же так? – отозвался Званцев. – Значит, и печатавшие вас редакторы будут иметь неприятности?

– Мне наплевать на них! Я выброшен из творческой среды! Я не имею права, не должен общаться в ЦДЛ с единомышленниками, которые, как и я, хотят говорить в полный голос, а не пользоваться подпольным самиздатом. Вам хорошо! Вы умудряетесь, на правах фантаста, не вещать о современности, не восхвалять и не лакировать ее, как некоторые процветающие, а уноситься в другие миры, на другие планеты и мечтать себе о светлом будущем. А как нам быть, борющимся за настоящее, за права человека, попираемые на каждом шагу?

– На примере происходящего в иное время или в других мирах можно решать вполне земные проблемы, бороться за наши идеалы, – ответил Званцев.

– Ах, бросьте! Надоело! Все это видимость! А на деле наши «права» – в исключении меня из Союза писателей. Я все равно буду проникать в Дом литераторов. Хоть через черный ход или кухню ресторана. У меня там хорошие отношения, не то что с членами правления СП!

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Стоит ли? – усомнился Званцев.

– Стоит, стоит! Надо показать всем, что мы не сдаемся!

Из конференц-зала вышел озабоченный оргсекретарь правления Верченко, полный, подвижный человек. На ходу он кивнул Званцеву и сказал:

– Мы ждем вас, Александр Петрович, в моем кабинете.

– А вас-то зачем? – удивился Бойтаковский. – Вы-то чем провинились?

– Очевидно, тем, что дожил до восьмидесяти лет.

– Что, отмечать ваше тезоименитство собираются?

– Вручения награды в Кремле не удостоился. Передать «Дружбу народов» мне местным чиновникам поручили.

– Ах вот что! Кому ордена под набат, а кому коленом под зад!

Званцев распрощался с разгневанным Бойтаковским и пошел вслед за Верченко.

Бойтаковский спустился по мраморной лестнице, в последний раз зло взглянув на скульптуру бесстыдно насмехавшейся над ним обнаженной женщины, и, забыв надеть пальто, вышел во двор. Пройдя мимо изваяния мыслителя, так взглянул на него, словно тот виноват был в нанесенной ему обиде, что-то не домыслил...

В этот двор, вспомнил он роман Толстого, въезжали подводы за имуществом Ростовых, которое по требованию Наташи сгрузили, чтобы взять раненных на Бородинском поле.

Он чувствовал себя тяжело раненным в сражении на секретариате. Ему, бобылю, не хватало заботы такой Наташи. Он шел домой нетвердой походкой. Хотелось поделиться с кем-нибудь из встречных знакомых, но те или делали вид, что не замечают его, или холодно кивали, спеша по своим делам.

Дома Бойтаковский совсем не удивился телефонному звонку и вежливому приглашению побеседовать в КГБ.

«Второй акт трагедии!» – сам себе возвестил Бойтаковский. Он оказался на Кузнецком мосту много раньше назначенного времени. Проходя мимо книжной лавки писателей, не удержался и заглянул в нее, увидел одну из своих книжек в общем зале на первом этаже и по крутой железной лестнице, напоминавшей корабельный трап, поднялся на второй этаж, предназначенный только для писателей. Что ж, и сюда ему теперь нельзя?

Но никто еще здесь, конечно, не знал об его исключении, и он, привычно поздоровавшись с властвовавшей над прилавком высокой и худой Киной Викторовной, стал разглядывать выставленные на витрине книги. И опять увидел среди них свою книгу. Бойтаковским овладело двойное чувство. С одной стороны, ему было приятно видеть это издание, читать на обложке свою фамилию, а с другой – он с горечью понимал, что книги не проданы, а залеживаются на полках магазинов.

Ничего не купив, он спустился по той же лестнице вниз и вышел из лавки, заглянул напротив в художественный салон, посмотрел, что там выставлено. Конечно, и здесь не было места для его любимого авангардизма. Все те же приевшиеся пресные картины социалистического реализма, с которым он так отважно боролся на страницах своих книг.

Подшло время назначенного ему свидания.

В конце Кузнецкого моста он получил уже заготовленный для него пропуск и направился к суровому зданию Комитета Государственной безопасности, которое строилось когда-то для Страхового общества, а теперь многим внушало страх.

Пройдя контрольные посты Лубянки, как он мысленно называл это место, Бойтаковский оказался в кабинете, где его уже ждал подтянутый интеллигентного вида майор КГБ.

Майор встал при его появлении и радушно приглашающим жестом показал на стул

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org перед столом, без единой бумажки на его сверкающей полированной поверхности.

– Рад познакомиться с вами, Вячеслав Болеславович, – сказал он, – до сих пор знал вас только по книгам и впервые вижу перед собой.

– И как же? Не разочаровал? – спросил Бойтаковский.

– О разочаровании говорить рано. Это будет зависеть от вашей позиции в нашем с вами разговоре.

– Какой будет дебют? Королевский гамбит или защита Каро-Кан? – пытался пошутить Бойтаковский.

– Признаться, я плохой шахматист, быть может, из меня лучше получился бы психолог, – серьезно ответил майор.

– Тем более что психологу уже известно решение секретариата Союза писателей, – грустно усмехнулся писатель.

– Известно, к сожалению.

– Ах вот как? Значит, это решение не по совету отсюда?

– Совет, который вы получите здесь, несколько иной.

– Какой же? – удивленно поднял на майора глаза Вячеслав Болеславович.

– Ваши коллеги, как я понимаю, ставят вам в вину неприятие социалистического реализма? Не так ли?

– Я не понимаю этого термина.

– В моем представлении это реальное отображение жизни, способствующее построению социализма, – спокойно пояснил майор.

– А, к примеру, Бальзак? Чему он служил? Капиталистическому реализму? А Пушкин? Монархическому? Он ведь описывал жизнь при монархическом строе. И в «Капитанской дочке» не слишком симпатизировал Пугачеву, противнику царствующей Екатерины II? Показывал жестокость бунтаря, его расправы над честными людьми... – взволнованно заговорил Бойтаковский.

– Я далек от того, чтобы судить о Пушкине, – прервал его майор, – я сейчас думаю о вас.

– Весьма польщен таким вниманием.

– Оно, к сожалению, вызвано вашим неприятием современного советского общества.

– Нет, почему же? Я просто всячески ратую за соблюдение общечеловеческих прав.

– А где же они, по-вашему, соблюдаются? В капиталистических странах?

– Это по марксистской фразеологии...

– Вы лишились здесь окружавшей вас творческой среды, – снова прервал рассуждения писателя майор.

– Меня насильно ее лишили.

– А вы были бы против обретения среды единомышленников?

– Конечно, нет. Но...

– Мы хотим вам в этом помочь.

– Это как же? – опешил Бойтаковский.

– Заграничный паспорт, все визы и даже билет на самолет будут доставлены

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
вам в самое ближайшее время...

– Это что же, высылка? – не дал договорить майору Вячеслав Болеславович.

– Ни в коей мере! Это просто помощь вам оказаться в среде, где мыслят вашими категориями и где не требуется способствовать построению социализма. Впрочем, если в тех условиях вы захотите помочь нам...

– Нет, увольте! – гневно прервал Бойтаковский. – Если, конечно, я вас правильно понял...

– Правильно понять меня нетрудно. Просто вам предоставляется возможность отдавать свой талант служению обществу, которое вам кажется более справедливым, чем здесь, в Советском Союзе.

– Я, кажется, понял вас. Мое сопротивление бесполезно?

– Я думаю, оно просто не имеет смысла, – спокойным тоном подтвердил майор.

– Ну что ж! жена бросила меня год назад... Семейными узами я не связан. Так что, пожалуй, готов найти способ самовыражаться в предлагаемом месте.

– По вашему выбору, Вячеслав Болеславович, – предложил майор. – Насколько мне известно вы владеете немецким языком?

– Да, я родился в республике немцев, в Поволжье.

– Это несомненно поможет вам теперь. Я уверен.

Последние слова майора КГБ были сказаны так твердо, что Бойтаковский понял – все давно уже решено.

– Какой город вам более симпатичен? – продолжал майор. – Может, Франкфурт-на-Майне или Мюнхен?

– Мне одинаково чужды все немецкие города. Там я выйду из самолета бродягой, – задумчиво потерев глаза рукой, отозвался Бойтаковский.

– Вы не лишаетесь пока советского гражданства, – попытался успокоить его майор, – и сможете в любое время обратиться к нашему консулу.

– В качестве кого? Туриста?

– А это уже будет зависеть от ваших дальнейших планов и принятых там вами решений, – не принял иронии майор. – Вы сможете обменять ваши деньги на марки. Мы вам в этом поможем, чтобы можно было устроиться на первое время.

– Все понял... Надеюсь, вы отметите мне пропуск для свободного выхода из этого здания?

– Конечно, конечно, – майор поставил на протянутой ему бумажке свою подпись и встал из-за стола, прощаясь с Бойтаковским.

Спустя час Бойтаковский, придя домой, бесцельно расхаживал по своей квартире, все еще не осознавая неизбежности отъезда. Пустой раскрытый чемодан, лежащий посреди комнаты, своим видом напоминал ему о действительности, в кою не хотелось верить.

А на следующее утро ему был доставлен пакет с заграничным паспортом на его имя, билетом на самолет и несколькими тысячами западногерманских марок.

Еще через несколько дней Бойтаковский уже спускался по трапу самолета на землю чужой ему страны, в которой предстояло теперь жить.

Таможенный досмотр был на редкость простым. Немецкие пограничники попросту не стали даже осматривать багаж.

Выйдя из аэровокзала, Бойтаковский подошел к стоянке такси. Почтенного вида таксист подъехавшей машины, выйдя, распахнул перед ним дверцу, приглашая пассажира.

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
Это было так непривычно, что Бойтаковский в первую секунду замер, опомнившись, взглянул на удивленного шофера и сел в машину.

– Отвезите меня, пожалуйста, в какой-нибудь недорогой отель, – попросил он.

– Я знаю один такой, правда, там могут оказаться непредвиденные расходы...

Машина остановилась около невзрачного здания, у подъезда которого все же стоял здоровенный швейцар в форменной одежде. Он открыл дверцу машины, готовый принять багаж приезжего.

Вестибюль отеля оказался полутемным помещением, где за конторкой, рядом с доской, на которой висели ключи от номеров, сидела пожилая дама, исполняющая обязанности портье.

Цены в отеле были действительно умеренными, а предложенный номер располагался на втором этаже.

Поднимаясь в номер. Бойтаковский прошел мимо девицы, сидящей за столиком, поприветствовавшей его и осведомившейся, как он себя чувствует.

Бойтаковский раскланялся с ней, спросив в свою очередь о ее здоровье.

– О, нас постоянно проверяют врачи, – заверила она.

Несколько смущенный этим ответом, что-то пробурчав себе под нос, он вошел в номер и, прикрыв за собой дверь, оглянулся.

В довольно тесной комнате, загроможденной двуспальной кроватью, мебели почти не было, если не считать прикроватного столика и пары стульев. Умывальника и других удобств тоже не было, они, как объяснила горничная, находились в конце коридора.

Бойтаковский вполне оценил дешевизну номера и вспомнил свою московскую квартиру. Только в студенческие годы он пользовался удобствами в конце коридора.

Он начал распаковывать чемоданы. Увидев на столе телефонную книгу у аппарата, решил сразу же позвонить в издательства, которые могли бы заинтересоваться его книгами. Нужные номера он нашел, но аппарат оказался не включенным. Пришлось спуститься к портье, чтобы позвонить.

Первые переговоры с издательствами не очень обнадежили Бойтаковского. Клерки отвечали, что уже поздно, советовали позвонить завтра.

Бойтаковский вернулся в номер, сел за стол и задумался о своей судьбе, вспомнив вежливого майора из КГБ с металлическими нотками в голосе. Да, у них все уже было решено. Для них он был лишним. А здесь?

Дверь его номера неожиданно распахнулась, и через нее в комнату впрорхнула молодая миловидная женщина в ярком халате.

– Ах, Боже мой! Простите великодушно! Я не знала, что номер уже занят. Я ваша соседка, и, представьте, у меня не работает телефон, а мне необходимо позвонить.

И она, не дожидаясь разрешения, подошла к столику.

Бойтаковский, не успевший опомниться от такого неожиданного вторжения, еще больше опешил, когда она, набрав номер и непринужденно усевшись на край столика, защебетала, не обращая внимания на распахнувшийся халат:

– Это ты, Ганс? Как я рада слышать твой голос! Ну, как наши дела? Как детки? Исправил ли Эдик отметку по математике? Как Гретхен?..

Бойтаковский во время этого разговора смотрел на бесцеремонно сидящую перед ним женщину, на ее зазывающий полураспахнувшийся халатик, обнаживший совершенно голое бедро. Его воображение живо дорисовало все остальное, ничем, кроме халата, не прикрытое. Рука сама потянулась и погладила нежную кожу...

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Двухспальная кровать в тесном номере оправдала себя. И прав оказался таксист, когда предупредил о непредвиденных расходах. Визит незнакомки оказался куда дороже снятого номера.

Когда, мило улыбнувшись, гостья ушла, Бойтаковский снял трубку телефона и еще раз убедился, что она молчит. Ему стало ясно, куда привез его расторопный таксист. Решив впредь быть осмотрительнее, экономнее и вообще скорее съехать отсюда, утомленный Бойтаковский уснул. Завтра предстоял трудный день.

В этот день начались его скитания, надежды и разочарования. Он таскал с собой сумку с книгами, чтобы ознакомить с ними издателей.

– Герр Бойтаковский, мы рады вашему появлению здесь, но, право же, книги на русском языке нисколько не понятнее, чем, скажем, китайские. Вам придется аннотировать их и перевести на немецкий язык. Сначала каких-нибудь две или три главы, как пробные. После этого мы продолжим наш разговор. У нас будут требования, которые мы попросим вас учесть при выборе предлагаемых ваших произведений...

– Но я хочу вам предложить те свои книги, из-за которых мне пришлось покинуть Советский Союз.

– Нам хотелось бы верить, что их острота удовлетворит наших покупателей, ваших потенциальных читателей. Ведь наше издательство – коммерческое предприятие, мы не можем рисковать.

Примерно такой же разговор происходил и во втором издательстве, где побывал Бойтаковский. На беду, у него не было никаких знакомых в этом городе. И, видимо, здесь никто не заинтересуется переизданием его книг на русском языке. В самом деле, для кого?

А лишь это могло заложить прочный фундамент в его зарубежное существование.

Вернулся он в свой номер, что называется, без задних ног. Ведь он исходил весь город пешком, вдоволь насладившись умытыми улицами, сверкающими витринами магазинов, непостижимым количеством всевозможных товаров, о которых в Москве он и подумать не мог. Но они пока что были недоступны ему, безденежному иностранцу, которому даже не получить обратную визу для въезда в свою страну. Вокруг звучала немецкая речь, как в городе его детства Энгельсе, что напротив Саратова, через Волгу.

К счастью, хоть в этом отношении он не чувствовал себя совершенно чужим.

Он даже завел разговор с каким-то старикашкой, усевшись рядом с ним на скамейку в парке, чтобы отдохнуть. Разговор разочаровал его.

– ...что вы думаете об СССР и о том, что там сейчас происходит?

Старик подозрительно посмотрел на него:

– Слушайте, сударь, я еще помню гестаповцев. Они так же начинали разговоры.

– Нет, почтенный господин, я – иностранец, просто интересуюсь вашим мнением о России, потому что сам только вчера прибыл оттуда.

– На русском фронте погибли оба моих сына. Сам я – оперный дирижер. Дирижировал оркестром, исполнявшим Моцарта, Бетховена, Вагнера... Я не в восхищении от казачьей музыки вашего Чайковского. Предпочитаю Верди и Пуччини. А во время войны наш оркестр играл марши. Теперь занимаюсь бумажками, веду картотеку, потому что в оркестре мне уже нет места. Вот так. А вам что не сиделось у своих коммунистов?

– Я с ними не в ладах. Я борюсь за права человека.

– Может быть, вы будете теперь защищать и мои права? Так вас мигом вышлют из Германии, как, очевидно, выслали из России! – рассмеялся старик. Он оказался догадливым.

На этом их разговор закончился. Бойтаковский вернулся в свой тесный номер и запер дверь изнутри на ключ. На стук в дверь не ответил. Больше стук не

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org повторился, его оставили в покое.

На следующий день он перебрался в другой, более комфортабельный отель.

В новом опрятном, уютном номере со всеми удобствами было даже радио. Включив его и покрутив ручку настройки, Вячеслав Болеславович наткнулся на русскую речь. Но это была не Москва, а Мюнхен. Радиостанция «Свобода», которую он часто слушал, несмотря на глушилки в своей московской квартире.

Сейчас услышав знакомые интонации, он хлопнул себя по лбу, переходившему в начинающуюся лысину:

– Как же я не вспомнил о радиостанции «Свобода»! – громко по-русски воскликнул он.

Нужный телефон был в телефонной книге, и по работающему в номере телефону (не то, что в «доме свиданий») Бойтаковский сразу же договорился о встрече с главным редактором господином Тумановым.

В этот же день он был принят благорасположенным бородатым человеком, который знал Бойтаковского по его книгам. Наметили ряд передач, в которых прозвучат отрывки из книг Бойтаковского с комментариями самого автора.

– Но должен предупредить вас, Вячеслав Болеславович, что мы рассчитываем на ваши беседы и в других передачах по актуальным вопросам современности. С оплатой проблем не будет. Нас финансирует конгресс США.

Бойтаковский был несколько озадачен. Он хотел познакомить мир со своими книгами, посредством которых он боролся за общечеловеческие права и свободу мысли, а рассуждать на актуальные темы современности, особенно под контролем американского конгресса, в его планы не входило.

Туманов с улыбкой выписал ему чек за предстоящие передачи по отрывкам книг, оставив взамен все книги у себя для подборки материала, расспросил Вячеслава Болеславовича, как он устроился, и отсоветовал жить в дорогой гостинице, дав адреса недорогих, но удобных и приличных квартир.

Бойтаковский вдруг почувствовал себя в этом чужом городе вовсе не одиноким, тем более что главный редактор послал проводить его одного из своих сотрудников, фамилию и голос которого Бойтаковский знал по прослушанным ранее передачам, некоего господина Якобсона.

Его провожатый охотно рассказывал о Мюнхене о немцах, об особенностях жизни в Германии...

Комната у строгой и аккуратной пожилой хозяйки вполне устроила Бойтаковского, и он тотчас перевез туда свои вещи с помощью все того же благожелательного Якобсона, который посоветовал Вячеславу Болеславовичу обзавестись собственным автомобилем.

Бойтаковский справился о цене и подумал, что не скоро сможет воспользоваться этим советом.

Но жизнь ему теперь представлялась намного оптимистичнее. Сотрудничество с радиостанцией «Свобода» открывало ему двери в издательства, о которых он раньше даже и не подозревал. Впереди вырисовывалась заманчивая перспектива.

...Спустя год Бойтаковский узнал, что его деятельность на радиостанции не осталась незамеченной на родине и он лишен гражданства СССР.

К этому времени он уже не снимал комнату у старой фрау, купил себе вполне уютную небольшую квартиру и автомобиль.

Понемногу он влился в тихий, аккуратный, педантичный немецкий мир Мюнхена. И когда проезжал мимо пивной, где начиналось нацистское движение и где Гитлер делал свою политическую карьеру, ему не верилось, что в таком приличном городе могло происходить такое.

На радиостанции «Свобода» дела шли успешно, но не без неприятностей; исчез Туманов. Его разыскивали много дней, пока он не объявился не где-нибудь, а в СССР, оттуда публично разоблачал свою недавнюю деятельность на

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org радиостанции «Свобода», раскрыв ее связь с ЦРУ и финансовую зависимость от конгресса США.

Эта история с Тумановым сильно поразила Бойтаковского. Он дал выход своему негодованию, опубликовав повесть о триумфальном возвращении писателя на родину, в Россию, представляя ее страной абсурда, а действия руководителей – вершиной глупости.

Повесть имела успех, а Бойтаковский после ее опубликования стал еще более неприемлемым для своей бывшей родины. Но на радиостанции даже восхищались его творением.

– Я поражаюсь вашему язвительному таланту! – восторженно говорил Якобсон. – Те, кто будут слушать главы из вашей повести, умрут от хохота! Четко подмечено – «страна абсурда»! Я бы присудил вам Нобелевскую премию.

Нобелевской премии Бойтаковскому, конечно, не присудили, а в России за это время произошли невероятные события и коренные перемены. Распался СССР, а за ним и основная политическая платформа страны – коммунистическая партия. Взоры всего мира были прикованы к преобразованиям, происходящим в СНГ и республиках отделившихся от Союза.

Радиостанция «Свобода» в связи с этими событиями заняла продемократические позиции. Якобсон встретив Бойтаковского в редакции, пригласил его в свой кабинет. После исчезновения Туманова он занял место главного редактора.

– Вот так, Слава! Теперь придется вам по-иному «славить». Холодная война кончилась, и мы должны перестроиться по примеру нашей бывшей родины. Теперь наш курс не на разоблачение тоталитарного коммунистического режима, а на поддержку новой российской демократии и перехода к рыночной экономике. Вы представляете, как и о чем теперь будет вещать наш эфир?

– Еще не вполне, но я всегда боролся за свободу слова, а в душе был демократом, за что и выслан из Союза и даже лишен гражданства.

Вскоре Якобсон Юрий Моисеевич позвонил Бойтаковскому и сообщил:

– Поздравляю, Слава! Новое российское руководство вернуло всем эмигрантам гражданство. Пора нам подумать о «триумфальном», как в вашей повести звучало, возвращении на родину.

– А вы? – робко спросил Бойтаковский, почувствовав некоторую иронию в его словах.

– У нас в Москве будет свое представительство, но пока позволят средства, будем жить здесь, хотя Прага предлагает нам свое покровительство и предоставляет даже здание бывшего парламента. Тоже неплохо!

Бойтаковский крепко задумался. Он негодовал сам на себя за свою нерешительность, за мучающую ностальгию по кривым улочкам московского центра, уцелевшим церквушкам и подмосковным лесам. И все это сочеталось с уже сложившейся привязанностью к его уютной мюнхенской квартирке, устоявшемуся бюргеровскому быту, автомобилю, издательским связям и отношениям. А что может теперь ожидать его в Москве, представленной в повести «страной абсурда»? Вряд ли возвращение на родину для него будет триумфальным...

Но величайшим абсурдом, может быть, было то, что встречу его по приезде в Москву можно было бы считать вполне триумфальной. Его встречали на аэродроме представители даже не одного, а сразу нескольких Союзов писателей, на которые распался бывший, в свое время исключивший Бойтаковского из своих членов. Новые писательские вожди наперебой предлагали ему восстановиться именно у них.

Поднимаясь по мраморной лестнице все того же, так памятного ему здания, Бойтаковский не смог отказать себе в озорстве и, поравнявшись с мраморной скульптурой нагой женщины, к удивлению сопровождающих его писателей, протянул руку и погладил голое бедро статуи, как поступил когда-то с продажной девкой в дешевом мюнхенском отеле, оплатив этим торжествующим жестом за свое «изгнание» отсюда. Заботами новых писательских вождей ему была предоставлена квартира в доме одного из Арбатских переулков.

Кроме того, редакторы многих журналов наперебой предлагали ему свои страницы, хотя, увы, возможный гонорар за них был смехотворно мал.

– Вы ведь понимаете, Вячеслав Болеславович, – объясняли ему, – сейчас переходный период, и культура, как это ни печально, оказалась на одном из последних мест. Вы не можете себе представить теперешние расходы на бумагу и полиграфические услуги! Рост цен на рынке не позволяет надеяться на широкий круг читателей...

Бойтаковскому ничего другого не оставалось, как соглашаться на издание своих произведений, хотя жить на доход с них было, конечно, невозможно.

Встречаясь с бывшими собратьями по перу, он выслушивал их жалобы:

– Поверите ли, дорогуша! Жить становится совершенно невозможно. Помните, как чудно смотрелся в Переделкино писательский поселок рядом с дачами, окруженными фруктовыми садами последователей Мичурина!.. Говорили: «Вот живут богатые писатели рядом с бедными садоводами». Садоводы поумирали, фруктовые деревья повымерзли, землю и дачи продали процветающим бизнесменам... И теперь говорят: «Нищие писатели живут рядом с новыми русскими, которые их не читают».

– Так ведь в газетах пишут, что издательств теперь больше, чем прежде.

– А сколько из них «однодневок»? Издадут пару книг, гонорар за них не выплатят и растворятся в воздухе, как неопознанные летающие объекты.

Бойтаковский соглашался, поскольку сам недавно побывал в одном из самых процветающих издательств, где его приняли с распростертыми объятиями, обещали издавать его книги, но о гонораре твердого договора никак не получалось. Он, решительно настроившись, пришел в кабинет директора издательства, внешность которого показалась ему чем-то знакомой.

Писатель возмущенно высказал директору свои претензии, ведь предлагаемая сумма гонорара не превосходила той, которую брали машинистки за подготовку рукописи к печати. Директор пожал плечами:

– Поверьте, Вячеслав Болеславович, я всей душой готов помочь вам...

– Ах, это вы? Как тесен мир... – вдруг узнал Бойтаковский в директоре вежливого майора КГБ, снабдившего его всем необходимым для срочного выезда за границу. – В чем же теперь выражается ваша готовность помочь мне господин майор?

– Мы так давно не виделись, что я уже в полковниках побывал... А помочь я хочу вам прежде всего тем, чтобы читатели смогли прочитать ваши творения. Или вы не согласны издаваться?

– Конечно, издавать свои книги писателю необходимо, чтобы не опуститься до графомана...

– Ну что вы, Вячеслав Болеславович! Вы скорее в классики у нас попадете.

– Классики былых времен имели достаточный уровень жизни, устойчивый доход, а я могу жить только тем, что зарабатываю.

– Недавно я был на совещании, где один банкир заявил: «Наконец-то в нашей стране наступает расцвет литературы...»

– Простите, я не ослышался?

– Я не ослышался, слушая банкира. К тому же он добавил: «Народ больше не получает навязанных ему книг, он имеет возможность покупать то, что ему нравится». Сейчас в большом спросе любовные мелодрамы и сексуальные романы. Вот, если бы вы предложили нам что-нибудь такого рода, то тираж, а соответственно и гонорар были бы иными. Мы же коммерческое предприятие...

И снова Бойтаковский встал перед необходимостью принятия «помощи» от человека, который в свое время выпроводил его из страны, а теперь изгонял из подлинной литературы, коей Бойтаковский был предан всей душой. Да, он

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org боролся пером за права человека, как умел, но разве получение денег за свой труд не такое же право человека? Что же происходит? Всюду множество работающих людей: инженеров, шахтеров, работников сельского хозяйства... не имеют возможности получать причитающуюся им зарплату многие месяцы. Разве о таких правах ему мечталось все прожитое время? Что же, опять теперь искать возможности и пути верного заработка, вроде того, который он получал в свое время от конгресса США, чтобы по крайней мере чувствовать себя нужным?

Все эти свои мысли высказывал изрядно подвыпивший в ресторане Центрального Дома литераторов Вячеслав Болеславович своим собратям, угощая их в дубовом зале ресторана ЦДЛ, куда с удовольствием заходил в последнее время, замечая, как шепчутся, указывая на него, посетители и администрация Центрального Дома литераторов.

Его гости, пользуясь угощением за еще не иссякший валютный счет, согласно кивали и в свою очередь высказывали свои недовольства. Один из сидящих за столиком получил заказ даже на порнографический роман.

– А что вы думаете? – говорил он заплетающимся языком. – Вот возьму и напишу.

– Чего тебе налить для вдохновения?

– Коньячку, братец, коньячку. Именно на него у меня средств не хватает. Я вкус его забыл! Верите?

Но на столе появилась просто бутылка водки... Разошлись за полночь. От ЦДЛ до дома, где обосновался Бойтаковский, было недалеко. Распрощавшись с собратями, он направился к Арбатским переулкам. Пешеходов почти не было, а редкие машины проносились мимо него. Город казался вымершим. И только у себя в переулке он увидел три фигуры, идущие ему навстречу.

– Эй, дядя, не найдется закурить? – спросил здоровенный малец лет восемнадцати.

– Бросил, ребята. И вам советую, если хотите быть, как сейчас, здоровы, – поучительно ответил Вячеслав Болеславович.

– А что ты знаешь о нашем здоровье? Ты что, рентгеном работаешь?

– Нет, – смутился Бойтаковский. – Я – писатель.

– Писатель! – воскликнул второй. – Тогда, может, поделишься с читателями не только своими мыслями?

– Да у меня, кроме мыслей, теперь ничего и не осталось.

– Ну уж, дядя! Кое-что ведь ты на себе несешь. Давай снимай-ка свое обмундирование.

– Он не понимает, – вмешался третий, невысокий крепыш, у которого весь рост, казалось, пошел вширь. – Ему объяснить надо...

Первый детина врезал Бойтаковскому так, что у него перехватило дыхание и потемнело в глазах.

– А ну, раздевайся сам, пока мы тебе помогать не начали, – придвинулся к писателю вплотную первый.

– Как же я без штанов-то буду, неудобно, – взмолился Бойтаковский.

Но все возражения его были напрасны. Пришлось выполнить требования встреченных «читателей».

Содрогаясь от холода, а больше всего от своего жалкого вида и мысли, что по дороге домой ему могут встретиться люди, он стал судорожно думать, как выпутываться из этого дурацкого положения. Действительно, не объяснять же первому встречному, что его ограбили. И тогда в его протрезвевшей голове сверкнула чисто писательская находка. Он скинул с себя сорочку и галстук и остался в одних трусах. В таком виде он побежал трусцой по направлению к дому, изображая из себя приверженца оздоровительного бега босиком.

Но на пути его первым встречным оказался милиционер. Казалось бы, в такой ситуации следовало бы тотчас сообщить о случившемся, но Бойтаковский неожиданно для самого себя, сосредоточенно дыша, пробежал мимо стража порядка. Милиционер проводил бегуна удивленным взглядом.

К счастью, ключи от квартиры писателю удалось зажать в кулаке, когда его бумажник с остатками денег «уплывал» вместе с праздничным костюмом.

Это ночное приключение переполнило чашу терпения Вячеслава Болеславовича. Триумфальное возвращение в страну абсурда превзошло саркастическую фантазию его собственной повести. Тонуть в этом море абсурдов Бойтаковскому совсем не хотелось, и он, отказавшись от выступления по телевидению, где за использование эфирного времени нужно было заплатить спонсору, которого еще предстояло найти, спустя несколько дней вылетел обратно в Мюнхен, стыдливо оправдываясь перед собой, что ему просто нужно время, чтобы успокоиться, набраться сил и поправить свое финансовое положение, тогда он сюда вернется. Обязательно вернется!

Новелла четвертая. Отрава

Фонтаны яда, гейзер крови,
Пал милосердия закон.
Отрава та ребенку внове.
Но кем-то взрослым станет он?
Нострадамус. Центурии. IV, 66.
Перевод Наза Веца

В городе, столице огромного могучего государства; в древнем граде старых кремлевских стен и златоглавых соборов; в городе, где подоблачные дома-башни встали рядом с шедеврами былого зодчества; в городе самобытной культуры сказителей, певцов, музыкантов, поэтов, ученых, художников и ваятелей; в городе, откуда неукротимым пожаром изгнали непобедимого завоевателя, где преступных правителей, погрязших в казнях, сменяли просвещенные реформаторы; в городе, пославшем на Куликово поле славные дружины, свергнувшие иго татаро-монгольских варваров; в городе этом будто снова ударил старинный набатный колокол, хоть и не слышен был его гул на пустующих улицах с уходящими людьми и уезжающими машинами с кладью.

Невидимой тучей нависла там над всеми угроза нового нашествия «цивилизованного варвара», страшнее Батыевых набегов и позорного насилия. Подмял новый вандал под себя уже всю Европу и рвался теперь сюда, к главной площадке, провести на ней свой победный парад. Город приготовился к жестокому бою, оцетинившись противотанковыми ежами, зенитными орудиями, около которых сновали бойцы со строгими и тревожными лицами. На бульварах с горестно желтой листвой шли в туго подпоясанных серых и грубых солдатских шинелях грациозные девушки в лихо заломленных пилотках, ведя на привязи диковинных безлапых «зверей» со вздутыми боками, напоминающих китов, готовых всплыть в небесном океане и не позволить вражеским ястребам снизиться над улицами города, расстреливая из пулеметов прохожих.

Но кроме общего потока мирных жителей, покидающих город, стройно и решительно двигались отряды ополченцев, спеша на подступах к городу преградить путь врагу.

В грозные предоктябрьские дни сорок первого спускался такой отряд по тихому переулку к набережной реки, давшей свое имя городу. Проходили солдаты мимо одной из лучших его школ, и шагали в их строю ученики этой школы, добровольцы, не успевшие получить гимнастерки, надевшие шинели прямо на школьную форму. На плече у каждого была винтовка, которую пришлось нести почти детскими руками. Суровыми стали при этом ребячьи лица.

Голубоглазая девчушка в красной косыночке, Дашенька, подменив у школьной вешалки заболевшую мать, выглядывала из дверей на улицу, узнавая в проходящих рядах знакомых школьников.

Один из них, вчерашний озорник, выскочил из рядов, крикнув:

– Я сейчас! Мигом вас догоню.

Он промчался мимо Дашеньки в школу, не раздеваясь, пробежал прямо в коридор, где уже не было его одноклассников мальчишек, почти все они шли

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
сейчас мимо школы в ополченческих рядах, а работали здесь одни младшеклассники, помогавшие оборудовать школу под госпиталь. Перед ними и хотел он похвастать своей винтовкой. Ведь какой мальчишка не мечтал подержать в руках настоящее боевое оружие, да еще на законном основании.

Мальчишки обступили юного солдата, шупали грубое сукно шинели, тянулись к винтовке, но он сурово обрывал: – не тронь! Она настоящая! Вас защищать будет. И снова мимо Дашеньки промелькнул знакомый озорник. Выглянув за дверь, она видела, как он догнал строй бойцов, как зашагал вместе с ними...

«Не многие вернулись с поля». Один из десяти! За долгие годы, дежуря потом в той же раздевалке вместо матери, тетя Даша наизусть выучила выбитые золотом на мраморной доске у входа имена тех школьников, что «не вернулись с поля». И того паренька, забегавшего показать винтовку, в том числе...

Спустя полвека к этой же школе вальяжно, вразвалку подошел былой ее ученик, с трудом закончивший восьмой класс и устроенный влиятельными родителями в кулинарный техникум. И шел Миша Рысин, в это мирное время в школу... с оружием, с боевым пистолетом, приятно ощущая его тяжесть в кармане модных брюк.

Он миновал старенькую уже тетю Дашу, разделся и повесил заграничную куртку на крючок вешалки. Потом прошел в коридор, в тот самый, в котором показывал, свое оружие более полувека назад озорник в солдатской шинели.

И как и тогда, не оказалось в коридоре его бывших одноклассников, сидевших теперь на уроке в классе. Только одного знакомого он заметил в конце коридора – «крота-очкарика» который «больно много о себе воображает», а болталась там одна мелюзга, шестиклассники, лет по одиннадцати-двенадцати.

Они с любопытством поглядывали на незнакомого парня. А у того на сытом лице перекормленного ребенка даже глазки сощурились: «Хоть этим покажу! Вот удивятся! Позавидуют!» Увидев в руках у парня пистолет, ребята обомлели: «Настоящее оружие! Совсем как в телике у сыщика или гангстера... В фильмах они стреляют сразу или кричат: «Лечь на пол!», «Встать лицом к стене!». Вот здорово!»

Торжествующий обладатель такого сокровища показывал «мелюзге», как снимать с предохранителя, и учил, что целятся сейчас не так, как прежде, а держа оружие в двух руках, твердо, для точности прицела. И для наглядности Рысин продемонстрировал, как это делается, направив пистолет на стоящих поодаль цепочкой шестиклассников, не подошедших вместе с другими к нему: «Тоже воображают о себе!»

Курок спустился как-то сам собой... Прогредел выстрел. Совсем как в кино! Но почему-то упали сразу трое... «Небось подыгрывают!..»

Но от головы маленького мальчика, лежащего на полу, медленно растекалась лужица красной жидкости. Кровь!.. Миша перетрусил. Он вообще боялся крови, даже вид порезанного пальца приводил его в смятение.

В кинофильмах стрелявший почти всегда старался не оставить улики: уносил отстреленную гильзу, избавлялся от оружия... И Миша, усвоив это, подобрал с пола отскочившую гильзу, растолкал перепуганных малышей и бросился прочь.

Очкарик к месту происшествия бежал из конца коридора. Двери классов после прозвучавшего выстрела открылись, из них выходили учителя и высыпали ученики. Но стрелявшего в коридоре уже не было.

Уверенный, что за ним будет погоня, он, схватив с вешалки куртку, опрометью бежал по улице. Задыхаясь от быстрого бега, завернул за угол. Вот уже и недалеко его дом... Там в подъезде старался отдышаться. И зря.

Дома никого не было. Все на работе. Рысин спрятал пистолет, чтобы его и не найти. Внушая себе, будто ничего страшного не произошло, решил действовать как настоящий киногерой и, переодевшись, отправился в «Националь», где на кухне ресторана проходил практику от кулинарного техникума. Он уже представлял, как знакомые повара дадут «продегустировать» заказанные богатеями блюда, а потом можно будет прошмыгнуть через ресторан в гостиничный холл к телевизору, где наверняка будут показывать какой-нибудь боевичок, который привычно успокоит его. «Ведь никто не сказал ему, что он

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org убил. Так, попугал немного! И вообще шестиклассники его не знают, а очкарик... издали не разглядел. Слепой ведь, как крот! А если и ранен кто-нибудь, то врачи вылечат. За то они и деньги получают!..»

По всей школе весть о происшедшем распространилась мгновенно, и сразу начался переполох. Директор и завуч, прыгая через ступеньки, бежали в этот злополучный коридор, в котором уже собралась толпа учеников и преподавателей.

Очкарик, подоспевший к пострадавшим первым, стоя на коленях, как умел, старался перевязать носовым платком кровоточащие раны лежащего на полу паренька, который стонал и отталкивал его:

– Тихо ты, ухо больно... и затылок...

Двое других лежали рядом как куклы...

Появился, неизвестно кем вызванный, может быть, тетей Дашей, пожилой милиционер.

– Кто стрелял? – строго спросил он, оглядывая толпящихся мальчишек.

– Незнакомый парень... с пистолетом... настоящим, – перебивая друг друга, загомонили ребята.

– Давайте по одному, – остановил их милиционер и обратился к стоящему к нему ближе всех мальчику:

– Ты его знаешь?

Мальчик отрицательно покачал круглой, коротко остриженной головой.

– Кто знает преступника? – спросил еще раз милиционер, оглядывая собравшихся вокруг него.

– Да, дети, кто стрелял? – спросил подошедший директор. Он запыхался от спуска и волнения.

Очкарик, продолжая оказывать первую помощь, не оборачиваясь, произнес:

– Это Мишка Рысин. Я его знаю. Он еще из нашего восьмого класса ушел. Неупевающий.

– Миша Рысин? – воскликнул директор. – Надо найти его адрес. Мария Ивановна! – попросил он подошедшего завуча.

– «Скорую» вызвали? – спросил милиционер.

Вместо ответа он увидел входившую женщину в белом халате.

Очевидно, кто-то позвонил в «скорую». Директор вспомнил, что на лестнице ему встретилась молоденькая математичка, которой он недавно сделал замечание за ношение слишком короткой юбки. Видимо, бежала к телефонам в учительской.

Медсестра «скорой» делала перевязки трем пострадавшим, оттеснив неумелого очкарика.

Милиционер оглядел стоящих перед ним ребят:

– Так, главное известно. Но вы говорите, что он выстрелил один раз, а пострадавших трое. Как же так?

– Один раз стрелял, точно, – хором подтвердили ребята.

– «Одним махом троих убиваем»? Сказки! Так не бывает, – спорил с ними милиционер.

– Ранение в голову более чем серьезно! – сообщил врач со «скорой». – Не знаю, довезем ли до реанимации, хоть и на двух машинах.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Какой ужас! – в отчаянии произнес директор. – В какой больнице можно будет справляться о состоянии наших учеников?

Врач назвал номер и адрес больницы, куда везли ребят.

Шоферы внесли носилки. Но санитаров в бригадах не оказалось. Десятиклассники вызвались помочь.

Раненых по очереди перенесли в машину «скорой помощи». Вместе с потерпевшими в машину села молоденькая математичка, классная руководительница этого шестого класса.

Машины тронулись. На их крышах тревожно заморгали мигалки. На мокром от недавнего дождя асфальте остался след от протекторов.

Учителя и ученики молча смотрели вслед удаляющейся «скорой».

Через час рыдающая учительница математики позвонила директору:

– ...Дима Федоров, не приходя в сознание, скончался в реанимации. Это ужасно! Такой мальчик!.. Пуля прошла через его голову навывлет...

Прервав свой рассказ рыданиями, она продолжала:

– Эта же пуля ранила в ухо Егора Шаркова. Он потерял барабанную перепонку, но врачи сочли возможным отпустить его домой. Я привезу его на такси, – всхлипнув, заверила учительница. – Хуже с Женей Белявским. Пуля застряла у него в голове, и его срочно отправили в институт имени Бурденко. Решатся ли там нейрохирурги на операцию? А как жить с оставшейся пулей в мозгу? Боже мой, единственный ребенок в семье!.. – не в силах продолжать, она бросила трубку.

Директор ходил по кабинету, охватив голову руками. Какой ужас! Все это произошло в его школе! Бедные мальчишки! Несчастные родители! Он ведь в ответе перед ними, доверившими ему своих детей! Он-то очень хорошо понимает, что такое потерять сына. В его душе не заживет кровотокающая рана своей потери служившего в армии сына, погибшего, как было объявлено ему в военкомате, «во время военных учений». Сколько их, мальчишек, погибло на земле Афганистана и просто от армейской «дедовщины»? Он видел по телевизору матерей погибших сыновей, среди которых была и его жена, говоривших с президентом. Он плакал перед сотнями миллионов телезрителей, но так ничего и не сделал.

По этому же телевидению как-то выступал и «несгибаемый» генерал, убеждая, что «дедовщина» полезна. Она передает от призыва к призыву армейские традиции почитания старших товарищей и командиров. И этот генерал, который не задумался бы послать призванных в армию юношей, еще ни чему не обученных, в бой, оправдывал их гибель в мирное время.

Теперь вот убили одиннадцатилетних детей, и призовут, наверняка к ответу, в первую очередь его, директора школы, отвечающего за все, что в ней происходит!..

А пожилой милиционер уже начал действовать: передал все сведения и факты преступления в следственное отделение милиции, говорил с приехавшим прокурором, который оформил ордер на задержание подозреваемого в совершении преступления.

К дому, где жил Рысин, подъехала милицейская машина, а убийца в это время, покушав на кухне ресторана, наслаждался перестрелкой гангстеров на экране телевизора. Но помимо своей воли он мысленно возвращался к происшедшему в школе и думал: «Здорово все в фильмах! Убил – и ничего, как таракана прихлопнуть! Падают все, как подкошенные, и даже совсем не страшно!..»

Оперативники, прибывшие в квартиру Рысиных, Мишу не застали дома. Долго звонили в звонок у двери, пока не услышали возмущенный голос женщины:

– В чем дело? Что вы ломитесь в частную квартиру. Я сейчас вызову милицию.

– Как раз милиция сама к вам и пожаловала, откройте, – серьезно сказал старший лейтенант.

Хозяйка дома, попросив показать в глазок удостоверение, открыла дверь:

– Чем вызвано такое вторжение? Я вас не вызывала! Отдохнуть после работы не дадут! – сердито запахивая нарядный халат, говорила она.

– Михаил Рысин, ваш сын, дома?

– Миши нет, – удивленно подняла брови женщина. – Он на практике в ресторане. Я – работаю в мэрии. Мой муж – подполковник госбезопасности...

– Извините, гражданка Рысина, у нас ордер на задержание вашего сына, подозреваемого в убийстве двух школьников, а также на проведение обыска в вашей квартире.

– Вы с ума сошли! Убийство! Мой сын еще ребенок! Я сейчас же позвоню мэру Москвы и шефу контрразведки. Будете иметь неприятности...

– Мы их уже имеем, беседуя с вами, – сказал лейтенант.

– Я вас не впускаю сюда с этими вздорными обвинениями.

– Тем не менее у нас есть все права осмотреть вашу квартиру. Мы ищем пистолет, из которого был произведен выстрел, повлекший за собой гибель детей. Может, это было отцовское оружие? Ваш муж мог оставить пистолет дома?

– Об этом спросите его самого.

– Мы его дождемся, а пока, с вашего разрешения, приступим к обыску.

– Я разрешения не даю и подчиняюсь насилию, за которое вы ответите!

– Сержант, – обратился лейтенант к одному из сопровождавших его. – Пригласите кого-нибудь из соседей в качестве понятых.

Двое оперативников принялись обыскивать квартиру. Вскоре один из них принес в комнату, где оставались лейтенант и хозяйка квартиры, автомат времен Отечественной войны и боевую гранату.

– Там еще патроны остались.

– Это коллекция мужа. Он собирает боевое оружие, – поспешила объяснить хозяйка. – Или коллекционировать у нас запрещено?

– Смотря что коллекционировать. На оружие, притом хранящееся в квартире, необходимо особое разрешение властей.

– Власти! Власти! Можно подумать, что у нас нет демократии.

В прихожей послышался звук открываемой двери. В комнату вошел подтянутый длиннолицый с коротко подстриженными усами подполковник. Он спросил уверенно и спокойно:

– Кто такие? Что здесь происходит?

– Гражданин Рысин?

– Так точно, старший лейтенант, подполковник госбезопасности Рысин.

– Ознакомьтесь с ордером на задержание вашего сына и проведение обыска в вашей квартире, где обнаружены нами вот эти предметы, по поводу чего попрошу вас дать объяснения.

– О каком аресте ребенка может идти речь? И проводить обыск в моем отсутствии – чудовищное нарушение прав человека. – возмутился Рысин.

– А вы имеете право на хранение своей квартире боевого оружия? Может быть, у вас во дворе и списанный танк имеется для коллекции?

– Попрошу вас не забываться, лейтенант! Я старше вас по званию. А о

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
разрешении на оружие говорить будете со службой контразведки, – отрезал
подполковник.

– У вас личное оружие при себе? И разрешение на ношение тоже?

– Да, вот извольте, а личный пистолет хранится в сейфе на службе, –
протянул разрешение лейтенанту подполковник.

– Ваш сын, гражданин Рысин, Михаил, сегодня в коридоре школы выстрелил из
пистолета. В результате этих его действий был ранен ученик этой школы и
смертельно ранены два других школьника. Этот пистолет тоже из вашей
коллекции?

– Ничего о таком пистолете не знаю? И откуда мог взять пистолет мой сын?

– Но в вашей незаконной коллекции был пистолет? – повторил лейтенант.

– Во первых, незаконность ее не доказана, и по этому вопросу вам придется
иметь дело с генералами госбезопасности.

– Закон для всех один: и для маршалов, и для генералов, и даже
подполковников, а также и всех остальных граждан. Так где же ваш пистолет?

– Понятия не имею.

– Вот пистолет нашел, товарищ лейтенант, – сказал, входя в комнату,
оперработник в штатском. – Под педалями в пианино был запрятан.

Он протянул завернутый в платок пистолет лейтенанту.

– Это правильно, что вы его платком прихватили, – похвалил оперработника
лейтенант. – Отпечатки пальцев сохраняются. Понятым дайте подписать акт и
отпустите.

– Как пистолет туда попал? – удивился обеспокоенный Рысин. – Неужели это я
по рассеянности туда его положил?

– Я думаю, мы это выясним у вашего сына, который проявил такую
изобретательность в укрытии оружия, а гильзу, наверное, для памяти при себе
хранит.

– Да что вы мне голову морочите! Гильза одна – пострадавших трое. Прямо
барон Мюнхаузен! – возмутился подполковник.

– Пуля прошла навылет через голову одного из мальчиков и ранила еще двоих
одиннадцатилетних мальчишек, малышкой по сравнению с вашим сыном, которому
скоро уже в армию идти, – сказал лейтенант.

– Ничего не знаю, ничего не понимаю! – опустил в кресло Рысин.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошел Миша Рысин. Увидев отца и
лейтенанта в комнате (мать и двое оперативников были в соседней), он
воскликнул:

– Папа, у нас гость! Сейчас я на кухне такой ростбиф сварганю, самое оно к
водочке, как в лучших ресторанах Европы. Специально этому обучен!

– С ростбифом мы подождем, а пока задерживаем тебя Рысин Михаил, по поводу
убийства двух школьников шестого класса.

– Я не убивал. Я учусь в кулинарном техникуме. Уже давно в школу не хожу. В
ресторане «Националь» на практике был. Повар и другие свидетели этого есть,
даже иностранные. Так что у меня полное алиби...

– Алиби, говоришь? А откуда знаешь, в какое время это произошло и что
несчастье именно в твоей старой школе случилось?.. Тебя там узнали и адрес
твой домашний дали, – холодно закончил старший лейтенант.

– Это очкарик заложил! Он всегда ябедой был, – пробормотал Миша,
растерявшись.

– Но никого, надо думать, не убивал и из пистолета по детям не стрелял? – добавил старший лейтенант.

Миша Рысин от этих слов сразу скис и, глядя исподлобья, совсем по-детски проямлил:

– Это получилось нечаянно. Я не хотел стрелять. Я только показывал... Больше никогда не буду!

– Это ты на суде говорить будешь, а сейчас собирайся, пойдешь с нами.

Мать Миши, войдя в комнату и услышав последние слова, вскрикнула и бросилась к мужу.

– Я не отпущу его! – поднялся с кресла подполковник.

– И не надо, вас мы тоже задерживаем за незаконное хранение оружия. Поедете вместе с сыном. В одной камере предварительного заключения будете, – пообещал старший лейтенант.

– Это самоуправство! Вы понимаете, с кем имеете дело? У вас, лейтенант будут большие неприятности, пообещал Рысин-старший.

– Старший лейтенант, – поправил его тот. Для меня вы сейчас гражданин, нарушивший закон. Гражданка Рысина, соберите их вещи.

Будто очнувшись и придя в себя от этих слов, Рысина проговорила:

– Вы допускаете большую ошибку! Вспомните потом мои слова... Мне есть к кому обратиться, и в их защите я уверена. А вы... еще сильно пожалеете об этих своих действиях.

Она вышла в другую комнату за вещами, затем позвала туда сына переодеться. До нее дошло, что дело оборачивается серьезной неприятностью.

– Я буду звонить всем, кому надо, – шепнула она уходящему мужу.

Тот молча кивнул.

Едва за выходящими из квартиры закрылась дверь, Рысина бросилась к телефону и звонила, звонила без конца, набирая нужные номера.

– Главное, – говорила она кому-то в трубку, – не дать делу большой огласки. Очень важно, чтобы молчала печать... Или пусть представляет все как несчастный случай, если нельзя умолчать совсем. Ведь дети всегда склонны к баловству... У ребенка всегда может быть нервный срыв. Вы меня понимаете?... А за адвоката спасибо. За нами не пропадет.

Старший лейтенант выполнил свое обещание: оба задержанных оказались в одной камере. Но не одни. Подполковник с омерзением разглядывал спящего в углу алкоголика и прикорнувшего рядом с ним бомжа, бросал опасливые взгляды на несомненного рецидивиста, развалившегося на нарах.

– Чего уставился, подполковник? – усмехнулся тот. – Что я, твоих погон не видал. Это ведь не бобровая шапка. Ту я в карты проиграл. А вот что ты натворил, что здесь ночуешь?

– Не твоего ума дело.

– Фу-ты ну-ты... Какая фанаберия барская! В одном месте сидим, значит, одной веревкой повязаны. Срок, может, и разный будет – об этом говорить рано. А сейчас здесь помалкивай больше, хоть ты подполковник, хоть «енерал», – посоветовал «рецидивист».

Дверь открыл милиционер и позвал старшего Рысина к начальнику отделения милиции.

Это был майор с усталым и сердитым скуластым лицом. Он не посмотрел на вошедших, углубившись в рапорт старшего лейтенанта.

Подполковник Рысин уселся напротив него без приглашения.

Майор поднял на него умные, чуть насмешливые глаза:

– Сидите, сидите, подполковник. Сейчас разберемся.

– Я хочу подать рапорт о поведении в моем доме вашего сотрудника, который позволил себе оскорбление граждан, в квартиру которых он вломился.

– Пишите, – протянул ему бумагу майор. – И в этом же рапорте дайте свое объяснение, каким образом оказалось в вашем доме столько боевого оружия, без охраны и, как я понимаю, письменного разрешения на его хранение. Я подожду, пока напишете.

Он нажал кнопку звонка на столе и сказал появившемуся в дверях милиционеру.

– Мальчика, что в школе стрелял, – в детскую комнату, к лейтенанту Смородиновой. Я ей поручил вести дознание.

Рысин при этих словах встрепенулся, отодвинул недописанную бумагу:

– Товарищ майор! Поскольку сын мой несовершеннолетний, то я прошу вашего разрешения присутствовать при его допросе. Это не противоречит законности?

– Нет, мы родителей по мере возможности сами вызываем в таких случаях. Не всегда, правда, они находятся...

– Служба госбезопасности будет благодарна вам, – пообещал Рысин.

– За что же? – удивился майор. – Я выполняю свои служебные обязанности, установленные для моей должности МВД.

– Ну, это службы родственные.

– Идите, подполковник, вас проводят в детскую комнату, – прервал этот разговор майор.

Рысин вышел из кабинета начальника без сопровождения конвойного, вошел без стука в указанную дверь и увидел своего сына, сидящего напротив миловидной девушки в милицейской форме.

– С разрешения начальника явился присутствовать при вашей беседе с моим сыном, Михаилом Рысиным, – отрекомендовался он.

– Здесь идет не беседа, а допрос, – поправила девушка-лейтенант, строго взглянув на подполковника.

Девушка не оказала вошедшему никакого почтения, даже не встала при появлении старшего по званию. Это не понравилось Рысину-старшему. Он почувствовал в этом предвзятость лейтенанта Смородиновой, тем не менее промолчал, отодвинул стул и без разрешения уселся рядом с сыном.

– Продолжим, – сказала следователь, придвигая начатый лист протокола допроса.

Вопросы, задаваемые Мише, в основном были те же, какие задавал старший лейтенант при задержании. Только теперь все ответы фиксировались в протоколе.

После очередного вопроса Рысин-отец счел нужным вмешаться:

– Я подполковник госбезопасности, госпожа лейтенант. И я не допущу ни личного оскорбления, ни запугивания моего сына, с которым вы обращаетесь недопустимо, игнорируя истинное объяснение случившегося как несчастный случай.

– Для этого нужно объяснить несчастным случаем возможность доступа Михаила к незаконно хранящейся коллекции оружия в вашем доме. И то, что сын ваш взял из нее заряженный пистолет, расхаживая с ним по улице, принес в школу, где в момент выстрела дуло оружия оказалось направленным в группу детей. Да?

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Он просто показывал им, как нужно целиться, этот жест у любого мальчишки в крови. Посмотрите на малышей детсадовского возраста, они с игрушечным оружием ведут себя точно так же. Это я вам говорю не как простой гражданин, а как военный, подполковник.

– Подполковник тоже должен быть в первую очередь гражданином... Произошло убийство двух школьников в результате того, что сын ваш нажимал курок отнюдь не игрушечного пистолета, настоящего боевого заряженного оружия, сняв его с предохранителя! И об этом вам не следует забывать...

– Я протестую, лейтенант! Вместо дознания вы пытаетесь психологически воздействовать на склонного к нервному срыву ребенка, – возмущенным голосом прервал ее Рысин.

– Я допрашиваю не вас, гражданин Рысин. По вашему делу назначен другой следователь. Потому эти ваши замечания в протокол не будут заноситься. А признание вашей версии о несчастном случае или нервном срыве – дело дальнейшего расследования происшедшего, – спокойным голосом ответила следователь.

Видя бесполезность своих возражений, подполковник сказал:

– Позвольте мне соединиться по телефону с шефом контрразведки Степашиним.

– Не пытайтесь оказывать давление на следствие, – предупредила его следователь. – Кроме того, служебным телефоном пользоваться в личных целях не разрешено. А так как вы не умеете вести себя спокойно при допросе, то я вынуждена отправить вас обратно в камеру.

Она нажала кнопку звонка и приказала вошедшему конвоиру:

– Отведите задержанного в камеру предварительного заключения.

– Я не уйду без сына, – озираясь на дверь, сказал Рысин.

– Он подпишет протокол и вернется к вам в камеру.

– Но он несовершеннолетний и не может отвечать за свои поступки как взрослый, – за последнюю соломинку схватился Рысин-отец.

Лейтенант обратилась к Мише:

– Ты уже получил паспорт?

– В прошлом году, – понуро ответил он.

– Когда в армию?

– На будущий год.

– Как видите, гражданин Рысин, хоть я, конечно, понимаю отцовские чувства, но сыну вашему уже пора отвечать самому за свои поступки.

– Я буду жаловаться на вас. Не место таким людям, как вы, в этой комнате, где должны оберегать детей, а не калечить их психику.

– Да, но мы должны оберегать и тех детей, на которых может быть направлено заряженное оружие такого «ребенка» предпризывного возраста, как ваш сын. И поздно теперь уже оберегать тех, которые погибли от пули, выпущенной из вашего пистолета... Отведите гражданина, – обратилась она к ожидавшему милиционеру, – и дайте ему вот этот лист бумаги для фиксирования всех его жалоб.

Рысин готов был взорваться от гнева и возмущения, а следователь продолжала допрос:

– Как случилось, Миша, что в руки к тебе попал отцовский пистолет?

– Я знал, где он лежит, и взял.

– Зачем?

- Чтобы при мне был. И ребятам показать.
- А, показывая, ты целился.
- Нет, не в тех, а в других, что в сторонке стояли.
- Значит, ты выстрелил не в тех, кому показывал оружие, – подвела итог следователь.
- Я не стрелял, – испуганно сказал Миша.
- Кто же выстрелил в мальчиков?
- Пистолет сам выстрелил...
- Но ты снял его с предохранителя?
- Я просто показал, как это делается.
- Ты не понимал, что при снятом предохранителе выстрел последует при малейшем прикосновении к спуску курка?
- Не знал я этого. Не понимаю, как все получилось. Я никогда не стрелял из настоящего пистолета, только по телику видел...

Подполковник Рысин деланно держался за сердце, шагая не перед, а рядом с сопровождавшим его милиционером. Когда закрывали за ним дверь камеры, он крикнул:

- Доложите начальнику, что я настаиваю на разговоре с ним.

Миша явился в камеру заплаканный, а негодующий отец, увидев его, закричал:

- Тебя били? Била эта предвзятая, купленная стерва в погонах!..
- Но горячись, папаша, – приподнялся на нарах «рецидивист». – Ты еще не знаешь, как бьют. Слезами не отделаешься... Нешто битые так выглядят?

Рысин, не слушая его, стучал в дверь, требуя отвести его к начальнику.

Наконец его опять повели в кабинет к майору.

Жена Рысина времени даром не теряла, и ее бурная деятельность выражалась непрерывными звонками телефона в кабинете майора. Тот уже устал от непрерывных разговоров по делу этих Рысиных. Кто только не вмешивался в это дело, не говоря уже о газетчиках, которые с утра уже пытались проскочить на прием. Звонки были и посерьезнее... И когда Рысин старший вошел в кабинет, держа в руке исписанный лист бумаги, майор, приняв от него жалобу и объяснения, предложил ему сесть, сказав при этом:

- Мера пресечения вам и вашему сыну изменена на подписку о невыезде. Вот здесь напишите ее за себя и за вашего несовершеннолетнего сына...
- А как же моя жалоба на следователя, которая и слушать не хотела о несчастном случае и позволяла себе оскорбительные высказывания?
- Следствие переходит к следователю прокуратуры. В детской комнате милиции вашим сыном больше заниматься не будут, – устало сказал майор.

Дома подполковник и его жена жадно просматривали утренние газеты. Во всех был материал, посвященный жуткому случаю, происшедшему в школе, но... почти все объясняли это убийство несчастным случаем и нервным срывом подростка.

- Адвокат самый лучший подключен, – говорила Рысина мужу. – Ты позаботься, чтобы законность хранения твоей коллекции была подтверждена.
- Не беспокойся, – хлопая ее по плечу, отвечал подполковник. – Там не выдадут...

- Я думаю, если адвокат хорошо постарается, то дело уйдет в песок, –

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
помолчав, сказала жена.

– Тут стараться надо не только адвокату, – мрачно ответил Рысин.

По прошествии времени дело об убийстве двух школьников и ранении третьего действительно «ушло в песок», посланное на доследование и проходящее задержки иного рода, называемые в народе попросту «проволочками», волокитой. Если протянуть три года, то можно за давностью дело прекратить.

Новый директор школы, назначенный вместо снятого за развал школьной дисциплины (несчастье случилось во время урока), собрал педсовет и внушительно говорил учителям:

– Дисциплина должна быть поднята до надлежащего уровня. Доступ в школу будет строго ограничен. Входные двери во время уроков должны быть заперты. На место гардеробщицы возьмем мужчину, чтобы мог задержать при входе постороннего. Сейчас мужиков не у дел предостаточно.

Старенькая учительница русского языка и литературы поднялась на том педсовете и сказала:

– В русской литературе прошлого века был поднят звучащий и ныне вопрос «КТО ВИНОВАТ?». Я не знаю, виновата ли тетя Даша или наш бывший директор. Разбирательство дела установит ответственность Рысиных, и отца, и сына. Это не мое дело, я не следователь. Но, как русский человек, отдавший долгую жизнь воспитанию детей, я хотела бы назвать истинно виновных в возможности подобного рода преступлений. Кто учит наших учеников технологии убийств? Кто внушает им, что жизнь человека не дороже тараканьей? Кто? Отвечу: наше государственное и общественное или, как его там называть, коммерческое телевидение, которое наряду с кинематографией со всех экранов обрушивает на подростков жуткие сцены с насилием, преступлениями, убийствами. Кого мы вырастим, отравляемых этими средствами массовой информации, для которых нравственность зрителей – ничего, а ВЫГОДА – все. И они скупают за бесценок заокеанские жуткие боевики, отравляя ими наш русский народ. Так «КТО ВИНОВАТ?», – повторяю я и отвечаю: – ЭКРАННАЯ ОТРАВА, находящаяся в руках безнравственных людей, не думающих, что творят! – И она села при общем молчании. Все были согласны с ней, но никто не выразил этого.

Тети Даши, знавшей наизусть имена, а многих и в лицо, погибших школьников – защитников Москвы, в школьной раздевалке не стало.

Памятная доска в вестибюле не пополнилась новыми именами двух погибших шестиклассников. На чье-то предложение сделать надписи директор отрезал:

– Они не сражались за Родину.

И в самом деле, занесенные в вечные списки героев шли в последний бой, уходя из школы, а эти двое несчастных мальчиков последние шаги сделали, придя в родную школу. Правда, шли они по тому же переулку, спускавшемуся к набережной реки, давшей свое имя городу.

Новелла пятая. «Подайте милостыню ей»

Познают люди гнет утопии,
Но тот, кто выгодой лишь жив,
Науку, знания утопит,
Гонясь за призраком нажив.
Нострадамус. Центурии, IV, 32.
Перевод Наза Веца

Прямо на улице, на занесенном снегом, давно не чищенном тротуаре, переминаясь с ноги на ногу, стояла пожилая, но все еще красивая женщина в поношенном пальто, торгующая растворимым кофе.

Кинорежиссер, Неля Алексеевна, привычно вглядываясь в лица, в поисках типажа для очередной своей кинокартины, остановилась перед «торговкой», привлеченная ее необычным для такого дела видом.

– Скажите, если не секрет, сколько вы здесь зарабатываете? – спросила она женщину, держащую в замерзших руках банку кофе.

– Какой секрет! Тысяч двадцать в день, не считая того, что приходится

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
платить за место.

– И вам не холодно? – спросила Неля Алексеевна, взглянув на отнюдь не зимнюю обувь «торговки».

– Очень холодно. Как бы не простудиться! Мне надо внука поднимать. Я дочь схоронила... Тридцати пяти лет! – объяснила женщина.

– Такая молодая! Что с нею случилось?

– После операции на венах тромб оторвался. В сердце попал. И все...

– Боже мой, какое горе!

– Внук у меня на руках. Поднимать его надо, а в нашем институте реактивов нет.

– Реактивов? – не поняла Неля Алексеевна.

– Я доктор наук. По иммунологии. Трудов – не счесть... Но ведь платят за эту работу – сто пятьдесят тысяч, и то с запозданием. Да и за что платить-то? Все работы остановились, – с сожалением проговорила женщина.

– Остановились работы по иммунологии? Это ведь так важно! – поразилась Неля Алексеевна.

– Еще бы! Боролись против всех болезней, от гриппа до рака. Организм человеческий многое может, если ему помочь суметь.

Как это часто бывает, женщины, разговорившись, почувствовали доверие друг к другу.

– Простите, как ваше имя-отчество?

– Елизавета Сергеевна. Стыдно фамилию называть. Простите. Я и так в места поглуше забираюсь, боюсь узнают знакомые.

– А разве ваши коллеги лучше живут?

– Семейные почти все, как я. Так называемую «продовольственную корзину» не наполнить, – грустно усмехнулась Елизавета Сергеевна.

– Но ведь, если я правильно поняла, вы работаете в крупном научно-исследовательском институте? – удивилась кинорежиссер.

– Даже в прославленном. Сверху обещают науку поддерживать. Так ведь сейчас у нас рыночная экономика, а какая наука на рынке. Есть американский «фонд Сороса», помогающий русским ученым. Но неизвестно где эти деньги растворяются. По крайней мере, из моих знакомых их никто не видел... Что-то я с вами разговорилась, даже теплее вроде стало... Кофе не купите? Бразильский. Когда-то сама пила...

– Пожалуй, куплю у вас две, нет, три банки. А у вас нет теплой обуви? – указывая на довольно изящные, но явно не для такой погоды сапожки, спросила Неля Алексеевна.

– Представьте, нет. Когда муж, академик, был жив, добежать до машины от подъезда не было проблем. Все щеголяла. А теперь... – и она вздохнула.

– Вы простите меня, Елизавета Сергеевна. Я – кинорежиссер. Вы не могли бы сняться у меня в картине, в эпизоде?

– Какая я киноактриса! – отмахнулась та.

Ничего сложного! Вы сыграете самое себя... Зарплата будет больше кофейного.

– Мне так неудобно. Разоткровенничалась... Это вроде как в романсе: «Подайте милостыню ей...» – смутилась Елизавета Сергеевна.

– Вы поете, а может быть, играете на рояле?

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Играла. Пела. Русские романсы из репертуара Козина или Тамары Церетели: «Утро туманное», «Пара гнедых»...

– Так это прекрасно! – обрадовалась кинорежиссер. – Все так и обыграем: и кофе, и ваш задыхающийся в нужде институт. Ведь это ему нужна милостыня, как в романсе.

– Давайте я вам кофе в сумку положу, – предложила Елизавета Сергеевна.

– Спасибо, спасибо. Но вы мне так и не ответили. Согласны на такую работу?

– Я подумаю.

– Если надумаете, приходите. Вот вам моя визитная карточка. До свидания, Елизавета Сергеевна. Позвоните мне хотя бы по телефону, – сомневаясь, что та согласится на предложение, попросила Неля Алексеевна.

– И телефон у меня выключили за неуплату, – грустно проговорила Елизавета Сергеевна. – Но я обязательно постараюсь позвонить. К соседу схожу. Когда был жив муж, он с ним дружил.

– Буду очень ждать.

С тяжелым чувством расстались две женщины.

«Подайте милостыню ей», – с горечью мысленно повторила Неля Алексеевна, оглядываясь на «торговку». – «Да не ей, а всей науке нашей...»

Неля Алексеевна очень обрадовалась, когда вопреки своим сомнениям, некоторое время спустя, подняв трубку зазвонившего телефона, узнала голос Елизаветы Сергеевны.

– Я звоню вам, Неля Алексеевна, прежде всего, чтобы извиниться, что наговорила вам тогда, продержав вас на морозе. Я крайне признательна за ваше приглашение сниматься в фильме, но теперь это для меня исключено.

– Почему же? Улучшилось ваше финансовое положение? Или что-нибудь у вас стало не так?

– Я сейчас звоню от соседа. Но перемены в моей жизни теперь возможны, из-за чего не решусь сниматься в вашей картине, – сказала Елизавета Сергеевна.

– Если это не телефонный разговор, то позвольте я приеду к вам, – спросила Неля Алексеевна, почувствовав в ее голосе сомнение.

– Ваше участие в моей судьбе меня трогает. Ради Бога, приходите, я буду очень рада, – и она назвала свой адрес.

Через час Неля Алексеевна явилась в бывшую академическую квартиру.

Елизавета Сергеевна открыла ей дверь.

Просторная прихожая, а из нее через стеклянный витраж видна гостиная с роялем, картинами на стенах.

– Там Миша уроки готовит, – сказала хозяйка и пригласила гостью в другую комнату, очевидно бывший кабинет ее покойного мужа, ставший теперь ее рабочей комнатой. Стены в кабинете, казалось, были сложены из книг – столько их здесь было расставлено на полках и в книжных шкафах.

– Как много у вас иностранной литературы, – приглядываясь к золотым корешкам, удивилась Неля Алексеевна.

– Да, ее сейчас не продашь... А я почти все уж перечитала.

– Вы знаете языки?

– Английский, французский, хуже немецкий и немного итальянский, – просто ответила Елизавета Сергеевна. – Все испанский собиралась выучить.

Обе женщины сели на диван.

– У вас очень красивое лицо, – сказала кинорежиссер, поправляя очки. – Почему же вы отказываетесь сниматься в моей кинокартине? Я уверена, что получится все очень хорошо!

– Для такой работы я уже не гожусь. Вчера через моего соседа, он видный ученый и работает в нашем институте, меня отыскал руководитель одного научного центра в Вашингтоне, вернее в его пригороде. Там занимаются проблемами иммунологии. Он – нобелевский лауреат. Я знаю его труды. Так вот... Он приезжает в Москву и хочет непременно увидеться со мной.

– Так это же замечательно!

– Как сказать. Не могу же я принять его в своей заброшенной лаборатории, – горестно усмехнулась доктор наук. – Аппаратура давно бездействует, сотрудники почти все на «подработке»... Жить-то всем надо.

– Примите у себя дома. Знаете что! Давайте я вам помогу подготовиться к его приезду. Когда он будет в Москве? – предложила Неля Алексеевна.

– Через несколько дней, но я, право, не могу...

– Можете, можете! Если хотите, то и я заинтересована в том, чтобы нашей науке не петь «Дайте милостыню...», – оборвала режиссер.

– Как это возможно?

– Поговорим вместе с вашим американским «дядюшкой». Я немного понимаю по-английски, а вы мне еще поможете, – голосом, не допускающим возражений, сказала Неля Алексеевна.

Елизавета Сергеевна еще некоторое время сопротивлялась, но гостья была столь дружески напориста и искренна в своем желании, что она в конце концов согласилась.

В передней раздался звонок.

Елизавета Сергеевна пошла открывать дверь и скоро ввела в кабинет высокого мужчину с огромной лысиной и пышной седой бородой.

Знакомьтесь, Николай Андреевич, мой сосед и, в какой-то мере, шеф, старый друг моего покойного мужа, академик, – представила она вошедшего.

– Очень рад, – гулким баском проговорил академик, церемонно прикладываясь к ручке Нели Алексеевны,

– Вот Неля Алексеевна вызвалась помочь мне встретить американского ученого, – сказала хозяйка.

– А! Нобелевского лауреата! У них, что ни шаг, то нобелевский лауреат. В Стокгольме за ними почти девяносто процентов премий забронировано. Как будто больше нигде в мире ничего не делается, – сердито проворчал академик, усаживаясь в кресло.

– Американец говорил вам, для чего приезжает в Москву? – спросила Неля Алексеевна.

– Известно зачем! – поднял на нее умные глаза Николай Андреевич. Мозги наши воровать. Своих недостаточно, за чужими тянутся. Хочу предупредить вас, Лизочка, не поддавайтесь на устроенный быт под Вашингтоном. Пусть у нас скверно, а все на родной земле... Не клюйте на их жирного червячка.

– Да что я, рыба, что ли? – обиделась Елизавета Сергеевна.

– А кем вы себя почитаете? Коммерсанткой, делающей свой тротуарный бизнес? – ворчал академик.

– Ну уж, Николай Андреевич... – смущенно пыталась остановить гостя Елизавета Сергеевна.

– И нечего мне рот закрывать. В нашей мутной воде сейчас как раз добычу и

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org ловить. Вот и ждите такого ловца.

– Вы считаете, что я не должна его принять ни в институте, ни дома? – спросила Елизавета Сергеевна.

– Институт не позорьте, и так стыдно, а насчет дома, то я препятствовать вам права не имею, хотя и хотел бы иметь. На какие такие средства прием организовать хотите? При ваших-то доходах?

– Николай Андреевич, да я уж давно кофе торгую.

– Вполне научное занятие.

– Расходы я приму на киностудию, у нас на мою кинокартину счет открыт, – вмешалась Неля.

– А вам почему так хочется спровадить нашу милую хозяйку далеконько за океан? – иронично спросил старик.

– Ни в коей мере! Я просто хочу средствами кино и телевидения обратить внимание общественности на положение людей науки. Кроме того, этот гость может предоставить вам некоторые инвестиции, – объяснила она.

– Предоставляли, и не раз. Так ведь украдут, непременно украдут! А нам оставят выражение глубокой благодарности американским «дядюшкам», – усмехнулся академик.

– Какой вы злой, Николай Андреевич! – удивилась Неля.

– Будешь злым... Когда вам в картине неумеренный злодей понадобится – к вашим услугам.

– Я пока только на Елизавету Сергеевну покушаюсь.

– Покушайтесь, только не скушайте! Она нам еще пригодится. Очень пригодится! – сказал Николай Андреевич вставая с кресла и раскланиваясь с дамами. – Патриотизм! Патриотизм выше всего! Всегда надо помнить об Отчем доме, об Альма-Матер!

Он ушел раздраженный, оставив запах сигаретного дыма и мужского одеколona.

– Вот, он всегда такой! – как бы извинилась за гостя хозяйка.

– Лиза, милая, позвольте мне так вас называть, он ведь в какой-то мере прав! Но принять американца мы с вами должны.

Женщины расстались друзьями.

Неля Алексеевна позаботилась, чтобы и квартире Елизаветы Сергеевны включили телефон, и явилась к ней, нагруженная покупками.

– Теперь в магазинах, казалось бы, все купить можно. Недаром ревнителю рыночной экономики хвастают полными прилавками. Правда, купить-то далеко не все могут. Далеко не все! – возмущалась она.

Американцу было уготовано чисто русское гостеприимство. Но стол был уставлен далеко не русскими яствами.

– А может быть, мы все это зря? – засомневалась Елизавета Сергеевна. – Мне говорили, что в Америке такое застолье не принято.

– Так это там, в Америке. А принимаем мы его здесь, в России, так что пусть будет все по-русски, – ответила Неля Алексеевна.

И они обе занялись приготовлениями к приему гостя. И когда худой, поджарый и улыбчивый гость из Америки приехал к современной, по его словам, "Мари Кюри-Склодовски" в области иммунологии, он был пленен радушием двух русских женщин и русским гостеприимством, о котором, как он сказал, только читал у Толстого и Достоевского. За столом состоялся деловой разговор.

– У нас недалеко под Вашингтоном, в очень тихом и уединенном месте –

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org институт. Там прекрасные условия для продолжения ваших работ, миссис Садовская, – говорил американец. – Мы были бы счастливы, если бы вместе с нами работал такой крупный специалист по иммунологии и такая очаровательная женщина. Может быть, вы согласитесь поработать у нас по контракту пару лет? Мы вам предоставим возможность завершить свои многообещающие исследования. Я познакомился с ними в журнале «Нейчер» в Англии. Это очень строгий журнал, в нем помешается только то, что бесспорно. И ваши замыслы таковы, и их необходимо довести до конца. Отчего вы не печатаете ваши последующие разработки?

– У нас сейчас переходный период... Мы испытываем некоторые финансовые трудности.

– Да, я вас отлично понимаю. Но, согласитесь, что человечеству до этого нет дела. Свирепствуют тяжелейшие болезни. У вас, я читал, смертность превысила рождаемость. Этому следует помешать. Разве можно объяснить людям отказ в вашей помощи финансовыми затруднениями?

– Но что можно конкретно сделать? – вмешалась Неля Алексеевна.

– Может быть, пока в вашем институте условия не позволяют работать специалистам, надо объединить наши усилия, наши лаборатории, наши финансы... Необходимо, чтобы госпожа Садовская продолжала свою работу. Останавливать ее – преступление перед человечеством.

– Вы пытаетесь сманить у нас видного ученого? – попросту спросила Неля Алексеевна.

– О, нет, нет, мои леди! Я не похититель дам для гаремов. Я хочу помочь русской науке не погибнуть. Мы высоко ценим ваши достижения. Я предлагаю контракт. Правда, оплата весьма скромная. Всего 30 тысяч долларов в год. Но этого вам будет вполне достаточно, чтобы заниматься работой спокойно. Все, что потребуется вам на первое время для того, чтобы обосноваться у нас, будет предоставлено. Я сам во всем буду вам помощником.

– Заманчивые предложения! Боюсь, что моя подруга не выдержит и согласится. Но предупреждаю вас, что если вы ее все же сманите, то придется вам принимать меня в качестве гостя и с видеорекамерами. Я ведь кинорежиссер.

– О! С готовностью! У нас в Америке реклама имеет огромное значение. Всякий показ наших ребят на телевидении – бесподобная помощь ученым. Но что скажете вы, госпожа Садовская?

– Я подумаю, – коротко ответила Елизавета Сергеевна. Изрядно выпив водки, гость стал рассказывать о своей Америке, которая, по его словам, была и должна быть во всем первой:

– У нас не только самые высокие дома в мире, не только самые богатые люди, у нас самые лучшие автомобили, самая лучшая конституция, самые лучшие президенты, с которыми мне привелось даже встречаться в Вашингтоне. Пусть первыми в космос вступили вы, но на Луну все-таки первыми высадились мы. И наука наша первая в мире, потому что к нам идут лучшие ученые всех стран. И я надеюсь видеть среди них госпожу Садовскую, – закончил подвыпивший профессор Снайс.

Он ушел, рассыпаясь в любезностях хозяйке, плененный оказанным ему приемом. У подъезда его ждала вызванная им машина.

Женщины остались одни. Елизавета Алексеевна бессильно сидела в кресле, опустив руки:

– Что вы обо всем этом думаете, Неля? Ведь это же та самая утечка мозгов, о которой говорил Николай Андреевич.

– Утечка – это когда ушло и не вернется. А он предлагает временный контракт... И потом, он безусловно прав, что человечество ждать не может.

– Контракты, как правило, продляются. Затянет новая работа, жаль будет бросать... И останется без меня моя лаборатория, – грустно проговорила Елизавета Сергеевна.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

– Не плачьте по тому, чего нет, и неизвестно, когда теперь будет. А что вам делать все это время? Торговать кофе?

– Да, можно сказать так: «Лаборатории нет». Но если я уеду, то ее уже не останется вообще... И как же Миша? Ему ведь надо учиться. Я не могу оставить его здесь с беспутным отцом.

– Будет учиться в американской школе, выучит язык. Это ему еще и пригодится в будущем. Ездят ведь российские дети просто учиться в Штаты или по обмену. Дети быстро осваивают иностранные языки. Вы сами столько языков выучили тоже не в преклонном возрасте? – спросила Неля Алексеевна.

– Конечно, я языкам училась с детства. Я ведь из академической семьи. «Потомственная ученая».

– Вот и Миша ваш станет «потомственным ученым». А знание английского языка только поможет в этом.

– Вы советуете мне поехать? – посмотрела гостье в глаза Елизавета Сергеевна.

– Не подумайте ради Бога, что я вас уговариваю... Просто я стараюсь объективно смотреть на происходящее. И не думайте, что моя душа не рвется воспрепятствовать вашему отъезду. Он ведь предлагает условия не просто для жизни, а для вашей дальнейшей научной работы. Имеете ли вы право похоронить свои знания?

Елизавета Сергеевна долго сидела молча, сосредоточенно рассматривая свое обручальное кольцо на пальце левой руки. Понимая, о чем она думает, и не желая ей мешать, гостья встала с дивана и подошла к окну.

– Ах, была не была! – резко встала с места хозяйка. – Позвоню ему, скажу о своем согласии.

Неля Алексеевна повернулась к ней и спросила:

– Вы действительно уже решили?

И получив на свой вопрос утвердительный ответ, сказала:

– Только попрошу вас еще ненадолго вернуться к вашему рыночному бизнесу. Не пугайтесь! Я только прошу вас сняться в начальных кадрах задуманного мною фильма. Нужно рассказать людям вашу историю и показать, чем она завершится. А для этого ждите меня под Вашингтоном, ангел мой.

– Под Вашингтоном! Но ведь мне теперь нужно хлопотать о заграничном паспорте. Как это делается? Я ничего такого не умею, – спросила Елизавета Сергеевна.

– Вы умеете то, что другие не ведают. И ради чего вся эта возня с заграничным паспортом? Об этом не думайте. Я попрошу нашего администратора. Он их всегда для всей съемочной группы оформляет.

Неля провожала Елизавету Сергеевну в Шереметьево. Садовская держала за плечи своего внука, чудесного кудрявого мальчика, который с необычайной серьезностью, старательно выговаривая английские слова, прощался с Нелей Алексеевной, которую успел полюбить за короткое время сборов. Женщины обнялись, и слезы показались у обеих на глазах. Елизавета Сергеевна встряхнула головой, будто отгоняя горестные мысли и, взяв внука за руку, пошла к самолету.

Неля Алексеевна с нетерпением ждала звонка из Вашингтона. И, наконец, дождалась.

– Представьте себе, Неленька! – говорила Елизавета Сергеевна. – У меня здесь нет никаких бытовых хлопот. Для меня специально сняли прелестную квартирку в коттедже, недалеко от леса, уже обставленную нужной мебелью. Удобно, красиво и не очень дорого. Деньги есть. Мне выдали часть авансом. Миша поступил в школ. Правда, необходимо еще с ним заниматься английским. Но, я думаю, что скоро он будет им владеть лучше меня. Работа, скажу прямо, меня вдохновляет. Прекрасная лаборатория, новейшее оборудование. О таком

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org можно только мечтать. Но я не перестаю думать о своем институте.

Как ни торопилась Неля Алексеевна завершить свою работу над фильмом о российском ученом, раньше весны ей выехать в Вашингтон не удалось.

В аэропорту ее встретил до крайности любезный профессор Снайс.

Съемочная группа, погрузив свою аппаратуру, уехала на такси, а Нелю, в своей великолепной машине, «крайслере» последнего выпуска, профессор повез через Вашингтон, показывая по пути ей город.

– Не удивляйтесь, леди, – говорил он. – Вы не увидите здесь обязательных, как считается, для Америки небоскребов. Мы проедем сейчас через самый неамериканский город Америки, кусочек старой Европы, заброшенный через океан. Здесь, вы замечаете, склонность во всем к классической архитектуре.

Они ехали по одной из главных улиц города. Машин было много, но большинство из них были припаркованы или стояли на стоянках.

– Обратите внимание, что на улицах чернокожих жителей больше, чем белых. Живущие здесь работают в основном в сервисных фирмах. Больших предприятий в городе нет. К тому же округ Колумбия южный, и это тоже сказывается.

Действительно, по тротуарам шли хорошо одетые мужчины и женщины с темной кожей. Встречались и белые лица, в большинстве женские.

– Все мужья на работе в федеральных ведомствах, – объяснил профессор.

Они проехали мимо внушительного здания с великолепной мраморной лестницей у входа. Нелю поразило, что на ступеньки брошены доски с установленными перилами, вроде трапа на речных пристанях.

– Ступени разрушаются от времени? – поинтересовалась Неля.

– Нашему государству всего двести с небольшим лет, оно еще юное. Но законы в нем соблюдаются строго, в частности, в Верховном Суде, их главным страже. И на лестницах, лишенных перил, по закону такие перила должны быть поставлены. Эта забота о людях преклонного возраста, а члены Верховного Суда, в основном, такие.

Здание конгресса Неля, конечно, узнала по возвышающемуся над зеленью деревьев куполу, который можно было принять за какой-нибудь величественный европейский храм.

– Отсюда звучат речи избранных народа, – пояснил мистер Снайс. – Там помещаются и палата представителей, и сенат. А в галерее выставлены бюсты всех когда-либо заседавших здесь сенаторов. Кстати, они приезжают сюда из гостиницы по маленькому сабвэю, сидя в движущихся под землей креслах.

Потом проехали мимо всем знакомого по бесчисленным изображениям Белого дома, резиденции президента.

Невысокое здание с непременными колоннами на фасаде напоминало бы русский помещичий дом, если бы не походило больше на фазенду южного плантатора.

– Недавно в расположенном за Белым домом саду цвели вишни. Их подарил одному из президентов японский император, – сказал профессор. – А вот и памятники нашей недолгой истории. Вон там устремленная в небо граненая стрела, которую американцы прозвали карандашом. Она установлена в честь Джорджа Вашингтона. А сейчас мы с вами остановились перед мраморной колоннадой павильона, где в мраморном кресле сидит мраморный президент Линкольн.

Неля рассмотрела узкое спокойное лицо освободителя негров, обрамленное бакенбардами, руки, покоящиеся на ручках кресла.

– Я лишен всяких склонностей к метафизике, но американцы смакуют многозначительные совпадения. Во второй половине девятнадцатого века было два освободителя людей от рабства: русский царь Александр II и наш президент Линкольн. И оба были убиты террористами. Из двух памятников им сохранился только вот этот.

– Но сад, примыкающий к Московскому Кремлю, где стоял памятник царю-освободителю, даже в самое жестокое коммунистическое время продолжал называться Александровским садом, – заметила Неля.

– Ах вот как? – удивился профессор.

Они уже ехали по пригородному шоссе. Мелькали рекламные щиты и заправочные станции. Вскоре их машина оказалась в тихом городке или поселке, состоявшем из, казалось бы, одинаковых двух- или трехэтажных коттеджей, каждый из которых отличался от другого формой окон, затейливостью балконов, своеобразием отделки и расположением среди оставленных деревьев былого леса.

Около одного дома и остановился мистер Снайс. Навстречу выбежал кудрявый мальчик и бросился к выходящей из машины Неле.

– Как я рад вам, тетя Неля! – заговорил он. – Можно хоть по-русски поздороваться.

– А как твой английский, миша? – спросила Неля после приветствия.

– Меня ребята понимают. Я их учу русскому языку.

Неля перевела слова мальчика мистеру Снайсу.

– Этот мальчик станет профессором, – изрек Снайс, вынимая из багажника чемодан Нели и неся его к дому.

Миша позвонил бабушке по радиотелефону, который держал в руке, и та попросила его передать трубку Неле Алексеевне.

– Я сейчас, сейчас буду дома, – говорила та. – Я так рада вашему приезду. Мы сегодня же сможем осмотреть все, что вас заинтересует, – обещала она. – Мне было необходимо сегодня закончить оформление работ.

Через каких-нибудь четверть часа Елизавета Сергеевна уже обнимала Нелю. Профессор Снайс съездил за ней на своей машине.

– Я заинтересован, весьма заинтересован в ваших съемках, – говорил он откланиваясь.

Елизавета Сергеевна провела Нелю в дом.

Из просторного вестибюля-передней прошли в большой зал с изящной мебелью и белым роялем, как в московской академической квартире. Оттуда – в кабинет ученой, куда перекочевали ее московские книги. Через высокую стеклянную дверь можно было выйти на открытую веранду, куда тянулись ветки распустившейся сирени.

– Она совсем как наша подмосковная! И, представьте себе вместо радости при ощущении чего-то родного, наплывает тоска, ностальгия по всему русскому. Тяжко здесь адаптироваться. Люди, конечно, деловитые, вежливые, но какие-то узкие, лишенные обычного для наших кругозора, – призналась Елизавета Сергеевна.

Помолчали, потом спустились в садик с цветущей сиренью, вдыхая ее аромат, и вернулись в дом через вестибюль, откуда на второй этаж со спальнями вела удобная лестница.

Миша уступил свою комнату наверху госте, перебравшись к бабушке во вторую спальню.

Заботливый профессор Снайс прислал за Елизаветой Сергеевной и приехавшей сюда съемочной группой свою машину с шофером.

И скоро все направились в институт иммунологии, красивое белое здание на живописной лесной лужайке.

Лаборатория Садовской походила на ее московскую, которую Неля уже засняла. Но если та напоминала остановившуюся без горячего машину, то здесь

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org ощущалось стремительное движение. Куда-то торопясь, входили и выходили лаборанты в белых халатах. Перед компьютерами сидели молодые люди без пиджаков, в разноцветных подтяжках или легких жилетах. Вдоль стены – пульта с циферблатами приборов. Запах каких-то реактивов.

Мистер Снайс, сопровождавший женщин, говорил:

– Право, полученное здесь вещество следовало бы назвать «Садоиммунитом». Не правда ли, – обратился он к Неле, – прекрасно все организовано миссис Садовской? Конечно, приятнее было бы ей видеть это все у себя дома, в России, но финансирование – это поистине бич ученых...

Звукооператор по знаку Нели записал эти слова американского ученого.

Потом снимали целый «зверинец» подопытных животных, особенно тех, которые выздоравливали после тяжелых привитых им заболеваний.

– Бедные героические кролики! – с печальной улыбкой говорила Елизавета Сергеевна, поглаживая одного из них, взяв его из клетки. – Самоотверженные служители здоровью человечества.

Самые важные и впечатляющие кинокадры предстояло заснять в одном из Вашингтонских госпиталей.

Со съемочной группой поехал профессор Снайс. Елизавета Сергеевна осталась в лаборатории, надо было успеть все оформить к сроку подачи представлений на премию, получение которой было важно для престижа института. Срочных хлопот было немало.

Неля помнила, что об этом профессор Снайс заводил разговор еще в Москве, когда уговаривал Елизавету Сергеевну работать у них. Главный врач госпиталя и профессор Снайс комментировали съемки.

– Прежде чем заснять наших больных, – говорил главный врач, – я покажу вам снимки ног наших больных при поступлении в госпиталь. У мистера Паркера и мистера Стокксмена, одновременно привезенных к нам, была гангрена обеих ног. Медицина до сих пор не знала иного средства спасения жизни пациентов в таких случаях, кроме ампутации конечностей.

Видеокамера засняла страницы «истории болезни» с наклеенными на них фотографиями обезображенных, опухших и потемневших ног больных.

– Запустившим до крайности свое заболевание пациентам было предложено спасение жизни с помощью ампутации конечностей или согласиться на клинические испытания нового средства – иммунологов. Мистер Паркер, человек весьма религиозный, сказал, что не может противиться предписанному свыше, он, созданный по образу и подобию Божьему, не может уподобиться кролику, на котором испытывают новые средства каких-то там иммунологов.

– Я сам убеждал его, – вставил профессор Снайс, – доказывал, что средство наше пробуждает возможности организма, и мы ничем не нарушаем Божьего предопределения. Ведь организм человеческий создан по Божьему велению. Но мистер Паркер остался при своем мнении. Второй пораженный гангреной ног, мистер Стокксмен, напротив, согласился на все, лишь бы по-прежнему ходить на своих ногах, как он выразился, – продолжал главный врач. – Я готов представить кинооператорам обоих пациентов, при условии, что будет упомянуто, в каком госпитале проводилось лечение.

Камера следовала за идущими по больничному коридору профессорами. Открывается дверь палаты. На койке больной после операции.

Главный врач подходит к нему и приподнимает край одеяла. Открылись забинтованные обрубки ног.

– Это мистер Паркер. Мы уже заказали для него инвалидную коляску с электроприводом самого последнего образца. Теперь пройдем ко второму пациенту.

В гимнастическом зале на велотренажере сидел мистер Стокксмен и с увлечением крутил педали.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
– Мистер Стокксмен рассчитывает участвовать в очередном велокроссе, – с улыбкой пояснил главный врач.

– Ему вместо ампутации ног было введено вещество, полученное в результате исследования профессора Садовской в лаборатории нашего научного центра, – вставил профессор Снайс.

Главный врач с довольной улыбкой наблюдал за выздоравливающим пациентом.

– Организм, которому помогло средство профессора Елизабет Садовски, смог справиться с такой страшной болезнью, как гангрена, грозившая общим заражением крови и летальным исходом.

– В России в народе это называют «антонов огонь», – замечает Неля.

– Разработанное в нашем научном центре под Вашингтоном средство может оказаться действенным и при других болезнях. Сейчас начаты клинические испытания. Результаты их вскоре будут известны. Но уже то, что достигнуто, позволит выдвинуть нашему институту свою новую разработку на соискание Нобелевской премии, – закончил профессор Снайс.

– Надеюсь, эта американская разработка дойдет и до России, – заметила в заключение Неля, благодаря американских ученых за помощь в съемках.

А будущий участник велокросса, сохранив обе ноги, продолжал крутить ими педали тренажера. На других снарядах в зале выздоравливающие пациенты клиники разрабатывали мышцы, ослабшие за время болезни.

Киносъемка завершилась в коттедже Елизаветы Сергеевны.

Кинематографисты досконально засняли все прелести западного комфорта. Однако сделали они это уже на следующий день, после посещения клиники, направившись в небольшой отель при научном городке.

Елизавета Сергеевна оставила Нелю у себя, хотя та и пыталась тоже уехать вместе со своей группой.

– Мне предлагают купить этот дом в рассрочку, но я не хочу. Приобретая здесь недвижимость, я как бы становлюсь в ряд с эмигрантами, а я лишь работаю по контракту.

– Который несомненно продлят, – вставила Неля.

– Да, многие из наших обрастают здесь собственностью, и контракты продлевают охотно. Но не вечно же будет у нас на родине этот беспредел!

– Не вечно! Не вечно! – заверила Неля.

Московская гостья пробыла у Садовской недолго. Поджимала скупая смета, ограничивая валютные расходы.

В последний день вся киногруппа умчалась в Вашингтон делать покупки, чтобы вернуться домой «не с пустыми руками», как объяснили они.

Неля никуда не поехала, а провела этот день в лаборатории Садовской, наблюдая за ее работой.

Неля держала в руках подопытных кроликов, поглаживая гладкую шерстку и ощущая биение маленьких сердец во имя здоровья людей.

Провожали Нелю в аэропорту и профессор Снайс, и профессор Садовская.

Самолет «Аэрофлота» показался Неле кусочком родины, а русский язык многих пассажиров заставил Елизавету Сергеевну грустно улыбаться.

– Вы не забыли Мишиного письма? – заботливо спросила она. Неля заверила, что доставит его адресату. – Он работал у Николая Андреевича. Академик поможет его найти.

В Москве Неля через сурового старика академика разыскала Мишиного отца.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
В указанном ей продовольственном магазине трое грузчиков пристроились за грудой картонных коробок распить бутылочку.

По сравнению с двумя дюжими парнями со спущенными на лоб невымытыми челками третий – очкарик с испитым лицом выглядел щуплым.

Все трое недовольно уставились на решительно подошедшую к ним женщину.

– Я привезла вам письмо из Америки, – сказала она.

– Что? От американского президента? Или от государственного секретаря? А может, от сбежавшей туда тещи? Так я с нею, продавшей за тридцать сребреников, никаких дел иметь не желаю! Верно, ребята?

– Как есть! – хором ответили собутыльники.

– Профессор Садовская завершает работу, выдвигаемую там на Нобелевскую премию. А письмо вам от сына.

– Фу-ты ну-ты! Ножки гнуты! Нобелевская премия! Плевать мне на нее! Верно, ребята?

– Ого-го! – отозвались те.

Неля положила письмо с надписью печатными буквами «Папе» и, гадливо отвернувшись, зашагала прочь.

– Мне милостыни не надо! – услышала она за спиной хриплый голос очкарика. – Подайте милостыню ей! Бывшей теще моей! В долларах!

– Милостыня нужна не кому-нибудь, а русской науке! – говорила разгневанная Неля своему другу писателю Званцеву.

– Кому-то выгодно лишить ученых помощи на родине. – ответил он ей. – Вот и торгуют наши Менделеевы и Чебышевы сосисками или кофе на морозе, а наши политики громко вздыхают об утечке мозгов, которых, на беду, сами лишены. Успокаивают, прикрываясь цифрами, дескать, из 110 тысяч ученых уехали только 2300. Не «только», а ужасающе много: лучших умов – две тысячи триста! – с горечью закончил он.

Неля попросила Званцева повторить эти слова перед видеокамерой, чтобы включить их в свою кинокартину...

Новелла шестая. Сон президента

Идей незрелых не внедрить,
Народ не сделав жалким нищим.
Тому ль реформы проводить,
Кто для себя лишь блага ищет.
Нострадамус. Центурии, IX, 66
Перевод Наза Веца

Генерал, начальник охраны президента и особо доверенное его лицо, был ночью поднят по тревоге.

Выскочив на балкон в одних трусах, как спал по-спартански, он увидел неопознанный летающий объект. Такие наблюдались и в Бельгии, и в Самаре над военным городком, и во многих других местах. НЛО висел прямо над резиденцией президента, над домом напротив балкона генеральской квартиры.

Треугольная форма объекта угадывалась в отсвете трех направленных вниз прожекторных лучей, странно похожих на утолщенные посередине колонны. Лучи будто распространялись по кривым линиям. На этих «световых ногах» как бы стояла неведомая кабина.

Прямо «Марсианский тренажник» из романа Уэллса «Борьба миров».

«Борьба миров»! – мысль об этом пронзила мозг генерала, и он, продрогший на холоде, вернулся в комнату и сорвал трубку телефона особой связи.

– Все спишь, генерал? – кричал в аппарат командующему ВВС. – Вскакивай по боевой тревоге! Поднимай свои истребители! Над резиденцией президента завис

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
НЛО... черт его знает, чего хочет! Сбивай его к той матери!.. Запрещено?!..
Ты что! Разжалованным в охранники захотел быть? Расстреляю!.. – срываясь на хрип, орал генерал. – Президента спасай!

Грозь так, генерал продолжал стоять, озябший, на сквозняке, забыв закрыть дверь на балкон.

Слыша отдаваемую на улице команду, он стал торопливо надевать свой генеральский мундир. Вынул из под подушки личный пистолет, снял со стены висевший на ковре армейский автомат и, прыгая через ступеньку, спустился по лестнице в подъезд.

Дежурный офицер, разбудивший его, поднял взвод охраны и выстроил его перед подъездом.

Генерал зычно скомандовал:

– «Иглы» в воздух! Давай первую!.. Сбить эту чертовню!

У солдат за плечами были самонаводящиеся противовоздушные ракеты.

И тотчас первая из них взвилась в воздух и помчалась на НЛО, рассчитанная на привлечение источником тепла, каким была любая самодвижущаяся в воздухе цель. Но, не долетев до треугольника, она плавно отвернула в сторону, пройдя мимо зловещего НЛО.

А тот продолжал парить над президентским домом.

Ракеты одна за другой взвивались в воздух, и всех их постигла та же участь. Они не могли преодолеть загадочную защиту и пролетели мимо цели.

Генерал переглянулся с дежурным офицером.

– Ну, ничего, сейчас наши «ястребки» прилетят. Тебе не поздоровится, треножник чертов! – горячился генерал.

А президент крепко спал.

Но виделся ему кошмар. Стоял будто перед ним некий старец в серебристом одеянии до пят.

– Кто такой? Кто пустил? – возмутился во сне президент.

– Я историк из вашего будущего, Наза Вец. Изучаю ваш исторический период. Публикую новеллы о событиях, предсказанных Нострадамусом, от его средневековья до вашего времени. Хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Вам что, дня мало?

– Днем вы отгорожены, как китайской стеной, своей кремлевской. К вам даже собственные министры пробиться не могут. Кроме того, наш исследовательский зонд из неомира, на котором я нахожусь над вашим домом, днем мог бы вызвать излишнее внимание и даже переполох. Поэтому я предпочел побеседовать с вами в вашем сне. Вы видите перед собой внушенное вам телепатически мое изображение.

Поднятые по тревоге летчики, на ходу оправляя амуницию, бежали по летному полю военного аэродрома к своим истребителям МИГ-29, которым по маневренности нет равных в мире.

Пока летчики садились в свои машины, НЛО, неудачно обстрелянный «иглами», продолжал дерзко висеть над домом президента, а тот видел во сне старца из будущего, которое якобы находится рядом, только в другом измерении, отлично понимая, что этого не может быть и привидится такая чепуха разве что во сне.

Но беседа была как бы настоящей и о самых больных местах нынешнего времени, о чем этот «историк» был странно осведомлен, спрашивая прежде всего о реформах:

– Вы считаете их своевременными?

– Всегда был за их ускорение. С Горбачевым из-за этого ссорился. У него старики академики топтались на месте, а у меня молодежь двинула дело.

– Подняла с вашей помощью цены на все продукты, не создав условий для конкуренции и саморегулирования рыночных цен.

– Советники заверяли меня, что цены поднимутся раза в два, в три. Я сам удивился, зайдя в магазин и увидев цену на колбасу не три с полтиной, а сто рублей!..

– А теперь уже и двадцать тысяч за килограмм.

– Да, следствие неотвратимой инфляции, борьбе с которой мы стремились уделить все внимание. Президент спохватился, что вроде оправдывается перед незнакомцем, никакого права не имеющим его допрашивать. Но на то ведь и кошмар!

А старец продолжал тихо, спокойно, незлобиво:

– Возросшие цены и инфляция обесценили банковские вклады ваших граждан, и ваши попытки возместить им потери, вернув тройной вклад, послужили им, потерявшим в тысячу раз больше, слабым утешением.

– Что делать! Москва не сразу строилась. Мы вроде всей страной через горный перевал идем, чтобы оказаться в цветущей долине иных общественных отношений.

– Капитализма?

– Россия страна особенная. У нас будет иной строй, но основанный на праве личной собственности. Работающие станут акционерами.

– Вы, конечно, знаете, что крупные зарубежные компании, вроде «Дженерал моторс», «Форд», «Сони» имеют заводы в разных странах и отнюдь не намереваются отдавать свою собственность работающим по найму.

– У нас будет по-другому. Мы стремимся скорее передать государственную собственность в частные руки.

– По какой стоимости? Не по ничтожной ли остаточной? И эти новые собственники способны управлять предприятиями? Вкладывать средства для перехода на новые технологии?

– Там, где против этого протестуют, например в Москве, я позволил искать иные методы приватизации, чтобы не было «прихватизации».

– Нет лучшего советника, чем совесть, – произнес старец.

Президент облегченно вздохнул во сне. Значит, никакого старца из будущего нет. Он говорит с собственной совестью!..

Трассирующие пули протягивали световой пунктир от МИГов к загадочному треугольнику, но, не достигнув его, прямые линии изгибались и уходили в сторону.

Ведущий сделал вывод, что так просто треугольник не возьмешь, и решил идти на таран, как его знаменитые предшественники во время Великой Отечественной войны. Он готов был пожертвовать жизнью ради выполнения боевого задания по спасению президента.

Но на своей сверхзвуковой скорости МИГ-29 пронесся через пустое место, где только что находился НЛО и от которого теперь откуда-то сверху тянулись к земле световые лучи. Треугольник успел подпрыгнуть раньше, чем летящий с жуткой скоростью истребитель врежется в него.

Прославленный ас, командир лучшего звена истребителей, решился на рискованный маневр, круто взял вверх и полетел в обратном направлении уже вверх шасси. Ремни от сиденья натянулись на его комбинезоне, он готовился к удару, но опять пролетел мимо уже над упавшим на меньшую высоту НЛО. Как кошка с мышкой играл зловредный нарушитель с нападавшим на него

Все четверо ведомых, не задумываясь, пошли на тот же маневр, какой сделал командир, притом каждый на чуть иной высоте, чтобы взять объект в смертельную сеть.

Но маневренность инопланетного зонда была непостижимой. Он легко увертывался от нападавших на него со всех сторон машин, все время меняя высоту, иной раз поднимаясь очень высоко, но продолжая упираться своими тремя световыми лучами в дом президента.

При этом фигура старца, стоявшего перед спящим президентом, становилась то менее, то более яркой, словно выходила из фокуса, но голос его звучал по-прежнему ясно и спокойно. И он говорил и говорил страшные обличительные вещи, которые президент и без него знал. Разве неведомо ему падение производства, останавливающиеся один за другим заводы? Разве не было бы это катастрофой для той области, где он прежде был первым секретарем обкома? Разве не бил бы он тогда в набат, круша все перед собой, разгоняя нерадивых и отбирая партбилеты? Теперь же он выслушивал, что эта катастрофа распространилась на всю страну, которую он возглавлял, за которую отвечал. Перед кем? Перед этим призраком в серебристом одеянии? Или перед собственной совестью, или перед народом, который его избрал? Народ еще раз подтверждал доверие к нему, и это дало ему моральное право защитить свою власть и реформы перед восставшим парламентом. Старец говорил о суде истории, он якобы сам был историком из будущего. Или это все родилось в мозгу президента? Да, он знает, что решился на залп танков по Белому дому, откуда неслись призывы к его смещению. Если бы он этого не сделал, началась бы гражданская война!

Президент давно проснулся, а будто продолжалась его беседа со странным старцем. Кошмар продолжался наяву. И уже без старца.

«Напрасно думают, – говорил сам себе президент, расхаживая в пижаме, – что меня отгораживают от всего, что будто я ничего не знаю. Ничего нового мне старец из будущего не скажет, помимо того, что говорят жена с дочерью. Да, не удачно развешивается внедрение нового, не привык наш народ к западной цивилизации. «В России особая статья» – так, кажется, сказал какой-то поэт. Ее, дескать, «аршином не измерить», в нее надо «просто верить». Хорошо сказать – верить, когда преступники проникают всюду, даже в комиссию по борьбе с преступностью, в Думу, в Совет Федерации, хоть снова пали в них из танков. Но все беды артиллерийским огнем не перебить! А отступать назад нельзя, не потому, что невозможно применить элементы плановой экономики, как это сделал Рузвельт для того, чтобы вывести Америку из страшного кризиса 1929 года. Он, американский президент, решился на это. А российский, всенародно дважды избранный? Так ведь это окружение сковывает его по рукам и ногам. Опять же Запад! Там воспримут все как отказ от реформ, потребуют продолжения, каких бы трудностей это ни вызвало. И придется продолжать. На митингах решают сместить президента, переизбрать досрочно. Так разве этого допустят все окружающие теперешнего? Да они больше смерти боятся, что он уйдет, как иной раз, ой, как хочется. Как подумаешь, как подсчитаешь, что обещает нам Запад заем в шесть миллиардов долларов, а вывозят наши коммерсанты за год на тот же Запад, где у них в банках личные счета, – десять миллиардов. Ввести строгий запрет, монополию внешней торговли, по крайней мере на валютные переводы, чтобы не дрались нефтяники – кому больше из страны нефти вывезти, так опять завизжат, что это отступление от реформ. Вот и выходит, что реформы надо провозглашать, как счастье народа, хотя ежу понятно, что без науки, на которую денег нет, через двадцать лет страна пропадет. Да и нефтяные скважины замрут без реконструкции. Знаю это, почтенный старец с того света, знаю! И еще знаю, что коммерческие банки, которых расплодилось, как грибов в лесу после дождика, эти банки, через которые ведутся все расчеты, намеренно задерживают перечисления, иной раз не на один месяц, а за это время можно повернуть эти висячие средства и получить немалую прибыль неведомо в чей карман. Все это даже незрячему видно. Так ведь не уничтожишь эти банки, хоть и говорят, что у него рука тяжелая. Смахнуть бы все эти нагромождения, придушить эту «прихватизацию», национализировать выкупленные за бесценно заводы и хороших директоров поставить под партийный контроль... Ну пусть не под партийный, – спохватился президент, в котором проснулся былой секретарь обкома, – выжать бы из промышленности все, что дать может, а налоги на прибыль резко снизить, и вышли бы из положения, так ведь пути демократии и рыночной экономики не просто стреноживают, как коней на лугу, а к бревну

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
эшафота привязывают накрепко...»

Когда явился генерал охраны и доложил, что над домом президента ночью висел опасный НЛО, световые лучи пускал, и спросил, не случилось ли чего ночью, президент ответил:

– Ничего не случилось.

– Но докладываю, – генерал назвал президента по имени без отчества, – наши охранники с «иглами» и истребители командующего ВВС отогнали, а потом заставили исчезнуть эту чертовню.

– То есть как это исчезнуть? – поинтересовался президент.

– Так и исчез, будто растворился в воздухе, или в другое измерение перешел.

– Какое еще там другое измерение? Чувь это! А вот нагадить успел.

– Кто? Где?

– Да про сон я. Привиделась невесть какая чепуха. О серьезном как будто речь шла, а тут нелепица какая-то. Что такое сон, генерал?

– Да вроде, говорят, подсознание работает.

– Вот именно – подсознание! Покоя не дает, о чем днем не успеваешь подумать, так оно ночью тревожит, как совесть. И на прощание о Конституции заговорил, о стрельбе по парламенту. Они все горазды это вспоминать, а о предотвращенной гражданской войне не заикаются. Ну, я ляпнул в ответ, по-деревенски, как у нас говорили: «Что? Конституция? Так, прости, тут-ка я!»

– Французский король, не помню номера, говорил: «Государство – это я!» Верно говорил. И не во сне!

– Ну а у меня – во сне! И обо всех бедах наших, сам знаешь о каких, опять же во сне со своей совестью беседовал. Вот так. Можешь быть свободен. А хочешь, позавтракай с нами.

Сон президента закончился, но беды остались... И надвигались беды новые, еще более страшные – война в Чечне, которой президент не хотел, но которую развязал под давлением "силовых советников", жаждущих славы и уверявших, что война всегда спланивала даже недовольных, отвлекая от более мелких невзгод.

И подавление «бандитских» отрядов полыхнуло полномасштабной войной, конца которой не было видно, несмотря на победные реляции. И появились руины вместо цветущего города, и сотни тысяч страдающих беженцев, не говоря уже о тысячах гробов и несчетных захоронений на чеченской земле...

Президент подводил итог своего президентства, срок полномочий его заканчивался. При нем (или благодаря ему) развалился Советский Союз, вспыхнули междоусобные национальные войны, где россиянам приходилось быть посредниками и миротворцами. Налаживались ценой политических и экономических уступок отношения с западным миром, провозглашено было окончание «холодной войны», начали уничтожать вчера еще изготовленное оружие, в том числе ядерное... Но эта война в Чечне все перевернула, западные страны отвернулись от его страны, обвиняя его армию в античеловеческих преступлениях. И за старания своих генералов ответ нес он, их главнокомандующий. «Холодный мир», которым он сам пригрозил на одном из международных форумов, превращался в «горячий мир», который был не лучше «холодной войны». Не было вокруг его страны дружеского кольца социалистических стран, противостоящих противоположному блоку, границы которого ныне вплотную приблизились к российским. Вместо победоносной Красной Армии, разгромившей нацистскую Германию, армия, которой он считался главнокомандующим, оказалась неподготовленной, слабой, скомпрометированной по сравнению с ее маленьким мужественным противником, повторившим феномен финской войны, когда великому Советскому Союзу ценой огромных потерь и усилий удалось сломить финское сопротивление. Если Великая Отечественная война сплотила все народы Советского Союза, то чеченская война позволила президенту сопредельного с Чечней государства сравнивать бесчеловечное переселение чеченского народа, проведенное по приказу Сталина, без убийств

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org и разрушений, с тем, что произошло в Чечне теперь. Все это с горечью понимал президент на исходе своего правления.

Что делать теперь, когда истекают полномочия? Послушаться нашептываний и поступить подобно Наполеону III, который даже не отсрочил свои перевыборы, как президента Франции, а просто отменил их. Стал императором, бесславно процарствовав несколько десятилетий. Могилой секретаря обкома Коммунистической партии, приказавший снести дом Ипатьева, где убита была царская семья, поступить подобно маленькому Наполеону? Но народ? Народ, который когда-то поверил ему. Все меняется в борьбе, насыщающей жизнь. Как кончится борьба президента с собственной совестью?

Но новеллы о предсказаниях Нострадамуса президент стал читать, отыскивая в них ответы на мучившие его вопросы, силясь понять, почему произошло крушение Нигдеи?

Новелла седьмая. Кара

Без года двухтысячный год.
Страшней нет кометы паденья.
В огне и воде весь народ.
Двух рыцарей вижу в тот день я.
Нострадамус. Центурии, III, 5; X. 72.
Перевод Наза Веца

Мрачен был хмурый простор могучего океана. Черные тучи вздымались на горизонте и будто гнали оттуда гигантские валы с обваливающимися вперед пенными гребнями, предвестниками надвигающегося шторма. В этой бушующей стихии огромный авианосец казался маленьким корабликом, борющимся с наступающей на него бешеной силой волн, разбивающихся о его борт.

На его пустынной взлетной палубе, откуда спешно улетели все самолеты, стояли два президентских лайнера, ожидающие окончания тайной встречи глав России и Америки, лица которых здесь довелось увидеть только одному адмиралу.

Он же, провожая после продолжавшегося около часа совещания президентов двух сверхдержав, видел, как шли они рядом по палубе, потом, улыбаясь, пожали друг другу руки и направились к своим самолетам. Советников при этой встрече не было. Никто не знал, о чем был разговор среди океана.

Ветер усиливался, волны становились круче. Шторм надвигался.

В тот же день вечером из Московского Кремля после встречи с президентом России вернулась в Звездный городок генерал-космонавт Лариса Лордкипанидзе, которую все космонавты ласково называли наша Лора Лор. Она ведала всеми космическими полетами и, по прибытии из Москвы, сразу же вызвала двух особо заслуженных звездолетчиков: Владимира Ильина и американку Лину Армст, готовящуюся здесь к предстоящему русско-американскому полету, а ранее участницу лунной экспедиции, вместе с Ильиным.

Строгая, подтянутая, но все-таки по-женски элегантная даже в генеральской форме, с огненной сидящей головой Лора Лор подняла глаза на вошедших и встала из-за стола к ним навстречу.

– Присаживайтесь, – после приветствия кивнула она на кресла. – Разговор у нас будет серьезный, как и дело, которое хочу поручить вам.

– Мы готовы! – дружно ответили звездолетчики.

Лора Лор молча окинула их изучающим взглядом.

Владимир Ильин, коренастый, курчавый крепыш, со скуластым и всегда улыбающимся лицом, и Лина Армст, на вид изящная, даже хрупкая, но обладающая непреклонным характером. Оба они связаны крепкой дружбой, зародившейся еще на Луне...

– Марс? – не выдержав, прервал молчание Ильин.

– Ближе, но важнее, – все еще поддерживая неизвестность и подчеркивая этим важность задачи, строго ответила Лора Лор. Звездолетчики окаменели от напряжения.

Почувствовав их полное внимание и готовность выслушать и понять задачу, Лора Лор начала:

– Ровно десять лет назад, в 1989 году, наша планета едва не столкнулась с крупным астероидом, разминувшись с ним в общей точке на планетной орбите всего на шесть часов...

Она пристально посмотрела на замерших слушателей.

– Ныне светящаяся около Юпитера звездочка – комета Кара, как установили астрономы, движется по опасной для Земли орбите. Возможно, а скорее всего неизбежно ее столкновение с нашей планетой... Правительства России и США, стран, имеющих наибольший потенциал ракетной техники и ядерных боеголовок, уже на секретном совещании решили послать навстречу Каре совместную космическую экспедицию на межпланетном корабле с грузом ядерных боеголовок. Это задание поручается вам двоим, никто об этом не должен знать.

– Необходимо взорвать комету?! – спросила Лина.

Лора Лор покачала головой:

– Не хватит и сотни всех ядерных запасов планеты. Задача ваша будет иной: доставить на ядро кометы контейнеры с боеголовками, взорвать их с большого расстояния и сбить комету с орбиты, предотвратив столкновение ее с Землей.

– Это что-то вроде космического поединка! – увлеченно воскликнула Лина Армст, возбужденная доверием ей такого сверхважного дела.

– Никто на планете, кроме тех, кто посылает вас, не должен знать истинной цели вашей экспедиции. Для всех остальных на Земле – вы вывозите боеголовки в космос, подальше от планеты, освобождая ее таким образом от накопившегося ядерного оружия, а дополнительно экспедиции поручено изучение ядра кометы Кара, взятие проб и так далее, как у кометы Галлея. Нельзя допустить всепланетной паники, бегства с возможного места падения тела, неразберихи и жуткого ожидания столкновения и последствий его, в конечном счете ведущих к гибели человечества.

Лора Лор замолчала, молчали и звездолетчики. Всех троих вдруг охватил ужас от сознания приближающейся возможной гибели человечества. Они остро почувствовали всю ту ответственность за жизнь всех людей на Земле, которая была возложена на них.

Глядя на людей, идущих на тайный подвиг, Лора Лор, прервав это тяжелое молчание, начала читать свой сонет «Звездный человек»:

Вело его вдаль не отчаянье!
Не гордость, не жалость, не страх,
Не собственной выгоды чаянье,
Не слава в грядущих веках.
Вела его светлая заповедь:
Служить не себе, а другим.
И как не взойдет солнце с запада,
Так долг для него нерушим!
Нет подвига выше безвестного.
Из Вечности Времени бег.
В тумане исчезнет без вести он,
Загадочный тот ЧЕЛОВЕК.
Ты встретишь его не везде.
Быть может, живет он в тебе!
Сосредоточенные выходили космонавты от генерала.

На улице молчали, а проходя мимо детской площадки остановились. Малыши рыли в песке пещеры, другие, визжа, взлетали на качелях...

– Помнишь, Нострадамус в одном из своих катренов писал о гибели людей в конце двадцатого века? Что-то там было еще про рыцарей: «Два рыцаря в бой во спасенье... Словно про нас?»

– Бой этот еще надо выиграть, – задумчиво ответил Ильин.

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
– Я с детства восхищалась рыцарями, мечтала быть одним из них. Делала себе латы из фольги...

– Теперь носишь космические доспехи, – пошутил Ильин. Но Лина, глядя на детишек, серьезно сказала:

– И станем рыцарями, пусть в космических, но доспехах.

– Каждый из нас должен стать «Звездным человеком». Помнишь, как там в Лорином сонете? – спросил Ильин.

– «Нет подвига выше безвестного!»

– Когда-то я побывал на берегу Черного моря у могилы лейтенанта Ильина, героя турецкой войны. На его памятнике восстановили давнюю надпись:

В НАЗИДАНИЕ ПОТОМКАМ.

– Он твой родственник?

– Я его потомок! Эта надпись направляла мою жизнь... И я рад, что такое дело нам поручили.

– Я тоже!

И они расстались, чтобы через некоторое время встретиться для выполнения дела, порученного им от имени людей Земли.

На следующий день Лина Армст вылетела в Соединенные Штаты, где ей предстояло контролировать создание секретного «сверхчелнока»: переделку орбитального челнока в ядерный контейнер, со стыковочными узлами спереди и сзади, чтобы состыковать на орбите с кораблем два контейнера с боеголовками.

Работники космического центра были удивлены спешкой при подготовке полета и изменением количества членов экспедиции. Вместо семи человек команды летело только двое. Остряки посмеивались:

– Эта парочка летала вместе на Луну, а, судя по запасу топлива возвратного корабля, лететь им долго, не меньше пяти лет. За это время пятеро малышей дополнят команду до нормы.

Лина Армст, как о ней говорили, просто «зверствовала». Настойчиво торопила, но и браковала нещадно даже по мелочам.

В то же время Ильин был на заводе, где выпускали грузовые космические корабли для обслуживания орбитальных станций.

Руководство завода не знало цели полета очередного космического транспортного корабля. Ильин выбрал наиболее заверченный. Именно этот корабль должен будет служить «ядерным контейнером».

Ядерные боеголовки с предосторожностями доставлялись на загрузку, как все думали для освобождения Земли от ядерного оружия,

стыковочный узел переделывали, чтобы грузовой корабль мог состыковаться с американским космолетом.

Ильин, как и Лина, замучил технический персонал завода своими «придирами выше всякой меры». Он вникал во все мелочи, добивался безотказной работы узлов и приборов. Трудно было скрыть необычность полета от опытных инженеров, которых сразу удивили повышенные требования надежности. Тщетно пытались они понять цель полета, задавая свои вопросы Ильину. Он улыбался в ответ:

– Все знают, когда автоматический аппарат облетал Марс, то сделал фотографию горы, формы которой напоминают лицо прекрасной женщины. К сожалению, различить можно только половину лица размером в полтора километра, другая же половина была в тени. С помощью компьютерной техники дополнили незаснятые части лица...

– И что же?

– Ни дать ни взять, Нефертити! Египетская красавица!

– И вы полетите к ней?

– Раскопки на Марсе будем делать. Там и пирамида выше Хеопсовой. Атмосферу-то Марс терял постепенно, и прежде там цвела высокая цивилизация. Может, оттуда, с Марса, наши земные корни! – балагурил Ильин.

– Вы что там, в космосе, целый космический поезд сцеплять будете? – спрашивали Лину, указывая на стыковочные устройства контейнера.

Лина, отмахиваясь от вопросов, торопилась осматривать взлетную полосу для новых космолетов. Там ее и застал курьер, передав ей экстренный вызов к генеральному прокурору страны.

Она не знала, что весь предыдущий день генерального прокурора был занят совещанием с высшими чинами Пентагона.

Лина немедленно вылетела на военном самолете в Вашингтон и утром следующего дня уже входила в кабинет прокурора.

Там, кроме генерального прокурора, невысокого лысого франта с усами, находился еще скромный седой старик, лицо которого показалось Лине знакомым. Оба не поднялись при ее появлении.

– Мисс Лина Армст, если не ошибаюсь? – обратился к ней генеральный прокурор, пряча в ящик стола какие-то бумаги.

– Вы не ошиблись, сэр. Ведь именно к этому часу мне надлежало, бросив важные дела, явиться в ваш кабинет.

– Не думаете ли вы, что мы потревожили вас по менее важному поводу? – спросил, хмуря брови, прокурор.

– Именно так я и думаю, – вызывающе глядя на него, ответила Лина.

– Ого! Мы показываем зубки... Можете сесть. Не думайте, что перед вами не джентльмены, – примирительно сказал генеральный прокурор.

– Я только отвечаю на вопрос: правду, одну правду, ничего, кроме правды, сэр.

– Вот как? Тогда так же правдиво ответьте, известна ли вам цель вашего полета?

– Да, сэр, – коротко ответила Лина.

– Кто будет руководить вами?

– Президенты России и США.

– Кто еще входит в состав экипажа?

– Российский космонавт Владимир Ильин.

Немного помолчав, генеральный прокурор сказал:

– Вам поручено вывести на орбиту ядерные боеголовки. Что дальше бы должны сделать с грузом?

– Взорвать его в космосе, – уклончиво ответила Лина Армст.

– Правильно ли я вас понял?! Вы должны уничтожить все стратегические запасы вооружения США? – воскликнул генеральный прокурор.

– Только то, что, по мнению президента, подлежит уничтожению... – сказала Лина.

– Президента, но не сената! – перебил ее генеральный прокурор.

– Этого я не знаю, сэр...

– Вы пытаетесь убедить меня, что принимаете участие в заговоре, не зная его целей?

Лина подняла на него негодующие глаза:

– Я ни с кем не состою ни в каком заговоре...

– Но вы не станете отрицать, что своими действиями вы совершаете диверсию против США? – снова перебил ее генеральный прокурор.

В первую секунду, услышав такие обвинения в свой адрес, Лина Армст возмутилась, но, сделав над собой усилие, спокойно ответила:

– Уничтожение определенного количества ядерных боеголовок, принадлежащих России и США, не является диверсией против каких-либо стран. Это всего лишь выполнение совместного решения американского и российского президентов.

– Значит, вы обвиняете президента США в намерении обезоружить и тем ослабить свою страну! – воскликнул генеральный прокурор. – Это тяжкое обвинение, мисс, за которое придется отвечать, и я вынужден подписать ордер на ваш арест.

– Вы не сделаете этого противозаконного акта, – потеряв самообладание, вскрикнула Лина.

– За выполнением законов слежу я...

– Но вы грубо нарушаете его, – взволнованно настаивала Лина.

Генеральный прокурор недоуменно посмотрел на Лину Армст. Она сидела напротив него в рабочем комбинезоне, в котором была на взлетном поле космодрома.

– В чем же вы усматриваете мое беззаконие? – с высокомерной насмешкой спросил прокурор.

– В намеке на причастность президента к какому-то заговору, попирая при этом презумпцию невиновности, известную даже начинающему юристу. Дальше: огульное обвинение меня в участии в этом выдуманном заговоре, наконец, в проведении допроса без предупреждения об этом и в отсутствии моего адвоката, который немедленно доведет до сведения президента все здесь происходящее, а его честь, уважаемый член Верховного Суда Америки, я думаю, разъяснит вам сейчас мою правоту, – Лина повернулась в сторону молчавшего до сих пор седого, просто одетого человека.

Помолчав секунду, тот четко произнес:

– Допрашиваемый, предупрежденный, что его ответы могут быть использованы против него, имеет право отвечать на вопросы в присутствии своего адвоката.

– Благодарю вас, сэр. Видимо, даже генеральный прокурор страны иногда нуждается в уроках законоведения, – иронично заметила Лина.

– Это уже слишком! – вскипел маленький лысый человек, вскакивая с места. Усы его топорщились, как вздыбленная шерсть.

Глядя ему прямо в глаза, Лина сказала:

– Советую вам не срывать графика порученных мне работ. Президенту это наверняка не понравится, а назначение и смещение генерального прокурора в его компетенции.

– С утверждения сената, – крикнул взбешенный прокурор.

– Но до конца сенатских каникул отстранить вас от должности он может без его ведома.

– Может, – подтвердил член Верховного Суда. Генеральный прокурор вытирал платком вспотевшую лысину:

- Довольно! Я не намерен выслушивать ваши оскорбления!
- Уверяю вас, сэр, со взлетной полосы космодрома вы бы их не услышали.
- Вон! Сейчас же вон отсюда, грубиянка! – взорвался прокурор.
- Я полагаю контрольный магнитофон вашего кабинета был, как предполагается, включен и записал всю нашу беседу? Президенту легко будет разобраться в нашем диалоге, – сухо заметила Лина Армст.
- Какой, к черту, диалог! – потерял над собой власть прокурор. – Я сказал, вон отсюда!

Лина встала, вежливо поклонилась судье и вышла, не оглядываясь.

- Я хочу знать, кто из нас генеральный прокурор, кто выше по рангу? – завопил тот ей вслед.

Лина Армст обернулась:

- Генеральный прокурор – вы, сэр. А я – налогоплательщица, у которой вы состоите на службе. Прошу прощения, – и она вышла.

Вечером того же дня ее вызвал к себе в Белый дом сам президент Америки.

Он был поражен, когда вместо привычного ему образа, сложившегося по несметным портретам отважной звездолетчицы, к нему в овальный кабинет вошла изящная, элегантно одетая в вечернее платье до пят, с обнаженной шеей, украшенной брильянтами, «красавица высшего света».

- Простите, сэр, – сказала она, – но вы вызвали меня вечером, и я постаралась достойно выглядеть, впрочем, не привычно. Вы уж простите.
 - Это вы простите меня, милая мисс Лина, что я отвлек вас от важнейшего для всех дела. Но член Верховного Суда сообщил о вашей встрече с генераль... простите, с бывшим генеральным прокурором...
 - Как это оперативно и прекрасно! – воскликнула Лина Армст.
 - Я получил истинное наслаждение, послушав магнитофонную запись.
 - Это дает вам знак, сэр, что не все ваши приближенные содействуют вам, впрочем, может быть, не понимая ваших замыслов.
 - И хорошо, что не понимают. Разболтают, и тогда – пожар, паника, разврат, отчаяние, убийства и самоубийства... Подумать страшно!
 - Ваши слова заставляют торопиться.
 - А вы... Крепкий орешек! Если бы он успел засадить вас за решетку, вы перегрызли бы стальные прутья, – улыбнулся президент.
 - Мне кажется, сэр, я действовала не зубами, а только языком.
 - Он у вас острее, мой друг, чем зубы ягуара или аллигатора.
 - Я способна стать хоть крокодилем, уверяю вас, сэр.
 - Тогда перегрызите горло... – он понизил голос и прошептал, – этой проклятой комете!
- Лина Армст улыбнулась.
- Буду стараться! – бодро ответила она.
 - Я думаю, что генерал Лордкипанидзе сделала правильный выбор, остановившись на вас. А ваш спутник, этот Владимир Ильин? Вы надеетесь на него?
 - Нет, сэр, не надеюсь.

- Как так? – изумился президент.
- Надеяться нет надобности, когда есть уверенность, – твердо сказано Лина.
- Ах так! Тогда желаю вам обоим успеха, – пожал ей руку президент.
- И всему миру, сэр! – закончила Лина, откланиваясь.

Владимир Ильин, проследив за отправкой на околопланетную орбиту подготовленного им контейнера с грузом, получив накануне документы на выезд и визу для въезда в США, направился в аэропорт. Он успел к отлету авиалайнера и радовался, что удалось сэкономить хоть несколько часов, за которые комета успела приблизиться к планете. Лина встречала Владя в американском аэропорту и, дружески похлопав по плечу, повела к своему спортивному автомобилю.

Небо затянулось темным пологом. Дождь перешел в ливень.

Молнии злыми зигзагами прорезали воздух, ослепительной сетью преграждая машине путь. Гром походил на канонаду бьющих им вслед орудий.

- Сколько в небе союзников у этой злобной кары! – пошутил Владь.

Лина рассмеялась и прибавила скорость. Машина походила на скутер, мчащийся по реке, в которую превратилось вспухшее от воды шоссе. В лобовое стекло струями били фонтаны воды. Наконец, машина вылетела на взлетное поле, сбив заградительный шлагбаум. Суетившиеся около него люди остались далеко позади.

Вскоре Владь вслед за Линой забрался в ее самолет.

Лина надела шлем и услышала голос диспетчера:

- ...запрещаю взлет из-за погодных условий. Немедленно явиться на командный пункт...

– Вас поняла! – ответила Лина и включила двигатели самолета, выводя его на залитую водой взлетную полосу.

Видимости почти никакой не было. Дождь хлестал сплошным занавесом, точно с неба обрушился водопад.

- Борт 4127! Прекратите движение по взлетной полосе!

– Я сожалею, – отозвалась Лина Армст. – Ответственность беру на себя, – и подняла машину в воздух.

Природа словно восстала против дерзких людей, замахнувшихся на одно из величественных небесных тел.

Диспетчер примыкающего к космодрому аэродрома не давал Лине «добро» на посадку, грозившую тяжкими последствиями.

- Какие последствия важнее: для нас с тобой, Владь, или для всей Земли?
- Садись, или давай я посажу.
- Я справлюсь, – заверила Лина.

К остановившемуся в луже самолету бежали работники аэродрома, их обогнала машина «скорой помощи». На ней-то и подъехали звездолетчики к месту старта космолета. Почти одновременно с ними туда прибыл начальник космопорта.

– Старт отменен, – строго известил он, преграждая звездолетчикам путь. – Если вы не погибли в земном полете, то в космосе я отвечаю за вас, судари мои!

Ильин поднес руку к фуражке, отдавая честь, потом вплотную подошел к командиру космопорта и напряженно посмотрел ему прямо в глаза. Генерал вдруг завертел головой, ища что-то вокруг:

– Что такое? Куда вы исчезли? Я объявил вам об отмене старта? Прошу сесть в мою машину, я отвезу вас в космопорт.

Командир космопорта все оглядывался, и было ясно, что звездолетчиков он не видит, хотя все остальные отчетливо видели, как Лина Армст и Владимир Ильин подошли к космолету, стоящему на взлетной полосе и скрылись в нем.

– Что произошло? Почему он не остановил нас? – удивленно спросила Лина Владя, когда они заняли свои места в кабине космолета.

Владимир усмехнулся:

– Он нас потерял... Видишь ли, в древнем Китае когда-то развился иллюзионизм. Бродячие артисты зарабатывали себе на жизнь тем, что пропадали куда-то на глазах зрителей. Особенно преуспевали «янцзы», владевшие искусством исчезновения в совершенстве. Они растворялись в воздухе, хотя при этом оставались на месте... Массовое внушение, или, по-иному говоря, гипноз.

– И ты внушил ему, что нас нет? – засмеялась Лина.

– Зря смеешься! Я с юности увлекался этим искусством, из озорства пробовал подшучивать над друзьями. Сначала ничего не выходило, но однажды получилось, и я здорово напугал родных... Мальчишка!

– Всегда хотела быть мальчишкой!

– Считай, стала... Не то что мальчишкам, мужикам не дотянуться, – сказал Ильин, включая приборы.

Лина набирала на клавиатуре компьютера код системы за пуска.

– Осуществим, наконец, давнюю идею Циолковского и, летя вокруг Земли по спирали, выйдем на орбиту, где нас ждет топливный контейнер для дозаправки. Не важно, чья идея. Главное – дело общее, – говорил Владя, пристегиваясь ремнями.

Лина улыбнулась ему:

– Машину-то втайне от вас готовили. А летим вместе. Через несколько секунд космолет начал разгон по взлетной полосе.

Гроза все более усиливалась. Одна из молний ударила в покрытие взлетной полосы, но космолет уже огибал Землю по спирали, набирая высоту, чтобы через некоторое время с околоземной орбиты выйти в межзвездное пространство.

Лина Армст передала президенту США сообщение, что его распоряжение, как главнокомандующего всеми наземными и космическими силами страны, выполнено и совместная русско-американская космическая экспедиция началась.

В ответ президент послал космонавтам приветствие, а Центр космических полетов пожелал Лине Армст и Владю Ильину успеха, гарантировал свою помощь и выразил сожаление о недоразумении с обычными задержками вылета космических кораблей из-за непогоды.

Лина Армст, передав управление Владю, вежливо ответила:

– Благодарим за напутствие. Рады, что избежали задержки, которая для целей экспедиции была бы губительной.

Космолет с каждым витком спирали вокруг Земли поднимался все выше и выше.

В отличие от прежних «челноков», которыми как бы выстреливали могучей ракетой в небо, где она отделялась, космолет выходил на околоземную орбиту самостоятельно. Активированное топливо в ждущем космолет контейнере предстояло использовать для заправки и при выходе в космос, и при возвращении. Активация увеличивала энергоемкость топлива за счет энергии квантов вакуума, состоящего из слипшихся частиц вещества и антивещества. Таким способом, как замыслил отец космонавтики Константин Циолковский, осуществлялся полет в межпланетное пространство и возвращение обратно.

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
Приземляться космолет должен был в атмосфере снова по спирали, используя тормозные дюзы и трение о воздух. Для этого нужно было подойти к Земле с запада, чтобы уменьшить свою скорость за счет вращения планеты.

Пока же космонавтам предстояла филигранная работа на орбите: состыковаться не только с топливным контейнером и заправиться, но и составить космический поезд из космолета и двух ждущих его на орбите ядерных контейнеров.

По мере перехода на все более высокую орбиту вокруг Земли, она выглядела сначала гигантской чашей с неимоверно поднятыми краями, потом эти края закружились, и чаша превратилась в часть исполинской сферы.

Косматое солнце в короне из колеблющихся языков пламени торопливо всходило с одной стороны округлого горизонта и, пронесясь по звездному небу, окружающему корабль, исчезало за другим краем, как бы накидывая покрывало на часть планеты по дуге терминатора – границы света и тени.

Тяжелым делом было даже для таких опытных космонавтов, как Лина и Владь, справиться со всеми тремя стыковками, особенно при формировании космического поезда из космолета и сцепленных с ним по ходу движения русских и американских ядерных контейнеров. Словно локомотив, корабль осторожно толкал перед собой готовые взорваться «вагоны».

Стыковочное устройство у космолета было в носовой части, и передний контейнер заслонял пилоту видимость. Пришлось выходить на нужную орбиту навстречу комете с помощью земного космического центра.

Президент США по-прежнему поддерживал прямую связь с Линой.

– Линни! – слышался в кабине его хриловатым голос. – Ты мне, как дочь. Зови меня просто дядя Биг.

– Все в порядке, дядя Биг. Наши автоматические предшественники исследовали состав кометы Галлея, веками пугавшей людей своим появлением. А мы познакомимся с хвостом своей Кары.

– Ну и как он выглядит вблизи, ее хвост или шлейф?

– Из-за того что смотрим на нее не сбоку, он кажется куцым хвостиком, как у зайчика.

– А у нас комета красит небо, пересекая его своим королевским шлейфом. Не зайчик, а ягуар с телом анаконды.

Из американского космического центра, следящего за своим космолетом, сообщили о местонахождении корабля и помогли вывести его на прямую линию, соединяющую летящую комету Кару с Землей и Солнцем.

– Все хлопчут о нас, – усмехнулся Владь.

– А я так волнуюсь перед операцией!..

– Ее следует провести артистически, а подлинные артисты всегда волнуются перед выступлением.

– А публики-то у нас нет! – улыбнулась Лина.

– На Земле, не ожидая, будут ждать, – сострил Владь.

Скорость космолета убавили настолько, что комета медленно проплыла мимо. Ядро ее оказалось величиной с океанский остров, уходящий вниз на километровую глубину, не уступая в размере крупной горе. Ударившись о землю, она могла бы натворить бед, вызвав и землетрясения, и наводнения, разбудила бы вулканы, даже изменила бы климат, принесла неисчислимые жертвы.

Пропустив кометное ядро, космонавты вошли в ее газообразный, очень разреженный хвост, совершенно неощутимый, и, двигаясь в нем, стали догонять ушедшее к месту встречи с Земли ядро.

Теперь предстояла самая трудная часть их операции: совершить мягкую посадку без толчка, могущего вызвать ядерный взрыв контейнеров. Взрывать их около

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
ядра бесполезно. Из-за отсутствия воздуха оно не ощутило бы толчка.

Владь принял решение садиться на ядро всем космическим поездом одновременно. Для уверенности он облетел «космический остров», отметил горы, впадины, долины. И только одно плоскогорье показалось удобным для задуманной посадки.

– Не все ли равно, где сесть. Отдача от взрыва в любую сторону собьет кометное ядро с пути, и оно пройдет мимо нашей планеты, – вслух рассуждала Лина.

– Ты права, – согласился Владь. – Но еще лучше, если Кара выйдет из плоскости эклиптики, где движутся все планеты нашей системы.

Лина передала президенту:

– Решили сесть на ядро Кары, оставить здесь контейнеры, чтоб не гуляли в космосе. Сейчас сравняем нашу скорость со скоростью Кары и плавно сядем.

– Если ты, Линни, так сядешь на космический остров, то станешь его королевой и получишь наше дипломатическое признание, – шутливо отозвался президент. – Или можете считать себя чрезвычайными послами США и России на Каре. Успеха вам!

Меж тем операция посадки была отнюдь не шуточной. Но артистические руки Лины Армст совершили для обычных планетных условий, казалось бы, невозможное. Космолет и контейнеры впереди него зависли над поверхностью космического острова и плавно опустились, сели или, вернее сказать, «легли» на него.

Чтобы расцепиться с оставляемыми здесь контейнерами, пришлось выйти наружу, где атмосфера отсутствовала. Какие бы ни были над ядром газы, они превращались в его шлейф, светящийся отраженным солнечным светом и под его давлением растянувшийся на многие тысячи километров за ядром, однако не теряя с ним гравитационной связи.

Лина оглядела дикий каменный ландшафт с поразительно близким горизонтом и сказала:

– Совсем как наш будущий остров в Тихом океане! Правда?

– Неплохо было бы там так же легко передвигаться, что ни шаг, то рекордный прыжок.

– Легкость там будет внутри нас, – заверила Лина. – И еще пальмы будут, и океанские волны, заливающие пляж... Мы будем купаться... без купальников... Никого, кроме нас!..

Лина и Владь отцепили контейнеры от космолета. Чтобы «пятиться», надо было выпустить шасси, а для этого приподнять на домкрате космолет. Владь легко одолел облегченную тяжесть корабля, а вошедшая в кабину Лина выпустила шасси. Теперь стало возможным движение по ядру кометы. Владь взялся выполнить маневр на Каре. Нужно было сначала попятиться, а потом с помощью тормозных боковых дюз развернуться, чтобы не задеть контейнеры.

Впереди виднелся обрыв в пропасть, край его и служил близким горизонтом. Контейнеры «побежали» назад, и через мгновение космолет сорвался в провал, заканчивающий плоскогорье, и оказался в открытом космосе.

Теперь предстояло обогнать ядро в направлении солнца и уйти на безопасное расстояние, чтобы произвести взрыв.

Нажимала кнопку взрывного устройства Лина, когда отставшее ядро кометы превратилось в светлый ореол с темной сердцевинкой.

Феерическое зрелище потрясло посланцев Земли. На их глазах один за другим из ядра планеты, причем в разных направлениях, бесшумно взвились (звуки не передавались в безвоздушном пространстве) два (почему-то два!) фонтана, сразу заигравших в лучах солнца.

Объяснить запоздание второго взрыва космонавты не могли. Тем более

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org
неожиданным оказалось то, что первый взрыв повернул ядро кометы так, что выброшенные вторым взрывом камни с добавочной скоростью понеслись вслед за космолетом.

Но как бы то ни было, каждый из взрывов сбивал комету с ее опасной для Земли орбиты, даже переводя в другую плоскость или тормозя ее движение, с тем же эффектом.

Камни не просто стремились обрушиться на космолет, который прибавлял скорость, чтобы уйти от неожиданных преследователей. Они сталкивались между собой, и более мелкие осколки ускоряли свое движение. И один из них все же ударил космолет, и так для космонавтов неудачно, что перебил подачу топлива к замолкшим сразу двигателям. Разумеется, исправить это в пути было невозможно!

Увидев, что показывают приборы, Лина в отчаянии крикнула Владю:

– Все кончено! Кара карает нас! Мы без двигателей! Превратились в небесное тело, которое летит без управления вместе с роем метеоритов.

– Мы летим, – спокойно возразил Ильин, – по бывшей орбите кометы, а она должна была встретиться с Землей... Так что мы следуем домой. Наш «метеорит» крылатый. А такому пилоту, как ты, ничего не стоит спланировать по Циолковскому, тормозя о воздух атмосферы, и приземлиться на каком-нибудь престижном аэродроме. Годится?

– Ты железный! – улыбаясь сквозь слезы, проговорила Лина.

– Тебе тоже надо постараться быть такой... Мне не нравятся наши космические соседи. Еще одно столкновение, и возможна разгерметизация... Давай-ка облачимся в скафандры.

– И правда! Это наши доспехи, – грустно сказала Лина.

Едва звездолетчики надели скафандры, как почувствовали очередной толчок, а затем еще один.

– Что-то в космосе стало тесно, – пошутила успокоенная надеждой Лина. – Гости стучатся к нам в дверь.

– Рано стучаться, свадебный стол еще не накрыт, – в тон ей ответил Владь.

Они оба старались шуткой поддержать друг друга. Только это и оставалось в их безнадежном положении.

Лина серьезно занялась попыткой выйти на прямую эфирную связь с президентом Америки. И скоро ей это удалось.

– Дядя Биг! – радостно вскрикнула она. И, немного успокоившись, продолжила:

– Докладываю. Комета сбита с орбиты. Столкновения с Землей не произойдет. Но теперь мы, потеряв управление, несемся вместо нее навстречу Земле. Вокруг нас обломки кометы. Боюсь, что мы влетим в земную атмосферу вместе со звездным дождем.

– Девочка моя и твой отважный напарник! Нет слов, чтобы выразить вам благодарность спасенных людей Земли. Опасность устранена! Теперь все человечество узнает о вашей экспедиции! Но вам нужна помощь! Ваше положение опасно! Нельзя ли вам перейти на орбитальную станцию?

Лина передала Владю послание президента.

– Такой возможности нет! – отрезал Ильин.

И снова встретились два президента России и Америки. Только теперь об этом знал весь спасенный мир. В космосе был совершен небывалый подвиг русско-американской экспедицией. Обе страны пожертвовали всем своим ядерным оружием, чтобы спасти Землю. Во всех уголках планеты, у всех людей на Земле на устах были имена отважных звездолетчиков-героев, всех беспокоила их судьба. Весь мир замер в ожидании...

Звезда Нострадамуса. Дилогия романов-гипотез filosoff.org
Прямая связь с кораблем действовала. Но послать спасательный космолет оказалось невозможным...

И вот, предотвращенный «конец света», ознаменовался появлением в земном небе феерического зрелища звездного дождя. Взоры людей были прикованы к нему. Ведь среди падающих звезд был космолет Лины Армст и Владимира Ильина.

Кометные осколки, попавшие в атмосферу Земли, так перегрелись, что превратились в летящие факелы.

Они, сталкиваясь с космолетом, повредили ему крылья, сделав невозможным планирование. Корпус корабля так накалился, что люди внутри его изжарились бы, если бы их не спасала обшивка корабля и космические доспехи. Рассчитанные на защиту от абсолютного холода, они спасали их от жары. Лина, все время следя за показаниями приборов и рассматривая изображение земного шара на экране компьютера, сказала:

– Придется катапультироваться, пока не поздно! А то попадем в океан, откуда нас не вызволят.

Лора Лор после встречи глав России и США на том же авианосце в океане вылетела вместе с американским президентом в Вашингтон.

Находясь вечером в резиденции президента, они, выйдя на балкон, увидели это феноменальное зрелище падающих звезд. Осколки кометы пылающими факелами всей своей тяжестью обрушились на улицы города. Это уже не было красивым фейерверком, а больше походило на чудовищную бомбардировку. Под ударами горящих космических камней рушились здания... Все было как во время землетрясения. Пылали пожары, от ударов вздрагивала земля.

Перепуганные люди выбегали на улицы, держа детей на руках.

Лора и президент вместе с другими людьми выбежали в сад, окружающий Белый дом. Сюда уже через завалы на улицах пробились пожарные машины. Огонь освещал цветущие вишни, подаренные одному из президентов США гостившим здесь японским императором.

Навстречу президенту бежал один из помощников.

– Господин президент! – задыхаясь, кричал он. – Получено сообщение... Замечены два парашютиста.

– Вертолет. Немедленно! Вы летите со мной? – обратился президент к Лоре Лор.

– Разумеется, – отозвалась она.

Во время полета на вертолете Лора Лор беспокойно высовывалась из окна кабины, ветер трепал ее сидящие золотые пряди волос. Она видела внизу шоссе, несущиеся по нему санитарные машины, домики, сады, лужайки, дороги, пашни. Там вдаль по полю бегут люди, на обочине дороги стоят полицейские машины, с мигающими на крышах сигналами. Недалеко от них что-то серебрится в траве...

Вертолет резко пошел вниз и приземлился вблизи мигающих машин. Лора Лор вместе с президентом подбежали к столпившимся людям.

Они увидели двух космонавтов в скафандрах. Один из них лежал в траве, другой, стоя на коленях, склонился над ним.

Генерал и президент подошли вплотную.

Стоявший на коленях поднялся, откинул забрало шлема и сказал, указывая на лежащий в примятой траве скафандр.

– Она с детства мечтала о рыцарских доспехах... – голос его прервался, и он вытер неснятой перчаткой сощуренные глаза.

Генерал Лора Лор, отчаянный испытатель новых летательных машин, прославленная своими подвигами в космосе, стояла рядом с президентом гигантской страны и, склонив голову ему на плечо, плакала.

– Она была мне как дочь! – сквозь слезы сказала она.

– Мне тоже, – отозвался президент и спросил: – Как это случилось, Владь?

Ильин показал на лежавший рядом обгорелый парашют.

– Почему не мой!.. – сдавленным голосом горестно выговорил он.

Поодаль стояла толпа прибежавших сюда людей. Не сговариваясь, все они опустили на одно колено, выражая свою скорбь, благодарность и восхищение теми, кто их спас.

В день похорон Лины Армст в назначенный час и минуту по всему миру слились в общем горестном рыданье гудки и сирены. Мужчины и женщины, старики и дети, верующие и неверующие, принадлежащие к разным религиям и народностям, еще вчера враждовавшие между собой, в этот миг разом опустили на одно колено. А кто не мог этого сделать – смотрели в небо, в землю или вдаль, но горевали все!

Так воздавало должное своей спасительнице Лине Армст благодарное человечество накануне начала третьего тысячелетия, когда вся тяжесть славы и ответственности легла на плечи Владя Ильина, потерявшего свою соратницу и любимую, но готового к новым, достойным памяти Лины, свершениям.

Трагедия мира имела свою оборотную сторону. Люди поняли, что, избежав всеобщей гибели, они должны жить не так, как жили до этого. Природа предупредила их!

Генерал Лора Лор еще на травянистом поле, впервые склонившись над распростертыми «рыцарскими доспехами» Лины Армст, не вытирая мокрых щек, сказала:

– Звездный человек, ушедший от нас, и ты, звездный человек, оставшийся с нами! Подвиг ваш не останется безвестным! Пусть будет больше таких звездных людей на Земле! Они изменят мир!

Она повторила эти слова при открытии памятника Лине Армст на космодроме, откуда стартовал их космический корабль.

Прекрасная женщина отводила рукой огромный хвостатый камень. Днем бронза сверкала на солнце, ночью сияла в лучах прожекторов.

Каждый год в один и тот же день приезжал сюда Владь Ильин, читая высеченные на пьедестале памятника по его просьбе слова:

«В НАЗИДАНИЕ ПОТОМКАМ».

А на другой стороне памятника на мраморе выбит катрен Нострадамуса «После конца света»:

Иным станет мир.
Позабудутся войны.
И дружба заменит былую вражду.
И станут все люди друг друга достойны.
Запомни сплотившую всех их беду.
Нострадамус. Центурии, IX.66.
1995

Примечания

1

Шовиньи – автор доктрины «шовинизма», т. е. что французы – сверхчеловеки, которым «всё позволено», а другие нации – быдло, которое нужно покорить, превозносил всё французское, ругал всё, что делалось в других странах. (прим. «авт. док.»)

2

Гильотен – изобретатель гильотины – машины для отрубания головы. Впоследствии изобретение было опробовано на нём же. (прим. «авт. док.»)

Звезда Нострадамуса. Диалогия романов-гипотез filosoff.org

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!